СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ СОИЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ I.

ТИФЛИСЪ.

1868.

OCR: Vasily_Sergeev.livejournal.com

Slav 3419.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
THE GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
Jan. 5, 1926
(8 vol. in 4)

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Предисловіе.

II. Адаты и судопроизводство по нимъ (съ приложеніями), *А. В. Комарова.*

III. Этнографическіе очерки Аргунскаго округа (съ 3-мя рисунками), *А. П. Ипполитова.*

IV. Шамхалы Тарковскіе (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, *П. У.*

б) Казикумухскія (лакскія) народныя сказанія (Нѣсколько словъ о казикумухахъ; сказки, басни, анекдоты и пословицы).

VI. Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова.*

VII. Воспоминанія муталима, *Абдуллы Омаръ-оглы.*

VIII. Горская лѣтопись:

1) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи (съ картою).

2) Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе, *Е. С—ва.*

3) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.

4) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.

5) Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.

6) Изъ горской криминалистики (I. Народная казнь женщины въ сел. Калаки. II. Убійство и казнь женщины въ сел. Оглы).

7) Библіографическая замѣтка.

Предлагаемая публикѣ книга есть первый выпускъ изданія, предпринятаго, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, при Кавказскомъ Горскомъ Управленіи.

Изданіе посвящается всестороннему изслѣдованію быта населенія, по численности своей почти милліоннаго, живущаго при своеобразныхъ и разнороднѣйшихъ условіяхъ мѣстности, и хотя обозначаемаго общимъ именемъ—*горцевъ*, однако весьма разнохарактернаго, разнообычнаго и разноязычнаго. Тутъ представляется множество, такъ сказать, дѣвственнаго матеріала для любознательности, для науки. Но къ этому присоединяется еще новый интересъ, не столько научный, сколько гражданственный, практическій. Горцы, волей-неволей, перерождаются; изъ заклятыхъ враговъ нашихъ они становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому-же, какъ не намъ, пойти къ нимъ на радушную встрѣчу? Для нихъ открывается новый строй понятій и житейскихъ отношеній; для нихъ наступила пора знакомства съ

свѣтлымъ и широкимъ міромъ европейской жизни: но вмѣстѣ съ этимъ и для насъ открылся замкнутый въ себѣ, своеобразный міръ, съ особымъ складомъ домашнихъ и общественныхъ отношеній, который, такъ или иначе, мы должны приблизить къ общему складу нашей жизни, чтобы между нимъ и нами не оставалось разлада. И если на сторонѣ горцевъ лежитъ роковая необходимость знакомства съ нами, то на нашей—нравственная обязанность проникнуть до глубины въ ихъ замкнутый кругъ жизни и узнать положительно, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло, для того чтобъ опредѣлить затѣмъ, какъ удобнѣе, легче и скорѣе помочь нашимъ новымъ согражданамъ выбраться изъ темнаго угла ихъ полудикой жизни и пріобщить ихъ свѣта и простора, открытыхъ для европейской семьи народовъ.

Между тѣмъ, нужно сознаться, что, не смотря на довольно продолжительное время соприкосновеній нашихъ съ горцами, въ русскомъ обществѣ все еще господствуютъ весьма сбивчивыя о нихъ понятія. Главная причина этого, безъ сомнѣнія, лежитъ въ прошломъ, преимущественно военномъ характерѣ этихъ соприкосновеній. — Вслѣдствіе этого ни одна отрасль науки, раскрывающая жизнь народовъ вообще, не разработана по отношенію къ горцамъ въ такой степени, чтобъ на выводы ея можно было вполнѣ полагаться. Раціональное изученіе горскихъ языковъ теперь только совершается и только въ послѣднее время раскрылась вся несостоятельность прежнихъ, весьма поверхностныхъ взглядовъ на этотъ

предметъ знаній; исторія и этнографія, опирающіяся въ своихъ выводахъ главнымъ образомъ на языкознаніе, ждутъ еще своей очереди въ приложеніи къ горцамъ; географія горскихъ земель, представляя значительные пробѣлы, страждетъ неустановившеюся номенклатурой; наконецъ, статистика горскаго населенія только въ послѣдніе годы стала пріобрѣтать довольно близкія къ дѣйствительности данныя. Словомъ, положительныхъ свѣдѣній о горцахъ оказывается въ нашей научной литературѣ весьма немного; но и это немногое до такой степени разбросано и смѣшано съ ложными данными и извѣстіями, что, и перечитавъ все это, едва ли все-таки возможно уяснить себѣ картину дѣйствительнаго положенія горцевъ: она будетъ представляться въ туманѣ прежнихъ, сбивчивыхъ и поверхностныхъ на нихъ взглядовъ.

Во всякомъ случаѣ безспорно то, что нашимъ знаніямъ о горцахъ не достаетъ извѣстной степени спеціализированія, безъ котораго всякое знаніе оказывается шаткимъ, неразработаннымъ. Необходимо заложить, такъ сказать, прочный фундаментъ, на которомъ могло-бы возводиться такое-же прочное зданіе нашего знакомства съ горцами. Такимъ именно фундаментомъ да послужитъ издаваемый нынѣ „Сборникъ,“ предпринятый правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточиваются наиболѣе обширныя и наиболѣе положительныя свѣдѣнія о горцахъ. Свѣдѣнія эти, быть можетъ, недостаточны, быть можетъ, во многомъ ошибочны, но все же совокупность ихъ представляетъ прочную основу для

послѣдующаго изученія горскаго быта. При обладаніи такого рода матеріалами, какіе стекаются въ Горское Управленіе, представляется возможность строгаго выбора свѣдѣній, получаемыхъ всякимъ другимъ, не офиціальнымъ путемъ, и такимъ образомъ является самъ собою тотъ критерій, который можетъ направить задачу изученія горскаго быта къ дѣйствительному ея разрѣшенію, а не держать ее въ застоѣ или же вращать только въ утомительныхъ повтореніяхъ того, что давно уже извѣстно.

Изученіе быта горцевъ представляетъ особый интересъ и значеніе именно въ настоящее время. Переустройство горскаго быта совершается на нашихъ глазахъ; старое въ ихъ жизни понемногу отходитъ, новое нарождается... Съ тѣми понятіями, съ тѣми обычаями, какіе прежде руководили горцами и строили складъ ихъ жизни домашней и общественной,—оставаться, при русскомъ подданствѣ, нельзя: наступила пора волей-неволей во многомъ переиначиться. Надо стать вполнѣ гражданами русской земли, а для этого необходимо примириться съ несеніемъ обязанностей гражданина—жить мирно, платить подати, трудиться, искать образованія. Настоящій „Сборникъ“ надѣется, если не прослѣдить весь этотъ интересный процессъ воспринятія горцами русскаго гражданства, то, по крайней мѣрѣ, дать ключъ къ ясному пониманію этого процесса. Всѣ мѣры правительства по организаціи горскаго населенія на новыхъ началахъ будутъ разъяснены на страницахъ этого изданія, равно какъ здѣсь-же отмѣтится и то, какъ горцы встрѣчали всѣ эти правитель-

ственныя мѣропріятія. Такъ, предлагаемая теперь книга заключаетъ въ себѣ между прочимъ разъясненіе одной изъ важнѣйшихъ реформъ въ быту нѣкоторыхъ горскихъ племенъ — это уничтоженіе рабства, взлелѣяннаго въ горахъ въ оригинальныхъ формахъ и въ довольно-широкихъ размѣрахъ. Эта реформа почти уже закончена, и теперь только въ одномъ углѣ Кавказскихъ горъ существуетъ еще крѣпостная зависимость, — это въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани); но и тамъ ужъ скоро ея не станетъ. Въ „Сборникѣ“ послѣдуетъ точно такое-же разъясненіе и другихъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ устройству и гражданскому развитію быта горскихъ племенъ.

Мы не имѣемъ въ виду заняться здѣсь исчисленіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій; но все-же слѣдуетъ указать на существеннѣйшія изъ мѣръ послѣдняго времени, а именно — на опредѣленіе поземельныхъ отношеній, какъ на главнѣйшій залогъ матеріальнаго развитія горцевъ, и—на обложеніе горцевъ податьми, какъ на мѣру, успѣшное выполненіе которой, при всемъ крайнемъ противорѣчіи ея съ коренными воззрѣніями многихъ горскихъ обществъ, нужно считать самымъ лучшимъ фактическимъ выраженіемъ полнаго подчиненія горцевъ русской власти. Почти повсюду существовавшая неопредѣленность правъ на владѣніе землями и происходившія отъ того неурядицы, преимущественно-же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, во время войны, разрушился старый порядокъ землевладѣнія, — обратили на себя особен-

ное вниманіе администраціи, и съ 1863 года послѣдовалъ цѣлый рядъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ по устройству поземельнаго быта горскихъ племенъ. Мѣры эти главнымъ образомъ относятся до Сѣвернаго Кавказа, гдѣ всего болѣе ощущалась потребность въ возможно-скорѣйшемъ приведеніи въ точную извѣстность земель и въ распредѣленіи ихъ въ надѣлъ населенію. Съ сущностью и значеніемъ этихъ мѣръ мы надѣемся познакомить читателя особою статьею въ слѣдующей книгѣ „Сборника“. — Повсемѣстное введеніе податей состоялось втеченіи 1865-го и 66-го годовъ, — и вслѣдствіе благоразумія принятыхъ ближайшею мѣстною администраціею подготовительныхъ мѣръ, совершилось, за исключеніемъ одного только частнаго и неважнаго случая, безъ особыхъ недоразумѣній, не говоря уже о явномъ сопротивленіи.

Наконецъ, сдѣлаемъ еще намекъ на одну изъ мѣръ, которая—при надлежащемъ направленіи и поддержкѣ—должна имѣть большое значеніе въ умственной жизни горцевъ; мы разумѣемъ дѣло распространенія между ними грамотности на туземныхъ языкахъ *).

Вообще, нѣтъ недостатка въ правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ на благопріятный для горцевъ

*) Въ виду существованія совершенно-противорѣчивыхъ взглядовъ на это важное дѣло, считаемъ необходимымъ представить на страницахъ «Сборника» подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ настоятельность, раціональность и практичность распространенія между горцами грамотности на ихъ родныхъ языкахъ,—какъ такой мѣры, которая послужитъ для горцевъ посредствующимъ звеномъ при воспринятіи ими началъ русской цивилизаціи. До того же времени, просимъ обратить вниманіе на «Послѣднія свѣдѣнія о трудахъ ген.-м. П. К. Услара», помѣщенныя въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, кн. VII, а также отчасти на «Библіографическую замѣтку», помѣщенную въ этой же книгѣ «Сборника».

исходъ настоящаго ихъ положенія. Но какъ сами горцы относится ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ? Обнаруживаютъ-ли они какіе-либо признаки того, что съ ихъ стороны есть искреннее стремленіе къ воспринятію началъ русскаго гражданства?

Послѣ окончательнаго умиротворенія Кавказа прошло еще такъ немного времени, что отвѣчать рѣшительно на эти вопросы было-бы излишней поспѣшностью. Тѣмъ не менѣе однако, можно сказать съ увѣренностію, что замѣчаются весьма явные симптомы возрожденія горцевъ для новой жизни, и было-бы къ нимъ большою несправедливостью, если-бъ кто утверждалъ, что въ этомъ отношеніи они — безнадежны. Довольно сказать, что горцы живутъ смирно; что они платятъ подати; что они годъ отъ году все лучше устраиваются и домами, и хозяйствомъ, и дорогами; что они все болѣе начинаютъ промышлять и торговать; что они охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ школы; что они выносятъ довольно бодро такія тяжолыя реформы, какъ уничтоженіе рабства.... Безъ сомнѣнія, тяготѣніе къ старому, а за невозможностью воскресить его, тяготѣніе къ выселенію въ Турцію, все еще замѣчается. Но въ какія-нибудь пять-десять лѣтъ не перерождалось еще ни одно племя. Нужны многіе годы, нуженъ продолжительный и порою горькій опытъ. Усиливающаяся время отъ времени эпидемія переселенія въ Турцію, мы надѣемся, излечится между прочимъ самими-же переселенцами, которые толпами начинаютъ бѣжать обратно, съ мольбами — селить ихъ гдѣ угодно и какъ угодно....

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить надежду, что если нашему „Сборнику“ суждено некратковременное существованіе, то на страницы его занесется много фактовъ, которые очевиднымъ образомъ докажутъ способность горцевъ сдѣлаться достойными настоящихъ попеченій о нихъ правительства.

3 декабря 1868 г.
Тифлисъ.

АДАТЫ

И СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО НИМЪ

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СТАТИСТИКИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).

Составилъ А. В. Комаровъ.

Настоящая статья составлена мною для порученнаго мнѣ статистическаго описанія Дагестанской области, которое, по грамадности работы и по другимъ обстоятельствамъ, не можетъ быть скоро вполнѣ окончено.

Матеріалами для статьи послужили: 1) Сборники адатовъ, представленные окружными начальниками въ 1865 и 1866 годахъ. Изъ числа этихъ сборниковъ, по полнотѣ и ясности изложенія, особаго вниманія заслуживаютъ сборники Даргинскаго округа и бывшихъ владѣнія Тарковскаго, ханства Мехтулинскаго и При-Сулакскаго наибства. 2) Дѣла канцеляріи начальника Дагестанской области и штаба командующаго въ ней войсками и 3) свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ, во время поѣздокъ по краю, частною перепискою и распросами лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Авт.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Происхожденіе въ Дагестанѣ суда по шаріату и адату. Различіе ихъ. Порядокъ суда по адату, существовавшій въ прежнее время. Разнообразіе адатовъ. Значеніе суда по адату. Устройство окружныхъ и народнаго суда въ области.

Глава II. Искъ, доказательства, свидѣтели, обвиненіе по подозрѣнію. Присяга. Наказанія, опредѣленныя по адату.

Глава III. Убійство, кровомщеніе, покушеніе и увѣчья.

Глава IV. Число убійствъ и покушеній, случившихся между жителями Дагестанской области съ 1-го января 1861 по 1-е января 1868 года. Отношеніе числа убійствъ и покушеній къ числу жителей по округамъ. Причины убійствъ и покушеній. Кровомщеніе. Мѣры, принятыя къ прекращенію его.

Глава V. Адаты по брачнымъ дѣламъ. Увозъ женщинъ. Прелюбодѣяніе. Развратъ. Насиліе. Мужеложство и скотоложство.

Глава VI. Воровство, грабежъ, поджоги, умышленная порча чужаго имущества. Потравы. Число дѣлъ, рѣшенныхъ въ судахъ, за 8 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Вѣдомости о числѣ убійствъ и покушеній, по годамъ и округамъ, за 7 лѣтъ.

2) Примѣчанія и объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ статьѣ объ адатахъ.

3) Постановленія Кайтахскаго Уцмія Рустемъ-хана, написанныя въ XII вѣкѣ по Р. Хр. (переводъ съ арабскаго).

I.

Происхожденіе въ Дагестанѣ суда по шаріату и адату. Различіе ихъ. Порядокъ суда по адату, существовавшій въ прежнее время. Разнообразіе адатовъ. Значеніе суда по адату. Устройство окружныхъ и народнаго суда въ области.

Въ VIII вѣкѣ аравитяне, появившись въ Дагестанѣ и утвердившись въ Дербентѣ, начали проповѣдывать новую религію, которая хотя и быстро распространилась между дагестанскими племенами, тѣмъ не менѣе не была ими принята во всей ея полнотѣ. Не смотря на жестокій фанатизмъ аравитянъ, нетерпѣвшихъ никакого противорѣчія корану, весь Дагестанъ сохранилъ судъ по адатамъ *), т. е. обычаямъ, существовавшимъ еще до прихода аравитянъ въ Дагестанъ. Но какъ съ принятіемъ магометанства явились о многомъ новыя понятія и новыя отношенія въ союзѣ семейномъ, для которыхъ старые адаты оказались уже несостоятельными, то судопроизводство по необходимости распалось на судъ по шаріату и на судъ по адату.

По шаріату стали рѣшать всѣ дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства **) и нѣкоторыхъ гражданскихъ исковъ.

Дѣла же уголовныя, по нарушенію права собственности, общественныхъ постановленій и т. п., продолжали рѣшаться по прежнимъ адатамъ, къ которымъ прибавились и адаты, опредѣляющіе

---

*) Примѣчаніе I.

**) За исключеніемъ дѣлъ по наслѣдству между потомками владѣтельныхъ фамилій, рѣшаемыхъ по особымъ адатамъ. Этому же придерживаются еще въ нѣкоторыхъ кумыкскихъ селеніяхъ и остальныя сословія.

наказанія за нѣкоторыя преступленія и поступки противу правилъ религіи.

Средину между судомъ по адату и шаріяту заняло рѣшеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ по маслагату, т. е. мировою сдѣлкою, при пособіи посредниковъ, избранныхъ тяжущимися.

Главными причинами сохраненія суда по адатамъ были слѣдующія: 1) слишкомъ строгія наказанія, опредѣляемыя кораномъ, даже за преступленія, считавшіяся, по понятіямъ дагестанцевъ, маловажными (какъ напр.: воровство, скотоложство и т. п.), не могли нравиться народу, съ искони привыкшему къ полнѣйшему безначалію; по этому для приведенія въ исполненіе этихъ наказаній нужна была сильная власть, которой въ вольныхъ обществахъ Дагестана никогда и не было. Въ тѣхъ же частяхъ края, гдѣ аравитяне поставили правителей *), сохраненіе адата было выгодно для самихъ правителей, которые, не имѣя въ началѣ достаточной силы и средствъ къ уничтоженію суда по адату, впослѣдствіи сами нашли въ немъ поддержку и упроченіе своей власти. Штрафы, взыскиваемые съ виновныхъ при рѣшеніи дѣлъ по адату, составляли для нихъ немаловажный источникъ дохода, и возможность установить новые адаты и рѣшать по нимъ многія дѣла, не стѣсняясь постановленіями корана, давали имъ могущественное средство — упрочивать свою власть и ослаблять вліяніе на народъ духовенства, по духу мусульманства всегда враждебнаго свѣтской власти.—2) Изученіе корана, и вообще мусульманскаго законовѣдѣнія, довольно запутаннаго, представляло, даже для людей исключительно посвятившихъ себя этому, непреодолимыя затрудненія; тогда какъ примѣненіе адата не требовало особыхъ познаній, и всякое дѣло, на которое нѣтъ прямаго рѣшенія въ шаріятѣ, легко кончается по адату, большинствомъ голосовъ; рѣшеніе это — скорое и для всѣхъ понятное—служитъ руководствомъ въ рѣшеніи подобныхъ же дѣлъ и на будущее время.

До какой степени судъ по адату соотвѣтствуетъ духу и потребностямъ народа, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить

*) Примѣчаніе XIV.

Vasily_Sergeev.livejournal.com

неудавшееся стремленіе Шейхъ-Мансура *), Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Шамиля замѣнить его вполнѣ судомъ по шаріяту. Не смотря на то, что Шамиль самъ, по необходимости, допустилъ нѣкоторыя измѣненія въ шаріятѣ, съ цѣлью облегчить для народа тяжесть его постановленій, настойчиво и энергически, въ теченіи 27-ми лѣтъ, стремился къ уничтоженію суда по адатамъ, жестоко, большею частью смертію, наказывая сопротивлявшихся его намѣреніямъ, однако онъ не достигъ цѣли **).

По взятіи Шамиля въ плѣнъ, все населеніе Дагестана немедленно возстановило у себя разборъ дѣлъ по адату, избравъ въ каждомъ селеніи лицъ, къ обязанности которыхъ относится разборъ дѣлъ по адату, и отъ шамилевскаго шаріята осталось только одно воспоминаніе въ названіи времени его власти *временемъ шаріята*, для отличія отъ прежняго времени, называемаго *временемъ адата* („батлиль замана"—по аварски).

Судъ по адату производился въ каждомъ селеніи особыми лицами, называемыми по кумыкски *картами* ***). Карты выбирались по большинству голосовъ преимущественно изъ вліятельныхъ въ селеніи фамилій (тохумовъ) ****), пользовавшихся иногда этимъ правомъ наслѣдственно; въ другихъ селеніяхъ они избирались по одному изъ каждаго тохума. Срокъ, на который избира-

---

*) Въ прокламаціи Шейхъ-Мансура, посланной къ народамъ Дагестана съ Востока на Западъ, между прочимъ, сказано: „тотъ, кто рѣшаетъ дѣла по адату, дѣлается нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ Бога, или какъ будто равняется ему въ рѣшеніи дѣлъ, тогда какъ никто не можетъ сравняться съ Богомъ; кто же воображаетъ, что онъ какъ будто бы равняется ему, тотъ—невѣрный. Да сохранитъ насъ Богъ отъ того, чтобы мы ошибались въ рѣшеніяхъ, которыя назначены Богомъ, и да сохранитъ насъ отъ того, чтобы мы говорили что есть то, чего нѣтъ въ книгахъ Божіихъ". Подобный же взглядъ на значеніе адата имѣли и другіе проповѣдники шаріята.

**) Когда Шамиль утвердился въ Аваріи и началъ преслѣдовать сторонниковъ адата, одинъ аварецъ, имѣвшій сборникъ адатовъ, по которымъ производился судъ во времена Омаръ-хана, опасаясь держать его дома и предвидя въ немъ надобность, спряталъ его въ дупло дерева. Когда же Шамиль былъ взятъ въ плѣнъ, хозяинъ сборника вынулъ его изъ дупла и передалъ въ свое селеніе, для руководства при разборѣ дѣлъ, заслуживъ общую благодарность за свою предусмотрительность.

***) Примѣчаніе IX.

****) Примѣчаніе XVIII.

лись карты, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ былъ опредѣленный, не менѣе года, въ другихъ они могли быть смѣняемы во всякое время *). Кромѣ разбора дѣлъ на нихъ возлагалось также главное наблюденіе за порядкомъ въ селеніяхъ и на принадлежащихъ къ нимъ земляхъ. Карты за свою службу получали извѣстную часть изъ штрафныхъ денегъ и пользовались нѣкоторыми льготами отъ общества. Разборъ дѣлъ и жалобъ производился не иначе какъ на улицѣ или площади **); только въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ были особые, для этого назначенные, дома. Каждое утро карты обязаны были собираться на обычномъ мѣстѣ, куда шли всѣ имѣвшіе въ нихъ надобность. Разборъ дѣла начинался не иначе какъ по жалобѣ истца, имѣвшаго въ немъ прямой интересъ, выслушивались свидѣтели и отвѣтчики и за тѣмъ карты рѣшали дѣло по большинству голосовъ; рѣшеніе ихъ считалось окончательнымъ и немедленно приводилось въ исполненіе.

Для рѣшенія дѣлъ особой важности, или при явно-неудовлетворительномъ рѣшеніи дѣла картами своего селенія, спорящіе обращались къ картамъ селеній, издавна пріобрѣвшимъ извѣстность своею непогрѣшимостію; такъ напримѣр. жители владѣнія Шамхала Тарковскаго—въ сел. Ерпели или Губденъ; жители Мехтулинскаго ханства—въ сел. Унхли (Оглы); жители При-Сулакскихъ селеній—въ Цоботль (Зубутъ); кайтахцы въ сел. Кяша и Уркарахъ.

Независимо разбора дѣлъ въ селеніяхъ, правители и владѣтели многія дѣла разбирали и рѣшали лично, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда обиженные обращались къ ихъ защитѣ и покровительству, или когда разборъ и рѣшеніе дѣла самимъ владѣтелемъ былъ важенъ для его интересовъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло рѣшалось преимущественно по волѣ, а иногда и прихоти владѣтеля или правителя, не стѣснявшихся ни адатомъ, ни шаріятомъ.

Адаты сохранялись въ памяти картовъ и народа и изустно

*) Наприм.: въ сел. Арчи Казикумукскаго округа карты смѣнялись ежемѣсячно.

**) Преимущественно для этого избиралась площадь около мечети.

передавались изъ рода въ родъ; особые сборники, большею частію отрывочные, писались иногда для памяти нѣкоторыми кадіями и грамотными картами.

Изъ владѣтельныхъ лицъ, обращавшихъ особое вниманіе на адаты, извѣстны: 1) Кайтахскій Уцмій Рустемъ-ханъ, составившій изъ адатовъ и своихъ постановленій особый сборникъ, отданный имъ на храненіе и для руководства кадію сел. Киша. Къ нему обыкновенно обращались всѣ жители Кайтаха за справкой и указаніемъ въ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. По преданію, сборникъ этотъ написанъ за 700 лѣтъ до настоящаго времени *). 2) Кайтахскій же Уцмій Ахметъ—сынъ Уцмія Гасанъ-али, умершаго въ 1588 году, который первый подробно опредѣлилъ права владѣтелей и чанковъ **), принятыя впослѣдствіи во всемъ Дагестанѣ, и 3) Омаръ-ханъ (Умма-ханъ) Аварскій, умершій въ 1082 году, который старался установить единообразные адаты для своихъ владѣній и ввелъ много новыхъ адатовъ.

Съ развитіемъ общественной жизни народа, адаты, разнообразные и въ самомъ началѣ, по необходимости измѣнялись и дополнялись, и какъ многочисленныя владѣнія и общества Дагестана были поставлены въ этомъ отношеніи въ различныя условія, и разборъ дѣлъ, на которыя не было адата, производился въ каждомъ селеніи по разумѣнію картовъ; то слѣдствіемъ этого явилось необыкновенное разнообразіе адатовъ. Почти каждое селеніе имѣетъ свои адаты, чѣмъ нибудь отличающіеся отъ адатовъ сосѣдей; разница эта состоитъ преимущественно въ неодинаковой степени наказанія виновнаго, въ числѣ свидѣтелей, или присягателей по одному и тому-же дѣлу, въ количествѣ штрафа и т. п.

Общій же взглядъ на преступленіе и наказаніе и на способы доказательства виновности, образовавшійся подъ вліяніемъ духа мусульманской религіи, по необходимости, имѣвшаго важное значеніе при измѣненіи старыхъ адатовъ и установленіи новыхъ, — одинъ для всего Дагестана: вездѣ убійство наказывается кровомщеніемъ или примиреніемъ на извѣстныхъ условіяхъ, вездѣ воз-

*) Сборникъ этотъ прилагается къ настоящей статьѣ.

**) Примѣчаніе XIX.

волается безнаказанно убивать вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, грабителя, ближайшую родственницу, замѣченную въ любовной связи; вездѣ раненный лечится на счетъ ранившаго; уличенный воръ возвращаетъ украденное и т. п.

Съ постепеннымъ упроченіемъ русской власти въ Дагестанѣ, въ большей части населенія края, гдѣ ближайшее управленіе народомъ оставалось за прежними владѣтелями и правителями, оставлялся и прежній способъ суда по адату и шаріату; въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ правителей не было и которыя считались покорными, вводилось гражданское управленіе на общихъ законахъ Имперіи, но примѣненное къ основаніямъ, принятымъ для всего Закавказскаго края. Подчиненіе народа нашему законодательству безъ особыхъ затрудненій и неудобствъ совершилось въ 1840 году въ городѣ Дербентѣ и принадлежащемъ къ нему Улусскомъ магалѣ *) только потому, что населеніе ихъ было достаточно къ тому подготовлено какъ прежнимъ вліяніемъ персидскаго правительства, такъ и комендантскимъ управленіемъ, существовавшимъ съ 1806 года и достаточно ознакомившимъ народъ за это время съ русскими установленіями. Въ Кайтахѣ и Табасарани гражданское управленіе хотя и было введено офиціально, также въ 1840 году, но какъ народъ не былъ къ нему подготовленъ, а понятія его о многихъ преступленіяхъ прямо противорѣчили постановленіямъ, которымъ его заставили подчиняться; то слѣдствіемъ этого было то, что каждый убійца, въ случаяхъ дозволенныхъ адатомъ, ожидая наказанія по русскимъ законамъ и считая себя совершенно невиннымъ, удалялся въ вольныя общества, которыя принимали его охотно, какъ гонимаго за правду. Накопленіе бѣглыхъ и недовольныхъ способствовало образованію разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ мирныхъ жителей, тоже имѣвшихъ, въ свою очередь, много причинъ быть недовольными новымъ для нихъ управленіемъ, и въ 1843 году почти все населеніе Кайтаха и Табасарани охотно приняло участіе въ общемъ возстаніи Дагестана. Такой порядокъ привелъ къ тому, что въ 1848 году было упразднено участковое правленіе, учреж-

*) Примѣчаніе XII.

денное въ Нижнемъ Кайтахѣ и управленіе всѣмъ Кайтахомъ было поручено сыну бывшаго уцмія, званіе котораго официально уничтожено въ 1820 году.

Въ первый разъ въ Дагестанѣ судъ по адату былъ допущенъ при устройствѣ управленія Самурскаго округа въ 1839 году. Генералъ Головинъ въ инструкціи, данной окружному начальнику, предписалъ при рѣшеніи дѣлъ не руководствоваться исключительно закономъ, а преимущественно придерживаться народныхъ обычаевъ и понятій. Въ составъ окружнаго управленія для этого были назначены кадіи *) и диванные члены **), по одному отъ каждаго магала, образовавшихъ округъ.

Хотя при подчиненіи Самурскаго округа въ 1840 году дербентскому губернатору, требовавшему отъ окружнаго начальника возможно меньшаго уклоненія отъ общихъ законовъ, рѣшеніе дѣлъ по адату и было нѣсколько стѣснено, тѣмъ не менѣе оно продолжалось и имѣло для округа благодѣтельныя послѣдствія.

Самое же обширное примѣненіе судопроизводство по адату получило при образованіи управленія Дагестанскою областію въ 1860 году. При составленіи проекта положенія объ этомъ управленіи имѣлось въ виду дать народу такой судъ, который, будучи совершенно сообразенъ съ его понятіями и обычаями, давалъ бы возможность постепенно, безъ неудобствъ для народа, перейти современемъ къ рѣшенію всѣхъ дѣлъ на основаніи общихъ законовъ Имперіи и тѣмъ прочно и на всегда утвердить гражданское управленіе. Для этого признано необходимымъ оставить судъ по шаріяту и по адатамъ, во всей его силѣ; при чемъ имѣлось въ виду, что на адаты народъ смотритъ какъ на дѣло ума человѣческаго и безпрепятственно допускаетъ измѣненіе ихъ, если видитъ въ этомъ хотя малѣйшую пользу для себя. Въ положеніи объ управленіи Дагестанскою областію постановлено: „судопроизводство отправляется по адату и шаріяту и по особымъ правиламъ постепенно составляемымъ, на основаніи опыта и развивающейся въ

*) Примѣчаніе VII.
**) Примѣчаніе VI.

нихъ потребности“ (т. е. тотъ-же адатъ, но измѣненный сообразно видамъ правительства).

Для разбора дѣлъ по большинству голосовъ, гласно и словесно, съ веденіемъ только книги для записыванія жалобъ и состоявшихся по нимъ рѣшеній, учреждены въ каждомъ округѣ суды; въ составъ суда входятъ: кадій, для разбора дѣлъ по шаріяту, и депутаты, для рѣшенія дѣлъ по адату; депутаты избираются народомъ, по большинству голосовъ, по одному отъ каждаго наибства, входящаго въ составъ округа. Предсѣдательство въ окружномъ судѣ возложено на начальника округа и въ случаѣ равенства мнѣній депутатовъ (по одному и тому же дѣлу) его голосъ рѣшаетъ дѣло.

Кромѣ окружныхъ судовъ учреждены еще словесные суды при управленіяхъ наибства При-Сулакскаго и ханства Мехтулинскаго *) и Дагестанскій народный судъ, въ составъ котораго назначаются, по выбору командующаго войсками въ области, 3 кадія и 7 депутатовъ изъ числа самыхъ почетныхъ и благонамѣренныхъ жителей области. Въ народный судъ, кромѣ дѣлъ, поступающихъ изъ окружныхъ судовъ по аппеляціямъ, прямо передаются на разсмотрѣніе и заключеніе дѣла особой важности, по назначенію командующаго войсками области **).

Рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ, какъ напр. ссоры, драки (безъ поврежденія), жалобы по потравѣ полей и т. п., предоставлено картамъ, которые, на основаніи существовавшихъ прежде обычаевъ, избираются въ каждомъ селеніи по нѣсколько человѣкъ, смотря по величинѣ селенія, самими жителями, изъ лицъ, извѣстныхъ своею честностью, безукоризненнымъ поведеніемъ и знаніемъ адатовъ. Карты рѣшаютъ дѣла гласно и словесно, въ присутствіи стариковъ селенія; рѣшенія эти не считаются однако окончательными, но повѣряются и утверждаются въ окружныхъ судахъ, если недовольная сторона приноситъ жалобу.

---

*) Упразднены въ 1867 году, по случаю открытія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа.

**) Въ немъ же разбираются жалобы жителей Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа.

Начальникамъ округовъ вмѣнено въ обязанность не приводить въ исполненіе рѣшеній по шаріату и адату, которыя противорѣчатъ общему духу нашихъ законовъ и исключеніямъ, допущеннымъ для магометанъ, или не соотвѣтствуютъ видамъ правительства, а представлять такія дѣла на усмотрѣніе начальства.

Положеніемъ объ управленіи Дагестанскою областію допускается рѣшеніе по адату слѣдующихъ дѣлъ: 1) по убійствамъ и кровомщенію; 2) по покраженіямъ; 3) по ссорамъ, дракамъ и т. п.; 4) по сватовству и увозу женщинъ; 5) по изнасилованію женщинъ; 6) по разврату; 7) по воровству; 8) по грабежу, хотя съ насиліями и угрозами, но такого рода, что не представляется опасности ни для жизни, ни для здоровья ограбленнаго; 9) по поджогамъ и порчамъ чужаго имущества и 10) по поземельнымъ спорамъ, жалобамъ поселянъ на владѣльцевъ, по нарушенію различныхъ общественныхъ постановленій, по потерямъ и находкамъ и т. п.

Дѣла по несогласію между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, по завѣщаніямъ, по спорамъ объ имуществѣ, принадлежащемъ мечетямъ, и т. п. разбираются и рѣшаются по шаріату.

За измѣну, возмущеніе, явное неповиновеніе начальству, разбой и похищеніе казеннаго имущества, жители Дагестанской области предаются суду по военно-уголовнымъ законамъ.

II.

Искъ, доказательства, свидѣтели, обвиненіе по подозрѣнію. Наказанія, опредѣляемыя по адату.

Судъ по адату приступаетъ къ разбору дѣла только тогда, когда принесена жалоба, имѣющимъ на то право, и указанъ отвѣтчикъ. Жалобы и доносы судомъ не принимаются, если приносящій ихъ, при рѣшеніи дѣла, не можетъ получить какого либо

убытка или матеріальнаго вознагражденія; разбираются по доносамъ только такого рода дѣйствія, отъ которыхъ терпитъ все общество, какъ напр., порча мостовъ, дорогъ, общественныхъ земель и т. п. По всякой жалобѣ или иску, предъявленному суду, прежде разбирается дѣло, т. е. производится судебное слѣдствіе, и за тѣмъ постановляется рѣшеніе.

Предъявлять суду жалобу имѣетъ право только обиженный; въ случаяхъ же, когда онъ самъ этого не можетъ сдѣлать, допускаются ближайшіе его родственники, имѣющіе прямой интересъ въ разборѣ жалобы. Повѣренные при разборѣ дѣлъ не допускаются, дозволяется только предъявлять жалобы мужу за жену, отцу или опекуну за малолѣтнихъ дѣтей. Претензіи за куловъ и каравашей *) (рабовъ) можетъ предъявлять только ихъ владѣлецъ.

Искъ бываетъ двухъ родовъ — или прямой съ доказательствами, или по подозрѣнію; въ первомъ случаѣ доказательствами служатъ:

1) Собственное сознаніе, данное безъ принужденія. Собственное сознаніе малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ не считается доказательствомъ.

2) Поличное, которое всегда считается несомнѣннымъ доказательствомъ преступленія; къ поличному, между прочимъ, относятся слѣды на платьѣ, на оружіи и проч.; такъ напримѣръ: обвиняется въ убійствѣ всякій, у кого будетъ найдена какая либо вещь, бывшая на убитомъ; найденное что либо въ домѣ, изъ котораго случилась пропажа, принимается какъ совершенное доказательство того, что воровство совершено владѣльцемъ оставленнаго.

3) Показаніе свидѣтелей, подтвержденное присягой **). Свидѣтелей должно быть не менѣе двухъ (въ Кюринскомъ округѣ, по дѣламъ объ убійствѣ, отъ 4-хъ до 6-ти). совершенно удовлетво-

---

*) Примѣчаніе X.

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свидѣтели присягаютъ съ нѣсколькими человѣками своихъ родственниковъ или односельцевъ, напр. въ Каранайтагѣ, свидѣтель убійства присягаетъ съ 7-ю человѣками.

ряющихъ всѣмъ условіямъ, требующимся для свидѣтельствованія. Ихъ обязанъ представить или указать самъ истецъ.

Свидѣтели требуются къ суду только въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятся въ предѣлахъ, обозначенныхъ адатомъ; напр. въ Дагестанскомъ округѣ свидѣтели, ушедшіе за главный хребетъ или за Андійскія горы, къ суду не требуются и дѣло разбирается безъ спроса ихъ. Свидѣтельскія показанія односельцевъ истца имѣютъ преимущество противъ такихъ же показаній жителя другаго селенія или общества.

Въ большей части Дагестана женщины вовсе не допускаются въ свидѣтели; тамъ же, гдѣ принимается ихъ свидѣтельство,— за нихъ присягаетъ мужъ или братъ. Сами женщины допускаются къ свидѣтельской присягѣ только въ Сиргинскомъ обществѣ, Даргинскаго округа. Въ свидѣтели не допускаются: 1) малолѣтніе, до 7-ми лѣтъ, 2) безумные, 3) сумасшедшіе, 4) родственники истца, имѣющіе интересъ въ разбираемомъ дѣлѣ, 5) имѣющіе какую бы то ни было тяжбу съ отвѣтчикомъ, 6) должники отвѣтчика, пока не заплатятъ долга, 7) имѣющіе кровную вражду къ отвѣтчику, 8) давшіе обѣтъ никогда не присягать и 9) лица, исполняющіе нѣкоторыя общественныя должности *). Впрочемъ, показаніе кадія или карта, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, данное безъ присяги, считается равнымъ двумъ свидѣтельскимъ показаніямъ.

4) Показаніе умирающаго или раненнаго на виновника, подтвержденное присягою и даже безъ нея, считается несомнѣннымъ доказательствомъ преступленія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда есть поводъ сомнѣваться въ этомъ показаніи, отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга.

5) Письменные документы, если подлинность ихъ несомнѣнна, принимаются за совершенное доказательство.

Искъ по подозрѣнію бываетъ, если виновникъ преступленія неизвѣстенъ, или не можетъ быть уличенъ ни однимъ изъ прямыхъ доказательствъ. Подозрѣніе на кого либо судомъ по адату принимается только: по убійству, покаленію, воровству, грабежу, отгону

*) Примѣчаніе XVII.

скота, поджогу, потравамъ и т. п. убыткамъ истца. Въ прелюбодѣяніи, изнасилованіи, развратѣ, мужеложствѣ и скотоложствѣ по подозрѣнію никто обвиняемъ быть не можетъ. Въ этихъ случаяхъ всегда требуется хотя одно свидѣтельское показаніе.

Обиженный, принося жалобу, обязанъ указать, кого онъ подозрѣваетъ, и объяснить причины этого подозрѣнія. При очевидной невинности подозрѣваемаго, искъ не принимается. Не допускается также обвиненіе, по подозрѣнію, ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ убійства, на кадія, картовъ и лицъ, посвятившихъ себя изученію духовныхъ книгъ; правомъ этимъ пользуются и женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Даргинскомъ округѣ).

Единственнымъ средствомъ къ обвиненію подозрѣваемаго служитъ присяга истца, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ и лучшихъ людей въ селеніи, выбранныхъ имъ самимъ и называемыхъ тусевами *), или же очистительная присяга, даваемая отвѣтчикомъ, тоже съ опредѣленнымъ числомъ ближайшихъ, по степени родства, его родственниковъ и домашнихъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ для очистительной присяги допускается назначеніе половиннаго числа присягателей изъ родственниковъ обвиняемаго, по выбору истца.

Выборъ перваго или втораго способа доказательства виновности подозрѣваемаго зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; для нѣкоторыхъ случаевъ адатъ прямо опредѣляетъ, какого рода присяга должна быть дана; въ остальныхъ—предоставляетъ на усмотрѣніе судей назначить присягу истцу или отвѣтчику, но истецъ всегда имѣетъ право отказаться отъ присяги и потребовать очистительную присягу отъ заподозрѣннаго имъ.

Передъ принятіемъ очистительной присяги, заприсягатели обвиняемаго отбираютъ отъ него честное слово въ его невинности или требуютъ присяги, собственно для себя.

Присяга истца и всѣхъ людей, присягающихъ съ нимъ, подтверждающая подозрѣніе, служитъ совершеннымъ доказательствомъ.

---

*) Тусевами вообще называются присягатели, избранные истцомъ или назначенные судомъ.

Если же хотя одинъ изъ присягателей откажется утвердить присягою виновность подозрѣваемаго, то онъ считается оправданнымъ, и для дальнѣйшаго обвиненія его требуются отъ истца положительныя доказательства.

Отказъ подозрѣваемаго въ принятіи очистительной присяги или неподтвержденіе его невинности кѣмъ либо изъ числа присягающихъ съ нимъ считается доказательствомъ его виновности. Въ случаѣ недостатка у подозрѣваемаго полнаго числа родственниковъ, требуемаго адатомъ, ему дозволяется самому присягать столько разъ, сколько человѣкъ недостаетъ.

Обвиненный присягою подвергается взысканію, опредѣленному адатомъ за преступленіе, въ которомъ онъ былъ заподозрѣнъ; но для него дѣлаются возможныя облегченія: такъ, онъ освобождается отъ платежа штрафа, возвращаетъ истцу только стоимость пропавшаго у него и т. п.

Число присягателей, назначаемыхъ для оправданія или обвиненія подозрѣваемаго, до крайности различно, въ предѣлахъ отъ одного до шестидесяти человѣкъ *).

Въ каждомъ обществѣ адатомъ установлено разъ на всегда опредѣленное число присягателей, для случаевъ чаще другихъ встрѣчающихся. Число это зависитъ отъ важности дѣла и отъ стоимости иска. Такъ, самое большее число присягателей, отъ 12—60, назначается только по дѣламъ, ведущимъ за собою кровомщеніе; при разборѣ дѣла по подозрѣнію о нанесеніи ранъ, требуется только половинное число присягателей противу опредѣленнаго для обвиненія въ убійствѣ.

По дѣламъ о воровствѣ, поджогахъ, потравахъ и т. п. число присягателей назначается, смотря по цѣнности украденнаго, отъ 1—12 (въ Цудахарѣ до 40 человѣкъ). При воровствѣ лошади назначается всегда наивысшее число присягателей; при воровствѣ барановъ присягатели назначаются по числу украденныхъ барановъ, но не свыше положеннаго числа вообще по воровству.

Число лицъ, которыхъ можно обвинять послѣдовательно по подозрѣнію, не вездѣ опредѣлено одинаковое; такъ напр., въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ обвиненіе по подозрѣнію въ убій-

*) 60 человѣкъ присягателей назначаются только въ сел. Годоберн и Зиберхули (Андійскаго округа, Технуцальскаго нанбства).

ствѣ допускается на 3-хъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Даргинскаго округа подозрѣніе въ убійствѣ и воровствѣ можетъ быть послѣдовательно возводимо на 7 человѣкъ и только по оправданіи послѣдняго, для дальнѣйшаго обвиненія еще кого либо, уже требуются положительныя доказательства. Въ большей же части края, въ особенности въ дѣлахъ объ убійствѣ, допускается обвинять по подозрѣнію не болѣе одного. Обвиненный по подозрѣнію освобождается отъ взысканія, если откроется дѣйствительно виновный; только въ Сюргинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа) обвиненный разъ въ убійствѣ остается канлы, хотя бы былъ въ послѣдствіи найденъ дѣйствительный убійца.

Кромѣ описанныхъ способовъ доказательства преступленій, общихъ для всего Дагестана, въ нѣкоторыхъ частяхъ края существовали, или существуютъ еще, особые адаты для обвиненія подозрѣваемаго. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ слѣдующіе:

Въ Кара-кайтагѣ, Табасарани и въ селеніяхъ Годобери и Зиберхули, въ случаѣ, если убійца былъ неизвѣстенъ, родственники убитаго, безъ посредства судей, собирались передъ мечетью, называли убійцей кого хотѣли, присягали, и за тѣмъ уже считали себя вправѣ избраннаго ими убить, какъ настоящаго убійцу. Съ устройствомъ окружнаго управленія, адатъ этотъ воспрещенъ.

Въ селеніи Бути *), Андійскаго округа, Технуцальскаго наибства, если убійца неизвѣстенъ, то ближайшій родственникъ убитаго требуетъ къ себѣ подозрѣваемаго имъ въ убійствѣ и если подозрѣваемый явится на это требованіе, то можетъ быть убитъ тутъ же, требовавшимъ его, безнаказанно; но если этого не случится, то онъ освобождается отъ подозрѣнія и оно на другаго уже не допускается. Если же подозрѣваемый не явится къ требовавшему его родственнику убитаго, то признается, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, виновнымъ въ убійствѣ и подвергается кровомщенію по адату. Адатъ этотъ также воспрещенъ.

Въ При-Сулукскомъ наибствѣ, только между карачи-біями **),

*) Жители сел. Бути—Чеченскаго племени; подобнаго адата нигдѣ болѣе въ Дагестанѣ нѣтъ.

**) Карачи-біями называются остатки древней аристократіи, произво-

существуетъ слѣдующій адатъ: если нѣсколько карачи-бiевъ убьютъ кого нибудь и никто изъ нихъ не признаетъ себя виновнымъ, то отъ каждаго требуется очистительная присяга съ 40 родственниками, и если ни одинъ изъ нихъ не будетъ обвиненъ этимъ способомъ, то всѣ признаются убiйцами и подвергаются установленной за убiйство отвѣтственности.

Присяга употребляется двухъ родовъ: 1) *Именемъ Бога* (по шаріяту) и 2) *Хатунъ-Таллахъ* или *Кебинъ-Таллихъ* *), когда присягающій клянется, что если онъ скажетъ неправду, то бракъ его незаконенъ **). Присяга эта употребляется преимущественно въ Сѣверномъ и Южномъ Дагестанѣ, менѣе остальныхъ частей края подвергшихся вліянію мюридизма. Хатунъ-Таллахъ требуется въ дѣлахъ важныхъ ***), и число присягающихъ этимъ способомъ назначается меньше, чѣмъ требуется адатомъ присягателей именемъ Бога на коранѣ; такъ напр. въ Усишинскомъ обществѣ, Даргинскаго округа, подозрѣваемый въ убiйствѣ принимаетъ очистительную присягу, Хатунъ-Таллахъ, только съ 6-ю родственниками, а на коранѣ, по шаріяту, съ 12—40 человѣками, по назначенію родственниковъ убитаго.

Присяга не требуется отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, отъ кадія, картовъ, старшинъ и другихъ лицъ, несущихъ общественныя должности ****). Вообще присяга требуется судомъ во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ другаго средства немедленно узнать истину. Такъ напр., при большомъ денежномъ взыска-

---

дящей свой родъ отъ аварскаго нуцала Сура-Ката, владѣвшаго, по преданію, большею частью Дагестана, не задолго до появленія аравитянъ.

*) По шаріяту присяга допускается только однимъ именемъ Бога: *Валлахи*, *Биллахи*, *Таллахи*. Присяга качествами Бога, кораномъ, святыми мѣстами и проч. не дѣйствительна; поэтому, установленная адатомъ присяга Хатунъ-Таллахъ, во многихъ случаяхъ предпочитаемая первой, явно и совершенно противорѣчитъ основнымъ положеніямъ шаріята.

**) Если у присягателя нѣсколько женъ, то онъ обязанъ предварительно указать, на которую изъ нихъ онъ присягаетъ. Въ случаѣ ложной присяги, жена обязана уйти отъ мужа, получивъ все ей слѣдующее, какъ при добровольномъ разводѣ.

***) Въ Цудахарскомъ и Сюргинскомъ обществахъ женатые во всѣхъ случаяхъ обязаны присягать Хатунъ-Таллахъ.

****) Въ Табасаранѣ не допускаются къ присягѣ сельскіе кузнецы.

ніи отвѣтчикъ присягаетъ, что отдалъ все, что у него было; родственники, обязанные за него платить, тоже присягаютъ по очередно, что заплатили все, что могли. Истецъ присягою утверждаетъ о количествѣ и цѣнности украденнаго у него, если только сознавшійся или уличенный воръ показываетъ, что укралъ меньше. При назначеніи требуемаго числа родственниковъ для очистительной присяги, предварительно, присягой же, требуется подтвержденіе, что у подозрѣваемаго нѣтъ другихъ родственниковъ въ ближайшей степени родства, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ и селеніяхъ, послѣ присяги свидѣтеля, требуется еще присяга нѣсколькихъ человѣкъ его родственниковъ въ томъ, что онъ будетъ показывать правду.

Слишкомъ частое и иногда вовсе ненужное для дѣла требованіе присяги послужило къ упадку ея значенія; явились люди, давшіе обѣтъ никогда не присягать, клятвопреступники и наемные присягатели. Чтобы по возможности уменьшить это зло, адатъ и требуетъ присяги по одному и тому же дѣлу не отъ одного человѣка, а отъ многихъ.

За ложную присягу на коранѣ адатъ налагаетъ въ наказаніе только незначительный штрафъ, и разъ уличенный въ ложной присягѣ не допускается болѣе ни въ свидѣтели, ни въ присягатели.

За всѣ преступленія и поступки адатъ опредѣляетъ слѣдующія наказанія:

1) *Изгнаніе изъ селенія съ предоставленіемъ обиженному и ближайшимъ его родственникамъ права убить безнаказанно изгоняемаго или простить его на извѣстныхъ условіяхъ.* Этотъ видъ наказанія принято называть выходомъ въ канлы *).

Выходъ въ канлы всегда сопровождается опредѣленнымъ взысканіемъ деньгами или имуществомъ въ пользу обиженнаго или его наслѣдниковъ. Наказаніе это въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливается тѣмъ, что виновный изгоняется не одинъ, а съ опредѣлен-

*) Отъ тюркскаго слова *кан*—кровь. Канлы—кровный врагъ. По аварски—*бадулау*, отъ слова бидъ-кровь.

нымъ числомъ ближайшихъ родственниковъ или со всѣмъ семействомъ, живущимъ въ одномъ съ нимъ домѣ.

2) *Изгнаніе изъ селенія на опредѣленный срокъ, но безъ предоставленія обиженному права убить изгоняемаго.* По прошествіи срока, изгнанному вмѣняется въ обязанность, прежде возвращенія домой, примириться съ обиженнымъ имъ и сдѣлать для него и его родственниковъ приличное угощеніе. Кромѣ изгнанія виновный подвергается и денежному взысканію въ пользу обиженнаго.

3) *Взысканіе деньгами или имуществомъ съ виновнаго*, въ пользу обиженнаго, опредѣляется за безчестье, раны, увѣчье и воровство. Размѣръ этого взысканія зависитъ отъ важности дѣла.

4) *Штрафъ*, деньгами или имуществомъ, взыскивается за всѣ безъ исключенія преступленія и поступки, независимо наказанія первыхъ трехъ видовъ. Штрафъ взыскивается при рѣшеніи дѣла въ штрафную, въ общественную сумму селенія, къ которому принадлежитъ виновный или гдѣ имъ сдѣлано преступленіе, и въ пользу картовъ и другихъ членовъ сельскаго управленія. Штрафы, которые въ прежнее время взыскивались въ пользу владѣтелей, правителей и общества, съ устройствомъ окружныхъ судовъ поступаютъ въ штрафную сумму, которая расходуется на общеполезныя надобности, какъ напр. на устройство мостовъ, дорогъ, пособіе школамъ и т. п.

Штрафъ, какъ наказаніе, опредѣляется за нарушеніе общественнаго порядка или постановленій, отъ которыхъ не произошло ни для кого личнаго вреда.

Къ безусловной смертной казни по адату никто не присуждается; но есть случаи, въ которыхъ предоставляется право убивать виновнаго безнаказанно всякому, кто захочетъ и можетъ это сдѣлать. Такъ напр., въ Цудахарскомъ обществѣ, виновный въ воровствѣ изъ мечети, кромѣ уплаты въ 12 разъ болѣе стоимости украденнаго, изгоняется изъ общества и считается кандлы всѣхъ жителей того селенія, гдѣ имъ сдѣлано преступленіе.

Въ Гидатлѣ, за умышленный поджогъ моста, виновный под-

вергается штрафу въ 100 котловъ, изгоняется изъ общества и считается кровнымъ врагомъ всѣхъ и каждаго, какъ убійца.

Въ магалѣ Терекеме, Кайтаго-Табасаранскаго округа, если женщина бѣжитъ отъ мужа и по полученіи развода не захочетъ выйдти за мужъ за того, къ которому бѣжала, считается каплы всему обществу.

У кумыковъ бывшихъ владѣнія Тарковскаго и ханства Мехтулинскаго виновные въ убійствѣ своего бывшаго врага, послѣ примиренія съ нимъ, въ разрытіи могилъ и похищеніи савановъ съ покойниковъ,—могутъ быть убиты каждымъ. За развратъ, отцеубійство, мужеложство и нѣкоторыя другія преступленія, наносящія во мнѣніи народа безчестье для цѣлаго семейства, не только дозволяется, но какъ бы вмѣняется въ обязанность самому ближайшему родственнику убить виновнаго, безъ всякаго суда или разбора дѣла; неисполненіе этого всегда влечетъ за собою укоры, насмѣшки и явное неуваженіе къ неисполнившему своего долга, въ особенности, если виновный не бѣжитъ изъ селенія въ отдаленное мѣсто.

Лишенія членовъ тѣла, наказаній палочными ударами, ареста *) и т. п., такъ щедро опредѣляемыхъ шаріятомъ за всякое преступленіе, адатъ ни въ какомъ случаѣ не присуждаетъ; домашній арестъ употребляется только въ видѣ предохранительной мѣры; такъ напр., родственники убійцы не должны выходить изъ дома до извѣстнаго срока, иначе могутъ быть ранены и даже убиты безнаказанно родственниками убитаго.

Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ по адату убійцѣ дозволяется оставаться въ своемъ домѣ, онъ, до примиренія съ родственниками убитаго, не выпускается изъ дома.

---

*) Арестъ, какъ наказаніе, назначается по адату только у кумыковъ за нарушеніе благочинія въ мечети и за воровство изъ нея. При этомъ съ виновнаго же взыскивается для найма караула по 20 коп. за каждыя сутки.

III.

Убійство, кровомщеніе, пораненіе и увѣчья.

По адату безнаказанно дозволяется убить: 1) каждому своего кровнаго врага, 2) насилующаго, нападающаго изъ засады, грабителя и объявленнаго врагомъ всего общества; 3) хозяину дома или поля—вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія; 4) мужу, отцу, сыну и брату—всякаго застигнутаго въ прелюбодѣяніи съ женою, дочерью, матерью или сестрою; но при этомъ безнаказаннымъ остается только убійство обоихъ виновныхъ; нарушеніе этого правила, по волѣ означенныхъ лицъ, считается какъ обыкновенное убійство; 5) пойманные въ мужеложствѣ, оба виновные могутъ быть убиты родственниками, и 6) похитителя женщины при преслѣдованіи родственниками похищенной. За тѣмъ всякое убійство влечетъ за собою кровомщеніе: ему подвергаются одинаково мужчины и женщины, убійцы малолѣтніе, сумасшедшіе, безумные, случайные, неосторожные, владѣльцы лошади, собаки и вообще всякаго животнаго, причинившаго кому-либо смерть. Исключенія изъ этого слѣдующія:

1) У кумыковъ за убійство, сдѣланное сумасшедшимъ или безумнымъ, кровомщенію подвергается опекунъ или присмотрщикъ, если только онъ былъ предваренъ, что находящійся на его попеченіи сумасшедшій или безумный замѣченъ въ убійствѣ или намѣреніи причинить кому либо вредъ; безъ этого обстоятельства кровь убитаго считается безвозмездною. Правило это примѣняется во всемъ Дагестанѣ и къ владѣльцамъ животныхъ, убившихъ или ранившихъ кого нибудь.

2) Въ Аваріи и въ Ункратлѣ съ убійцъ случайныхъ, неосторожныхъ, дѣтей и сумасшедшихъ берется только штрафъ.

3) Дѣтоубійство (не за преступленія, за которыя оно по адату вмѣняется въ обязанность родителей, и безнаказанное по шаріату) въ большей части края не подвергаетъ виновнаго кровомще-

нію; съ виновнаго дѣлается взысканіе по усмотрѣнію начальства и во всѣхъ случаяхъ берется штрафъ.

4) Кровомщеніе допускается между лицами одного сословія. На этомъ основаніи бекъ *), убившій узденя незначительнаго рода **) (тохума) подвергается только изгнанію на короткій срокъ (три мѣсяца), по истеченіи котораго родственники убитаго обязаны, за опредѣленное вознагражденіе, съ нимъ примириться, безъ соблюденія обрядовъ, установленныхъ адатомъ для примиренія. За убійство раба виновный обязанъ только уплатить владѣльцу высшую плату, какая полагается при оцѣнкѣ рабовъ. Рабъ, убившій узденя или бека, не подвергается кровомщенію; за него выходитъ въ канлы его владѣлецъ, если не освободитъ его.

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ, за исключеніемъ сел. Чиркея, Чиръ-Юрта и Мугинскаго общества, и въ Южномъ Дагестанѣ, за исключеніемъ Самурскаго округа, а также въ Казикумухскомъ округѣ, убійство подраздѣляется на два вида: простое и *каракан*ъ ***).

Кара-канъ считается: всякое убійство, сдѣланное съ корыстною цѣлью; убійство изъ засады; убійство кого либо въ собственномъ его домѣ или на собственномъ полѣ; убійство, сдѣланное во время разбора дѣлъ; убійство по подкупу; въ мечети; ночью и т. п. Кромѣ того въ Даргинскомъ округѣ постановлено считать *кара-канъ* всякое убійство, сдѣланное на извѣстныхъ урочищахъ, удаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ. За убійства этого вида наказаніе виновному и его родственникамъ значительно усиливается. Въ остальныхъ частяхъ Дагестана, хотя и нѣтъ опредѣленнаго раздѣленія убійствъ на простое и кара-канъ, тѣмъ не менѣе, при назначеніи взысканія, судъ принимаетъ во вниманіе обстоятельства, увеличивающія вину, и въ подобныхъ случаяхъ налагается

---

*) Бывали примѣры, что сильные родственники убитаго узденя заставляли убійцъ бековъ скрываться изъ опасенія быть убитыми по кровомщенію. За убійство владѣтеля или бека, узденъ, если не успѣвалъ бѣжать въ дальнее общество,—убивался безъ всякаго суда и разбора дѣла.

**) Примѣчаніе IV.

***) Отъ *тюркскаго* слова *кара*—черный; другіе же считаютъ его испорченнымъ арабскимъ словомъ *кхара*—устрашеніе, грабежъ.

на виновнаго значительно большій штрафъ. Кромѣ того убійцѣ умышленному весьма трудно получить прощеніе отъ родственниковъ убитаго.

Въ убійствѣ признается виновнымъ всегда одинъ; обвинять болѣе можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство совершено нѣсколькими человѣками, или въ общей ссорѣ и дракѣ, и никто не признаетъ себя убійцею; при этомъ однако наблюдается правило, чтобы число признанныхъ убійцами ни въ какомъ случаѣ не превышало числа ранъ, нанесенныхъ убитому.

Если въ общихъ ссорахъ и дракахъ, происходящихъ между двумя тохумами или селеніями, съ обѣихъ сторонъ убито по-ровну, то дѣло кончается мировою. Если же этого не случится, то требуется, чтобы сторона, гдѣ меньше убитыхъ, указала недостающее число убійцъ по своему выбору, и всѣ они считаются канлы родственниковъ убитыхъ.

Право и обязанность преслѣдовать убійцу или примириться съ нимъ принадлежитъ преимущественно самому ближайшему родственнику убитаго; но допускаются къ этому и остальные родственники, а именно тѣ, которые, по шаріяту, считаются наслѣдниками убитаго.

Это же правило соблюдается и при убійствѣ родственникомъ родственника. Такъ отецъ за убійство дѣтей *) становится канлы къ своимъ внукамъ или дѣтямъ, т. е. къ сыновьямъ или братьямъ убитаго имъ. За отцеубійство или братоубійство виновный выходитъ въ канлы или къ остальнымъ своимъ братьямъ, или къ племянникамъ. Мать за убійство дѣтей дѣлается канлы ихъ отца или братьевъ. Мужу за убійство жены должны отомстить ближайшіе ея родственники.

Кровомщенію подвергается только признанный убійцею. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по адату назначается два и болѣе канлы; такъ напр., за убійство беременной женщины виновный въ убійствѣ и ближайшій его родственникъ— оба подвергаются кровомщенію до примиренія или до убійства ихъ обоихъ.

*) Кровомщеніе за дѣтоубійство существуетъ только въ Чохѣ, ближайшихъ къ нему селеніяхъ и въ нѣкоторыхъ Даргинскихъ обществахъ.

Въ Хюракинскомъ обществѣ за убійство своего кадія назначается 7 человѣкъ канлы изъ числа участвовавшихъ въ убійствѣ или ближайшихъ родственниковъ убійцы. Въ Цудахарскомъ обществѣ и въ селеніяхъ: Салта, Мохокъ, Еркачи, Шахада, Буцра, Хецо, Шулатлута, Онсокули, Игали, Инкоалита и Харачи, кромѣ убійцы, кровомщенію наравнѣ съ нимъ подвергается все семейство его, живущее съ нимъ въ одномъ домѣ.

Родственники убитаго могутъ убить кого либо изъ родственниковъ убійцы только до совершенія между ними обряда примиренія, называемаго *Бетъ-Гермекъ* *), и въ этомъ случаѣ засчитывается кровь за кровь, т. е. убійца не подвергается кровомщенію. Бетъ-Гермекъ состоитъ въ слѣдующемъ: тотъ-часъ по совершеніи убійства, или по полученіи объ немъ извѣстія, родственники убитаго собираются всѣ вмѣстѣ съ оружіемъ, на одномъ дворѣ; тоже дѣлаютъ и родственники убійцы; послѣдніе тотъ-часъ же собираютъ установленную адатомъ пеню за убійство, слѣдующую въ пользу родственниковъ убитаго. Въ это время старики и почетные люди селенія должны принять участіе и оказать содѣйствіе къ скорѣйшему примиренію обѣихъ сторонъ. По выдачѣ пени старикамъ и почетнымъ людямъ, родственники убитаго и убійцы выводятся изъ домовъ, въ которыхъ они собирались, и становятся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга; между ними становится кадій, или мулла, и читаетъ первую главу корана (фатихе). По окончаніи чтенія всякая вражда между ними считается конченною и преслѣдованію подвергается только убійца. Родственники убитаго получаютъ, при примиреніи, съ родственниковъ убійцы одного быка для угощенія.

Если же послѣ примиренія произойдетъ убійство кого либо изъ родственниковъ убійцы родственниками убитаго, то уже не засчитывается кровь за кровь; а случай этотъ разсматривается какъ отдѣльный, и виновный въ свою очередь подвергается кровомщенію.

Въ бывшихъ владѣніи Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ, въ округахъ Даргинскомъ (кромѣ обществъ Акушинскаго,

---

*) *Бетъ-Гермекъ*—видѣть лицо, по кумыкски.

Цудахарскаго и Микагинскаго), Кайтаго-Табасаранскомъ, Кюринскомъ и Казикумухскомъ, кромѣ убійцы, который называется *башъ-канлы* *), назначаются еще отъ 1—7 человѣкъ ближайшихъ его родственниковъ, или причастныхъ къ убійству, которые изгоняются изъ селенія одновременно съ башъ-канлы, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что они не могутъ быть убиты родственниками убитаго, но должны избѣгать съ ними встрѣчи до примиренія, которое можетъ состояться для нихъ только по истеченіи извѣстнаго срока (отъ 6 дней до 1-го года) съ опредѣленною платою. Лица эти называются малъ-канлы. Число малъ-канлы зависитъ отъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство. Наибольшее число (7) малъ-канлы назначается въ случаяхъ убійства кара-канъ.

Если за убійство назначается два или болѣе башъ-канлы, то къ каждому изъ нихъ назначается соотвѣтствующее число малъ-канлы. Въ малъ-канлы назначаются и женщины; такъ напр.: въ Хюракинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа), если убійца женатъ, то первымъ малъ-канлы назначается его жена.

Цѣль назначенія малъ-канлы—увеличить наказаніе убійцы и его ближайшихъ родственниковъ, потому что издержки на примиреніе и плата, которую при этомъ они обязаны дать родственникамъ убитаго, падаетъ на убійцу.

Убійца, по совершеніи преступленія или по признаніи его виновнымъ въ немъ, долженъ тотъ-часъ же удалиться изъ селенія и можетъ быть преслѣдуемъ родственниками убитаго. Въ большей части случаевъ убійца скрывается для собственной безопасности, не дожидаясь разбора дѣла. Если же онъ, почему бы то ни было, замедлитъ уйти изъ селенія, то съ него берется штрафъ. Въ Даргинскомъ округѣ штрафъ этотъ опредѣленъ въ столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву **) послѣ убійства. Въ нѣко-

---

*) *Баш*—голова, *малъ*—имущество. Башъ-канлы значитъ тотъ, который за кровь отвѣчаетъ головою, малъ-канлы—имуществомъ. У кумыковъ башъ-канлы—*колъ-канлы* (колъ—рука). Малъ-канлы—*Іерчень-канлы*. (Іерченъ—спутникъ). У кюринцевъ и табасаранцевъ—*малъ-канлы*,—изгоняемый на годъ,—называется *илъ-канлы*; отъ слова *илъ*—*годъ*.

**) Въ сутки бываетъ 5 призывовъ на молитву (азановъ).

горныхъ частяхъ Андійскаго и Кайтаго-Табасаранскаго округовъ убійцѣ предоставляется на усмотрѣніе бѣжать, или оставаться дома и выжидать послѣдствій сдѣланнаго имъ преступленія. Въ послѣднемъ случаѣ убійца становится родственниками убитаго въ осадное положеніе. Онъ не можетъ ни выйти изъ дома, ни выглянуть въ окно, безъ опасенія быть убитымъ жаждущими его крови. Въ прежнее время нѣкоторые убійцы проводили въ такомъ положеніи десятки лѣтъ. Въ Дидо и нѣкоторыхъ Анцухскихъ селеніяхъ убійца не изгоняется изъ селенія; а до примиренія содержится дома, безвыходно, подъ наблюденіемъ сельскаго начальства. Въ Самурскомъ округѣ, по обычаю, установившемуся въ послѣднее время подъ русскимъ вліяніемъ, убійца арестуется, по распоряженію начальства, на время не менѣе полугода, послѣ чего считается возможнымъ примиреніе его съ родственниками убитаго.

Объявленный кланы обыкновенно скрывается въ одно изъ отдаленныхъ селеній своего общества, къ родственникамъ или знакомымъ, или ищетъ покровительства какого нибудь сильнаго и вліятельнаго лица, при содѣйствіи котораго надѣется скоро и выгодно примириться съ родственниками убитаго; а до того считаетъ себя безопаснымъ отъ покушенія ихъ на убійство его по кровомщенію. Всякій считаетъ добрымъ дѣломъ не отказать кланы въ пріютѣ и покровительствѣ и содѣйствовать къ его прощенію.

Время изгнанія убійцы зависитъ отъ согласія родственниковъ убитаго на примиреніе. Срокъ, послѣ котораго должно состояться примиреніе, опредѣленъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: у кумыковъ—2 года, въ Тлейсерухѣ и сел. Арчи—3 года, въ Антльратлѣ, Анцухѣ, Капучѣ и Дидо—1 годъ. Въ остальныхъ частяхъ края срокъ изгнанія кланы неопредѣленъ и вполнѣ зависитъ отъ согласія родственниковъ убитаго на примиреніе. Вообще же считается предосудительнымъ мириться ранѣе года послѣ убійства.

Во все время изгнанія, убійца, для собственной безопасности, долженъ скитаться съ одного мѣста на другое; ему никто не долженъ сопутствовать; случайное убійство его спутника ищущими крови кланы остается безнаказаннымъ. Въ знакъ раскаянія, кланы не долженъ брить голову; не можетъ заниматься хлѣбопаше-

ствомъ; ему запрещается входъ въ свое селеніе и вообще въ то мѣсто, гдѣ живутъ родственники убитаго, встрѣчи съ которыми онъ долженъ избѣгать *). Онъ можетъ быть убитымъ вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтился съ родственниками убитаго имъ; но адатъ не одобряетъ убійства канлы въ мечети, въ присутствіи суда, начальства и на общественной сходкѣ. Убійство канлы по подкупу не допускается, а преслѣдуется какъ и всякое другое убійство, при чемъ подкупавшій, какъ искавшій крови своего врага, не подвергается взысканію, но нанятый имъ убійца становится самъ канлы родственниковъ убитаго имъ.

Содѣйствіе къ убійству канлы кого либо изъ жителей селенія, въ которомъ онъ живетъ, считается преступнымъ и оскорбительнымъ для чести хозяина, пріютившаго его, и содѣйствовавшій подвергается штрафу и кровомщенію, въ случаѣ если при его помощи канлы будетъ убитъ. Тому-же взысканію подвергается и хозяинъ, способствовавшій убійству живущаго у него канлы.

Съ убійцы и его родственниковъ въ пользу наслѣдниковъ убитаго взыскивается *алымъ* или *діятъ* и штрафъ.

Алымъ (или алумъ), слово тюркское и значитъ „взятое“, взыскивается всегда вскорѣ по совершеніи убійства съ убійцы и его родственниковъ по особой раскладкѣ. Величина алыма до крайности разнообразна, въ особенности въ Западномъ и Среднемъ Дагестанѣ, гдѣ почти въ каждомъ селеніи особый алымъ.

Вотъ для примѣра нѣкоторые алымы:

У кумыковъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округи — съ семейства убійцы быкъ или 10 рублей сер., 5 сабъ **) пшеницы,

*) Въ Тлейсерухѣ убійцѣ, изгоняемому на 3 года, дозволяется въ теченіи каждаго года приходить домой по 3 раза, всякій разъ не болѣе какъ на 10 сутокъ. Въ это время родственники убитаго не имѣютъ права его преслѣдовать, иначе считаются нарушителями адата.

Въ Даргинскомъ округѣ постановленъ въ ограниченіе канлы слѣдующій адатъ: если кто либо изъ родственниковъ убитаго имѣетъ надобность быть въ томъ селеніи, гдѣ живетъ его канлы, то онъ обязанъ объ этомъ предупредить послѣдняго, чтобы дать ему время скрыться; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то обязанъ, лично за себя, примириться съ канлы, за опредѣленное, впрочемъ, вознагражденіе.

**) Примѣчаніе XVI.

1 кусокъ *) шелковой матеріи, 1 кусокъ бумажной матеріи. Съ родныхъ братьевъ, по отцу и матери, съ каждаго по 3 руб.; съ дядей по отцу по 3 руб.; съ сыновей дядей по 2 руб.; съ внуковъ дядей по 1 руб.; съ правнуковъ по 50 коп., и такъ далѣе, со всѣхъ родственниковъ по степени родства.

Въ сел. Таргу, по случаю частыхъ убійствъ, Шамхалъ-Мехти-ханъ постановилъ брать алымъ въ 300 руб., что исполняется и по настоящее время.

Въ сел. *Губденъ* и *Карабудахкентъ*—7 руб.

Въ Даргинскомъ округѣ:

Въ Хюракинскомъ обществѣ—2 быка, цѣною въ 8 р. каждый, 1 бычекъ въ 6 руб., 5 сабъ пшеницы, 1 коверъ въ 2 руб., 1 котелъ въ 2 р., 1 баранъ, 1 козелъ, 14 кари **) бязи, пахатное мѣсто цѣною въ 32 рубля.

Въ Цудахарскомъ обществѣ: 2 быка, 3 сабы пшеницы, 1 батманъ ***) курдючьяго сала, 7 кари бязи.

Въ Микагинскомъ обществѣ: 2 быка, 1 бычекъ 3-хъ лѣтъ, съ семейства убійцы 1 р., съ 14 ближайшихъ родственниковъ по 50 коп. съ каждаго.

Въ Гунибскомъ и Аварскомъ округахъ отъ 1-го быка до 200 руб. Въ селеніяхъ Ругджа, Корода, Гонода, Кулла и Бацада—100 руб. Въ принадлежащихъ къ Карахскому обществу селеніяхъ Унти и Шуляни алымъ вовсе не берется, а полагается только штрафъ — 2 сабы какого нибудь хлѣба. Въ сел. Гимра, Кахабъ-росо и Ашильта—20 руб.; въ сел. Харакуни, Кодутль и Рихуни—40 р. Въ Аваріи—1 быкъ ****) и саванъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Хиндалалскихъ, кромѣ алыма, родственники имѣли право грабить и разорять движимое и недвижимое имущество убійцы въ теченіи 3-хъ лѣтъ. *Въ Андійскомъ округѣ*, за исключеніемъ Дидойскаго наибства, вмѣсто алыма,

*) Достаточный на бешметъ.

**) Примѣчаніе VIII.

***) Примѣчаніе III.

****) Въ селеніяхъ Верхней и Нижней Бантлухъ требуется, чтобы быкъ, выдаваемый въ алымъ, имѣлъ хвостъ длиною $2^1/_2$ локтя.

домъ и имущество убійцы грабятся родственниками убитаго въ теченіи 3-хъ дней и кромѣ того родственники убійцы должны выдать родственникамъ убитаго быка и саванъ; въ сел. Тинди берется сверхъ того еще алымъ съ родственниковъ убійцы въ 180 руб. Съ устройствомъ окружныхъ управленій, разграбленіе домовъ и имущества запрещено; взамѣнъ этого установленъ алымъ деньгами.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ:

Въ Верхнемъ Кайтахъ *)..... 4 р. 25 к.

— *Кара-Кайтахъ*..... 6 — и быкъ.

Въ Ирчамульскомъ магалѣ — быкъ, котелъ и 2 — 3 рубля деньгами.

Въ Терекеме..... 3 р. 30 к.

За убійство кара-канъ величина алыма опредѣляется, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ убійство, въ 7 и 14 разъ больше противу положеннаго за убійство обыкновенное.

Въ Табасарани, Дидойскомъ, Анцухо-Капучинскомъ и Богнадинскомъ наибствахъ, въ Гидатлѣ и нѣкоторыхъ селеніяхъ Гунибскаго округа, въ Кюринскомъ, Казикумухскомъ и Самурскомъ округахъ алымъ не берется, а замѣняется діятомъ.

Взысканный съ убійцы и его родственниковъ алымъ долженъ сохраняться въ цѣлости, и въ случаѣ убійства канлы, по кровомщенію, возвращается полностію его наслѣдникамъ, которые получаютъ также полное удовлетвореніе за все имущество, испорченное родственниками убитаго. Въ случаѣ примиренія алымъ не возвращается.

Діятъ (слово арабское), т. е. вознагражденіе, есть условная плата, за которую лица, имѣющіе право на кровомщеніе, соглашаются простить убійцу. Поэтому діятъ уплачивается уже тогда, когда состоится условіе о примиреніи; правило это не соблюдается въ Дидойскомъ, Анцухо-Капучинскомъ и Богнадинскомъ наибствахъ, а также въ Табасарани, Гидатлѣ и Тлейсерухѣ, гдѣ діятъ взыскивается и выдается вскорѣ послѣ убійства и отличается отъ алыма только по названію.

---

*) Въ Кайтахъ алымъ называется—*маріятъ-хаччъ*.

Величина діята также весьма различна и большею частію зависитъ отъ условія; съ устройствомъ окружныхъ управленій, въ нѣкоторыхъ округахъ, діятъ, воспринимавшійся обыкновенно различными вещами, переложенъ на деньги.

Въ Даргинскомъ округѣ 100 р. деньгами или на 120 р. вещей.

Въ Кюринскомъ округѣ: *въ Кюрѣ* за кровь мужчины 250 р., женщины—125 р.; *въ Табасарани*—600 р. за мужчину и 300 р. за женщину. Прежде въ Южной Табасарани діятъ полагался въ 6 дѣвицъ; изъ нихъ 3 дѣвицы, отъ грудной до совершеннолѣтней, выдавались натурою, а за остальныхъ—имуществомъ, полагая за каждую 3 быка, 3 коровы, 3 ружья, 3 сабли, 3 паласа, 15 штукъ мѣдной посуды разной величины, 15 барановъ и участокъ пахатной или покосной земли.

Въ Кайтахъ отъ 50—400 руб.

Въ Самурскомъ округѣ: за мужчину 300 р., за женщину 150 рублей.

Въ Казикумухскомъ округѣ—250 руб.

Въ Дидо ..... 60 коровъ.

Въ Чамалалѣ..... 180 руб.

Въ Гидатлѣ..... 30 коровъ.

Въ Капучѣ..... 300 руб. или овецъ.

Въ обществахъ *Антль-Рапля* (Анкратля) и селеніяхъ *Анцухскихъ* различно; такъ напр. въ сел. *Мачарѣ*, *Калда* и *Кабосида*: мѣсто для посѣва 4-хъ сабъ хлѣба, 9 сабъ толокна, 3 сабы бузы *) верхней и 6 нижней, 8 коровъ, 1½ сабы сыру, 30 овецъ и ¼ сабы соли.

Въ обществѣ *Унхъ* (Унхада): 8 коровъ, 30 овецъ, 8 цѣлыхъ котловъ, 3 сабы бузы верхней и 6 нижней, 6 сабъ толокна, 3 сабы пшеницы, 1½ сабы сыру, 1 саба соли, 4 локти **) дровъ, мясо отъ 3 овецъ и одного быка, равнаго 6 овцамъ.

Въ обществѣ Томсъ — пахатная земля въ 12 мѣръ и

*) Примѣчаніе V.

**) Примѣчаніе XI.

25 рублей деньгами. Алымъ и діятъ, оба вмѣстѣ, взыскиваются только въ Даргинскомъ и Кайтаго-Табасаранскомъ округахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго и Средняго Дагестана. Тамъ, гдѣ при совершеніи убійства берется только алымъ, при примиреніи діятъ замѣняется угощеніемъ и подарками родственникамъ убитаго. Угощеніе и подарки должны быть сдѣланы убійцею какъ можно лучше и, обыкновенно, окончательно его разоряютъ.

Величина штрафа, взыскиваемаго за убійство, также разнообразна, какъ алымъ и діятъ. Положительно она опредѣлена, для всѣхъ случаевъ однообразная, только въ Самурскомъ и Казикумухскомъ округахъ. Въ первомъ—60 р., во второмъ 30 руб.; въ остальныхъ мѣстахъ штрафъ берется такой, какой опредѣленъ въ селеніи, къ которому принадлежитъ убійца; такъ напр., въ Аварскомъ округѣ отъ 33—100 руб., въ Гунибскомъ округѣ отъ 1 быка до 36 руб. и т. п.

Съ естественною смертію канлы прекращается кровомщеніе за сдѣланное имъ убійство; взысканный съ него алымъ или діятъ обращается въ полную собственность родственниковъ убитаго, которые кромѣ того получаютъ вознагражденіе за позволеніе похоронить умершаго на кладбищѣ его селенія *).

По истеченіи извѣстнаго времени послѣ убійства, канлы долженъ, при содѣйствіи своихъ родственниковъ и почетныхъ жителей своего селенія, искать примиренія съ родственниками убитаго имъ.

Примиреніе можетъ состояться только въ томъ случаѣ, когда всѣ, безъ исключенія, родственники убитаго, какъ мужчины, такъ и женщины, согласятся простить убійцу. Обыкновенно труднѣе всего бываетъ уговорить на это женщинъ, въ особенности мать убитаго.

Успѣхъ примиренія много зависитъ какъ отъ вида убійства, такъ отъ состоянія убійцы, связей, родства или покровительства какого либо вліятельнаго лица. Человѣку бѣдному, неимѣющему большаго родства, которое бы могло ему помочь, трудно выхлопо-

*) Въ сел. Гиниры, Игали, Кахабъ-росо и Ашильта, по смерти канлы, его мѣсто заступаетъ ближайшій его родственникъ и т. д. до 7 человѣкъ; только съ естественною смертью 7-го человѣка кровомщеніе прекращается. Въ остальныхъ селеніяхъ Хиндалала, по смерти канлы, его мѣсто занимаетъ еще только одинъ родственникъ.

тать прощеніе отъ богатыхъ и сильныхъ родственниковъ убитаго,— тогда какъ убійца, богатый и сильный родствомъ и покровительствомъ важнаго лица, иногда отказывается примириться съ бѣдными родственниками убитаго имъ.

Въ народѣ считается добрымъ и богоугоднымъ дѣломъ помогать убійцѣ въ примиреніи не только словами, но и дѣломъ. Часто, въ случаѣ несостоятельности кавлы и его родственниковъ, средства на расходы по примиренію даютъ односельцы.

Общее уваженіе и похвалу заслуживаютъ родственники убитаго, согласившіеся простить раскаявшагося неумышленнаго убійцу безъ всякаго вознагражденія.

Обрядъ примиренія совершается различно. У кюринцевъ онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда получится согласіе родственниковъ убитаго на примиреніе и будетъ выданъ имъ сюлна діятъ, тогда на убійцу надѣваютъ саванъ и опоясываютъ его пашкой; въ этомъ нарядѣ старики и почетные люди ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, въ знакъ того, что онъ самъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе, для отомщенія за кровь убитаго имъ, и саванъ, для погребенія. Подойдя къ воротамъ дома, убійцу останавливаютъ, изъ дому выходитъ выбранный изъ числа родственниковъ убитаго, снимаетъ съ кавлы пашку, саванъ и пашху и гладитъ его по головѣ. Мулла читаетъ фатихе и затѣмъ всякая вражда считается совершенно оконченною.

У кумыковъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа родственники убитаго собираются всѣ вмѣстѣ, въ назначенный день. Старики и кадій приводятъ убійцу и ставятъ его вдали отъ родственниковъ убитаго, такъ чтобы только можно было разсмотрѣть его лицо; кадій становится по срединѣ и молится о примиреніи враждующихъ, оканчивая свою молитву чтеніемъ фатихе, которую повторяютъ за нимъ и примиряющіеся. По окончаніи молитвы кадій вытираетъ лицо руками въ знакъ благодарности Богу за ниспосланный миръ. Послѣ этого прощенный приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на угощеніе; какъ только они подойдутъ къ дверямъ дома, гдѣ дѣлается угощеніе, онъ съ обнаженною головою падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближай-

шій родственникъ убитаго не скажетъ ему: „встань, мы простили тебя," а прочіе присутствующіе должны поднять его. Во время угощенія прощенный кайлы стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чашки съ родственниками убитаго. По окончаніи угощенія, родственники убитаго возвращаются домой. У воротъ становится заранѣе приготовленная лошадь, осѣдланная и обвѣшанная оружіемъ. Ближайшій родственникъ убитаго беретъ лошадь и раздаетъ оружіе остальнымъ своимъ родственникамъ. Женщины семейства убитаго получаютъ въ подарокъ шелковой матеріи на платье.

Подобные обряды, съ нѣкоторыми измѣненіями, совершаются при примиреніи и въ остальныхъ частяхъ Дагестана.

Примирившійся убійца считается кровнымъ братомъ (канъ-кардашъ), т. е. замѣняетъ собою убитаго имъ въ его семействѣ. Ему вмѣняется въ обязанность какъ можно чаще посѣщать могилу убитаго и вообще оказывать всевозможныя услуги его родственникамъ.

Кромѣ убійства, кровомщеніе полагается: за изнасилованіе женщинъ, за прелюбодѣяніе съ замужней женщиной, до того времени пока она не получитъ развода отъ мужа, за мужеложство съ насиліемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ изгнанію и кровомщенію подвергаются только виновные, и право убить ихъ принадлежитъ мужу и родственникамъ обиженной женщины, или подвергшейся насилію.

Въ поврежденіяхъ адатъ *) различаетъ: 1) раны и 2) увѣчье. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различаютъ еще раны холоднымъ оружіемъ отъ огнестрѣльныхъ; за послѣднія взысканіе полагается большее, чѣмъ за первыя **).

Виновный въ поврежденіи самъ можетъ быть поврежденъ, въ отмщеніе, родственниками раненнаго. Во избѣжаніе этого, виновный не долженъ выходить изъ дому до выздоровленія раненнаго имъ, или до примиренія съ его родственниками. Въ случаѣ смерти раненнаго, отъ раны, до истеченія года послѣ поврежденія, виновный въ поврежденіи признается убійцею и подвергается всѣмъ наказані-

*) Въ Акушинскомъ и Цудахарскомъ обществахъ разборъ дѣлъ по поврежденіямъ производится по шаріату, а не по адату.

**) Въ Мигагинскомъ обществѣ Даргинскаго округа раненный холоднымъ оружіемъ не получаетъ никакого удовлетворенія; съ поранителя берется только штрафъ.

ямъ за убійство, адатомъ опредѣленнымъ, если только онъ не успѣлъ получить прощеніе отъ умершаго и его родственниковъ. При взаимномъ покалѣченіи, если раны не смертельны, дѣло считается конченнымъ; если же раны смертельны, то умершій отъ нихъ послѣднимъ считается убійцею, и родственники его должны, внеся опредѣленную плату, испросить позволеніе на погребеніе его на кладбищѣ своего селенія отъ родственниковъ прежде умершаго, хотя въ этомъ случаѣ и засчитывается кровь за кровь.

Раненный лечится на счетъ поранившаго его, который обязывается платить лекарю, кормить его и доставлять нужные для перевязки раны бязь, жиръ и т. п., въ количествѣ, опредѣленномъ адатомъ. По выздоровленіи, или и раньше, раненный получаетъ отъ поранившаго его вознагражденіе, которое опредѣляется лекаремъ или почетными людьми; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опредѣленіе платы производится, смотря по размѣрамъ раны; такъ напр.: въ обществахъ Косо, Тоисѣ, Капучѣ, Анцухѣ, Тлейсерухѣ и Антльратлѣ, раны холоднымъ оружіемъ измѣряются пальцемъ; за каждый палецъ, входящій въ рану, поранившій платитъ раненному по одной овцѣ; если же рана нанесена въ тѣ части тѣла, которыя должны быть омываемы предъ молитвою, то плата за каждый палецъ, входящій въ рану, удваивается.

Если, по излеченіи раны, останется увѣчье, то за него пострадавшій получаетъ отъ виновнаго особое вознагражденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опредѣляется по шаріяту, въ другихъ по оцѣнкѣ лѣкаря или почетныхъ стариковъ. Но вообще вездѣ принято, чтобы плата за увѣчье не превышала половины платы, опредѣленной за убійство *).

Плата за нѣкоторыя увѣчья, чаще другихъ случающіяся, установлена адатомъ разъ на всегда, такъ напр.:

Въ *Кара-Кайтагѣ* за палецъ 10 руб., за два 20 р. и т. д., за лишеніе руки, ноги, глаза—60 руб.

Въ *Андіи* за лишеніе носа—лошадь съ сѣдломъ и уздечкой.

Въ *Тлейсерухѣ* за выбитый зубъ—10 овецъ или руб., за два—вдвое и т. д., до половины платы за кровь.

*) Только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Антльратля, въ вознагражденіе за лишеніе дѣторожнаго члена, опредѣлена плата, какъ и за убійство.

Въ *Капучѣ* за лишеніе глаза 150 р. или овецъ.

Кромѣ леченія и опредѣленнаго вознагражденія, поранившій, по выздоровленіи раненнаго имъ, долженъ съ нимъ примириться и сдѣлать какъ ему, такъ и опредѣленному адатомъ или лекаремъ числу его родственниковъ приличное угощеніе.

Побои, чѣмъ бы то ни было, по адату, принимаются за раны холоднымъ оружіемъ и виновный подвергается за нихъ той же отвѣтственности, какъ и за пораненіе. У аварскихъ племенъ за побои, нанесенные женщинѣ, взысканіе съ виновнаго, какъ въ ея пользу, такъ и въ штрафъ, опредѣляется большее, нежели за побои, нанесенные мужчинѣ. Если слѣдствіемъ побоевъ или ранъ, нанесенныхъ беременной женщинѣ, будетъ выкидышъ, то виновный считается убійцею плода и подвергается всѣмъ взысканіямъ, опредѣленнымъ за убійство.

Если выкидышъ послѣдуетъ чрезъ долгое время послѣ побоевъ или ранъ, а женщина будетъ увѣрять, что онъ произошелъ вслѣдствіе ихъ, то обвиняемый долженъ принять очистительную присягу съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ.

Независимо взысканія въ пользу раненнаго и лекаря, съ виновнаго взыскивается еще штрафъ, величина котораго чрезвычайно различна, въ предѣлахъ отъ 1-го до 20 рублей.

IV.

Число убійствъ и пораненій, случившихся между жителями Дагестанской области съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года. Отношеніе числа убійствъ и пораненій. Причины убійствъ и пораненій. Кровомщеніе. Мѣры, принятыя къ прекращенію его.

При устройствѣ окружныхъ управленій въ области, начальникамъ округовъ вмѣнено въ обязанность ежемѣсячно доставлять

подробныя свѣдѣнія о всѣхъ убійствахъ и пораненіяхъ, случающихся въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ края. Изъ донесеній этихъ за 6 лѣтъ, съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года, составлены прилагаемыя вѣдомости объ убійствахъ и пораненіяхъ; въ 1-й вѣдомости показаны убійства и пораненія по годамъ, во 2-й по округамъ за всѣ 6 лѣтъ *).

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по годамъ.

Причина убійствъ и пораненій.	1861		1862		1863		1864		1865		1866		Всего въ 6-ть лѣт.	
	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.
1) Кровомщеніе.....	6	—	6	—	8	1	5	1	3	2	7	2	35	6
2) Прелюбодѣяніе, развратъ, насиліе и т. п.....	1	1	10	3	9	4	4	7	16	3	12	6	52	24
3) Убійства и пораненія предумышленныя или умышленныя, съ различными цѣлями.....	11	8	20	6	17	10	37	17	29	12	26	22	140	70
4) Ссоры въ пьяномъ видѣ.	—	4	3	3	2	4	12	12	11	43	5	37	23	103
5) Ссоры и драки по разнымъ причинамъ.....	9	59	25	83	29	101	36	102	42	232	26	262	167	842
6) Неосторожное обращеніе съ оружіемъ.....	3	3	3	2	8	4	3	5	7	12	11	11	30	37
Всего.....	30	70	67	97	68	127	87	144	108	304	87	340	447	1082

Примѣчаніе. Въ числѣ убійствъ не показаны убійства солдатъ жителями, и убійства, случившіяся въ городахъ, укрѣпленіяхъ, штабъ-квартирахъ и въ Дербентскомъ градоначальствѣ и подлежавшія сужденію на основаніи законовъ гражданскихъ или военныхъ.

*) Кромѣ того прилагаются вѣдомости за каждый годъ отдѣльно по округамъ.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по округамъ съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	Причина убійствъ и пораненій.														ВСЕГО.	
	Кровомщеніе.		Прелюбодѣяніе, развратное насиліе и т. п.		Умышленно.		Ссорымъ пьяномъ видѣ.		Ссоры и драки.		Неосторожное обращеніе съ оружіемъ.					
	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Портнен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.
Округъ Темиръ Хань-шурскій. 1) Владѣніе Тарковское	5	1	2	2	15	4	6	32	9	17	1	1	38	57		
2) Ханство Мехтулинское	1	1	1	—	6	4	1	15	7	23	1	1	17	44		
3) Наибство Присулакское	—	—	3	1	7	1	—	3	2	15	1	2	13	22		
4) Даргинскій округъ	3	1	4	—	16	2	2	2	15	17	1	—	41	22		
5) Гунибскій округъ	7	1	9	6	14	5	1	8	14	90	3	3	48	113		
6) Андійскій округъ (за 1861 годъ свѣдѣній нѣтъ).	—	—	2	1	8	10	3	1	16	72	1	4	30	8		
7) Аварскій округъ (тоже).	—	—	1	2	6	3	—	8	13	94	1	2	21	109		
8) Казикумухскій округъ	1	1	3	1	5	9	1	24	23	210	4	5	37	250		
9) Кайтаго-Табасаранскій округъ	14	1	17	4	40	24	6	5	54	157	9	16	140	207		
10) Кюринскій округъ	4	—	5	2	4	3	3	5	12	31	5	1	33	42		
11) Самурскій округъ	—	—	4	5	11	4	—	—	2	115	3	1	20	125		
12) Бежитскій округъ (Въ 1865 году раздѣленъ на двѣ части, вошедшія въ составъ округовъ Гунибскаго и Андійскаго).	—	—	1	—	8	1	—	—	—	1	—	1	9	3		
ВСЕГО	35	6	52	24	140	70	23	103	167	842	30	37	447	1082		

Въ первое время, пока еще народъ не привыкъ къ новому управленію и не получилъ къ нему полнаго довѣрія, многія убійства и пораненія, мировая по которымъ могла состояться безъ вмѣшательства власти, скрывались отъ свѣдѣнія ближайшаго начальства. О многихъ случаяхъ и сами начальники округовъ, считая ихъ маловажными, не доносили. Эти обстоятельства и были причиною, что за 1861 годъ донесено только о 70 случаяхъ пораненій и 30 убійствъ, тогда какъ въ 1866 году пораненій было 340, а убійствъ 87. Не попадали въ донесенія преимущественно убійства и пораненія, случившіяся въ ссорахъ и дракахъ и по неосторожности, рѣшеніями по которымъ, на основаніи адата, родственники убитаго оставались довольными и не являлись даже въ окружной судъ.

Тѣ же убійства и пораненія, виновные въ которыхъ подлежали, кромѣ взысканія, налагаемаго адатомъ, административному взысканію, не могли быть легко скрыты. Въ 1-й вѣдомости видно, что число случаевъ кровомщенія, убійствъ и пораненій за прелюбодѣяніе, во всѣ шесть лѣтъ, показано почти одинаковое (кромѣ 1861 года); такъ, по кровомщенію: въ 1861 было 6 случаевъ; 1862—6; 1863—9; 1864 — 6; 1865—5 и 1866—9. По прелюбодѣянію: въ 1861—2; 1862—13; 1863—13; 1864—11; 1865—19 и въ 1866—18.

Число убійствъ умышленныхъ и преднамѣренныхъ, по разнымъ причинамъ, хотя и увеличилось (въ особенности съ 1864 года), но незначительно, и это увеличеніе надо отнести къ болѣе внимательному разбору причинъ убійствъ и пораненій, чѣмъ это дѣлалось въ предшествовавшіе годы. Убійствъ и пораненій въ ссорахъ и дракахъ, въ пьяномъ видѣ и отъ неосторожности въ 1860 году показано всего только 78; число это, ежегодно увеличиваясь значительно, въ 1866 году дошло до 352. Единственную причину этого увеличенія должно искать въ непоказаніи въ донесеніяхъ о происшествіяхъ всѣхъ этого рода случаевъ убійствъ въ прежніе годы.

Эти обстоятельства не даютъ возможности вывести какое либо общее заключеніе за все время съ начала устройства военно-

народнаго управленія области; но если мы возьмемъ свѣдѣнія только за послѣдніе три года, какъ наиболѣе точныя, то получимъ довольно близкое къ истинѣ отношеніе числа убійствъ и пораненій къ числу жителей каждаго округа.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по округамъ за 1864, 1865 и 1866 гг.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	Число убійствъ обоего пола.	Въ 1864, 1865 и 1866 годахъ.			Среднее число за одинъ годъ.			На сколько душъ въ теч. одного г. приходится одно убійство и одно пораненіе.		
		Убійствъ.	Пораненій.	Обоихъ вмѣстѣ.	Убійствъ.	Пораненій.	Обоихъ вмѣстѣ.	Убійствъ.	Пораненій.	Обоихъ вмѣстѣ.
1) Владѣніе Тарковское..... [1]	36784	30	46	76	10	15 1/3	25 1/3	3687	2405	1455
2) Ханство Мехтулинское..... [1]	15932	15	34	49	5	11 1/3	16 1/3	3186	1406	974
3) Наибство Прикуланское..... [2]	8914	9	12	21	3	4	7	2971	2228	1273
4) Даргинскій округъ [3].	64064	22	22	44	7 1/3	7 1/3	14 1/3	8738	8738	4369
5) Гунибскій округъ [4]..	45654	15	75	90	5	25	30	9131	1865	1521
6) Андійскій округъ [5]..	35828	29	187	216	9 2/3	62 1/3	72	3705	574	497
7) Аварскій округъ [6]...	35580	22	67	89	7 1/3	22 1/3	29 2/3	4847	1592	1199
8) Казикумухскій округъ [7].....	28677	13	86	99	4 1/3	28 2/3	33	6608	1000	869
9) Кайтаго - Табасаранскій округъ [8].....	45106	78	118	196	26	39 1/3	65 1/3	1735	1121	690
10) Кюринскій округъ [9].	56209	26	28	54	8 2/3	9 1/3	18	6483	6018	3122
11) Самурскій округъ [10].	51178	17	113	130	5 2/3	37 2/3	43 1/3	9026	1558	1181
Общее число для всей области....	424018	276	788	1064	92	262 2/3	354 2/3	4608	1614	1197

Примѣчаніе. Въ общемъ счетѣ не показаны 6 убійствъ, произведенныхъ въ 1864 году разбойниками въ бывшемъ Бежитскомъ округѣ, а два случая пораненій, бывшія въ томъ же округѣ въ 1865 году, показаны въ числѣ пораненій Гунибскаго округа.

[1]) До 1867 года управлялись владѣтелями. Въ 1867 году вошли въ составъ Темиръ-Хан-Шуринскаго округа. [2]) Въ 1860 г. [3]) Въ 1854 г. Наибства учреждены въ 1857 г. [4]) Въ 1860 г. [5]) Въ 1859 г. [6]) Присоединенъ къ области въ 1862 г. [7]) Въ 1860 г. [8]) Въ 1860 г. Наибства въ 1866 г. [9]) Въ 1865 г. До этого времени управлялся ханомъ. [10]) Въ 1839 г. Наибства—въ 1860 году.

Изъ этой вѣдомости видно, что по числу убійствъ первое мѣсто принадлежитъ Кайтаго-Табасаранскому округу. Населеніе этого округа, въ особенности кара-кайтахцы, стоитъ на самой низкой степени развитія и общественнаго благоустройства. До введенія, въ 1866 году, наибскихъ управленій въ округѣ, въ большей части селеній не было даже старшинъ, потому что никто не хотѣлъ ни въ чемъ подчиняться другому, считая это для себя унизительнымъ. Жители многихъ селеній не могли изъ среды себя избрать кадія, по недостатку грамотныхъ людей, и прибѣгали къ найму кадіевъ, преимущественно изъ Даргинскаго округа. Кадіи эти, какъ наемщики, не только не имѣли никакого вліянія въ селеніи, но даже рѣдко пользовались уваженіемъ, приличнымъ ихъ званію.

По числу пораненій первое мѣсто занимаетъ Казикумухскій округъ. Населеніе этого округа самое промышленное; недостатокъ удобныхъ для хлѣбопашества земель издавна понудилъ казикумухцевъ искать другихъ источниковъ для существованія, и они обратились къ торговлѣ и различнымъ ремесламъ (преимущественно кузнечному и мѣдному). Осенью, убравъ поля и обезпечивъ семейства на зиму, почти всѣ взрослые мужчины *) отправляются искать себѣ работы въ разныя мѣста. Казикумухца можно встрѣтить зимою вездѣ, отъ Оренбурга до Тавриза. Едва наступаетъ весна, всѣ спѣшатъ домой къ семействамъ для обработки полей. Такая жизнь много способствовала къ образованію въ народѣ склонности къ ссорамъ и дракамъ, а какъ у каждаго при себѣ есть оружіе, то большая часть ссоръ и кончается пораненіемъ. Причины же къ началу ссоръ представляются часто, благодаря необыкновенной густотѣ населенія, недостатку земли и наклонности къ пьянству.

Среднее число убійствъ и пораненій для всей области весьма велико; оно будетъ еще больше, если принять въ расчетъ, что убійства и пораненія случаются преимущественно между взрослыми мужчинами. Если считать ихъ не болѣе $^1/_4$ части всего населенія,

*) Изъ округа уволено на заработки внѣ предѣловъ Дагестана: въ 1864 году—6403 челов., въ 1865—6108 и въ 1866—7000 человѣкъ.

то изъ каждыхъ 300 человѣкъ одинъ будетъ въ теченіи года или убитъ, или раненъ.

Причины такого развитія наклонности къ убійствамъ должно искать въ разноплеменности населенія, въ устройствѣ общественной жизни и въ понятіяхъ, образовавшихся при безконечномъ рядѣ войнъ, всякаго рода насилій и грабежей, когда каждый думалъ только о себѣ и единственную надежду на защиту находилъ въ оружіи.

Происходящія въ настоящее время убійства и пораненія можно раздѣлить по причинамъ на слѣдующіе виды: 1) *кровомщеніе*; 2) *за прелюбодѣяніе, изнасилованіе, воровство и т. п.* 3) *Умыселъ съ корыстною цѣлью, изъ вражды, зависти, за оскорбленіе и т. п.* 4) *Ссоры и драки въ пьяномъ видѣ.* 5) *Обыкновенныя ссоры и драки* и 6) *неосторожное обращеніе съ оружіемъ.*

1) *Кровомщеніе.* Хотя нѣтъ положительныхъ доказательствъ о существованіи въ Дагестанѣ кровомщенія до обращенія населенія въ магометанство, тѣмъ не менѣе можно съ большою достовѣрностію полагать, что обычай этотъ существовалъ еще до прихода аравитянъ, по крайней мѣрѣ у язычниковъ, къ которымъ и принадлежала большая часть дагестанскихъ племенъ *) въ то время. Предположеніе это подтверждается многими адатами по кровомщенію, совершенно противорѣчащими постановленіямъ корана; какъ напр., кровомщеніе къ отцу и дѣду и къ родственникамъ убійцы, разореніе домовъ, вырубка садовъ и вообще порча имущества убій-

*) Существующее мнѣніе, что весь Дагестанъ исповѣдывалъ христіанскую религію, положительно ничѣмъ не доказывается. Преданія о томъ, подкрѣпленныя остатками церквей, встрѣчаются только у племенъ, живущихъ близъ главнаго хребта, въ сосѣдствѣ съ Кахетіей, но здѣсь и случаи убійства по кровомщенію бываютъ чрезвычайно рѣдко. Судя по легкости, съ какою нѣкоторыя племена приняли магометанство, а также и по жестокости, съ которою вводили аравитяне коранъ у племенъ, отказывавшихся отъ этого, можно вывести положительное заключеніе, что большинство племенъ Дагестана, во время прихода аравитянъ, придерживалось язычества; иначе они не приняли бы легко магометанства, а аравитяне никогда не требовали этого силою отъ вѣрующихъ въ единаго Бога и имѣющихъ священныя книги, т. е. христіанъ и евреевъ.

ци. Съ принятіемъ магометанства, кровомщеніе, дозволенное кораномъ, еще болѣе утвердилось, какъ одобряемое новою религіею.

Въ недавнее еще время кровомщеніе въ Дагестанѣ принимало часто громадные размѣры и сопровождалось необыкновенною жестокостью. Исполнители его старались поймать убійцу и зарѣзывали его на могилѣ убитаго или на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ; если же это не удавалось, то отрѣзали голову кашы или уши, которыя показывали своимъ родственникамъ и потомъ клали ихъ на могилу убитаго. Кровная вражда нѣкоторыхъ семействъ переходила изъ рода въ родъ; иногда кровомщеніе завязывалось между селеніями и даже обществами и длилось цѣлыя столѣтія. Жители нѣкоторыхъ селеній, спасаясь отъ кровомщенія, переходили на другія мѣста и основали новыя селенія въ чужихъ обществахъ.

Въ подтвержденіе необыкновенной жестокости кровомщенія можно указать на слѣдующіе примѣры: 1) въ селеніи Гадаръ (Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа) кровомщеніе между двумя тохумами, начавшееся вслѣдствіе убійства въ ссорѣ за курицу, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ.

2) Въ Андіи есть небольшой хуторъ Цибильда. По преданію, лѣтъ полтараста тому назадъ, на этомъ мѣстѣ было довольно большое и богатое селеніе, жители котораго дѣлились на два тохума. Разъ, въ праздникъ Курбанъ-Байрама, молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей; родственники его сей-часъ же бросились на убійцу, отъ чего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось извѣстнымъ, что уже по нѣсколько человѣкъ убито съ обѣихъ сторонъ, старики и женщины начали въ свою очередь драться между собою и душить дѣтей другъ у друга. Убійства продолжались нѣсколько дней и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка *).

---

*) Разсказъ объ этомъ происшествіи переданъ мнѣ 60-лѣтнимъ старикомъ, правнукомъ одного изъ уцѣлѣвшихъ цибильдинцевъ.

3) Въ 1826 году въ домѣ нижне-кайтахскаго пристава, въ сел. Великентъ, сынъ послѣдняго уцмія, Адиль-хана, Устаръ-ханъ, встрѣтился съ двоюроднымъ своимъ братомъ Ельдаръ-бекомъ, къ которому имѣлъ кровную вражду за смерть своего отца, изивѣнически убитаго Эмиръ-Гамзой, братомъ Ельдаръ-бека. Едва приставъ вышелъ изъ комнаты, чтобы распорядиться пріемомъ гостей, какъ Устаръ-ханъ въ упоръ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Ельдаръ-бека; нукера его бросились на Устара и началась общая рѣзня, кончившаяся убійствомъ 13 человѣкъ, изъ числа 14-ти бывшихъ въ комнатѣ.

4) Въ Кайтагѣ есть небольшое селеніе Маиаулъ, населенное теперь даргинцами; прежде жили въ немъ кумыки, оставившіе его по слѣдующему случаю: одинъ изъ кумыкскихъ бековъ (родственниковъ шамхала) проѣзжалъ на охоту къ уцмію; ястребъ его въ селеніи убилъ курицу, хозяинъ ея убилъ ястреба. Завязалась драка, въ которой было убито нѣсколько жителей и нукеръ бека; но дѣло этимъ не кончилось. Бекъ, считая себя обиженнымъ, продолжалъ мстить жителямъ за убійство его нукера, и они, спасаясь отъ продолжительнаго кровомщенія, бросили селеніе и разошлись по разнымъ мѣстамъ. Недалеко отъ Чоха есть большое селеніе Меге, по преданію, основанное даргинцами, въ разное время искавшими спасенія отъ кровомщенія.

Главною причиною такихъ порядковъ былъ недостатокъ прочной и сильной власти; когда же по временамъ она появлялась, то представители ея всегда старались если не уничтожить совершенно кровомщеніе, то по крайней мѣрѣ уменьшить его по возможности. Такъ Шамиль, когда его власть въ горахъ уже упрочилась, принялся за это дѣло, ограничиваясь, впрочемъ, только отмѣною нѣкоторыхъ адатовъ, усиливавшихъ кровомщеніе, строгимъ наказаніемъ убійцъ или примиреніемъ ихъ съ родственниками убитыхъ; но не рѣшился вовсе запретить кровомщеніе изъ опасенія возбудить сильное неудовольствіе въ народѣ.

Обычай кровомщенія, дозволенный религіею, освященный временемъ и общимъ употребленіемъ, послужилъ къ образованію въ народѣ убѣжденія не только въ его законности, но и въ справе-

дливости. Хотя всякій понимаетъ весь вредъ для общества, происходящій отъ кровомщенія; тѣмъ не менѣе, неотомстившій за убійство своего родственника подвергается неминуемо насмѣшкамъ и укорамъ своихъ родныхъ и односельцевъ. Съ устройствомъ военно-народнаго управленія въ области, убійство по кровомщенію запрещено положительно и виновные въ немъ наказываются какъ ослушники власти и, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ убійство, ссылаются въ арестантскія роты или въ Сибирь на поселеніе; но какъ народомъ еще невполнѣ усвоено понятіе о томъ, что наказаніе за какое бы то ни было преступленіе принадлежитъ не обиженному, а власти, и адатъ кровомщенія пустилъ слишкомъ глубокіе корни, то одной строгости наказанія оказывается недостаточно, чтобы прекратить его.

Все таки еще есть люди, готовые пожертвовать собою, лишь бы убить своего кроваго врага и тѣмъ исполнить свой долгъ, какъ слѣдуетъ по ихъ понятію. Ищущіе крови своего врага обыкновенно стараются удовлетворить этому желанію при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; не жалѣютъ ни времени, ни издержекъ, ни труда; подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ для того, чтобы подкараулить канлы или заманить его въ засаду и убить на-вѣрняка.

Изъ 41 случаевъ кровомщенія, бывшихъ въ теченіи 6 лѣтъ, въ 35 канлы убиты на мѣстѣ, въ 4 ранены смертельно и только въ 2-хъ несмертельно.

Начальствомъ области постоянно принимались и принимаются всевозможныя мѣры къ совершенному искорененію кровомщенія. Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: 1) виновные въ убійствѣ умышленномъ, преднамѣренномъ и съ корыстною цѣлью подвергаются наказаніямъ по военному суду, или высылкѣ административнымъ порядкомъ въ арестантскія роты и въ отдаленныя губерніи Россіи на срокъ; какъ по адату примиреніе кровныхъ враговъ по этимъ видамъ убійствъ затруднительнѣе, чѣмъ по убійствамъ въ ссорѣ и дракѣ, неумышленнымъ и случайнымъ, то ссылка убійцы, считаемая за тяжкое наказаніе, успокоиваетъ родственниковъ убитаго и они не ищутъ другаго удовлетворенія. 2) Убійца, если

онъ не скрылся, арестовывается начальствомъ до разбора дѣла и тѣмъ на первое время избавляется отъ убійства по кровомщенію.

3) Строжайше запрещено канлы являться въ селеніе, гдѣ живутъ родственники убитаго имъ; съ нарушителей этого распоряженія и съ принявшихъ ихъ въ свой домъ дѣлается взысканіе по распоряженію начальства.

4) Всѣмъ окружнымъ начальникамъ вмѣнено въ обязанность по возможности покончить старые счеты кровныхъ враговъ и кончать дѣла мировою въ случаяхъ убійствъ въ ссорѣ, дракѣ, неумышленныхъ и случайныхъ, съ соблюденіемъ взысканія, налагаемаго адатомъ на виновнаго (за исключеніемъ разумѣется права убивать его).

Введеніе наказаній, установленныхъ нашими законами за убійства этого рода, оказывается рановременнымъ, какъ по слабости ихъ, такъ и по неудобству примѣненія къ современнымъ понятіямъ народа и по другимъ причинамъ; приняты только мѣры къ установленію по возможности одинаковыхъ срока изгнанія убійцы и денежнаго съ него взысканія въ пользу родственниковъ убитаго.

Въ началѣ 1865 года собраны подробныя свѣдѣнія по всѣмъ округамъ о враждующихъ за убійства семействахъ и приступлено къ примиренію ихъ. Въ округахъ Кайтаго-Табасаранскомъ и Даргинскомъ примиреніе совершилось съ весьма значительнымъ успѣхомъ: въ первомъ изъ числа 302 случаевъ окончено примиреніемъ 264; во второмъ изъ 311 примирено 270. Въ Мехтулинскомъ ханствѣ изъ 13 враждующихъ семействъ примирено 8. За тѣмъ къ концу 1865 года считалось канлы и семействъ, имѣющихъ къ нимъ кровную вражду:

Въ владѣніи Тарковскомъ	18
— Присулакскомъ наибствѣ	3
— Мехтулинскомъ ханствѣ	8
— Даргинскомъ округѣ	41
— Казикумухскомъ округѣ	64
— Гунибскомъ округѣ	23
— Аварскомъ округѣ	8

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.....	38
— Кюринскомъ округѣ.....	65
— Самурскомъ округѣ.....	—
Итого.....	288

Нельзя не замѣтить, что наибольшее число случаевъ (⅓ для всей области) убійства по кровомщенію приходится на долю Кайтаго-Табасаранскаго округа, въ которомъ ближайшая къ народу власть—наибы—введена только во второй половинѣ 1866 года. Въ округахъ Самурскомъ, Бежитскомъ и въ наибствѣ При-Сулакскомъ съ 1860 года не было ни одного случая убійства по кровомщенію. Въ округахъ Аварскомъ и Андійскомъ, бывшихъ до 1859 года подъ ближайшимъ надзоромъ Шамиля, по введеніи въ нихъ окружныхъ управленій, также не было ни одного случая. Обстоятельства эти показываютъ значеніе прочной власти въ дѣлѣ прекращенія кровомщенія.

2) *Прелюбодѣяніе, развратъ и воровство.* За прелюбодѣяніе и развратъ адатъ вмѣняетъ въ обязанность ближайшихъ родственниковъ безнаказанно убивать виновныхъ; дозволяется также убивать воровъ, пойманныхъ въ домѣ или во дворѣ, и вообще за всякое насиліе.

Хотя за убійства этого рода убійцы подвергаются административному наказанію, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ совершено убійство, тѣмъ не менѣе въ народѣ еще сохраняется сильное убѣжденіе въ справедливость такихъ убійствъ, которыя нерѣдко случаются даже по одному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи, на основаніи слуховъ о развратѣ жены или близкой родственницы.

3) *Убійства и покаленія умышленныя.* Причины этихъ убійствъ весьма разнообразны; по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній, ихъ нельзя раздѣлить на категоріи. Можно только замѣтить, что убійства съ корыстною цѣлью вообще въ Дагестанѣ сравнительно рѣдки; изъ 210 *) умышленныхъ убійствъ и покаленій, случившихся въ 7 лѣтъ, съ корыстною цѣлью сдѣлано не болѣе ⅛ части.

*) Въ вѣдомости къ числу умышленныхъ убійствъ отнесены и такія убійства, въ которыхъ виновные остались неизвѣстны.

За убійства означенныхъ 3-хъ видовъ съ 1860 по 1867 годъ административнымъ порядкомъ сослано въ арестантскія роты и въ отдаленныя губерніи Россіи:

Изъ владѣнія Тарковскаго	12	челов.
— Ханства Мехтулинскаго	5	—
— При-Сулакскаго наибства	2	—
— Даргинскаго округа	11	—
— Гунибскаго округа	11	—
— Казикумухскаго округа	1	—
— Андійскаго округа	12 *)	—
— Аварскаго округа	7	—
— Кайтаго-Табасаранскаго округа	24	—
— Кюринскаго округа	10	—
— Самурскаго округа	5	—
Всего...	100	—

Изъ числа 286 убійствъ и покушеній за прелюбодѣяніе и умышленныхъ на долю Кайтаго-Табасаранскаго округа приходится 85 случаевъ, т. е. почти $^{3}/_{10}$.

4) *Ссоры и драки въ пьяномъ видѣ.* Съ развитіемъ благосостоянія и съ постепеннымъ уменьшеніемъ вліянія времени шаріята, когда употребленіе спиртныхъ напитковъ было строго и жестоко преслѣдуемо, начало развиваться въ народѣ пьянство и въ настоящее время рѣдкая свадьба, угощеніе при примиреніи и по другимъ случаямъ обходятся безъ попойки. И въ трезвомъ видѣ, даже при ничтожной обидѣ, дагестанецъ не задумается для удовлетворенія себя пустить въ дѣло оружіе; для пьянаго же достаточно самой невинной шутки или отказа исполнить его требованіе, чтобы онъ бросился съ кинжаломъ или шашкою на обидившаго его. Часто убійства и покушенія пьяные дѣлаютъ безъ всякой видимой причины и даже, протрезвясь, сами не въ состояніи опредѣлить побужденія, заставившаго ихъ сдѣлать преступленіе.

Наибольшее число случаевъ убійствъ и покушеній, причиною

*) Въ этомъ числѣ показаны и убійцы бывшаго Бежитскаго округа. По нѣкоторымъ случаямъ было сослано по двое и болѣе человѣкъ.

которыхъ пьянство, бываетъ въ бывшихъ владѣніи Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ и въ Казикумухскомъ округѣ, гдѣ употребленіе бузы, вина и, въ особенности, спирта развито болѣе, нежели въ остальныхъ частяхъ края, какъ отъ бо́льшаго сближенія съ русскими, такъ и отъ бо́льшаго удобства получать спиртъ, привозимый ежегодно въ гор. Петровскъ изъ Россіи въ значительномъ количествѣ.

5) *Ссоры и драки.* Причины ссоръ и дракъ весьма разнообразны. Неполнота донесеній о происшествіяхъ не дозволяетъ раздѣлить всѣ случаи убійствъ и покалѣченій этого рода на опредѣленныя категоріи. Можно только замѣтить, что главныя причины всѣхъ ссоръ и дракъ—это поддержаніе и защита права собственности на землю, воду для поливки, скотъ и проч. Поводомъ къ ссорѣ бываютъ, какъ обыкновенно водится, самые незначительные случаи: достаточно срубить вѣтку въ чужомъ саду, пустить воду на свое поле не въ очередь, швырнуть камнемъ въ чужую курицу и т. п., чтобы завязалась ссора, въ которой принимаютъ сей-часъ же участіе родственники или односельцы ссорящихся,—и дѣло большею частію кончается покалѣченіемъ и убійствомъ. Подобныя ссоры иногда принимаютъ значительные размѣры; такъ напр., въ 1865 году за потраву покосовъ завязалась ссора между жителями селеній Мочокъ и Хиндакъ (Аварскаго округа), въ которой ранено съ обѣихъ сторонъ 26 человѣкъ.

Изъ 138 случаевъ убійствъ и покалѣченій въ 1864 году—въ 60 случаяхъ ссоры и драки завязались изъ-за указанныхъ причинъ, а въ 1865 году изъ 274—129.

6) *Неосторожное обращеніе съ оружіемъ.* Обычай носить всюду съ собою оружіе и держать, даже въ домахъ, ружья и пистолеты постоянно заряженными и неосторожное обращеніе съ нимъ—имѣютъ послѣдствіемъ довольно частыя нечаянныя убійства и покалѣченія. Въ Кайтагѣ и Табасарани, еще и въ настоящее время, рѣдко кто выходитъ изъ дому безъ ружья или пистолета, даже на полевыя работы, и потому въ этихъ частяхъ края несчастные случаи отъ неосторожности бываютъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ частяхъ же Сѣвернаго Дагестана огнестрѣльное оружіе берется съ собою только въ дальнюю дорогу и потому несчастные случаи, сравнительно, бываютъ рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

V.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Увозъ женщинъ. Прелюбодѣяніе. Развратъ. Насиліе. Мужеложство и скотоложство.

При выходѣ въ замужество ни одна женщина не можетъ располагать собою, а непремѣнно требуется для этого согласіе или родственниковъ ея, или опекуна, или наконецъ кадія селенія, къ которому она принадлежитъ. До совершенія брака, желающіе въ него вступить считаются женихомъ и невѣстой.

Весьма распространенъ обычай сговаривать дѣтей, даже вскорѣ послѣ рожденія; при этомъ обыкновенно отецъ мальчика даетъ, въ видѣ залога, какую нибудь вещь отцу дѣвочки и малолѣтніе уже считаются съ этого времени женихомъ и невѣстою. Послѣ сватовства жениху дозволяется дѣлать невѣстѣ подарки (называемые по кумыкски *алъхамъ*), которые, по заключеніи брака или въ случаѣ отказа со стороны жениха, становятся ея собственностью. Въ случаѣ же отказа со стороны невѣсты подарки должны быть возвращены ему вдвое. Качество и цѣнность подарковъ адатомъ не опредѣлены; это вполнѣ зависитъ отъ жениха; но въ числѣ подарковъ должно быть кольцо; въ горныхъ обществахъ обыкновенно этимъ и ограничиваются.

Послѣ сговора жениху дозволяется посѣщать невѣсту во всякое время. Въ обществѣ Цунта-Ахвахъ существуетъ слѣдующій адатъ: женихъ и невѣста послѣ сговора могутъ спать вмѣстѣ; но до заключенія брака женихъ не имѣетъ права касаться до тѣла невѣсты ниже пояса. При Шамилѣ одна ахвахская невѣста убила кинжаломъ своего жениха, хотѣвшаго нарушить этотъ адатъ, и не только не подверглась никакому наказанію, но заслужила общую похвалу. При совершеніи брака женихъ долженъ дать невѣстѣ калымъ и кебинъ-хаккъ.

Калымъ заключается въ верхней одеждѣ, надѣваемой невѣстою въ день свадьбы, постели, игрушкахъ и одѣялахъ. Все это поступаетъ въ полную собственность невѣсты и отбирается отъ нее только въ томъ случаѣ, если она впослѣдствіи сама захочетъ оставить мужа. У аварскихъ племенъ калымъ не дается.

Кебинъ-хаккъ *) есть обезпеченіе, которое женихъ даетъ невѣстѣ на случай развода съ ней или своей смерти.

Кебинъ-хаккъ большею частью не отдается невѣстѣ или ея родственникамъ, а только вносится въ брачное условіе и взыскивается съ мужа, когда онъ даетъ разводъ женѣ, или послѣ его смерти.

Величина кебинъ-хакка зависитъ отъ условія, при чемъ принимаются въ соображеніе состояніе, связи, лѣта и проч. жениха и невѣсты и ихъ родителей. Вообще же наблюдается, чтобы невѣста получала кебинъ-хаккъ не менѣе того, который получила ея мать при выходѣ въ замужество за ея отца.

Шамиль, видѣвшій въ бракѣ залогъ благосостоянія горцевъ, всѣми мѣрами старался способствовать легчайшему заключенію браковъ и потому старался объ уменьшеніи кебина; такъ въ селеніяхъ Гимра, Харакуни и другихъ, бывшихъ вблизи нашей передовой линіи, изъ которыхъ мужчины часто попадали въ плѣнъ или были убиваемы при набѣгахъ, и гдѣ потому число женщинъ значительно превышало число мужчинъ, кебинъ-хаккъ былъ весьма незначителенъ, отъ 25 коп. до 1 рубля.

Продажи дочерей въ замужество въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ обычаѣ не было. Въ Южномъ Дагестанѣ, а именно въ Самурскомъ и Кюринскомъ округахъ и въ части Табасарани, родные дѣвицы, при изъявленіи согласія на ея бракъ, выговаривали отъ жениха условленную сумму въ свою пользу. У кюринцевъ и табасаранцевъ существовала даже оцѣнка для дѣвицъ, вдовъ или разведенныхъ; послѣднія цѣнились вдвое дешевле первыхъ. Обычай этотъ постепенно уже выводится, и если родители и берутъ съ женіховъ деньги за невѣстъ въ свою пользу, то при условіи включаютъ эту сумму въ число кебинъ-хакка. Для расходовъ на торжественный привозъ, по заключеніи брака, новобрач-

*) По аварски—*мегаръ*, *магортли*.

ной въ домъ мужа, съ послѣдняго, въ нѣкоторыхъ частяхъ Кюринскаго и Самурскаго округовъ, берётся особая сумма, смотря по состоянію. Сумма эта называется *іолъ-пулъ* (т. е. дорожныя деньги).

Не смотря на легкость заключенія браковъ, въ Дагестанѣ довольно сильно развитъ обычай похищать или увозить невѣсть.

Увозъ женщинъ и дѣвушекъ разсматривается адатомъ какъ обида родителямъ или опекунамъ женщины. и какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка.

При разборѣ дѣлъ по увозу женщинъ различаются слѣдующіе случаи: 1) увезена ли незамужняя женщина съ ея согласія или насильно; 2) согласны ли родители или опекуны на ея бракъ съ похитителемъ или нѣтъ; 3) побѣгъ женщины къ мужчинѣ и 4) увозъ женщинъ, имѣющихъ жениховъ или замужнихъ.

При согласіи похищенной и ея родныхъ на бракъ съ похитителемъ, дѣло кончается обыкновенно свадьбою, при чемъ женихъ долженъ дать альхамъ, калымъ и кебинъ-хаккъ сообразно съ состояніемъ невѣсты; за нарушеніе же общественнаго спокойствія съ него и помощниковъ его взыскивается штрафъ. Штрафъ взыскивается также и съ женщины, если будетъ доказано, что она бѣжала безъ сопротивленія.

Въ Даргинскомъ округѣ штрафъ увеличивается, если похищенная дѣвушка увезена въ другое селеніе.

При преслѣдованіи бѣжавшей, ея родственники могутъ безнаказанно убить какъ ее, такъ и похитителя; но бѣжавшіе могутъ найти убѣжище въ каждомъ домѣ *); никто не долженъ отказывать имъ въ пріютѣ, до примиренія съ родственниками бѣжавшей. Хозяинъ дома, въ который скрылись бѣжавшіе, обязанъ немедленно развести ихъ по разнымъ комнатамъ; за неисполненіе этого подвергается штрафу.

При примиреніи съ родственниками увезенной женщины, увезшій обязанъ сдѣлать приличное угощеніе.

При отказѣ родителей или опекуновъ женщины выдать ее

*) Въ Кайтагѣ и Табасарани дѣвушка, спасшаяся отъ преслѣдованія въ домѣ бека, становилась его рабою (наравашъ).

за-мужъ за похитителя или при несогласіи ея самой на этотъ бракъ, она возвращается въ домъ родителей; а виновный въ похищеніи ея изгоняется изъ селенія, въ видѣ кровнаго врага, на опредѣленный срокъ (отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 1-го года); но убивать его вездѣ запрещено. По истеченіи срока изгнанія онъ дѣлаетъ приличное угощеніе родственникамъ увезенной женщины и заключаетъ съ ними мировую.

При побѣгѣ женщины къ какому нибудь мужчинѣ, послѣдній обязанъ на ней жениться или принять, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ, очистительную присягу въ томъ, что онъ не былъ въ любовной связи съ бѣжавшей къ нему женщиной. Въ случаѣ женитьбы онъ обязанъ дать калымъ и кебинъ-хаккъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, принятомъ въ обществѣ, къ которому принадлежитъ бѣжавшая. При бракѣ этого рода несогласіе на него родителей бѣжавшей не принимается во вниманіе и въ этомъ случаѣ кадій заступаетъ ихъ мѣсто. При побѣгѣ беременной женщины къ обременившему ее, но ея только показанію, послѣдній обязанъ на ней жениться непремѣнно и считается отцемъ будущаго ребенка.

Увозъ по обоюдному согласію женщинъ, имѣющихъ жениховъ и замужнихъ *), считается тяжкимъ оскорбленіемъ для жениховъ и мужей, и виновные оба подлежатъ изгнанію, какъ кандлы по убійству; но право преслѣдовать ихъ предоставляется только обиженному и его братьямъ. Мужъ увезенной или бѣжавшей женщины можетъ примириться съ похитителемъ, по истеченіи опредѣленнаго срока (отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ), и дать разводъ своей женѣ, за условное вознагражденіе; послѣ этого дѣло кончается мировою съ угощеніемъ и получившая разводъ женщина должна выйти за-мужъ за увезшаго ее. При побѣгѣ невѣсты къ другому, съ которымъ она, по ея показанію, была въ связи прежде, жениху возвращаются всѣ его издержки по сватовству, а невѣста его выходитъ за-мужъ за того, къ которому бѣжала, если онъ этого захочетъ, иначе обязанъ доказать присягою, что не имѣлъ

*) Случаи увоза замужнихъ женщинъ насильно чрезвычайно рѣдки.

прежде съ ней никакого сообщенія; въ такомъ случаѣ она возвращается къ родителямъ и можетъ выйти за-мужъ за своего прежняго жениха, при его согласіи на то.

Всякая любовная связь и прелюбодѣяніе съ женщиной разсматриваются адатомъ, въ сущности, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и увозъ женщинъ по ихъ согласію, и наказанія за нихъ налагаемыя тѣ же самыя. Дѣла по прелюбодѣяніямъ разбираются не иначе, какъ по свидѣтельскимъ показаніямъ; при чемъ считается достаточнымъ одинъ свидѣтель.

Пойманныхъ ближайшими родственниками въ прелюбодѣяніи на мѣстѣ преступленія дозволяется убить тутъ-же, но не иначе какъ обоихъ виновныхъ. Мужъ, убившій любовника и пощадившій жену,—подвергается кровомщенію со стороны родственниковъ имъ убитаго, какъ и за всякое другое убійство. Если же мужъ убьетъ жену, а любовникъ ея почему либо успѣетъ избѣжать смерти, то послѣдній становится кровнымъ врагомъ родственникамъ убитой.

Дѣла по изнасилованію женщинъ разбираются только въ томъ случаѣ, если изнасилованная огласила объ этомъ крикомъ въ селеніи. При опредѣленіи взысканія принимается во вниманіе, изнасилована ли женщина свободная или замужняя. Въ первомъ случаѣ виновный обязанъ дать опредѣленное вознагражденіе изнасилованной имъ женщинѣ, заплатить штрафъ и примириться съ родственниками обиженной; во второмъ случаѣ, въ большей части края, кромѣ денежнаго взысканія, виновный считается кровнымъ врагомъ мужа и ея родственниковъ до примиренія.

Отъ женщинъ, извѣстныхъ развратнымъ поведеніемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жалобы на насиліе не принимаются.

Поцалуи, объятія, срываніе съ головы платка и т. п., сдѣланные публично, большею частью считаются наравнѣ съ насиліемъ и влекутъ за собою для виновнаго тѣ же взысканія, какія опредѣлены за изнасилованіе.

За мужеложство съ насиліемъ дозволяется насилуемому убить виновнаго безнаказанно; если же онъ этого во время насилія сдѣлать не успѣетъ, то имѣетъ право, если докажетъ справедливость своего обвиненія, преслѣдовать виновнаго какъ за убійство.

За мужеложство, по обоюдному согласію, виновные могутъ быть убиты на мѣстѣ преступленія всякимъ, поймавшимъ ихъ.

Скотоложство не считается особымъ преступленіемъ и въ большей части края за него никакого взысканія, кромѣ штрафа, не опредѣлено адатомъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ случаи скотоложства разбирались часто, положено взысканіе съ виновнаго только въ пользу хозяина скотины; такъ напр., въ Микагинскомъ и Хюркелинскомъ обществахъ Даргинскаго округа, хозяинъ скотины получаетъ съ виновнаго въ скотоложствѣ, доказанномъ свидѣтелями, одну пару поршней, да и то взысканіе это дѣлается только съ совершеннолѣтнихъ (въ этомъ случаѣ совершеннолѣтіе считается съ 15-ти лѣтъ).

VI.

Воровство, грабежъ, поджоги, умышленная порча чужаго имущества, потрава. Число дѣлъ, рѣшенныхъ въ судѣ за 7 лѣтъ.

Воровство, грабежъ, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества, адатомъ подводятся подъ одну категорію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ признанный виновнымъ обязанъ возвратить потерпѣвшему его имущество или стоимость его; въ наказаніе же за воровство и умышленную порчу имущества виновный подвергается платежу, въ пользу владѣльца, отъ 2 до 10 разъ болѣе стоимости украденнаго или испорченнаго имъ и съ него взыскивается опредѣленный штрафъ. Большая или меньшая степень взысканія за воровство и всякую порчу имущества, опредѣляемаго адатомъ, зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) мѣста, изъ котораго украдена вещь, 2) цѣнности и свойства украденнаго и 3) какимъ способомъ открытъ виновный: по собственному ли сознанію, прямыми ли доказательствами или по подозрѣнію.

1) За воровство изъ мечети, мельницы, порчу жернововъ, кражу колосьевъ съ поля, хлѣба съ гумна и барановъ съ пастьбы, вездѣ опредѣляется высшая мѣра взысканія. Кромѣ означен-

наго, взысканіе увеличивается иногда за воровство изъ дома и со двора, въ особенности, если въ домѣ оставалась женщина. За входъ въ домъ или во дворъ для воровства, съ вора взыскивается особо опредѣленный штрафъ въ пользу хозяина, независимо цѣнности украденнаго *).

Взломъ при воровствѣ не увеличиваетъ взысканія, только стоимость изломаннаго присоединяется къ стоимости украденнаго.

2) Цѣнность украденнаго имѣетъ значеніе только при опредѣленіи штрафа. При воровствѣ скота наибольшее взысканіе опредѣляется за лошадь, потомъ за барановъ. Если воръ не возвратитъ украденной вещи или скотины натурою, то его заставляютъ купить подобную украденной, при чемъ выборъ предоставляется на усмотрѣніе хозяина. Украденныя деньги возвращаются владѣльцу ихъ въ томъ количествѣ, сколько украдено; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за воровство денегъ въ монетѣ увеличивается штрафъ.

3) Собственное сознаніе въ воровствѣ, данное до разбора дѣла судомъ, освобождаетъ виновнаго отъ всякаго взысканія; онъ обязанъ только возвратить украденную вещь въ прежнемъ ея видѣ или стоимость ея. Воровство, доказанное поличнымъ или свидѣтелями, всегда влечетъ за собою взысканіе въ высшей степени. Обвиненный въ воровствѣ по подозрѣнію, присягою истца или очистительною, въ большей части случаевъ присуждается только къ возврату стоимости украденнаго и освобождается отъ прочихъ взысканій.

Величина штрафа, взыскиваемаго за воровство, какъ зависящая отъ многихъ обстоятельствъ, до крайности разнообразна, въ предѣлахъ отъ 1-го до 161 рубля **).

Всѣ предварительные розыски по воровству предоставляются хозяину украденнаго; разборъ же дѣла судомъ начинается только

---

*) Въ сел. Бути за воровство изъ ближайшей къ дверямъ половины комнаты взыскивается только стоимость украденнаго; за воровство же вещи, находившейся за столбомъ, поддерживающимъ главную балку, взыскивается вдвое и кромѣ того штрафъ хозяину 10 коровъ.

**) Штрафъ—161 руб., деньгами или имуществомъ, 35 быковъ (по 4 р. каждый) и 8 котловъ (по 3 руб. каждый)—опредѣляется въ Ахушѣ за воровство изъ мечети.

тогда, когда указанъ воръ или подозрѣваемый въ воровствѣ. Адатъ строжайше запрещаетъ входить съ воромъ въ какую бы то ни было миролюбивую сдѣлку, помимо суда; съ нарушителя этого правила взыскивается штрафъ и онъ лишается права на удовлетвореніе отъ вора. Розыскъ своего пропавшаго скота владѣлецъ можетъ поручить кому нибудь другому за условную плату, которая потомъ взыскивается съ виновнаго.

Въ нѣкоторыхъ случахъ плата сыщику, называемая *рушпетъ* *), опредѣлена разъ навсегда; въ спорныхъ же случаяхъ плата эта опредѣляется судомъ; при чемъ вездѣ соблюдается правило, чтобы она не превышала стоимости пропавшаго, которое отыскивалось.

Рушпетъ полагается только за пропавшую скотину.

Всякій хозяинъ, гдѣ бы ни отыскалъ пропавшую у него лошадь или скотину, имѣетъ полное право взять ее тотъ-часъ же, если докажетъ, какимъ бы-то ни было способомъ, свое право на нее. При этомъ, если уворованная скотина перешла уже нѣсколько рукъ, онъ выдаетъ тому, отъ котораго отбираетъ, письменное удостовѣреніе (называемое *айнамалъ-кагазъ*) **) за подписью сельскаго муллы, или кадія, или другаго начальства.

Айнамалъ-кагазъ предъявляется получившимъ его тому, отъ кого онъ пріобрѣлъ украденную скотину, при чемъ продавшій обязанъ удовлетворить предъявителя этой бумаги и въ свою очередь можетъ требовать удовлетворенія отъ того, у кого пріобрѣлъ эту же скотину. Такимъ образомъ айнамалъ-кагазъ доходитъ наконецъ до вора, который и уплачиваетъ какъ за украденное, такъ и издержки на его розысканіе.

Адатъ этотъ служитъ источникомъ большихъ недоразумѣній и споровъ; для избѣжанія этого составляются изъ частныхъ адатовъ, по отысканію и отобранію пропавшихъ лошадей и скотины, общія правила для всей области. Независимо взысканія, опредѣляемаго по адату, виновные въ воровствѣ, смотря по обстоятельствамъ,

---

*) Примѣчаніе XV.

**) Примѣчаніе II.

при которыхъ совершено ими воровство, подвергаются наказаніямъ, преимущественно аресту, по распоряженію мѣстнаго начальства.

Отнятіе силою или устрашеніемъ имущества, безъ причиненія вреда обиженному, не увеличиваетъ наказанія за воровство. Хозяинъ дома или имущества, если убьетъ вора на мѣстѣ преступленія, по адату не только избавляется отъ всякой отвѣтственности, но даже имѣетъ право требовать отъ родственниковъ убитаго имъ вора опредѣленнаго вознагражденія за позволеніе взять трупъ изъ его дома или двора. Въ Казикумухскомъ округѣ не дозволяется убивать вора, пойманнаго днемъ, когда свѣтло и онъ можетъ быть узнанъ.

При опредѣленіи взысканія за поджогъ принимается во вниманіе — сдѣланъ ли поджогъ умышленно или неумышленно; въ послѣднемъ случаѣ виновный обязанъ удовлетворить только по стоимости сгорѣвшаго. Поджогъ считается неумышленнымъ, если сдѣлавшій его самъ сознается немедленно послѣ пожара. Всѣ остальные случаи считаются умышленными.

Гость, потерявшій свои вещи во время пожара, получаетъ полное удовлетвореніе отъ хозяина дома, у котораго онъ остановился.

За всякую потраву и порчу имущества, умышленную или неумышленную, владѣлецъ его получаетъ полное вознагражденіе отъ виновнаго, по оцѣнкѣ, производимой обыкновенно почетными людьми. Кромѣ того, смотря по обстоятельствамъ и по значенію испорченнаго, съ виновнаго взыскивается вдвое болѣе и кромѣ того штрафъ.

Въ теченіи семи лѣтъ, съ 1-го января 1860 по 1-е ноября 1866 года, въ народный и окружные суды жалобъ на воровство и грабежъ поступило 2312.

Наибольшее число изъ нихъ приходится на долю округовъ Южнаго Дагестана и Даргинскій округъ. Наименьшее—на округа Аварскій, Андійскій, Гунибскій и Казикумухскій. По свѣдѣніямъ о числѣ дѣлъ, рѣшенныхъ въ судахъ съ 1-го ноября 1865 по 1-е ноября 1866 года, заслуживающимъ полнаго довѣрія, дѣлъ по грабежу и воровству поступило:

Въ Дагестанскій народный судъ *)	35
— Мехтулинскій — —	14
— судъ При-Сулакскаго наибства	18
— Даргинскій окружной судъ	142
— Аварскій — —	29
— Андійскій — —	
— Гунибскій — —	19
— Казикумухскій —	2
— Кайтаго-Табасаранскій —	118
— Кюринскій — —	116
— Самурскій — —	128
Всего	621

Въ числѣ этихъ дѣлъ жалобъ на воровство съ насиліемъ было только 16, т. е. около $^1/_{40}$ части.

Эти данныя могутъ служить указаніемъ степени развитія воровства между населеніемъ области.

Кромѣ денежнаго взысканія за сдѣланное воровство — воры терпятъ еще наказаніе нравственное: они подвергаются безпрерывнымъ насмѣшкамъ; лишаются права на выборъ въ общественныя должности, не могутъ оправдаться очистительною присягою въ случаѣ павшаго на нихъ новаго подозрѣнія и т. п. Общества сами стараются объ удаленіи изъ своей среды неоднократно-замѣченныхъ въ воровствѣ и обращаются къ начальству съ просьбами о ссылкѣ ихъ въ арестантскія роты или въ отдаленныя губерніи.

За неисправимую наклонность къ воровству сослано административнымъ порядкомъ въ теченіи послѣднихъ 7-ми лѣтъ:

Изъ владѣнія Тарковскаго	13
— Ханства Мехтулинскаго	4
— Наибства При-Сулакскаго	5
— Даргинскаго округа	8
— Гунибскаго —	7
— Казикумухскаго —	4
— Андійскаго —	4

*) Въ этотъ судъ поступили также дѣла изъ бывшаго владѣнія Тарковскаго.

Изъ Аварскаго округа....	4
— Кайтаго-Табасаранскаго.....	10
— Кюринскаго —	6
— Самурскаго —	5
Всего.....	70

Частыя потравы, удобство воровать безнаказанно хлѣбъ съ поля и фрукты изъ садовъ, были причиною установленія нѣкоторыхъ адатовъ, служащихъ какъ бы предохранительною мѣрою противу потравъ и воровства подобнаго рода.

Съ появленіемъ подножнаго корма, вся скотина и бараны должны быть отгоняемы на принадлежащія селенію пастьбища или горы, въ дворахъ же дозволяется держать только жеребцовъ, рабочую скотину и не болѣе какъ 1-го или 2-хъ барановъ на каждый дворъ, при чемъ хозяевамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы содержимая ими въ селеніи скотина кормилась дома, а не выпускалась на поля.

Въ Среднемъ и Западномъ Дагестанѣ на хуторахъ, устраиваемыхъ обыкновенно на пахатныхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селенія, дозволяется жить только въ рабочее время, срокъ котораго опредѣляется старшинами, по совѣту съ почетными людьми

Запрещается даже въ собственномъ саду срывать и ѣсть виноградъ раньше времени, которое будетъ назначено управленіемъ селенія *); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это же запрещеніе распространяется на кукурузу, грецкіе орѣхи и нѣкоторые другіе фрукты. Только въ случаѣ пріѣзда въ селеніе почетнаго гостя дозволяется для его угощенія сорвать нѣсколько спѣлыхъ фруктовъ или винограда.

Всякій, изобличенный въ нарушеніи этихъ адатовъ, подвергается штрафу, который большею частію состоитъ въ томъ, что лица, наблюдающіе за порядкомъ въ селеніи (тургаки, чоуши, карты и т. п.) берутъ въ пользу общества какую либо скотину, принадлежащую виновному.

Кромѣ описанныхъ адатовъ во всѣхъ частяхъ края суще-

*) Адатъ этотъ не соблюдается только въ селеніяхъ, находящихся вблизи укрѣпленій и городовъ, гдѣ есть удобный и вѣрный сбытъ для винограда.

ствуетъ еще множество отдѣльныхъ адатовъ, до крайности разнообразныхъ. Такъ, есть особые адаты по наслѣдству между членами бывшихъ владѣтельныхъ фамилій; по различнымъ видамъ пользованія землею; по запашкѣ общественныхъ земель; по найму пастьбищъ; по рубкѣ лѣса; по распредѣленію воды на поля; по потерямъ и находкамъ; по долговымъ обязательствамъ; по отношеніямъ къ владѣльцамъ поселянъ, живущихъ на ихъ земляхъ; по найму пастуховъ и уходу за стадами и т. п. Адаты эти также принимаются въ руководство, преимущественно передъ шаріятомъ, при разборѣ дѣлъ въ окружныхъ судахъ.

По мѣрѣ устройства окружныхъ управленій, въ нихъ открывались и суды, въ которые и обращался каждый, имѣвшій въ томъ необходимость.

Въ теченіи 6 лѣтъ, съ 1-го января 1860 по 1-е ноября 1865 года, въ народномъ, окружныхъ и бывшихъ судахъ мехтулинскомъ и при-сулакскомъ, поступило и рѣшено дѣлъ по шаріяту и адату:

1)	По убійству	587 *).
2)	— покушенію и увѣчьямъ	518
3)	— увозу и похищенію женщинъ	48
4)	— прелюбодѣянію	47
5)	— воровству	1636
6)	— грабежу	55
7)	— поземельнымъ спорамъ	937
8)	— долговымъ и другимъ обязательствамъ	2997
9)	— жалобамъ супруговъ другъ на друга, по жалобамъ поселянъ на владѣльцевъ, по потерямъ и находкамъ, по наслѣдству, по завѣщаніямъ, и разныхъ другихъ исковъ	6,774
	Всего	13,599

Среднимъ числомъ въ годъ по 2266 дѣлъ. Свѣдѣнія эти

*) Въ это число входятъ дѣла по примиренію кланы и по убійствамъ прежнихъ лѣтъ.

составлялись въ различные сроки и потому нѣтъ возможности распредѣлить ихъ по годамъ.

Дѣятельность окружныхъ судовъ и народнаго суда за послѣдній годъ, т. е. съ 1-го ноября 1866 по 1-е ноября 1867 года, показана въ слѣдующей вѣдомости, составленной по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ:

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ дѣлъ, поступившихъ на рѣшеніе въ народный и окружные суды Дагестанской области съ 1-го ноября 1865 по 1-е ноября 1866 года.

НАЗВАНІЕ СУДОВЪ.	По убійству.	По ранамъ и увѣчьямъ.	По воровству.	По грабежу.	По увозу и похищ. женщ.	По прелюбодѣянію.	По поземельнымъ спорамъ.	По долговымъ обязательст.	По разнымъ гражд. искамъ.	ВСЕГО.
1) Народный судъ	7	6	35	—	—	2	12	160	23	245
2) Даргинскій окружной судъ	12	51	142	—	2	23	268	297	118	823
3) Судъ Мехтулинскаго ханства	10	6	9	5	4	2	14	64	28	152
4) Судъ При-Сулакскаго наибства	1	2	18	—	2	3	—	34	24	84
5) Аварскій окружной судъ 6) Андійскій	14	33	29	—	—	10	39	24	76	225
7) Гунибскій	7	27	19	—	—	2	35	43	19	152
8) Казикумухскій	14	36	2	—	—	—	44	11	9	116
9) Кайтаго-Табасаранскій окружной судъ	36	19	110	8	3	2	5	32	1	216
10) Кюринскій окружной судъ	20	23	116	—	4	10	16	57	54	300
11) Сумурскій	8	76	125	3	2	1	22	85	63	385
Всего..	129	275	605	16	17	55	455	717	425	2698

Изъ этой вѣдомости видно: 1) что число дѣлъ, разобранныхъ въ судахъ, простирается до 2698, т. е. значительно больше чѣмъ среднее число за предшествовавшіе годы; 2) число дѣлъ по прелюбодѣяніямъ простирается до 55, тогда какъ во всѣ предшествовавшія 5 лѣтъ по прелюбодѣянію было разобрано только 47 дѣлъ. Эти обстоятельства, въ особенности послѣднее, служатъ лучшимъ доказательствомъ постоянно возрастающихъ довѣрія и уваженія народа къ судамъ, чѣмъ мало по малу уничтожается вкоренившееся въ массѣ населенія своеволіе и постепенно и нечувствительно для народа достигается цѣль полнаго и совершеннаго подчиненія населенія Дагестана нашей власти.

1868 года.
Темиръ-Ханъ-Шура.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ статьѣ:

«АДАТЫ И СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО НИМЪ».

I.

ВѢДОМОСТИ О ЧИСЛѢ УБІЙСТВЪ И ПОРАНЕНІЙ ПО ГОДАМЪ И ОКРУГАМЪ.

1861 ГОДЪ.	УБІЙСТВА.							ПОРАНЕНІЯ.													ВСЕГО.	
НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	По кровомщенію.		По прелюбодѣянію и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.				
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Убійствъ.	Поранені.
1) Владѣніе Тарковское	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	—	—	—	4	5	
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	3	—	—	—	5	
3) Наибство При-Сулакское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	
4) Округъ Даргинскій	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	
5) Округъ Гунибскій	1	—	3	—	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	9	—	—	10	3	
6) Округъ Казикумухскій	—	—	1	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	7	—	—	5	9	
7) Ханство Аварское *).																						
8) Кайтаго-Табасаранскій округъ	3	1	1	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	21	—	—	7	27	
9) Ханство Кюринское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	
10) Округъ Самурскій	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	4	—	—	1	7	
11) Округъ Бешитскій	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	1	
Всего...	6	1	11	—	9	3	2	—	—	1	—	—	3	1	3	12	47	—	3	30 **)	70	

*) Свѣдѣній не представлено. **) Самоубійства не вошли въ общіе итоги.

1862 ГОДЪ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По предвод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По предвод. и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	ВСЕГО. Убійствъ.	Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	1	3
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3) Наибство Присулакское	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2	2
4) Даргинскій округъ	—	1	3	—	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—
5) Округъ Гунибскій	2	5	3	1	5	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	4	—	—	16	6
6) Округъ Казикумухскій	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	26	—	—	2	27
7) Округъ Андійскій	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	8	—	—	2	9
8) Округъ Аварскій	—	—	—	—	3	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	10	—	—	3	12
9) Кайтаго-Табасаранск. округ.	4	1	11	2	10	2	—	—	—	1	1	—	—	—	—	3	24	1	—	30	30
10) Округъ Кюринъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	1	5
11) Округъ Самур.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	3
12) Округъ Вежитскій	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего	6	10	20	3	25	3	2	—	—	2	1	1	5	2	1	4	79	1	1	67	97

1863 годъ.	УБІЙСТВА.							ПОРАНЕНІЯ.											ВСЕГО.	
НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	По провокаціи.	По предосуд. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссорѣ и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	По провокаціи.		По предосуд. и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.		
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Убійствъ.	Поранен.
1) Владѣніе Тарковское	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3	3
2) Ханство Мехтулинское	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	—	2	5
3) Наибство Прикумское	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	5	—	—	2	8
4) Даргинскій округъ	1	3	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—
5) Округъ Гунибскій	2	1	3	—	1	—	—	1	—	1	1	1	—	—	—	2	14	—	—	7	20
6) Округъ Казикумухскій	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	*2	—	2	23	—	—	1	27
7) Округъ Андійскій	—	1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	8	—	1	6	12
8) Округъ Аварскій	—	1	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	9	—	—	5	1
9) Кайтаго-Табасаранскій окр.	3	3	6	—	12	1	—	—	—	1	—	1	1	—	—	5	22	—	2	25	32
10) Округъ Кюринъ	—	—	—	1	4	1	2	—	—	1	—	1	—	—	—	3	1	—	1	6	7
11) Округъ Самур.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	2
12) Округъ Бежитскій	—	—	—	*	—	—	—	*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	8	9	17	2	29	3	2	1	—	3	1	4	6	—	4	17	87	—	4	68	127

1864 ГОДЪ.	УБІЙСТВА.							ПОРАНЕНІЯ.													ВСЕГО.	
НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	По кровомщенію.		По прелюбодѣянію и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.		Убійствъ.	Раненій.
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.		
1) Владѣніе Тарковское.....	1	1	4	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	10	3
2) Ханство Мехтулинское....	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	3	1	—	3	10
3) Наибство При-Сулакское....	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
4) Даргинскій округъ.....	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4	1
5) Округъ Гунибскій.....	1	1	4	—	3	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	9	—	—	9	13
6) Округъ Казикумухскій	—	1	3	—	8	1	—	—	—	—	—	—	—	4	—	3	3	39	—	1	13	50
7) Округъ Андійскій.....	—	—	2	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	13	—	2	9	16
8) Округъ Аварскій.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	3	—	—	—	5
9) Кайтаго-Табасаранскій округ.	1	—	10	1	9	—	—	—	1	1	—	2	9	—	2	4	21	1	—	—	21	41
10) Ханство Кюринское.	2	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	7	3
11) Округъ Самур.	—	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1
12) Округъ Бежитскій	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Всего.....	5	4	37	2	36	3	—	—	1	1	6	3	14	1	11	13	89	2	3		87	144

1865 годъ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По предубод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и дракѣ.	По неосторожности.	Самоубійства.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію.		По предубѣжденію и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.		ВСЕГО. Убійствъ.	Раненій.
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.		
1) Владѣніе Тарковское	—	1	2	5	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	1	5	—	—	12	23
2) Хаитство Мехтулинское	—	1	5	—	3	—	1	1	—	—	—	1	1	—	4	—	7	—	—	9	14
3) Нацбство Прикумское	—	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	4	3
4) Даргинскій округъ	—	—	4	1	4	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	9	4
5) Округъ Гунибскій	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	5	—	17	1	1	1	26
6) Округъ Казикумухскій	1	2	1	—	6	—	4	—	—	—	—	—	—	2	—	8	6	61	—	2	10	79
7) Округъ Андійскій	—	—	3	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	1	1	20	—	1	8	26
8) Округъ Аварскій	—	—	3	—	5	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	3	1	49	1	1	8	57
9) Кайтаго-Табасаранскій окр.	2	5	5	—	14	3	1	—	—	—	—	1	1	—	3	8	23	1	3	29	40
10) Округъ Кюринскій	—	2	1	2	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	—	—	11	7
11) Округъ Самурскій	—	3	3	—	1	—	1	—	—	1	1	—	2	—	—	3	16	—	—	7	23
12) Округъ Бежитскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2
Всего	3	16	29	11	42	7	8	2	—	1	2	2	10	2	41	26	206	3	9	108	304

1866 годъ.	Убійства.							Поранені я.													Всего.	
Названіе частей края.	По кровомщенію.	По предполож. ит. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	По кровомщенію.		По предположенію и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.		Убійствъ.	Поранені й.
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.		
1) Владѣніе Тарковское	2	—	5	1	—	—	—	—	1	—	2	—	1	2	6	—	7	—	1	8	20
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	2	1	[?]	—	—	—	—	1	—	3	3	2	1	—	—	3	10
3) Наибство Присулакское	[?]	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	4	1	—	4	8
4) Округъ Даргинскій	[?]	1	—	2	—	5	1	2	—	—	—	1	1	2	—	8	5	—	—	9	17
5) Округъ Гунибскій	1	1	1	—	1	1	—	[?]	—	—	—	2	—	1	2	25	—	1	5	34
6) Округъ Кази-кумухскій	[?]	—	—	1	3	2	—	[?]	1	—	1	—	1	2	[?]	10	6	35	1	1	6	58
7) Округъ Андійскій	[?]	—	1	2	—	1	1	—	[?]	—	—	1	2	[?]	—	—	6	16	—	—	5	25
8) Округъ Аварскій	[?]	—	—	1	—	4	—	—	[?]	—	—	—	—	—	3	3	18	—	—	5	24
9) Кайтаго-Табасаранскій округъ	1	7	7	3	[?] 7	3	2	—	—	—	—	4	5	—	[?]	4	18	4	2	28	37
10) Округъ Кюринскій	[?]	2	3	—	—	2	1	2	—	—	—	1	—	1	[?]	5	6	5	—	—	8	18
11) Округъ Самурскій	[?]	—	—	5	—	—	1	1	—	—	—	1	—	1	—	—	2	85	—	—	6	89
Всего...	7	12	26	5	26	11	7	1	1	1	5	9	13	7	30	40	222	6	5	87	340

1867 годъ.	УБІЙСТВА.							ПОРАНЕНІЯ.													ВСЕГО.	
НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	По кровомщенію.	По предполож. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	По кровомщенію.		По предположенію и т. п.		Умышленно.		Въ пьяномъ видѣ.		Въ ссорахъ и дракахъ.		По неосторожности.		Убійствъ.	Поранеій.
								Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.	Смертельно.	Легко.		
1) Округъ Темиръ-Ханъ-Шуранскій:																					
Бывшія Владѣніе Тарковск.	—	—	1	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	7	4	8	—	—	5	17
Бывшія Ханство Мехтулин.	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	5	—	—	1	8
Бывшія Наиб. ПриСулакское.	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	1	1	3
2) Даргинскій округъ.....	1	—	7	2	5	1	1	—	—	2	2	—	—	2	3	4	16	1	—	9	21
3) Гунибскій округъ.....	2	3	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1	7	—	—	2	9
4) Казикумухскій округъ.....	1	—	—	—	2	2	1	—	—	—	—	1	2	2	2	1	28	—	1	6	33
5) Андійскій округъ.....	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1
6) Аварскій округъ.....	—	2	—	—	2	—	1	—	—	—	4	—	1	—	—	4	31	—	1	4	37
7) Кайтаго-Табасаранскій окр.	3	2	7	2	3	2	2	—	—	—	—	2	1	1	6	3	32	—	2	6	41
8) Кюринскій округъ.....	1	—	5	—	11	2	2	—	1	—	—	1	—	—	—	10	12	1	1	12	14
9) Самурскій округъ.....	—	—	6	—	2	—	3	—	—	—	1	1	—	—	—	3	43	—	1	4	45
Всего.....	8	9	27	6	32	9	10	—	1	3	7	5	6	6	23	34	185	3	7	51	229
	91																			280	

II.

Примѣчанія и объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ статьѣ объ адатахъ.

I

Адатъ—слово арабское, значитъ «обычай». Въ Дагестанѣ употребляется болѣе въ смыслѣ «законъ, постановленіе.» На нѣкоторыхъ языкахъ сохранились еще свои названія для обозначенія слова адатъ. Такъ, по аварски, адатъ—*батлъ*. У кумыковъ адаты, прилагаемые къ рѣшенію дѣлъ, называются *ольгу*, что собственно значитъ «выкройка, образецъ,»

II.

Айнамалъ кагазъ—слово кумыкское, значитъ «кружащаяся бумага». Называется по аварски *соирилебъ-кагадъ*, отъ слова соиры—кругъ. Во многихъ мѣстахъ при передачѣ айнамалъ-кагаза принято отдавать получающему его кусокъ бязи ($^3/_4$ арш.) и 20 коп. деньгами. Сыщикъ или хозяинъ, отправляясь на розыски пропавшаго, беретъ съ собою бязь на саванъ и 20 коп. въ уплату муллѣ за похороны, въ знакъ того, что онъ какъ бы готовъ быть убитымъ, лишь бы вернуть разыскиваемое имущество.

III.

Батманъ—мѣра вѣса. Величина батмана чрезвычайно разнообразна; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшаго владѣнія Тарковскаго онъ равняется почти 3-мъ русскимъ фунтамъ; въ Южномъ же Дагестанѣ, въ Улусскомъ магалѣ, онъ равняется 33 фунтамъ, а въ городѣ Дербентѣ=19 фунтамъ, 90 золотникамъ, 63 дол.

IV.

Бекъ-Бій слово монгольское, значитъ—*повелѣвающій*. Въ Дагестанѣ званіемъ и правами бековъ пользуются только наслѣдственно. Всѣ беки принадлежатъ къ потомству бывшихъ владѣтелей; нѣкоторымъ изъ нихъ придается общая фамилія, по званію владѣтеля, къ роду котораго они принадлежатъ; такъ образовались фамиліи: въ Сѣверной Табасарани—*Кадіевы*; въ Кайтахѣ—*Умміевы*; въ бывшемъ владѣніи Тарковскомъ—*Шамхаловы*. Лично, въ народѣ, званіемъ бековъ пользуются лица, достигшіе въ нашей службѣ офицерскихъ чиновъ.

V.

Буза—напитокъ, въ родѣ пива, приготовляется изъ ячменя или проса. У аварцевъ называется *бокочи*.

VI.

Диванные члены или *диванъ-беки* отъ слова *диванъ*, употребляемаго въ смыслѣ «присутствіе суда.» Такъ говорятъ — *дѣлать диванъ*, т. е. производить судъ. Названіе это въ положеніи объ управленіи областью замѣнено словомъ *депутатъ*. Обязанность Диванныхъ членовъ или Депутатовъ состоитъ въ постановленіи рѣшенія по дѣлу, разбираемому по адату.

VII.

Кадій—слово арабское, означаетъ *судья*. Въ Дагестанѣ существуютъ два вида кадіевъ: кадіи-владѣтели, избираемые безсрочно, и кадіи въ селеніяхъ. Аравійскій полководецъ Маслама (Абу-Муселимъ) для управленія Сѣверною Табасараньо назначилъ кадія, потомки котораго наслѣдовали это званіе; изъ нихъ всегда выбирался кадіемъ преимущественно старшій въ родѣ. Вѣроятно, подобнаго же происхожденія и наслѣдственные кадіи сиргинскій, акушинскій и цудахарскій. Съ званіемъ этихъ кадіевъ соединялась всегда свѣтская власть, и многіе изъ нихъ, будучи вовсе неграмотными, не вмѣшивались въ дѣла духовныя лично, а предоставляли это своимъ письмоводителямъ.

Въ обществахъ Усиша, Мухя, Микахя и Хюраки, кадіи, управлявшіе народомъ, избирались на опредѣленное время изъ достойнѣйшихъ людей.

Въ каждомъ большомъ селеніи и въ нѣсколькихъ малыхъ, для разбора дѣлъ по шаріяту и исполненія духовныхъ требъ и службы

при главной мечети, избирается одинъ кадій изъ числа лицъ, извѣстныхъ своею ученостью, знаніемъ корана и хорошею нравственностью. Кадіи эти пользуются опредѣленною платою за разборъ дѣлъ по шаріяту, за похороны и свадьбы. Освобождены отъ податей и повинностей и получаютъ опредѣленную часть изъ закята, сбираемаго на содержаніе мечетей и учениковъ.

VIII.

Кари—мѣра длины, равняющаяся $^{1}/_{4}$ ханскаго аршина; величина кари разнообразна, между 11 и 12 русскими вершками.

IX.

Картъ—слово кумыкское и значитъ «старикъ, почтенный». У аварцевъ карты называются—*чукби* и *адиль-заби*; послѣднее названіе арабское и значитъ *справедливые* (люди); употребляется преимущественно въ Антлѣратлѣ и Анцухѣ.

Въ Табасарани обязанности картовъ исполняютъ старшины селеній, называемые *кеуха* (слово персидское и по-русски обыкновенно переводится *староста*). Званіе это во многихъ селеніяхъ наслѣдственно. Въ Кюринскомъ и Самурскомъ округахъ карты называются *акъ-саккалъ* (слово тюркское и значитъ *бѣлая борода*).

X.

Кулъ—рабъ, *карашъ*—рабыня; оба названія тюркскія (по аварски *лагъ*). Число рабовъ въ Дагестанѣ всегда было невелико: въ началѣ 1867 года ихъ было до 600 душъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ начальствомъ области, большая часть рабовъ освобождена владѣльцами добровольно и безвозмездно; остальные освобождены на условіяхъ выкупа. Рабы не имѣли никакихъ правъ и хозяева смотрѣли на нихъ почти какъ на домашнюю скотину. Потомки освобожденнаго раба во многихъ мѣстахъ не пользуются вполнѣ правами людей свободныхъ; такъ напр. въ сел. *Корода* (Куядинскаго наибства Гунибскаго округа) каждую пятницу, послѣ молебствія въ мечети, чоуши обходятъ всѣхъ, предки которыхъ когда-либо были рабами, и говорятъ каждому: «*помни, что ты происходишь не отъ узденя.*» Освобожденный рабъ и его потомство не имѣютъ права рѣзать для пищи болѣе 3-хъ барановъ въ годъ на цѣлое семейство, хотя бы по состоянію своему и были богаче кровныхъ узденей. Въ сел. *Онсокули* (Унцукуль), въ случаѣ какого либо экстреннаго наряда, для

дачи подводы, разработки дороги и т. п., исполненіе его присуждается не въ очередь на семейства освобожденныхъ рабовъ.

Въ селеніи *Чохъ* освобожденные рабы и ихъ потомки, до 4-го колѣна, обязаны при раздѣлѣ общественныхъ пашенъ, бывающемъ чрезъ каждыя десять лѣтъ, давать по одному котлу изъ особаго сплава, называемаго охи, цѣною отъ 8—10 рубл.; одинъ изъ котловъ разбивается въ мелкіе куски, остальные продаются и на вырученную за нихъ сумму дѣлается угощеніе для членовъ сельскаго управленія. Кромѣ того разъ въ годъ, послѣ раздѣла покосовъ и пастбищныхъ мѣстъ, каждый освобожденный рабъ и его потомки, до 4-го колѣна, обязаны угостить всѣхъ узденей, живущихъ на одной съ ними улицѣ.

Въ сел. *Метлельта* (въ Гюнбетѣ) въ опредѣленный день, разъ въ годъ, освобожденные рабы должны выходить изъ дома на цѣлую ночь; въ ихъ отсутствіе приходятъ партіи молодыхъ людей и могутъ ѣсть и пить все, что найдутъ у нихъ въ домѣ и во дворѣ.

XI.

Локоть—мѣра длины у аварцевъ. Каждый мѣритъ на свой локоть, отъ конца средняго пальца до локтеваго сустава. У кого локоть малъ, тому дозволяется прибавить еще ширину ладони другой руки.

XII.

Магалъ—слово тюркское и соотвѣтствуетъ всего ближе нашему слову «волость». Магалы состоятъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ по историческимъ, этнографическимъ или топографическимъ причинамъ общіе интересы. Въ каждомъ магалѣ одно изъ селеній считается главнымъ и сельское начальство его управляетъ общими дѣлами всѣхъ остальныхъ селеній. Магалами называются также части (кварталы) большихъ селеній; въ каждомъ магалѣ есть своя мечеть—и въ этомъ смыслѣ слово магалъ можно перевести нашимъ «приходъ».

XIII.

Нуцалъ—древній титулъ владѣтелей Аваріи. Нуцалами назывались также и всѣ члены этой фамиліи. Дается иногда какъ имя собственное.

XIV.

Правители, поставленные аравитянами. Во время прибытія

аравитянъ въ Дагестанъ только въ Аваріи были наслѣдственные владѣтели, называвшіеся нуцалами; имъ подчинялась большая часть нынѣшняго Дагестана. Аварскій полководецъ *Абу-Муселимъ* (Маслама), въ 733 году по Р. Хр., поставилъ слѣдующихъ правителей:

1) Въ Кайтагѣ *Эмиръ Хамзу*, происходившаго изъ рода Корейшитовъ; онъ основалъ въ бывшемъ кайтахскомъ селеніи Ургудза крѣпость, названную *Кала-Корейшъ*, и принялъ титулъ *Исмій* (что значитъ по-арабски именитый), превратившійся впослѣдствіи въ *Уцми*, *Уцмій*. Званіе уцмія уничтожено прокламаціею генерала Ермолова въ 1820 году.

2) Въ *Табасарани* правителемъ былъ назначенъ *Магометъ-Маасумъ* (безгрѣшный) и въ помощь къ нему для наставленія народа въ вѣрѣ приданъ кадій. Послѣдующіе правители сохранили титулъ Маасума или Майсума, а кадіи успѣли пріобрѣсть независимую отъ нихъ власть въ Сѣверной Табасарани и преемники ихъ всегда избирались изъ ихъ потомковъ по старшинству въ родѣ.

3) Въ *Казикумухѣ* правителемъ поставленъ *Шахъ-Баалъ*, отъ имени котораго, какъ полагаютъ, выработался титутулъ *шамхалъ*; ему былъ подчиненъ весь остальной сѣверный Дагестанъ, почему онъ пользовался званіемъ *Вали* (намѣстникъ). Впослѣдствіи званіемъ шамхала пользовались одновременно по нѣсколько человѣкъ, происходящихъ изъ этой фамиліи. Изъ Казикумуха послѣдній шамхалъ Сурхай-Мирза въ 1640 году перешелъ въ Бойнакъ. До нашего времени званіе шамхала сохранилось только за бывшимъ владѣтелемъ тарковскимъ, возведеннымъ въ княжеское достоинство.

XV.

Рушпетъ—слово арабское и значитъ *взятка*. Въ Южномъ Дагестанѣ онъ называется *муштулучными деньгами*, а сыщикъ называется *муштулучи*; у кумыковъ сыщикъ назывался *айгакъ*.

XVI.

Саба—мѣра емкости; подобно остальнымъ дагестанскимъ мѣрамъ, она чрезвычайно различна; но вообще на плоскости болѣе, чѣмъ въ горахъ; только въ немногихъ селеніяхъ саба превышаетъ русскій четверикъ; дѣлится на части, называемыя *са* или *сахъ*, которыхъ въ сабѣ считается отъ 3 до 8; *са* часто отмѣривается пригоршнею.

XVII.

Сельское управленіе въ Дагестанѣ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) *Кадій;* 2) *Будунъ*,—такъ называется помощникъ кадія; на его обязанности лежитъ чтеніе корана въ мечети, кричаніе призывовъ на молитву, наблюденіе за порядкомъ въ мечети и сохраненіе въ цѣлости имущества, ей принадлежащаго. Кадій и будунъ полагаются только при главной мечети селенія или нѣсколькихъ маленькихъ селеній; въ остальныхъ мечетяхъ службу отправляютъ муллы, выбираемые изъ людей ученыхъ и желающихъ занять это мѣсто. Они не имѣютъ права рѣшать дѣла ни по шаріяту, ни по маслагату; а обязаны только призывать на молитву, въ установленное время, и исполняютъ службу. Муллы и будуны получаютъ содержаніе отъ общества, изъ заката, или же пользуются частью доходовъ съ имущества, завѣщаннаго въ пользу мечетей. 3) *Карты*. Число ихъ зависитъ отъ величины селенія; ихъ бываетъ отъ 1—6 человѣкъ. Въ малыхъ селеніяхъ карты не избираются, а жители ихъ для разбора обращаются къ картамъ ближайшихъ большихъ селеній. 4) *Торгахи* или *тургаки*—отъ кумыкскихъ словъ *туръ*—вставай и *гакъ*—бей (слегка), назначаются по очередному наряду отъ 1-го до 12 человѣкъ, по величинѣ селенія. Обязанность ихъ чисто полицейская и состоитъ въ исполненіи приказаній кадія и картовъ, наблюденіи за порядкомъ и тишиною, за общественными землями, за посѣвами и т. п. Тургаки называются различно: такъ, у аварскихъ племенъ они называются—*емъ*; въ Даргинскомъ округѣ: въ Акушѣ—*баруманъ*, въ Мухѣ—*кувесла*, въ Микахѣ—*ибахуръ*, въ Сиргѣ—*чиля*, въ Усишѣ *кургула*, въ Хюраки—*куала* и въ Цудахарѣ—*урчеми*. Содержанія никакого не получаютъ, но освобождаются отъ повинностей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при разборѣ дѣлъ по адату, собственно въ ихъ пользу взыскиваются незначительные штрафы. 5) *Чоуши* (въ Даргинскомъ округѣ—*мангуши*) назначаются отъ 1 до 4 человѣкъ, на время отъ одного мѣсяца до года, изъ лицъ, желающихъ занять эту должность, съ согласія кадія и картовъ. Обязанности состоятъ въ объявленіи крикомъ всѣхъ приказаній кадія, картовъ и старшины и въ приведеніи въ исполненіе нѣкоторыхъ ихъ распоряженій; въ объявленіи очереди наряда и т. п. Въ каждомъ селеніи получаютъ различное вознагражденіе.

Кромѣ этихъ лицъ, избираемыхъ народомъ, для полицейскаго

надзора и исполненія распоряженій начальства, во многихъ селеніяхъ есть *старшины*, назначеніе которыхъ дѣлается начальникомъ округа.

XVII.

Тохумъ—родъ, родня. Необходимость личной защиты заставляла всякаго искать поддержки своихъ кровныхъ родныхъ; слѣдствіемъ этого явился тѣсный родственный союзъ, принявшій названіе *тохума*. Чѣмъ сильнѣе тохумъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ и безопасностью пользуются принадлежащіе къ нему члены. Никто не имѣетъ права отдѣлиться отъ своего тохума безъ особо-уважительныхъ причинъ, и весь тохумъ наблюдаетъ за поведеніемъ принадлежащихъ къ нему членовъ, потому что, въ случаѣ сдѣланнаго кѣмъ либо изъ нихъ преступленія, во многихъ случаяхъ всѣ ближайшіе родственники виновнаго подвергаются взысканію. Каждый тохумъ имѣетъ свое названіе или фамилію, большею частію по имени основателя, и многіе тохумы издавна пользуются нѣкоторыми особыми правами и привиллегіями, на сохраненіе которыхъ за собою на всегда—прилагаютъ особое стараніе; особенно-сильные тохумы, по числу членовъ, или по уму и богатству представителей ихъ, всегда имѣли сильное значеніе и вліяніе на дѣла не только своихъ селеній, но даже цѣлыхъ обществъ и владѣній.

XIX.

Чанка. Такъ называются дѣти отъ неровныхъ браковъ владѣтелей и *бековъ*. Права чанковъ не опредѣлены положительно; большею частью они пользуются значеніемъ, которое придаютъ имъ ихъ отцы, и тѣ изъ нихъ, которые произошли отъ матерей непростолюдинокъ, именуются тоже *беками*. Дѣти же чанковъ, происходящія отъ женъ изъ простаго сословія, не имѣютъ права на званіе бека и хотя называются чанками, но въ правахъ ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ узденей.

III.

Постановленія Кайтахскаго Уцмія Рустемъ-Хана, написанныя въ XII вѣкѣ по Р. Х. и отданныя на храненіе кадію магала Гапшь.

(Переводъ съ арабскаго).

Чтецу *) этихъ постановленій—кусокъ шелковой матеріи (или три рубля) съ того **), въ чью пользу будетъ рѣшено дѣло.

Бекъ долженъ давать чтецу лошадь.

Не читать для того, кто не имѣетъ отъ бека бумаги съ приложеніемъ его печати.

Если же кадій прочитаетъ для того, у кого нѣтъ письменнаго позволенія отъ бека, то съ него, съ кадія, взыскивать одну лошадь въ пользу бека.

---

*Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена ***).*

Кто убьетъ вора въ своемъ домѣ, или въ стадѣ, того оставлять безнаказаннымъ.

Съ того, кто убьетъ убившаго вора, двѣ пени ****) и два кавлы (кровныхъ врага.)

---

*) Кадію, у котораго будутъ храниться эти постановленія.

**) Оцѣнка штрафовъ на рубли добавлена въ послѣдствіи, при перепискѣ подлиннаго сборника адатовъ.

***) Этимъ пророченіемъ начинается каждая глава постановленій.

****) Въ настоящее время въ Кайтахѣ количество пени за убитаго равняется тремъ рублямъ шестидесяти копѣйкамъ; пеня эта называется шаріятъ-ахча и соотвѣтствуетъ кумыкскому алымъ.

Тому, кто поймаетъ вора; тысяча кари *) хабцалдику **), и сто кари беку съ пойманнаго вора.

Съ того, кто поймаетъ вора и отпуститъ его, брать штрафъ сто кари хабцалдику въ пользу общества.

Штрафъ за прелюбодѣяніе брать въ такомъ же количествѣ, какъ и за воровство.

За взятую въ безлюдномъ мѣстѣ барамту ***), за ограбленное или отнятое въ ссорѣ, виновный долженъ платить обиженному въ десять разъ болѣе противу имъ взятаго.

Если же при этомъ произойдетъ убійство, то, кромѣ того, съ виновнаго семь пеней и семь каплы.

Того, кто убьетъ грабителя, оставлять безнаказаннымъ.

Съ того, кто убьетъ убившаго грабителя — двѣ пени и два каплы.

Кто убьетъ кого либо и возьметъ съ убитаго какую нибудь вещь, или послѣ того на убитомъ не окажется чего либо, съ того брать десятерную цѣну взятаго имъ съ убитаго, или пропавшаго и, кромѣ того, семь пеней и семь каплы.

Если же станетъ отпираться въ томъ, что онъ съ убитаго имъ ничего не бралъ, то ближайшій родственникъ убитаго съ семью тусевами (заприсягателями) долженъ принять присягу въ томъ, что неоказавшаяся на убитомъ вещь или взята имъ, или онъ, убійца, былъ причиною ея пропажи.

---

*) Кари — мѣра длины, равняющаяся половинѣ ханскаго аршина или 11,42 русскихъ вершковъ.

**) Грубая матерія, пеньковая, которая приготовляется въ Кайтахѣ и сѣверной Табасаранѣ.

***) *Барамта* (или *никкель*) называлось право истца, потерявшаго надежду на миролюбивое удовлетвореніе со стороны отвѣтчика, нападать на его родственника или односельца и силою отнимать у него какую нибудь вещь, которую не возвращать до тѣхъ поръ, пока отвѣтчикъ, понуждаемый въ такомъ случаѣ родственникомъ своимъ или односельцемъ, не удовлетворитъ сполна истца. По удовлетвореніи же отвѣтчикомъ истца, взятая послѣднимъ отъ кого либо въ барамту вещь возвращалась по принадлежности.

Барамта обыкновенно бралась у зажиточнаго и вліятельнаго родственника или односельца отвѣтчика, чтобы имѣть большее ручательство въ понужденіи отвѣтчика удовлетворить истца.

Обычай этотъ, служившій поводомъ къ безпрерывнымъ грабежамъ и разбоямъ, по мѣрѣ устройства общества ослабѣвалъ и въ настоящее время совершенно искоренился.

За убійство съ грабежемъ женщины — четырнадцать пеней и четырнадцать канлы.

За убійство съ грабежемъ семь пеней и семь канлы.

Въ случаѣ убійства кого либо въ дракѣ, происшедшей между многими лицами, если не будетъ отысканъ виновный, то родственники убитаго могутъ считать кровнымъ врагомъ, кого пожелаютъ изъ числа бывшихъ въ дракѣ.

Если кто либо умретъ отъ ранъ, нанесенныхъ нѣсколькими лицами, то двоихъ изъ нихъ считать кровными врагами и, по умерщвленіи одного, съ другаго брать шестьдесятъ рублей.

Съ канлы, который не выѣдетъ изъ селенія, въ которомъ будетъ находиться искатель его крови, взыскивать въ пользу общества сто кари хабцалдику.

Съ того, кто поведетъ канлы на разбирательство по какому нибудь дѣлу къ кадію или обществу, взыскивать сто кари хабцалдику.

Канлы не долженъ самъ ходить на разбирательство, а посылать отъ себя довѣренное лицо.

Кайтахцы должны разбираться по этимъ постановленіямъ.

Кто не выѣдетъ на тревогу, съ того брать сто кари хабцалдику.

Съ того, кто возвратится прежде выѣхавшихъ на тревогу—сто кари хабцаддику.

Кто дастъ знать ищущему крови о томъ, гдѣ послѣдній можетъ подстеречь своего канлы, съ того брать сто кари хабцалдику.

По чьимъ доносамъ будетъ убитъ канлы, того вмѣстѣ съ семействомъ считать кровными врагами.

Если родственники убитаго канлы убьютъ подобнаго доносчика, то кровь послѣдняго считать безвозмездною.

Обвиненный въ воровствѣ долженъ заплатить десятерную цѣну уворованнаго.

Подозрѣваемый въ воровствѣ долженъ очистить себя присягою вмѣстѣ съ семью тусевами.

За приближеніе къ воротамъ чьего-либо дома съ злымъ намѣреніемъ, съ каждаго виновнаго взыскивать по сто кари хабцалдику.

Убійство нападающаго на домъ считать безвозмезднымъ.

Съ того, кто прикоснется къ женщинѣ съ прелюбодѣйною цѣлью, взыскивать по тысячѣ кари хабцалдику.

Если женщина съ крикомъ прибѣжитъ домой и покажетъ, что кто либо коснулся ея съ прелюбодѣйною цѣлью, и обвиняемый будетъ найденъ на мѣстѣ, указанномъ женщиною, тогда принимать показаніе ея.

Если-же женщина не закричитъ, когда коснется ея мужчина, а предъявитъ о томъ послѣ того, какъ придетъ домой, тогда жалобы ея не принимать.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Если кто либо покажетъ, что такой-то ударилъ его, или бросилъ въ него камень, или стрѣлу изъ лука, и слова свои подтвердитъ присягою вмѣстѣ съ семью родственниками, то показаніе его считать справедливымъ.

Съ врагомъ слѣдуетъ мириться, или получивъ отъ него что нибудь, или когда врагъ позоветъ къ себѣ и угоститъ, или по просьбѣ посторонихъ лицъ.

Если рабъ прикоснется къ женѣ узденя съ прелюбодѣйною цѣлью, то его убивать.

Если бекъ прикоснется къ женѣ узденя, то долженъ дать штрафъ (сто рублей) въ пользу всего общества.

Если кто либо увезетъ женщину и увезенная согласится быть женою увезшаго, то таковыхъ сочетать бракомъ.

Когда же увезенная не пожелаетъ вступить съ увезшимъ ее въ бракъ, то ее возвратить родственникамъ.

Если увезшій женщину будетъ насильно удерживать ее, то убійство его считать безвозмезднымъ.

Когда хозяинъ сгорѣвшаго, узнавъ, кѣмъ именно былъ сдѣланъ поджогъ, укажетъ на другаго и будетъ требовать отъ него очистительной присяги, то съ такого хозяина брать сто кари хабцалдику въ общественную пользу.

Кто согласится выдать дочь свою или родственницу за кого либо въ замужество и послѣ того откажется, тотъ долженъ уплатить жениху за всѣ издержки его по сватовству въ десятеро.

Если кто либо сознается въ нанесеніи кому-нибудь смертельной раны, того сознаніе принимать.

Если же родственники умершаго отъ раны, послѣ сознанія кого-

либо въ нанесеніи оной, потребуютъ отъ другаго очистительной присяги, то и съ того, кто пойдетъ принимать присягу, брать по сту кари хабцалдику.

Если кто нибудь понесетъ отъ кого-либо вредъ или будетъ убитъ кѣмъ нибудь по наущенію и подстрекательствамъ другаго, то за все это долженъ отвѣчать подстрекатель и, въ случаѣ убійства, быть кровнымъ врагомъ.

Если въ дракѣ будетъ убито нѣсколько лицъ, то послѣ умершій долженъ быть кровнымъ врагомъ прежде умершаго.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Съ того, кто не позволитъ внутри селенія взять барамту, брать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто возьметъ барамту изъ стада—сто кари хабцалдику.

Обязавшійся въ чемъ-либо неминуемо долженъ исполнить свое обязательство.

Если прибудетъ откуда нибудь канлы, то принимать его, но не высылать.

Если же канлы пожелаетъ уѣхать, то вмѣстѣ съ нимъ никому не ѣздить.

Если будетъ убитъ ѣдущій вмѣстѣ съ канлы, то кровь его считать безвозмездною.

Съ того, кто начнетъ спорить съ чоушемъ, брать сто кари хабцалдику.

Слѣдующихъ словъ жителямъ другаго общества не передавать:

Если канлы изъ другаго общества пріѣдетъ, то его принимать.

Кто пріѣдетъ и пожелаетъ остаться въ нашемъ обществѣ на жительство, того принимать.

У кадія, чоуша, нарочнаго, старика и ученика барамты не брать.

Если же кто возьметъ барамту у упомянутыхъ лицъ, съ того брать пеню (3 рубля 60 коп.).

Если нѣсколько лицъ, сговорившись, пожелаютъ отдѣлиться отъ общества, то съ такихъ брать тысячу кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Кто во время мѣсяца Рамазана не будетъ соблюдать поста, или оставитъ молитву, съ того тысячу кари хабцалдику.

Съ того, кто украдетъ что-либо изъ мечети, взыскивать за уворованное въ десятеро и домъ его разрушать.

Подозрѣваемый въ воровствѣ чего-либо изъ мечети долженъ очистить себя присягою вмѣстѣ съ сорока родственниками.

Подозрѣваемому въ поджогѣ дома, складовъ хлѣба или другаго чего-нибудь, очистительную присягу давать съ сорока его родственниками.

Если подозрѣваемый не исполнитъ присяги надлежащимъ образомъ, то за все сгорѣвшее онъ долженъ заплатить въ десятеро.

Если кто-либо взятую имъ на время у кого нибудь вещь скроетъ и не будетъ возвращать, то хозяинъ оной долженъ подтвердить показаніе свое присягою, послѣ которой обвиняемый обязанъ уплатить за взятую вещь или возвратитъ ее и, кромѣ того, взыскивать съ него въ пользу общества сто кари хабцалдику.

Если кто либо, выѣхавъ по своимъ дѣламъ изъ селенія, при нападеніи на него грабителей или желающихъ взять съ него барамту, по неосторожности ранитъ или убьетъ другаго, находящагося въ сторонѣ, или нанесетъ вредъ чьему либо имуществу бекскому, уздеискому или крестьянскому, или же самъ понесетъ такимъ образомъ вредъ отъ другаго, то за все это должно отвѣчать общество селенія, хотя бы пришлось платить въ семь разъ болѣе (это тогда, когда на убитомъ не окажется какой либо вещи).

Если кто либо убьетъ кого нибудь и скроетъ убитаго, съ того триста кари хабцалдику, семь пеней и семь каплы.

Кто по неудовольствію на рѣшеніе дѣла по этимъ постановленіямъ убьетъ кого либо, съ того двѣ пени и два кровныхъ врага.

За убійство женщины брать тысячу кари хабцалдику.

Подозрѣваемый въ воровствѣ долженъ принимать очистительную присягу вмѣстѣ съ родственниками жены его. *)

За убійство кѣмъ либо бекскаго раба взыскивать съ каждаго дома всего общества по одной парѣ обуви и по мѣшку саману. **)

---

*) Въ настоящее время этому постановленію не придерживаются.

**) Мелкая солома.

За убійство еврея, виновный долженъ наполнить кожу убитаго серебромъ и дать беку.

Если кто либо предъявитъ жалобу, что чей нибудь кунакъ причинилъ ему вредъ въ домѣ или въ полѣ, а хозяинъ, принимавшій кунака, отвергнетъ такое предъявленіе, то онъ, хозяинъ, долженъ подтвердить отрицаніе свое присягою вмѣстѣ съ родственниками и, въ случаѣ неисполненія присяги, уплатить за весь показанный вредъ.

Съ того, кто не согласится принять очистительной присяги, брать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто откажется дать присягу имъ подозрѣваемому, или безъ причины откажется присягнуть за другаго, того скотъ не принимать въ общественное стадо и всѣмъ прекратить съ нимъ всякое знакомство; съ того же, кто приметъ скотъ его въ свое стадо, или позоветъ къ себѣ въ гости, брать полтораста кари хабцалдику.

Кто не постарается примирить ссорящихся, а напротивъ, самъ приметъ чью-нибудь сторону, съ того взыскивать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто же приметъ чью либо сторону послѣ пораненія, съ того брать полтораста кари хабцалдику.

Добраго человѣка не обвинять, если дурной не пожелаетъ принять за него очистительной присяги.

Дурнаго-же обвинять, если добрый откажется принять за него очистительную присягу.

Брать баранту съ тѣхъ, которые не отдѣлились отъ тохума *) отвѣтчика.

Если отдѣлившійся **) отъ родственника будетъ требовать, въ случаѣ убійства его другимъ, пени или искать кровнаго врага, то съ него брать двѣ пени и два кандлы.

Кто беретъ баранту съ жителей нашего общества, съ тѣхъ и намъ брать.

---

*) Родъ, племя.

**) Когда кто нибудь пожелаетъ отдѣлиться отъ своего родственника вслѣдствіе его дурнаго поведенія и откажется отвѣчать за всѣ его противозаконные поступки, то объ этомъ объявляетъ сначала родственнику, потомъ обществу, а за тѣмъ предъявляетъ свое желаніе уцмію, отъ котораго беретъ письменное разрѣшеніе и съ нимъ отправляется въ селеніе Кала-Корейшъ, гдѣ оно прочитывается въ мечети.

Отдѣлившійся долженъ пожертвовать на мечеть войлокъ и вбить гвоздь въ столбъ мечети. Этимъ и оканчивается обрядъ отдѣленія.

Кто въ домѣ своемъ или на пашнѣ убьетъ кого либо безъ всякой причины, съ того семь пеней и семь каплы.

Кто убьетъ идущаго принять присягу или на судъ, съ того двѣ пени и два каплы.

Кто, оставивъ сознавшагося въ убійствѣ, будетъ положенное за убійство искать на другомъ, съ того брать штрафъ — тысячу кари хабцалдику.

Если кто-либо замѣтитъ своего родственника въ дурныхъ поступкахъ, то родственники должны убить его; въ противномъ же случаѣ обязаны отвѣчать за всѣ противозаконные его поступки.

Дурному человѣку не оказывать помощи; кто же окажетъ дурному человѣку помощь, съ того брать штрафъ тысячу кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Этими постановленіями долженъ руководствоваться бекъ и все кайтахское общество.

Прелюбодѣяніе раба съ бике *) оставлять безнаказаннымъ.

Кто не выѣдетъ на тревогу вмѣстѣ съ обществомъ, съ того брать штрафъ—сто кари хабцалдику.

Если бекъ выѣдетъ на тревогу, то должны всѣ ѣхать; съ невыѣхавшаго же на тревогу вмѣстѣ съ бекомъ—тысячу кари хабцалдику.

Бекъ долженъ всякій годъ собирать судъ, въ противномъ же случаѣ его смѣнять.

Съ неявившихся по призыву бека на судъ брать по сту кари хабцалдику.

Въ государствѣ—безъ правителя, въ обществѣ—безъ суда, въ стадѣ — безъ пастуха, въ войскѣ безъ разумнаго, въ селѣ безъ головы,—добра не будетъ.

Кто имѣетъ умъ, тотъ пусть поразмыслитъ объ этомъ.

Если бекъ будетъ притѣснять какое-либо селеніе, то остальныя селенія должны вступиться за него и остановить бека.

Всѣ должны говорить единогласно; кто же будетъ противорѣчить обществу, того домъ разрушать, а самого изгонять.

Бекъ долженъ наказать поступающихъ противозаконно. Въ противномъ же случаѣ бека удалять.

---

*) Дочь бека отъ ровнаго брака.

Бекъ долженъ ежегодно собирать умныхъ людей и по этимъ постановленіямъ разбирать тяжущихся и не оставлять безъ наказанія ни вора, ни грабителя.

Никто не долженъ завѣщать имѣніе свое въ пользу бека или чанки. Кто сдѣлаетъ такое завѣщаніе, того вмѣстѣ съ семействомъ изгонять изъ селенія. А кто будетъ упрашивать и совѣтывать, чтобы такого завѣщателя оставить, того домъ разрушать.

Если бекъ или чанка пріѣдетъ въ какое-нибудь селеніе, то никто безъ позыва не долженъ приходить къ нему. Если-же кто пойдетъ къ беку, будучи не позванъ имъ, съ того брать сто кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Бекъ не долженъ предпринимать походъ, предварительно не посовѣтовавшись о томъ съ благоразумными. Въ противномъ случаѣ брать съ него штрафъ (триста руб.) въ пользу общества.

Если походъ будетъ предпринятъ бекомъ послѣ обсужденія о томъ съ благоразумными, то съ того, кто не выѣдетъ въ такой походъ, брать сто кари хабцалдику.

Бекъ, рабъ, чанка, уздень должны руководствоваться этими постановленіями.

Если какое-либо селеніе, принадлежащее кайтахскому обществу, отдѣлится, *) то съ него брать триста рублей.

Если же одинъ кто либо отдѣлится отъ общества, то съ него брать сто рублей.

Кто откажется поступать по этимъ постановленіямъ, того изгонять изъ общества.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Смотри, бекъ, говори правду: мужъ правды прославляется и власть его остается на вѣки. Земля не съѣдаетъ тѣла того, кого Богъ благословитъ прославить ее.

Смотрите, кайтахцы, принимайте правду: правдивое государство прославляется и никогда ни въ чемъ не раскаивается.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

*) Т. е. будетъ противорѣчить обществу, не соглашаться въ чемъ либо съ нимъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

АРГУНСКАГО ОКРУГА.

Статья А. П. Ипполитова.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Аргунскій Округъ.—Его величина; число жителей.—Племена, его населяющія; ихъ происхожденіе, вѣра, языкъ.—Внутреннее подраздѣленіе ихъ.—Религіозные обряды.

Глава II. Суевѣрія и предразсудки горцевъ чеченскаго племени.

Глава III. Народныя сказанія горцевъ чеченскаго племени. — Пѣсня о Хамзатѣ.—Пѣсня объ Эль-Мурзѣ. — Сказка о пророкѣ Соломонѣ.—Басня о медвѣдицѣ.

Глава IV. Сословные классы горцевъ чеченскаго племени. — Военное значеніе Аргунскаго округа во время имамета и въ настоящее время.—Памятники древности.

I.

Аргунскій округъ.—Его величина; число жителей.—Племена, его населяющія; вѣра, языкъ. — Внутреннее подраздѣленіе ихъ.—Религіозные обряды.

Аргунскій округъ, въ его настоящемъ административномъ видѣ, граничитъ къ сѣверу съ Чечнею и Галгаевскими обществами, къ югу—съ Ичкеріей и Андіей, къ востоку—съ Чечнею, западной же своей стороной онъ соприкасается съ Тушетіей и обществомъ Малхистинскимъ.

Величина Аргунскаго округа до сихъ поръ еще не опредѣлена, но, по занимаемой имъ территоріи, это одинъ изъ большихъ военно-народныхъ округовъ Терской области. Число жителей его, по послѣдней камеральной вѣдомости, составленной въ 1866 году, доходитъ до 25 тысячъ душъ обоего пола. Все народонаселеніе этого округа, распредѣленное на 200 ауловъ, происхожденія чеченскаго и говоритъ однимъ языкомъ съ населеніемъ Чечни. Общество же Чаберлой хотя и говоритъ тѣмъ же языкомъ, но видно, что языкъ этотъ не родной его языкъ, а только усвоенный имъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній и родственныхъ связей, отъ другихъ отраслей чеченскаго племени.

У чаберлоевцевъ есть повѣрье, что они происхожденія русскаго; объ этомъ они говорятъ неохотно и даже скрываютъ преданіе, приписывающее имъ славянское происхожденіе; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что общество это, по происхожденію, совер-

шенно отлично отъ другихъ племенъ, населяющихъ Аргунскій округъ, чему доказательствомъ служатъ характеръ, черты лица чаберлоевцевъ и наконецъ чеченскій языкъ, на которомъ они говорятъ какъ иноземцы.

Не вдаваясь далѣе въ историческія изысканія о степени достовѣрности упомянутаго преданія чаберлоевцевъ о ихъ русскомъ происхожденіи, можно однако же принять его какъ болѣе или менѣе правдоподобную гипотезу, особенно если мы припомнимъ, что, начиная со временъ удѣльной системы въ древней Россіи, Кавказъ всегда служилъ приманкою не только для русской вольницы и авантюристовъ, жившихъ на окраинахъ государства, но и цѣлыя дружины, отправляясь въ этотъ край, не возвращались болѣе назадъ. Это фактъ, подтверждаемый исторіей.

Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что въ Чаберлоѣ, въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, и теперь можно отличить еще славянскій типъ, не смотря на то, что племя это выродилось, перемѣшалось съ андійцами, чеченцами и т. д.

Остальныя племена, населяющія Аргунскій округъ, считаются нами всѣ происхожденія одинаковаго, т. е. чеченскаго, потому вѣроятно, что они говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ съ Чечнею. Что большая часть племенъ Аргунскаго округа и племена, населяющія Чечню, одни и тѣ же—это безспорно, но совершенно ошибочно мнѣніе, приписывающее всему народу чеченскому и племенамъ этимъ единство, общность происхожденія, между тѣмъ какъ каждое племя (тайпа), на самомъ дѣлѣ, считаетъ себя происхожденія по большей части различнаго. Такъ напримѣръ, фамилія Зумсой считаетъ себя происхожденія грузинскаго, Келой — тушинскаго, Ахшипатой—фиренгескаго, т. е. европейскаго; родоначальники фамиліи Варандинской—выходцы изъ Хевсуретіи. Многія фамиліи считаютъ себя происхожденія греческаго и т. д. Изъ всего этого ясно видно, что чеченскому народу общности происхожденія—какъ мы это дѣлаемъ—приписывать нельзя ни какимъ образомъ, и что звѣнья, связывающія всѣ тѣ племена или фамиліи (тайпа), изъ которыхъ онъ состоитъ, это—вѣра, языкъ, одинаковая историческая судьба и совершенно одинаковые интересы и убѣжденія.

Каждая фамилія въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ или родовъ (гаръ).

Сословныхъ кастъ здѣсь нѣтъ вовсе, хотя нѣкоторыя фамиліи и считаются происхожденія высшаго, нежели другія; такъ напримѣръ, фамилія Ахшипатой, вышедшая прежде другихъ на плоскость Чечни и взыскивавшая когда-то подать за эту землю, признается за аристократическую.

Господствующая и, надо прибавить, единственная вѣра здѣсь — мусульманская, сунитской секты. Христіанами чеченцы никогда не были. Между тѣмъ нельзя того же сказать про нѣкоторыя племена Аргунскаго округа, сосѣднія съ галгаевцами, какъ напримѣръ общество акинское.

Галгаевцы были христіанами еще въ очень недавнее время, точно также какъ и кабардинцы, у которыхъ, если вѣрить словамъ генуэзца Интеріано *), посѣщавшаго этотъ край, еще въ половинѣ XVI столѣтія были греческіе священники. Водворилось же тамъ христіанство далеко ранѣе этого времени, такъ что уже въ XI и XII столѣтіяхъ оно существовало въ Кабардѣ, поддерживаемое усиліями русскихъ князей, царившихъ въ Тмутаракани. При Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, послѣ покоренія имъ царства Астраханскаго, т. е. въ 1555 году, христіанская вѣра уже исключительно господствовала въ Кабардѣ, и только уже въ концѣ этого столѣтія, стараніями крымскихъ хановъ, а потомъ турокъ, кабардинцы стали мало по малу обращаться къ исламизму. Обращеніе это совершалось тѣмъ легче, что лучшія княжескія фамиліи не переставали исповѣдывать ученіе исламизма, вынесенное предками ихъ изъ Египта.

Вслѣдствіе всего этого галгаевцы, тогда еще идолопоклонники, необходимо должны были подчиняться вліянію кабардинцевъ и ближайшихъ своихъ сосѣдей, осетинъ, въ то время тоже христіанъ, и принять вѣру, которую исповѣдывали эти два народа. Грузія также въ свою очередь не могла сильно не вліять въ этомъ случаѣ на галгаевцевъ, тѣмъ болѣе, что, начиная съ Тамары,

*) Dubois de M. Péreux. L. 1. p. 91.

подчинившей владычеству своему большую часть горскихъ племенъ, цари грузинскіе всѣми силами старались распространять между ними христіанство. Надо полагать, что христіанская вѣра въ галгаевскомъ и кистинскомъ обществахъ глубоко въ то время пустила корни свои: лучшимъ доказательствомъ этому служатъ древніе храмы, находящіеся въ ихъ обществахъ и изъ которыхъ нѣкоторые по архитектурѣ своей вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Христіанство между этими племенами впослѣдствіи исчезло, но вѣрованія, а иногда и обряды этой религіи, хотя и безсознательно, до сихъ поръ еще чтутся: христіанскія-ли это вѣрованія—народъ сказать не можетъ; онъ даже убѣжденъ въ противномъ, но тѣмъ не менѣе ихъ чтитъ преемственно, по преданію. И это, болѣе нежели существованіе самихъ храмовъ, доказываетъ, какъ нѣкогда сильна была христіанская вѣра въ этомъ народѣ.

Акинское общество, близкое къ обществу галгаевскому и кистинамъ какъ по географическому своему положенію, такъ равно и по единству происхожденія, также было нѣкогда, вѣроятно, обществомъ христіанскимъ, хотя вѣрованія этой религіи въ настоящее время едва-ли уже можно отыскать у акинцевъ. Это и понятно: акинское общество замирено только въ 1858 году, а потому гнетъ мусульманскихъ имамовъ и въ особенности верховная цензура Шамиля, провѣрявшаго не только поступки, но и самый образъ мыслей и слѣдившаго за чистотою исламизма такъ строго, что всякое проявленіе идеи, противной его догматамъ, наказывалось безпощадно смертью — все это не могло не отразиться на акинцахъ и не стереть у нихъ всякіе слѣды христіанскихъ вѣрованій и памятниковъ.

Религіозные обряды здѣшнихъ горцевъ общи, слѣдовательно, съ обрядами другихъ мусульманъ. Здѣсь нельзя встрѣтить того, что существуетъ у тѣхъ племенъ горскихъ, у которыхъ мусульманство водворилось недавно, такъ что у нихъ сквозь вѣрованія исламизма проглядываютъ еще идеи языческія. У тѣхъ религіозные обряды получаютъ часто свой особый отпечатокъ. Такъ напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ закубанскихъ, при похоронномъ обрядѣ, древніе языческіе обычаи и правила, предписываемыя кораномъ,

совершенно смѣшиваются и элементъ языческій даже преобладаетъ надъ этими послѣдними. У чеченцевъ подобныхъ обычаевъ при исполненіи религіозныхъ обрядовъ встрѣтить нельзя; воспитанные въ школѣ муллы Магомета, Кази-муллы и Шамиля, они вынесли изъ нея, если не чистоту самаго ученія и его духъ, то, по крайней мѣрѣ, строгое слѣдованіе ея наружнымъ обрядамъ.

Если же и при ихъ обрядахъ встрѣчаются иногда различныя обыкновенія, не строго, по видимому, согласныя съ предписаніемъ религіи, то на самомъ дѣлѣ они духу этой религіи не противорѣчатъ, а основаніемъ своимъ имѣютъ народный обычай. Правда, что, разбирая внимательно обычаи чеченцевъ, и въ нихъ можно также найти идеи языческія, но подобныя же идеи встрѣчаются въ религіи и обычаяхъ каждаго народа, даже и христіанъ; стоитъ только припомнить свадебные обряды нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, не говоря уже про различные обычаи чисто-языческіе, какъ напримѣръ—завиванье вѣнковъ, ночь Иванова дня, масляницу и проч., распространенные у насъ повсемѣстно.

У горцевъ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, обряды брачный и похоронный—главные, а потому постараюсь подробно описать ихъ.

У нихъ, точно также какъ у европейцевъ, браки заключаются или по страсти или по расчету. Но какъ дѣвушка, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, приданаго за собою не приноситъ никакого, то обыкновенно стараются выбрать себѣ невѣсту изъ сильной фамиліи или сильнаго и почетнаго семейства: это обстоятельство при выборѣ невѣсты стоитъ всегда на первомъ планѣ; красота и качества ея—дѣло уже второстепенное. Задумавши сватовство и получивши на это согласіе родственниковъ невѣсты, женихъ дѣлаетъ уже предложеніе формальное: выбираются два или три почетныхъ человѣка, обыкновенно родственники жениха, и ѣдутъ къ отцу дѣвушки. Если онъ согласенъ—ему отдаютъ калымъ или часть калыма *), и дѣло считается оконченнымъ. Взять

*) На мусульманскіе калымы европейцы вообще смотрятъ чрезвычайно ошибочно. Ихъ обыкновенно считаютъ платою, даваемою женихомъ отцу или родственникамъ дѣвушки за свою невѣсту, какъ за какую-нибудь вещь.

назадъ свое слово—женихъ имѣетъ право; но ни невѣста, ни ея родственники, по полученіи калыма, не имѣютъ уже права отказаться отъ своего обѣщанія, не нанося этимъ обиды жениху. Если же дѣвушка, засватанная за одного, выйдетъ замужъ за другаго, то это необходимо навлекаетъ месть на ея родственниковъ и такое происшествіе рѣдко не оканчивается кровью.

Засвативши дѣвушку, женихъ дѣлаетъ подарки ея отцу, дѣду или дядѣ—кому-либо изъ главныхъ и ближайшихъ ея родственниковъ; дарится обыкновенно оружіе, лошадь, кусокъ шелковой матеріи и проч. Время свадьбы зависитъ отъ согласія обѣихъ сторонъ и можетъ быть отложено на срокъ неопредѣленный. Во все это время женихъ имѣетъ право свою невѣсту посѣщать, ста-

---

Между тѣмъ это мнѣніе не вѣрно. Калымъ есть ничто болѣе какъ *приданое*, даваемое невѣстѣ самимъ же женихомъ; онъ составляетъ обезпеченіе всей ея будущей жизни и есть исключительно ея собственность.

Цифра калыма различна и зависитъ отъ большей или меньшей степени богатства народа, равно какъ и отъ общественнаго положенія дѣвушки. Между тѣми племенами горцевъ, гдѣ есть сословныя различія, калымы въ прежнее время были значительны. У кабардинцевъ, напримѣръ, даже въ послѣднее время они доходили до 1500 руб. сер. за дочь князя; за дочь уздена отъ 1000 до 400 руб. Изъ числа этой суммы половина отдается тотчасъ же, а другая половина остается обыкновенно за мужемъ. Въ случаѣ, если бы мужъ далъ разводъ своей женѣ или умеръ, она сполна весь калымъ (закяхъ) и получаетъ. Лѣтъ сто тому назадъ, когда монеты въ обращеніи между горцами было весьма мало, калымы почти всѣ сполна выплачивались панцырями, шишаками, оружіемъ и холопами, а въ особенности холопками. Бывали примѣры, что за дочь князя платился калымъ въ десять холопокъ, въ счетъ которыхъ давалось обыкновенно два дорогихъ панцыря, два шишака, два наколотника, двѣ шашки, а остальное доплачивалось или лошадьми или же дѣйствительно холопами. Стоимость упомянутыхъ вещей доходила, въ старое время, иногда до 14 холоповъ-узаутъ за панцырь или шашку. И теперь еще можно встрѣтить горцевъ, у которыхъ эти вещи, большею частію всѣ временъ Крестовыхъ Походовъ или періода существованія республикъ Генуэзской и Венеціанской, бережливо, какъ святыня, хранятся въ сундукахъ и только разъ или два въ годъ вынимаются самымъ близкимъ узденемъ или аталыкомъ для чистки. Между этими вещами встрѣчаются такія, которыя для нашихъ европейскихъ антикваріевъ были бы дѣйствительной находкой.

У племенъ чеченскаго происхожденія, гдѣ, говоря вообще, народъ не богатъ и гдѣ сословныхъ классовъ, такъ рѣзко очерченныхъ, какъ напр. въ Кабардѣ, никогда не было, калымы (урдау) не превышали никогда цифры 250 р. сер., обыкновенно же были всегда и менѣе. Меньшая цифра ихъ 28 р. с. за дѣвушку и 14 р. сер. за вдову.

раясь только не встрѣчаться съ ея отцомъ и матерью. За четыре дня до свадьбы, невѣсту везутъ въ домъ родственниковъ жениха. Обыкновенно посылаютъ за ней, на арбѣ, какую-нибудь старую женщину, съ бойкимъ и острымъ языкомъ, и съ ней вмѣстѣ человѣкъ двадцать-тридцать молодежи, любителей всякаго рода скандаловъ и бурныхъ сценъ. Вся эта толпа, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами; но не смотря на это, отшучиваясь и защищаясь каждый какъ съумѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ ея дому. У дверей ея комнаты они, обыкновенно, встрѣчаютъ одного изъ родственниковъ дѣвушки, который при ихъ приближеніи запираетъ дверь и требуетъ подарка. Ему дается кинжалъ—и завѣтная дверь отворяется. Но тамъ ихъ встрѣчаетъ другое препятствіе: вмѣсто цербера мужскаго пола, въ комнатѣ невѣсты ожидаетъ ихъ множество церберовъ-женщинъ: это— родственницы и подруги невѣсты, собирающіяся къ ней за нѣсколько дней до свадьбы, чтобы заготовлять вмѣстѣ ея приданое и свадебные подарки, какъ-то: тесьмы, галунъ, пистолетные чахлы и прочія недорогія вещицы. Женщины встрѣчаютъ посланныхъ за невѣстою истинно по женски—иглами, булавками, ножницами, рвутъ на нихъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что половина изъ нихъ выходитъ изъ комнаты безъ рукавовъ и безъ одной или обѣихъ полъ платья. Когда достаточно пошумѣли, посланные за невѣстою угощены и поѣздъ вмѣстѣ съ нею тронулся въ обратный путь, его провожаютъ снова камни мальчишекъ и ружейные залпы взрослыхъ.

Три дня празднуютъ свадьбу въ домѣ одного изъ родственниковъ жениха. Но самъ онъ во все это время уходитъ изъ дома и не имѣетъ права показываться ни невѣстѣ, ни гостямъ, о которыхъ заботятся уже старшіе изъ его родственниковъ. На четвертый день совершается обрядъ бракосочетанія.

Мулла, съ двумя свидѣтелями, идетъ сначала въ комнату невѣсты и, выславши оттуда всѣхъ, за исключеніемъ одной или двухъ маленькихъ дѣвочекъ, спрашиваетъ ее: *„желаетъ-ли она выйти замужъ за такого-то, сына такого-то и за столько-то калыма“*? послѣ утвердительнаго ея отвѣта, онъ

идетъ къ отцу дѣвушки и спрашиваетъ его: *„желаетъ-ли онъ отдать дочь свою такому-то* и *за столько-то калыма?“* Вслѣдъ за тѣмъ онъ идетъ къ жениху и, взявши его за руку, точно также дѣлаетъ подобные же вопросы и ему, строго наблюдая, чтобы кромѣ двухъ свидѣтелей никто изъ постороннихъ его отвѣтовъ не слыхалъ: о происхожденіи этого послѣдняго обыкновенія я упомяну, говоря о суевѣріи горцевъ. По прочтеніи молитвы бракъ считается заключеннымъ.

Вышедши замужъ, женщина, въ первое время послѣ свадьбы, не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ не только въ присутствіи постороннихъ, но даже и родственниковъ. Если мужъ вечеромъ бываетъ у ней, то онъ старается, чтобы этого никто не замѣтилъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергается различнымъ шуткамъ и насмѣшкамъ и на него смотрятъ какъ на человѣка, не уважающаго закона своихъ предковъ. Въ Кабардѣ требованія подобнаго же обычая идутъ еще далѣе. Тамъ можно встрѣтить людей, которые, будучи двадцать или тридцать лѣтъ женаты, никогда не входили и не выходили изъ комнаты своей жены такъ, чтобы это могъ кто-либо замѣтить. Говорить молодой женщинѣ, въ первые дни своего замужества, съ отцомъ своего мужа или старшими родственниками—чеченскій обычай также не дозволяетъ. Всѣ приказанія ихъ она исполняетъ молча. Видѣться съ своею матерью и итти къ ней въ домъ она можетъ не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Вотъ весь свадебный обрядъ у горцевъ здѣшнихъ обществъ и вообще цѣлаго чеченскаго народа. Добавить къ этому можно только еще одинъ обычай, господствующій между ними повсемѣстно, но значеніе и происхожденіе котораго между тѣмъ никто изъ нихъ объяснить не можетъ. Обычай этотъ требуетъ, чтобы по прошествіи пяти-шести дней послѣ свадьбы новобрачная, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы женщинъ, съ пѣснями и музыкой, отправлялась на рѣку и тамъ бросила, одинъ по одному, нѣсколько штукъ блиновъ въ воду, проколовши предварительно каждый изъ нихъ иглою или булавкой. Послѣ этого, зачерпнувши въ кувшинъ воды, она снова прово-

кается обратно домой. Съ того же времени она становится вполнѣ женщиною-хозяйкой и получаетъ право, наравнѣ съ другими женщинами, ходить на рѣку за водой; до этого же дня она изъ комнаты не выходитъ и никому не показывается.

. Я разсказалъ про обрядъ бракосочетанія, совершающійся по согласію родственниковъ невѣсты на предложеніе ея сватающаго. Часто же случается такъ, что молодой человѣкъ, получивши отказъ или не надѣясь, что его сватовство будетъ принято, уговоривши предварительно дѣвушку, крадетъ ее силою: по крайней мѣрѣ дѣвушка всегда показываетъ видъ, что она увезена насильно. Онъ увозитъ ее къ себѣ въ домъ, или бѣжитъ съ нею въ другіе аулы и потомъ уже посылаетъ къ родственникамъ невѣсты калымъ и проситъ ихъ о примиреніи. Такъ какъ согласіе на бракъ для нихъ остается единственнымъ разумнымъ средствомъ, чтобы загладить пятно, которое необходимо падаетъ на дѣвушку, если бы она похитителемъ была возвращена обратно, то, обыкновенно, согласіе всегда и дается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда отецъ дѣвушки, или тотъ изъ родственниковъ, отъ кого она зависитъ, не хочетъ изъявить согласіе свое на ея бракъ, прибѣгаютъ къ кадію, или старшему муллѣ, который, по закону, замѣняя собою отца невѣсты, ей этотъ бракъ и разрѣшаетъ. Безъ предварительнаго согласія дѣвушки подобныхъ похищеній никогда въ настоящее время не дѣлается. Въ прежнее время, до Кази-Магомы и Шамиля, они однако же рѣдкостью не были: власть людей, стоявшихъ въ главѣ народа, была тогда слишкомъ безсильна для того, чтобы наказать похитителя, такъ что если родственники похищенной дѣвушки не были сами въ состояніи отомстить ея позоръ, то онъ оставался безнаказаннымъ. Въ большей части случаевъ подобные подвиги наѣздничества всегда оканчивались кровью.

Вслѣдствіе прежнихъ условій быта горцевъ, хищничество глубоко привилось къ ихъ нравамъ и обычаямъ, а потому весьма часто случается и такъ, что женихъ, вмѣсто того чтобы взять засватанную уже имъ дѣвушку изъ дома ея родственниковъ обычнымъ, установленнымъ порядкомъ, крадетъ ее тайно, съ вѣдома самихъ же ея родственниковъ. Въ прежнее время двѣ трети свадьбъ,

какъ въ Чечнѣ, такъ и въ здѣшнихъ обществахъ, совершалось такимъ порядкомъ: считалось совѣстнымъ и недостойнымъ мужчины и порядочнаго человѣка взять себѣ жену инымъ путемъ.

Въ горныхъ обществахъ чеченскаго племени, до подчиненія ихъ русскому правительству, было весьма сильно развито обыкновеніе засватывать своихъ дочерей въ малолѣтствѣ; обычай этотъ господствовалъ отчасти въ Чечнѣ, хотя и въ меньшей степени. Между племенами, вошедшими въ составъ настоящихъ округовъ Аргунскаго и Ингушевскаго, онъ былъ принятъ однакоже повсемѣстно. Въ залогъ будущаго калыма давалась пуля, хазырь черкески, или нѣсколько абазовъ денегъ,—и дѣло считалось рѣшеннымъ. Обыкновеніе это, въ высшей степени вредное, въ настоящее время совершенно уничтожено.

Что касается до *похороннаго* обряда чеченцевъ, то онъ сложенъ еще менѣе, нежели обрядъ брачный, и чуждъ всѣхъ тѣхъ правилъ и обыкновеній, которыя вносятся обычаемъ при свадебныхъ церемоніяхъ.

Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ послѣдній часъ его, посылаютъ за муллою, который и начинаетъ читать надъ нимъ молитву (*ясынъ* — отходную христіанъ). Женщины, въ изъявленіе своего горя, громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо ногтями и рвутъ волосы. Какъ только больной скончался — ихъ тотчасъ же удаляютъ, или заставляютъ силою молчать, такъ какъ подобное выраженіе печали совершенно противно духу мусульманской религіи. Всѣ удаляются изъ комнаты умершаго и мулла съ своими мутаалимами начинаетъ приготовлять тѣло для погребенія. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску или скамью, нарочно для этой цѣли сберегаемую въ большихъ мечетяхъ, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло. Потомъ беретъ кусокъ полотна, или бѣлой бумажной матеріи, и завертываетъ въ него трупъ; послѣ этого онъ завертываетъ его въ другой кусокъ такой же матеріи и потомъ въ третій. Оторвавши отъ этого савана двѣ неширокія полосы, онъ ими завязываетъ саванъ надъ головою умершаго и ниже ногъ его. Я забылъ упомянуть, что въ ротъ, глаза и уши умершаго кладется, обыкновенно, ва-

та. Приготовленное такимъ образомъ къ погребенію, тѣло оставляется на постели, а родственники и знакомые покойнаго тихо его оплакиваютъ. Тогда, обыкновенно, одна изъ присутствующихъ женщинъ встаетъ и начинаетъ пѣть надгробную пѣснь. Впрочемъ, это не есть собственно пѣснь, а скорѣе *причитанье*, которое и у насъ въ большомъ употребленіи въ низшемъ классѣ народа. Плакальщица высчитываетъ, по большей части, достоинства умершаго, его качества и сѣтуетъ, за чѣмъ онъ оставилъ свое семейство и дѣтей. „Ты оставилъ насъ, а мы всѣ такъ тебя „любили! Ты ушелъ отъ насъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни пе„чали, ни горя, а одни только радости. Но кто же позаботится „о твоемъ семействѣ и дѣтяхъ? кто ихъ накормитъ, кто защититъ „ихъ отъ злаго человѣка?„ Такъ въ большей части случаевъ говоритъ она. Иногда она высчитываетъ различныя произшествія изъ жизни покойнаго и вообще смыслъ ея *причитанья* сообразуется съ обстоятельствами его прежней жизни и положеніемъ, которое онъ занималъ въ своемъ народѣ. Когда одна женщина окончитъ—начинаетъ другая, потомъ третья *) и т. д.

---

*) Я привожу для образца надгробную импровизацію, сохранившуюся, слово въ слово, въ памяти народа, потому что въ свое время она надѣлала въ одномъ изъ здѣшнихъ горныхъ обществъ много шума и толковъ. Дѣло въ томъ, что по смерти одного человѣка, пользовавшагося въ этомъ обществѣ большой извѣстностью, его оплакивали двѣ женщины: его жена, старавшаяся изъ чувства любви, конечно, выказать его предъ народомъ какъ наѣзднпка, владѣльца наслѣдственной башни и человѣка, жившаго открыто и принимавшаго много гостей,—качество, весьма уважаемое горцами,—и другая женщина, которая, напротивъ того, изъ ненависти, старалась изобразить въ своемъ причитаньи жизнь покойнаго, какъ жизнь простаго работника—дровосѣка, косца, пахаря, однимъ словомъ какъ человѣка, жившаго своимъ личнымъ трудомъ, — обстоятельство, на которое горцы смотрятъ по большей части съ презрительнымъ снисхожденіемъ.

Жена умершаго: «О мой Тесса (собственное имя)! Ты умеръ,—пусть не умретъ и хозяйка твоего дома: не жить ей уже болѣе съ своимъ мужемъ».

«Не говорю я, что та дорога, по которой ѣздили въ нашъ домъ гости, поростетъ травой и исчезнетъ. Не говорю я, что твоя родовая крѣпкая башня достанется чужимъ людямъ, а не дѣтямъ твоимъ (при каждой фразѣ плакальщица обыкновенно останавливается и громко рыдаетъ). Не говорю я, что то ружье, которое носилъ ты на своихъ гордыхъ плечахъ, будетъ запыленное на стѣнѣ висѣть. Не говорю я, что твой черкесскій поясъ, съ серебряными подвѣсками, обнимавшій твою тонкую талію, будутъ носить

Во все время этой надгробной рѣчи присутствующіе хранятъ глубокое молчаніе, прерываемое лишь стонами и рыданіемъ ихъ. Но такъ какъ мусульмане погребаютъ своихъ мертвыхъ въ самый же день ихъ смерти, то эта печальная сцена продолжается, обыкновенно, недолго. Тѣло кладутъ на арбу и везутъ на кладбище. Многія чеченскія фамиліи имѣютъ свои родовыя кладбища, а потому умершаго везутъ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ. Если встрѣтится на пути другое какое-либо кладбище, мулла и всѣ присутствующіе останавливаются и читаютъ молитву за всѣхъ вообще умершихъ (доадеръ), при чемъ всѣ поднимаютъ въ это время руки и держатъ ихъ нѣсколько секундъ обращенными ладонью къ лицу. Подъѣзжаютъ наконецъ къ родовому кладбищу покойнаго; тамъ могила уже готова и два или три человѣка, осторожно, вмѣстѣ съ одѣяломъ, на которое положено тѣло, поднимаютъ его и тихо опускаютъ въ могилу, гдѣ его принимаетъ мулла; онъ развязываетъ тесьмы савана и кладетъ умершаго на правый бокъ, обращая головою по направленію къ западу. Тѣло покрывается дубовой доской, которая утверждается надъ нимъ наклонно къ ногамъ мертваго. Послѣ этого, засыпавши могилу землею, мулла и присутствующіе молятся и потомъ, за исключеніемъ муллы, всѣ отъ нея удаляются на довольно большое разстояніе, такъ, что около нея остается одинъ только мулла. Тогда онъ беретъ приготовленный заранѣе кувшинъ съ водою, снова читаетъ молитву (*заамъ*) и три раза поливаетъ изъ кувшина могилу, въ головахъ умершаго. Исполнивши это, онъ тотчасъ же быстро отъ нея отходитъ.

По повѣрью мусульманъ, или, какъ увѣряютъ муллы, по

чужія дѣти. Не говорю я, что твоя стальная шашка будетъ, заржавленная, въ своихъ ножнахъ покойно лежать...

Одна изъ присутствующихъ: Для сырой травы—съ блестящей косою, ты былъ хорошій косецъ. Для желтой земли—за чернымъ плугомъ, ты былъ хорошій пахарь. Для вѣтвистаго дерева—съ острымъ топоромъ, ты былъ хорошій дровосѣкъ.

Жена: «О мой Тесса! У горящаго камина твоего дома ты былъ для насъ важный князь. Пока голова твоя была на плечахъ — она бросала тѣнь и въ тѣни ея я скрывалась съ дѣтьми. Теперь я плачу о твоихъ бѣдныхъ дѣтяхъ: кто ихъ будетъ кормить и кто за ними будетъ смотрѣть?»

сказанію ихъ священныхъ книгъ, въ то время когда налитая на могилу вода касается тѣла умершаго, онъ оживаетъ и спрашиваетъ присутствующихъ: „зачѣмъ они оставляютъ его одного?“ Горцы вѣрятъ, что тотъ, кто услышитъ этотъ голосъ, становится на всегда глухимъ. Вслѣдствіе-то подобнаго убѣжденія они и отходятъ отъ могилы на такое разстояніе, чтобы нельзя было слышать ни словъ, ни голоса мертвеца.

Когда похороны кончены и всѣ удалились — мулла присылаетъ на могилу одного изъ своихъ мутаалимовъ и тотъ три дня и три ночи читаетъ тамъ коранъ. Иногда же чтеніе, вмѣсто могилы, совершается въ домѣ умершаго. Отдѣльныхъ поминокъ по усопшемъ у чеченцевъ не дѣлается никогда, но каждую пятницу, каждое сколько нибудь зажиточное семейство приготовляетъ блины и относитъ ихъ въ мечеть, для раздачи тамъ присутствующимъ въ память *всѣхъ* своихъ умершихъ.

Обычай горцевъ требуетъ, чтобы всѣ родственники, друзья умершаго, или его знакомые, пріѣзжали къ нему въ домъ для заявленія своихъ сожалѣній предъ членами его семейства. Обычай этотъ исполняется весьма строго,—и по смерти человѣка уважаемаго, къ его семейству пріѣзжаютъ съ утѣшеніями и сѣтованьемъ люди, часто даже и незнакомые.

II.

Суевѣрія и предразсудки горцевъ чеченскаго племени.

Говоря о религіи горцевъ, нельзя въ тоже время обойти молчаніемъ ихъ народные предразсудки и суевѣрія.

Явленія внѣшняго міра производятъ на различныхъ людей и различныя впечатлѣнія. Чѣмъ человѣкъ необразованнѣе, тѣмъ явленія эти, по своему разнообразію, сложности, по необъяснимости наконецъ самыхъ причинъ и источника ихъ происхожденія,—поражаютъ его чувства болѣе и сильнѣе, нежели человѣка развитаго. Первый придаетъ имъ значеніе чудеснаго, послѣдній объясняетъ ихъ научно. Что можно сказать о личности отдѣльной—вполнѣ приложимо и къ цѣлому народу. Отсюда—большая или меньшая степень суевѣрія народа и болѣе или менѣе рѣзкіе оттѣнки въ его сказаніяхъ и повѣрьяхъ. Жизнь идеальная кавказскаго горца никогда не имѣла возможности сильно развиться: постоянная борьба съ дикою природою, его окружающею, и съ насущною, суровою нуждою,—всегда заставляла его жить въ мірѣ дѣйствительномъ и съузила его міръ фантазіи. Его религіозныя понятія, всецѣло направленныя къ выполненію лишь наружныхъ формъ обрядовъ, къ газавату и кровомщенію,—способствовали этому еще болѣе. При всемъ томъ, нельзя отрицать у горцевъ склонности ихъ къ поэзіи и сказкамъ,—слѣдствіе пламеннаго воображенія ихъ и жажды къ чудесному. Но прежде нежели мы коснемся ихъ сказаній, я упомяну о нѣкоторыхъ изъ ихъ суевѣрій и предразсудковъ, болѣе или менѣе господствующихъ въ массѣ народа.

Вѣра въ гаданія и гадальщиковъ — обща всѣмъ племенамъ чеченскаго происхожденія. Можно сказать, что она обща всѣмъ горцамъ и—болѣе того—всѣмъ людямъ, хотя и выражается въ различныхъ формахъ.

Кромѣ множества способовъ гаданій, пользующихся въ массѣ народа извѣстной степенью вѣры—посредствомъ зеркалъ, камней, платковъ,—относящихся по большой части къ *гаданіямъ любовнымъ* и употребляемыхъ преимущественно только женщинами, у горцевъ здѣшнихъ обществъ есть три рода гаданій, пользующихся большою извѣстностью и вѣрою въ нихъ, а именно: *гаданье по кости барана; гаданье по книгѣ Абдурзукка* и *Абдурахмана, Седіенъ-джайнэ*, и наконецъ *гаданье по книгѣ Сулеймана, Пайхомаръ-Сулейманъ-джайнэ;* эта послѣдняя книга есть тотъ-же нашъ *вѣщій царь Соломонъ.*

Прежде нежели говорить подробно объ этихъ трехъ родахъ гаданій, изъ коихъ два послѣднія общи всѣмъ мусульманамъ, я въ нѣсколькихъ словахъ дамъ понятіе о *гаданіяхъ любовныхъ*.

Гаданье зеркаломъ употребляется исключительно дѣвушками, съ цѣлью угадать своего *суженаго*. Оно весьма несложно. Берется зеркало, которое кладутъ въ каминъ, и съ крыши сакли, чрезъ трубу, пристально смотрятъ въ него. Проглядѣвши такимъ образомъ двѣ-три минуты, сходятъ съ крыши, берутъ изъ каждаго угла комнаты, или же по направленію четырехъ странъ свѣта, немного земли, которую завязываютъ въ узелокъ и кладутъ на ночь подъ подушку. Нѣкоторыя видятъ лицо своего *суженаго* въ самомъ зеркалѣ; тѣ же, которыя его тамъ не видятъ,—положивши подъ свою подушку землю, собранную по вышеприведенному способу, навѣрно уже видятъ его во снѣ. Гаданье это носитъ у чеченцевъ названіе *кюсгехажіу*.

Гаданье каменьями—*пальтасаръ* — заключается въ томъ, что ворожея обыкновенно старая женщина, беретъ девять небольшихъ камней и, пошептавши на двухъ изъ нихъ имена любовниковъ, бросаетъ вдругъ всѣ девять камней на землю. По способу ихъ паденія, по разстоянію, на которомъ они одинъ отъ другаго лягутъ и наконецъ по численности камней, которые лягутъ между двумя камнями любовниковъ, ворожея дѣлаетъ уже заключеніе о благополучномъ или неблагополучномъ соединеніи ихъ, о времени этого соединенія и тѣхъ препятствіяхъ, которыя могутъ при этомъ встрѣтиться.

Гаданье посредствомъ—платка *дольдустеръ*—производится также съ помощью ворожеи. Обыкновенно берутъ большой платокъ, на одномъ изъ концовъ котораго завязывается узелъ, и потомъ отъ этого узла ворожея, вымѣриваетъ локтемъ разстояніе до противоположнаго угла. Остающееся между этими двумя точками пространство служитъ основаніемъ предсказанію, болѣе или менѣе благопріятному для той, которая желаетъ поднять завѣсу будущности. Впрочемъ, гаданье этого рода не есть исключительно гаданье только любовное, но употребляется часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ узнать причину болѣзни, необъяснимой для

родственниковъ больнаго, или же приписывающихъ ее вліянію *дурнаго глаза* живаго человѣка или *мертвеца*. Результаты этого гаданья столько же случайны, сколько могутъ зависѣть отъ ловкости самой ворожеи и отъ проворства ея рукъ.

Эти три способа гаданья въ большомъ употребленіи между горскими дѣвушками и женщинами и составляютъ ихъ исключительную принадлежность. Но гаданье посредствомъ кости барана и книгъ, о которыхъ я упомянулъ, сильно распространено въ цѣлой массѣ народа; въ особенности же первый родъ гаданья, какъ болѣе двухъ другихъ доступный. Въ прежніе годы, во время войны нашей съ Чечнею, оно прилагалось преимущественно къ угадыванію будущей судьбы предпріятій военныхъ, предпринимаемыхъ цѣлымъ-ли племенемъ, партіей, или личностью отдѣльной—все равно. Самые умные изъ наибовъ Шамиля, не говоря уже про предводителей мелкихъ наѣздничьихъ шаекъ, отправляясь на какое-либо отважное предпріятіе, не выѣзжали, не посовѣтовавшись прежде съ *хажеромъ*, прорицателемъ посредствомъ кости. Въ одномъ изъ обществъ, лежащихъ по Шаро-Аргуну, до сихъ поръ еще живетъ знаменитый изъ горскихъ *хажеровъ*, по имени Тода, совѣтами и пророчествомъ котораго не пренебрегалъ и Шамиль. Меня увѣряли многіе изъ уважаемыхъ людей этого общества, что судьба, постигшая Шамиля на Гунибѣ, была ему заранѣе предсказана Тода—и, говорятъ, Шамиль былъ убѣжденъ въ истинѣ этого пророчества, но обстоятельства сложились такъ, что поступить иначе онъ не могъ и, волею или неволею, вынужденъ былъ укрѣпиться на Гунибѣ. Этотъ же самый Тода предсказалъ, по увѣренію горцевъ, извѣстному въ свое время наибу Шамиля, Нуръ-Али, его смерть. Когда Нуръ-Али, управлявшій обществами Чаберлой и Шатой, поѣхалъ въ Малую Чечню, чтобы, увеличивши свою партію чеченцами, выступить противъ русскихъ, онъ нарочно заѣхалъ въ аулъ, гдѣ жилъ Тода, и тотъ по лопаткѣ барана предсказалъ ему скорую смерть. „Я вижу, ведутъ лошадь и на ней веревками привязано мертвое „тѣло“—сказалъ онъ ему и болѣе не хотѣлъ ничего говорить. Такъ какъ чрезъ недѣлю послѣ того Нуръ-Али умеръ отъ холеры, то обстоятельство это пріобрѣло искусству Тода безчисленное

множество поклонниковъ и разъ навсегда упрочило за нимъ славу прорицателя.

Гаданье по кости барана носитъ у горцевъ названіе *пхенеръ*, а часто и *пхенеръ-хажеръ*. Тотъ, кто хочетъ гадать, долженъ имѣть своего собственнаго барана, т. е. изъ своего стада; купленный же полагается годнымъ для этого процесса въ такомъ только случаѣ, если онъ пробылъ у своего новаго владѣльца годъ времени, или же этотъ послѣдній далъ ему три раза соли. Баранъ долженъ быть годовалый; шерсть допускается произвольная, хотя нѣкоторые прорицатели и предпочитаютъ барановъ совершенно бѣлыхъ. Хажеръ рѣжетъ барана, варитъ и потомъ, по одной изъ лопатокъ передней ноги животнаго, предсказываетъ будущее. Основаніемъ для предсказанія служатъ ему темныя и свѣтлыя пятна, находящіяся на кости и замѣтныя, если сквозь нее смотрѣть на свѣтъ, точно также какъ и пятна кровавыя и узоры жилокъ, часто видимые на лопаткѣ. Кровавыя пятна,—предзнаменованіе дурное, и въ прежнее время не разъ какой-нибудь планъ, смѣло задуманный горскими наѣздниками, оставался безъ выполненія, вслѣдствіе открытія хажеромъ вѣщихъ знаковъ.

Гаданье по *Седіэнъ-джайнэ* заключается въ несложныхъ математическихъ выкладкахъ. Книга эта пользуется между горцами большимъ авторитетомъ; ей вѣрятъ даже муллы, имѣющіе въ народѣ репутацію людей ученыхъ и здравомыслящихъ. Мнѣ удалось видѣть одинъ изъ экземпляровъ ея, хотя вообще книга эта болѣе или менѣе рѣдкость—быть можетъ потому, что всякій, у кого она есть, скрываетъ это. Я попробую дать понятіе о способѣ гаданія по ней.

Седіэнъ-джайнэ въ переводѣ значитъ *книга звѣзды* (*седи*, по-чеченски—звѣзда). Мусульмане принимаютъ двѣнадцать небесныхъ созвѣздій, по числу главныхъ ихъ пророковъ или святыхъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ родился подъ извѣстнымъ созвѣздіемъ, а потому вся книга *Седіэнъ-джайнэ* раздѣлена на двѣнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстному созвѣздію и тому пророку, который подъ нимъ родился. На первой

страницѣ книги излагается арабская азбука, съ соотвѣтствующими каждой буквѣ извѣстными числами: *элифъ* — одинъ, *би*—два, *ти*—четыре, *си*—восемь, *джимъ*—три, *хи*—восемь, *хіе*—о, *далъ*—четыре, *дзалъ*—четыре, *ри*—восемь, *дзи*—семь, *сенъ*—о, *шенъ*—о, *сатъ*—шесть, и т. д. Гадающій, или гадающая, прежде всего говорятъ свое имя и имя матери своей. И то и другое разбирается по буквамъ, и величины, соотвѣтствующія каждой изъ нихъ, складываются; потомъ отъ суммы, получаемой отъ сложенія величинъ, выраженныхъ буквами именъ гадающаго и его матери, откидывается по двѣнадцати единицъ до тѣхъ поръ, пока не останется числа менѣе двѣнадцати. Согласно величины оставшагося числа отыскивается отдѣлъ одного изъ созвѣздій подъ тѣмъ же числомъ, въ которомъ и заключается прорицаніе для мужчинъ и женщинъ отдѣльно. Начинается оно, обыкновенно, описаніемъ наружности: „у него красивое лицо, высокій ростъ, тонкій станъ, „блестящій взоръ“,... потомъ уже слѣдуетъ описаніе его жизни настоящей, а потомъ и будущности.

Книга эта, состоящая всего изъ двадцати-тридцати страницъ въ осьмую долю листа, какъ читатель видитъ самъ, очень невинна и далеко не замысловата; между тѣмъ въ нее вѣрятъ до такой степени, что *Седіэнъ-джайнэ*, вмѣстѣ съ двумя другими книгами—*Дурурулъ-Акбаръ* и *Сюрулъ-Афа*, также принадлежащими, какъ кажется, къ числу астрологическихъ арабскихъ книгъ,—въ прежнее время не одинъ разъ служила для ученыхъ фанатиковъ Чечни и Дагестана способомъ направлять волю народа по тому пути, который велъ къ достиженію ихъ цѣлей личныхъ. Двухъ послѣднихъ книгъ, въ полномъ ихъ объемѣ, у чеченцевъ нѣтъ; у нѣкоторыхъ только муллъ существуютъ выписки изъ нихъ, весьма краткія, но по нимъ тѣмъ не менѣе предсказываются неурожаи хлѣба, болѣзни, войны, землетрясенія и проч. Полныя же книги *Дурурулъ-Акбаръ* и *Сюрулъ-Афа* существуютъ, по мнѣнію народа, только въ Турціи, и по своей огромной стоимости могутъ быть доступны лишь одному султану да самымъ богатымъ людямъ этой имперіи.

Составители Седіэнъ-джайнэ были, какъ я сказалъ уже, ара-

бы Абдуррахманъ и Абдурзуккъ, въ особенности же послѣдній. Появленіе ея относится къ эпохѣ Магомета и только что зарождавшагося тогда исламизма. Горцы, по поводу *Седіэнъ-джайнэ*, разсказываютъ слѣдующую легенду:

Абдурзуккъ. написавшій эту книгу съ помощію *Джинновъ* *), подслушивавшихъ всѣ свѣдѣнія, ему сообщенныя, у ангеловъ, встрѣтилъ однажды на мосту пророка. Этотъ послѣдній, желая испытать степень его знанія вещей сокровенныхъ, спросилъ его: есть-ли на землѣ или небѣ Пайхомаръ-Магометъ, и если—есть, то гдѣ онъ въ настоящую минуту находится? Абдурзуккъ, посовѣтовавшись съ своею книгою, которая всегда находилась при немъ, отвѣчалъ, что Пайхомаръ-Магометъ, дѣйствительно, существуетъ и что это величайшій пророкъ настоящаго и грядущихъ временъ. „Но удиви„тельно, прибавилъ онъ, моя книга мнѣ указываетъ, что онъ не „находится въ настоящую минуту ни на небѣ, ни на землѣ. По„этому я полагаю, что Пайхомаръ-Магометъ, если не я, то навѣр„но—ты, такъ какъ мы двое только теперь стоимъ на этомъ мо„сту и не находимся ни на землѣ, ни на небѣ.“ Сдѣлавши еще нѣсколько вопросовъ Абдурзукку и видя, что *Седіэнъ-джайнэ* открываетъ ему такія тайны, которыхъ не дано знать смертнымъ, считая ихъ къ тому же даромъ похищеннымъ отъ Всемогущаго хитростью и коварствомъ *джинымъ*,— Магометъ тотъ-часъ же взялъ

*) *Джинымъ* горцевъ, — это джинъ восточной миѳологіи и сказокъ, геніи добрые и злые, такъ часто встрѣчающіеся на страницахъ Тысячи и одной ночи. Горская миѳологія относитъ ихъ къ категоріи духовъ, которые составляютъ одну изъ переходныхъ ступеней, въ непрерывной цѣпи существъ отъ ангела до человѣка включительно, — между ангелами и духами зла. По ихъ повѣрью, *джинымъ*, пользуясь свободой доступа своего на небо, похищаютъ иногда обманомъ, иногда же узнаютъ чрезъ подслушиваніе, тайны сокровенной отъ нихъ и отъ человѣка будущности. Эти тайны они сообщаютъ своимъ земнымъ друзьямъ; связь съ *джинымъ* никогда впрочемъ къ добру человѣка не приводитъ и почти всегда оканчивается умственнымъ разстройствомъ послѣдняго. Поэтому людей, сшедшихъ съ ума и идіотовъ, горцы относятъ, въ большей части случаевъ, къ числу людей, знакомыхъ съ джинами.

Падающія звѣзды и метеоры они объясняютъ тѣмъ, что ангелы, замѣтя, что *джинымъ* подслушиваютъ ихъ тайны, и раздраженные этимъ, схватываютъ первую попавшуюся имъ подъ руку звѣзду и бросаютъ ею въ непрошенныхъ посѣтителей небесныхъ чертоговъ.

отъ Абдурзукка книгу и бросилъ ее въ рѣку. Книга немедленно погрузилась на дно, но нѣсколько листовъ ея, разнесенныхъ при паденіи вѣтромъ, Абдурзуккъ успѣлъ однако же схватить и скрыть у себя. Пророчества, въ нихъ заключавшіяся, дополненныя Абдурррахманомъ—но уже безъ помощи джиновъ—и составили настоящую книгу, *Седіэнъ-джайнэ*. Этимъ-то и объясняется то обстоятельство, присовокупляютъ горскіе муллы, что книга эта, не смотря на всю непреложность своихъ предсказаній, иногда не совсемъ ясно прозрѣваетъ будущее.

Вслѣдствіе всего предыдущаго, *Седіэнъ-джайнэ* у мусульманъ считается книгою запрещенною, атеистическою, и попадается весьма рѣдко. Муллы, твердо въ нее вѣруя, тѣмъ не менѣе не рѣшаются никогда предъ народомъ гадать по ней, и тотъ, у кого она есть, хранитъ ее втайнѣ.

О способѣ гаданья по книгѣ *Пайхомаръ-Сулейманъ* я говорить не буду, такъ какъ и самая книга и способъ гаданья по ней тождественны съ тѣми книгами *Царя Соломона*, которыя распространены и у насъ въ низшемъ классѣ народа, и способъ гаданья одинаковъ.

Чтобы закончить разборъ суевѣрій и предразсудковъ горцевъ, мнѣ остается сказать еще о ихъ вѣрованіи *въ дурной глазъ*, *заговариванье*, *порчу и приворотную траву*.

Мнѣніе о *дурномъ глазѣ* между ними въ точно такомъ же ходу, какъ и у насъ. Противодѣйствующимъ средствомъ *сглазу* служатъ обыкновенно амулеты, въ которые зашивается молитва или изреченіе изъ корана. Такіе амулеты горцы вѣшаютъ часто на шею дорогихъ или любимыхъ лошадей своихъ, чтобы отвратить такимъ образомъ вліяніе на нихъ дурнаго или завистливаго глаза.

Вѣра въ возможность *заговариванья ружей*, *заговора отъ пули*, болѣе или менѣе господствующая между нашими линейными казаками, между горцами распространена весьма мало. Ихъ самолюбіе и храбрость возстаютъ противъ мысли, что жребій боя можетъ зависѣть не отъ судьбы или личной неустрашимости, а отъ воли подобнаго же имъ человѣка.

Что же касается до вѣрованія въ возможность *порчи*, то оно принимается цѣлою массою народа. Есть различнаго рода порча. „Злая женщина,“ напримѣръ, завязавши извѣстную ей траву и заговоривши ее, бросаетъ въ каминъ дома того человѣка, котораго она хочетъ испортить. Слѣдствіемъ этого бываетъ обыкновенно болѣзнь. Излеченіе испорченнаго можетъ быть произведено не иначе какъ съ помощью той ворожеи, которая его испортила.

Другаго рода порча, въ которую горцы чистосердечно вѣрятъ и которой крайне боятся, состоитъ въ томъ, что какой-либо злонамѣренный человѣкъ, во время вѣнчанья и въ ту минуту когда мулла дѣлаетъ жениху извѣстные вопросы,—при каждомъ отвѣтѣ его завязываетъ узлы на ниткѣ, заранѣе имъ для этой цѣли приготовленной. Пока эти узлы не будутъ развязаны,—полное обладаніе своею женою для жениха становится невозможнымъ, несмотря ни на какія медицинскія средства. Поэтому, вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ возможность и дѣйствительность такого рода колдовства, при спросѣ жениха, кромѣ муллы и двухъ свидѣтелей, въ комнату обыкновенно не допускаютъ никого и предварительно строго осматриваютъ, не скрылся ли кто въ ней изъ постороннихъ. Въ большей же части случаевъ, для полной безопасности, мулла, какъ я сказалъ уже, дѣлаетъ жениху свои обрядовые вопросы не въ домѣ, но на дворѣ, стараясь, чтобы кромѣ свидѣтелей никто другой отвѣтовъ его не слышалъ.

Кромѣ порчи посредствомъ завязыванія узловъ, жениха можно испортить еще и другимъ способомъ, болѣе легкимъ: стоитъ только, при каждомъ его отвѣтѣ муллѣ, вынимать нѣсколько изъ ножонъ клинокъ своего кинжала и тотчасъ же опять его вкладывать, или же вынимать и вкладывать газырь своей черкески. Такое дѣйствіе, три раза повторенное, равносильно съ завязываньемъ узловъ и производитъ совершенно одинаковые результаты.

Въ здѣшнихъ горныхъ обществахъ сильно распространена также вѣра въ *порчу посредствомъ отравы*. Нерѣдко, не смотря ни на какія убѣжденія и доказательства, производитъ она большія ссоры и несогласія. Горцы утверждаютъ, что есть родъ травы, *джалѣнга-леттенъ-буцъ (трава, заставляющая*

лять), извѣстной нѣкоторымъ лицамъ, которая, если дать ее въ питьѣ или пищѣ, производитъ порчу, выражающуюся болѣзненными припадками, судорогами и крикомъ, похожимъ на лай собаки. Подобный же предразсудокъ господствуетъ и у насъ въ простомъ народѣ и, вѣроятно, многимъ случалось видѣть или слышать, такъ называемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, *кликушъ*. Эти болѣзненные припадки, дѣйствительно, здѣсь между женщинами существуютъ и въ нѣкоторыхъ обществахъ развиты болѣе или менѣе сильно, хотя, конечно, источникъ ихъ происхожденія — не отрава. Замѣчательно, что болѣзнь эта исключительно почти господствуетъ въ горахъ, тогда какъ на плоскости Чечни она почти неизвѣстна, или по крайней мѣрѣ встрѣчается весьма рѣдко. Отъ этого-то въ Чечнѣ и славятся *пальхаккенъ-ламройнъ-дзудеригашъ*,—горскія колдуньи. Я неоднократно посылалъ медика для изслѣдованія этой болѣзни и въ большей части случаевъ оказывалось, что это были либо болѣзни нервныя, либо-же—притворство, вызываемое, конечно, самымъ складомъ семейнаго быта здѣшнихъ горцевъ. Между мужчинами болѣзнь эта неизвѣстна. Я обѣщалъ довольно значительную денежную награду тому, кто доставитъ мнѣ „*джаліенга-леттенъ-буцъ*,“ но всѣ попытки мои по этому поводу оставались до сихъ поръ бузуспѣшны, по причинѣ, конечно, весьма понятной. Впрочемъ, необходимо сказать, что пагубное дѣйствіе этой травы приписывается горцами столько же ея ядовитымъ свойствамъ, сколько и заклинаніямъ, употребляемымъ при ея собираніи, равно какъ и самому способу и времени, въ которое она собирается. Собирается же она слѣдующимъ образомъ:

„Злая женщина,“ или мужчина, ночью, обыкновенно въ полнолуніе,—хотя впрочемъ это и не есть условіе необходимое—выходитъ изъ дома, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться на пути, и отправляется въ заранѣе уже высмотрѣнное мѣсто, на гору, гдѣ ростетъ *джаліенга-леттенъ-буцъ*. Тамъ колдунья снимаетъ съ себя все платье, и, совершенно обнаженная, идетъ задомъ, отыскивая эту траву и стараясь срывать ее между ступнями ногъ. Во время этого процесса, колдунья мыслью и словами отрекается отъ вѣры и отъ Бога. „Я не признаю Бога; я не его созданіе: я равна ему

„и также могуща, какъ и онъ. Я навсегда отрекаюсь отъ него,“ — говоритъ она. Это общая формула заклинанія, употребляемая повсемѣстно горскими ворожеями и кудесниками при сборѣ упомянутой травы. Злой духъ, въ противоположность чародѣямъ и колдунамъ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ, горскими ворожеями, какъ видно, оставляется въ покоѣ и помощи его не просятъ. Трава, такимъ образомъ сорванная, впослѣдствіи сушится и дается обреченной жертвѣ въ пищѣ или питьѣ. Впрочемъ, достаточно также бросить ее въ огонь камина, около котораго сидитъ эта жертва, чтобы навсегда ее испортить.

Вѣра *въ приворотную траву* также сильно распространена между горцами, какъ и вѣра въ *джалiенга-лептенъ-бунъ*. Дѣйствіе этой травы, точно также какъ и послѣдней, зависитъ и отъ самыхъ свойствъ ея, и отъ заклинаній и чаръ, употребляемыхъ при ея собираніи. *Приворотная трава* имѣетъ двоякое дѣйствіе: или она привязываетъ чувствомъ непобѣдимой любви извѣстное лицо къ другому лицу, или же, наоборотъ, поселяетъ ничѣмъ непобѣдимыя ненависть и отвращеніе. Противодѣйствующимъ средствомъ *приворотной травѣ* служатъ извѣстныя молитвы. Есть муллы, спеціалисты по части отчитыванія волшебнаго дѣйствія *приворотной травы*, къ которымъ, обыкновенно, въ случаѣ крайности и прибѣгаютъ. Есть также и такіе, которые посредствомъ извѣстныхъ имъ заклинаній производятъ чары, соотвѣтствующія дѣйствію приворотной травы. Само собою разумѣется, что подобное эксплуатированіе народа, расчитанное на его легковѣріе, дѣлается въ строгой тайнѣ.

III.

Народныя сказанія горцевъ чеченскаго племени.

Свои поэтическіе представленія и образы народъ заимствуетъ большею частію изъ собственной же жизни и той среды, въ которой живетъ. Стало быть, народныя сказанія есть болѣе или менѣе вѣрное выраженіе характера народа, общественнаго или частнаго его быта и наконецъ тѣхъ фазисовъ его исторической судьбы, чрезъ которые онъ прошелъ. Поэтому, изученіе народныхъ сказаній различныхъ эпохъ важно какъ одно изъ средствъ для изученія самаго характера народа и его прошлаго быта. У нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ, болѣе другихъ развитыхъ, въ пѣсняхъ излагаются цѣлыя событія, имѣющія иногда значеніе историческое; чаще же всего онѣ касаются частныхъ фактовъ и событій изъ прежней жизни. У чеченцевъ подобныхъ пѣсенъ мало. Хотя иногда смѣлые разбойничьи подвиги, отчаянная защита и смерть какого нибудь извѣстнаго наѣздника и сохраняются въ пѣсняхъ; тѣмъ не менѣе большая часть ихъ — вызванная минутой импровизація: ею восхищаются, она воспламеняетъ извѣстныя чувства, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ заучивается и становится популярною. Исключеніе составляютъ развѣ только тѣ изъ пѣсенъ, которыя складываются иногда на произшествія, заинтересовывающія цѣлый народъ, или же на извѣстныя дѣйствія лица, на которыя народъ смотритъ какъ на дѣйствія постыдныя. Эти пѣсни непремѣнно уже заучиваются: ихъ знаютъ не только взрослые, но даже и дѣти. Такова, напримѣръ, пѣсня о Шамилѣ, сложенная однимъ чеченскимъ импровизаторомъ, послѣ изъявленія бывшимъ имамомъ покорности. Сказки чеченцевъ можно встрѣтить изложенныя письменно, по арабски; но пѣсни составляютъ исключительную принадлежность людей, спеціально занимающихся ремесломъ пѣвца, и письменныя не встрѣчаются никогда: быть можетъ и потому впрочемъ, что свой собственный письменный языкъ народъ себѣ еще не ус-

пѣлъ усвоить, переводъ же на арабскій положительно не въ состояніи передать всѣ ихъ оттѣнки и особенности. Наконецъ, арабскій языкъ — языкъ церковный и знаніе его не распространяется далѣе духовнаго лишь сословія горцевъ. а между тѣмъ ни одинъ сколько нибудь серьезный и ученый мулла не взялъ бы на себя заняться подобными переводами изъ одной уже боязни стать смѣшнымъ въ глазахъ народа и потерять репутацію своей учености.

Для образца народной чеченской поэзіи я привожу нѣсколько пѣсенъ и сказокъ, болѣе другихъ распространенныхъ въ Чечнѣ и здѣшнихъ обществахъ; хотя популярными ихъ назвать и нельзя, но ихъ знаютъ однако же всѣ мѣстные горскіе барды, нерѣдко впрочемъ ихъ варьирующіе.

„Высохнетъ земля на могилѣ моей—и забудешь ты меня, моя „родная мать! Поростетъ кладбище могильной травой—заглушитъ тра„ва твое горе, мой старый отецъ! Слезы высохнутъ на глазахъ „сестры моей—улетитъ и горе изъ сердца ея!“

„Но не забудешь меня ты, мой старшій братъ,—пока не ото„стишь моей смерти! Не забудешь ты меня, и второй мой братъ,— „пока не ляжешь рядомъ со мной!“

„Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть,—но не ты ли была „моей вѣрной рабой? Земля черная, ты покроешь меня—но не я-ли „тебя конемъ топталъ? Холодна ты, смерть,—но вѣдь я былъ тво„имъ господиномъ!“

„Мое тѣло—достояніе земли. Мою душу—приметъ небо!“

Пѣсня о Хамзатѣ *).

Догоняетъ на крыльяхъ и ловитъ свою добычу когтями бѣлый ястребъ. Онъ ловитъ ее—и тутъ же клюетъ сырою.

*) Хамзатъ былъ абрекъ изъ надъ-теречныхъ ауловъ. Въ первые годы имамета онъ бѣжалъ въ горы и, предводительствуя небольшими наѣздническими шайками, постоянно тревожилъ нашу Терскую линію. Знаніе мѣстности и безразсѣтная храбрость этого абрека способствовали тому, что въ большей части случаевъ всѣ напады его были весьма удачны.

На рѣзвыхъ ногахъ своихъ догоняетъ и крѣпкими рветъ когтями пестрый барсъ красиаго звѣра.

Оставляетъ за собою Терекъ и переправляется на лѣвый берегъ, съ храбрыми Гихинскими наѣздниками, смѣлый Хамзатъ.

Переправился чрезъ Терекъ смѣлый Хамзатъ и отправился въ Ногайскія степи. Захватилъ онъ табунъ бѣлыхъ коней и снова переплылъ Терекъ и перегналъ бѣлый табунъ.

Съ разсвѣтомъ дня переправился онъ съ табуномъ своимъ и догналъ его до Шиванскихъ кустовъ, на Черкесской горѣ *).

Опасно днемъ было ѣхать, да и устали наѣздники. Остановились они на Шиванъ-Кули и въ лѣсъ скрыли добычу свою.

Скрывши въ лѣсу добычу и товарищей, пошелъ Хамзатъ на высокій курганъ, на Черкесской горѣ, и сталъ смотрѣть онъ въ зрительную трубку: не идетъ-ли за нимъ русскій отрядъ.

Смотритъ Хамзатъ и видитъ: на томъ хѣстѣ, гдѣ онъ чрезъ Терекъ переправился, чернѣетъ большая толпа. Какъ быстро гонитъ вѣтеръ черныя тучи, — такъ быстро скакала толпа эта по его слѣдамъ.

Увидавъ толпу, онъ спустился съ кургана и сказалъ товарищамъ: „За нами гонятся такъ шибко, какъ летитъ туча, гонимая „вѣтромъ. Не бойтесь, будемъ драться мы, какъ голодные барсы.“

Еще сказалъ онъ имъ: „Мы теперь перерѣжемъ угнатый скотъ „и окружимъ себя имъ какъ высокимъ заборомъ. Если мы это сдѣ„лаемъ—мы будемъ въ состояніи защитить себя.“

На это согласились его товарищи и обрадовались. Зарѣзали лошадей, закололи быковъ и сдѣлали крѣпкій завалъ вокругъ себя.

Опять сталъ говорить Хамзатъ своимъ товарищамъ: „Гихин„скій наибъ, Ахъ-Верды-Магома, вѣрно также стоитъ на горѣ съ „своей партіей. Услыхавши шумъ нашей драки съ русскими, Мага„ма, какъ воздушная птица, прилетитъ на помощь намъ.“ А сказалъ онъ для того это, чтобы ободрить товарищей.

Сѣлъ Хамзатъ съ своими наѣздниками за кровавый завалъ и велѣлъ одному изъ нихъ наблюдать за отрядомъ. Стоитъ часовой и пристально смотритъ.

И видитъ: впереди толпы скачетъ всадникъ—князь Кагерманъ. „Какого князя вы люди?“ онъ спросилъ, подскакавши.

---

*) Малгабегскій хребетъ.

Не давши ему никакого отвѣта, передалъ караульный вопросъ Хамзату: ,,Князь Кагерманъ хочетъ знать, какого князя мы люди.''

Вышелъ изъ-за-завала смѣлый Хамзатъ и подошелъ ко всадни-ку. ,,Что ты хочешь отъ насъ?''—такъ спросилъ онъ его. — ,,Я спросилъ, какого князя вы люди.''

Засмѣялся Хамзатъ. ,,Никакихъ князей мы и знать не хо-,,тимъ! Мы наѣздники изъ Гиховъ и пріѣхали за добычею.

,,Не Хамзатъ-ли ты?'' спросилъ Кегерманъ.—,,Да, я Хамзатъ,'' отвѣчалъ онъ ему.

,,Напрасно же, Хамзатъ, пріѣзжалъ ты сюда. Васъ догналъ те-,,перь русскій отрядъ; догналъ и окружилъ онъ васъ. Если у васъ ,,не выростутъ крылья перелетной птицы и не улетите вы вверхъ— ,,вы не можете скрыться. Меня прислалъ русскій начальникъ: поща-,,дить онъ васъ—если не будете драться.''

Отвѣчалъ ему на это Хамзатъ: ,,Пріѣхалъ я сюда, Кагерманъ, ,,не по бѣдности: я пріѣхалъ сюда, чтобы заслужить смерть газава-,,та *). И сдайся я тебѣ—надо мной посмѣется весь гихинскій на-,,родъ. Какъ волкъ, усталый и голодный, хочетъ скорѣе добраться ,,до лѣсу, какъ горячій и несытый конь рвется въ чистое поле — ,,такъ и товарищи мои жаждутъ смертнаго боя. И не боюсь я тебя, ,,Кагерманъ, и смѣюсь надъ всѣмъ вашимъ отрядомъ: наша надежда ,,на всемогущаго Бога.''

И снова сказалъ Хамзатъ Кагерману: ,,Мы искали всегда до-,,бычи и золота, а для такого дня, какъ нынѣшній, лучше красива-,,го, чернаго пороху—нѣтъ драгоцѣннѣй добычи.''

И опять онъ сказалъ: ,,Для нынѣшняго дня золото—не день-,,ги; для такого дня крымскій **) надежный кремень—чистое золото.''

Воротился Кагерманъ къ русскому начальнику и сказалъ ему, что не хочетъ сдаваться Хамзатъ. А Хамзатъ воротился въ завалъ и сѣлъ къ своимъ товарищамъ.

Подошелъ отрядъ и сталъ стрѣлять. Стрѣлялъ и Хамзатъ съ своими наѣздниками.

Сталъ густой дымъ отъ ихъ выстрѣловъ и сказалъ Хамзатъ:

---

*) Смерть за вѣру, или, вѣрнѣе, смерть въ бою противъ невѣрныхъ, считаемая у мусульманъ мученическою.

**) Ружейные кремни, привозимые изъ Константинополя, чеченцы называютъ крымскими.

„*Да погибнетъ отецъ этого дня!* *) Такой жаркій день, что на „одну лишь тѣнь отъ нашихъ шашекъ мы и можемъ надѣяться.“

Опять сказалъ Хамзатъ: „Какой дымъ густой, какой мрачный „день! лишь одинъ намъ свѣтъ—ружейные выстрѣлы.“

Опять сказалъ Хамзатъ своимъ товарищамъ: „Въ этотъ день „гуріи райскія смотрятъ изъ оконъ съ неба на насъ и любуются; „онѣ ссорятся, выбирая изъ насъ себѣ мужа. И тѣмъ изъ насъ, „кто будетъ храбрѣй—каждая предъ подругой своей будетъ хвастать„ся. А избраннаго, боязливѣй другихъ,—она будетъ совѣститься и „закроетъ отъ него окно, отворотится. Кто изъ васъ будетъ трусъ— „будетъ стыдно ему предъ Богомъ!“ **)

И въ душѣ тогда подумалъ Хамзатъ, что насталъ часъ его смерти и что нѣтъ имъ больше надежды.

Высоко въ небѣ увидалъ онъ перелетныхъ птицъ и сказалъ онъ имъ: „О, воздушныя птицы! Передайте вы нашъ послѣдній привѣтъ „(салâмъ), нашъ послѣдній поклонъ, гихинскому наибу Ахъ-Вердыѣ„Магома. Передайте и поклонъ красавицамъ, бѣлымъ дѣвушкамъ, и „скажите вы имъ, что наши крѣпкія плечи стѣной служатъ теперь „для русскихъ пуль; ***) что желали мы по смерти лежать на родномъ кладбищѣ—въ Гихахъ, гдѣ бы поплакали надъ нашей могилой „сестры и пожалѣлъ-бы народъ,—но что не далъ намъ Богъ этой „радости: вмѣсто плача сестеръ будетъ слышенъ надъ нами вой „голодныхъ волковъ. А намѣсто толпы родственниковъ — соберется „стая черныхъ вороновъ.“

„И скажите вы всѣмъ: „На Черкесской горѣ, на землѣ христіанъ, „съ голой шашкой въ рукахъ—мы лежимъ мертвые. Наши очи—вы„ьютъ вороны, наше тѣло съѣдятъ волки жадные!“

Пѣснямъ, подобнымъ приведенной, чеченцы вообще сильно сочувствуютъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть слезы на глазахъ людей самыхъ серьезныхъ, при разсказѣ пѣвцомъ о смерти Хамзата.

---

*) Подобное выраженіе пѣсни, очень употребительное въ чеченскомъ языкѣ, не переводимо на русскій. *Да погибнетъ отецъ этого дня* — да будетъ проклятъ этотъ день.

**) Въ подлинникѣ: *да предстанетъ онъ предъ Бога съ чернымъ лицомъ.*

***) Въ подлинникѣ: *«наши гордыя плечи останавливаютъ русскія пули.»*

Привожу и другой образецъ пѣсни такого-же рода, какъ пѣсня о Хамзатѣ.

Пѣсня объ Эль-Мурзѣ *).

„Какъ быстро летитъ черный соколъ, что свиваетъ себѣ гнѣз-
„до выше темныхъ тучъ—такъ быстро скачетъ и конь мой," говоритъ Эль-Мурза, выводя изъ конюшни и лаская рукой дорогаго коня.

Вывелъ онъ его и привязалъ къ столбу. Осѣдлалъ потомъ сѣдломъ черкесской оправы. Самъ, свирѣпѣй медвѣдя, опоясалъ онъ свое оружіе, и, какъ легкій ястребъ садится на дерево, вскочилъ Эль-Мурза на коня своего.

Поѣхалъ Эль-Мурза къ муталимамъ въ аулъ и сказалъ имъ „салямъ." Тѣ спросили: за чѣмъ онъ пріѣхалъ? Онъ отвѣтилъ имъ, что ищетъ товарищей ѣхать въ землю христіанъ за добычею и искать газавата.

Подумали, посовѣтовались межъ собой муталимы: „что же бу-
„демъ мы дома сидѣть, какъ молодыя безмужнія вдовы? Не будетъ-
„ли совѣстно намъ и предъ дѣвушками, за которыми мы ухажива-
„емъ?"

Подумали такъ муталимы и пятнадцать изъ нихъ приготовились, поѣхали: Эль-мурза впереди, а они всѣ за нимъ.

„Есть еще товарищъ одинъ, храбрый и умный," сказалъ Эль-Мурза и поѣхалъ за нимъ и привелъ къ муталимамъ.

У звѣрей, ихъ царемъ—пестрый барсъ; у птицъ, ихъ царемъ—черный соколъ; Эль-Мурза-же-Бярчи отважнѣй голоднаго волка.

Впереди Эль-Мурза, а спутники сзади, пріѣхали они къ Тереку. Приходила-ли имъ дорогою дума о любимыхъ дѣвушкахъ, что въ аулѣ они оставили,—били они плетьми лошадей своихъ. Приходила-ли имъ

*) Къ имени Эль-Мурза придается народомъ эпитетъ *Бярчи*, т. е. *проводникъ, вожакъ*. Такъ мѣстами называется онъ и въ самой пѣснѣ.

Эль-Мурза былъ въ тридцатыхъ годахъ изъ замѣчательнѣйшихъ предводителей мелкихъ партизанскихъ шаекъ.

мысль о смертномъ боѣ, ожидавшемъ ихъ,—хватались они рукой за оружіе.

Пріѣхали они къ синему Тереку и ихъ лошади имъ служили лодками, а ихъ плети веслами.

Переправились они за синій Терекъ,—и сдѣлали засаду на большой дорогѣ, гдѣ ѣздятъ русскіе.

Ѣдутъ по дорогѣ люди и везутъ съ собой богатую добычу. Перебилъ и переловилъ ихъ Эль-Мурза-Бярчи и вдоволь отъ нихъ взялъ онъ добычи.

Возвратились назадъ, переправились опять чрезъ синій Терекъ. Но лишь только переправились—ударили по станицамъ въ сигнальный набатъ и раздались тамъ орудейные выстрѣлы.

Вышли за ними русскіе въ погоню и догнавши окружили ихъ. Окруживши ихъ, начальникъ послалъ къ Эль-Мурзѣ требовать сдачи.

И сказалъ ему посланный: „У тебя нѣтъ крыльевъ, Эль-Мур-„за, чтобы взлетѣть на небо; нѣтъ и когтей, чтобы выкопать но-„ру и уйти подъ землю“.

„Крылья мои на небо—мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сдѣлать нору—моя шашка терсмейнуль *). И сдамся я тогда только, когда вмѣсто газырей надѣну женскія петли.

„Пріѣзжалъ вѣдь я не за тѣмъ, чтобы сдаться, когда догонятъ „меня, и спокойно уйти—когда не догонятъ. Я пріѣзжалъ за тѣмъ, „чтобы умереть—если догонятъ.“

И сказалъ Эль-Мурза муталлимамъ: „Этому послу русскаго на-„чальника опредѣлите вы сами казнь по китабу.“

Отвѣчали ему муталлимы: „По китабу слѣдуетъ—отрѣзать ухо ему и отправить назадъ.“

И отрѣзавши ухо, они отправили посла къ начальнику.

Искалъ начальникъ другаго посла, но никто имъ быть не рѣшался. Обѣщалъ онъ тогда дать деньги тому, кто поѣдетъ — и нашелся новый посолъ.

Пріѣхалъ къ Эль-Мурзѣ новый посолъ и сказалъ, что онъ присланъ отъ начальника; что оставитъ онъ Эль-Мурзѣ—его голову, если онъ сдастся безъ боя.

---

*) Клинки, съ изображеніемъ на нихъ двухъ волчьихъ головъ, съ двумя французскими буквами на срединѣ, называются чеченцами тѣрсмейнуль и почитаются за самые лучшіе и цѣнные.

Отвѣчалъ на это Эль-Мурза: ,,Тебя сказать мнѣ прислали, что-
,,бы на ту голову, на которой я привыкъ носить мужской папахъ,—
,,я надѣлъ-бы женскій платокъ.“

А одинъ изъ его товарищей сказалъ послу: ,,Ожидаютъ насъ
,,въ аулѣ дѣвушки, прекрасныя какъ райскія гуріи; къ этимъ дѣвуш-
,,камъ никогда не дойдетъ вѣсть о нашей сдачѣ, а дойдетъ вѣсть
,,о славной смерти.“

Говоритъ Эль-Мурза муталимамъ: ,,Послу, который пріѣхалъ намъ
,,предложить низкую сдачу,—что опредѣлите вы по китабу?“

,,По китабу ему слѣдуетъ—глаза вырѣзать,“ отвѣчали муталимы. Вырѣзали глаза послу и отправили обратно къ христіанскому начальнику.

Стали тогда стрѣлять въ нихъ изъ широкихъ ружей, съ оправленными мѣдью прикладами.

Закричалъ Эль-Мурза христіанамъ: ,,Послушайте вы, христіане:
,,пуль у насъ—какъ звѣздъ на небѣ, а пороху—какъ черной земли.
,,Пока небо стоитъ—и мы будемъ стоять; пока земля не пойдетъ—
,,не пойдемъ и мы.“

Въ толпу людей били они изъ крымскихъ ружей, а одиночныхъ людей—били шашками. Отъ огня выстрѣловъ сдѣлался дымъ, а отъ дыма сталъ день чернѣй темной ночи.

И сказалъ Эль-Мурза товарищамъ: ,,Говорили намъ, что конца
,,свѣта не будетъ: а не ноче-ли свѣта конецъ (кематы)? Мало поль-
,,зы намъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ и не лучше-ли въ шашки
,,броситься?“

Отвѣчали ему товарищи: ,,Пока порохъ есть и въ пуляхъ нѣтъ
,,недостатка — лучше будемъ стрѣлять; они кончатся — въ шашки
,,кинемся.“

И стрѣляли они, а какъ кончился порохъ—заревѣли, какъ голодные барсы, и бросились въ шашки.

Дрались они шашками до самой ночи, а стемнѣло—стали русскіе бить въ барабаны и стали отъ нихъ отходить.

Когда смолкъ барабанный бой и русскіе отошли отъ нихъ—были товарищи Эль-Мурзы уже всѣ перебиты и переранены. Самъ Эль-Мурза, сильно раненный, отошелъ въ сторону отъ своихъ товарищей.

Тогда закричалъ ему первый посолъ, съ отрѣзаннымъ ухомъ:

„Какую добычу изъ земли христіанъ ты везёшь теперь, Эль-Мурза,
„любовницѣ?“

Отвѣчалъ Эль-Мурза: „Дороган наша добыча—бѣлый газаватъ,
„нами сегодня заслуженный.“

И потомъ закричалъ онъ товарищамъ: „Есть-ли изъ васъ, то-
„варищи, еще кто-либо въ живыхъ?“

Отвѣчалъ ему его близкій другъ: „Муталимы твои перебиты
„всѣ, а остался въ живыхъ только я одинъ и то раненный.“

Пошелъ тогда Эль-Мурза собирать всѣ тѣла муталимовъ. Положилъ онъ ихъ рядомъ всѣ, обративши головами къ западу, а ногами туда, гдѣ восходитъ яркое солнце.

Собрались съ небесъ толпой ангелы, чтобы присутствовать при ихъ похоронахъ. Прилетѣли райскія гуріи, что-бы оплакивать ихъ вмѣсто смертныхъ женъ. Стала мертвыхъ душа зеленой птичкою, высоко поднялась и взлетѣла на седьмое небо.

И сказалъ Эль-Мурзѣ его близкій другъ: „Обвинятъ тебя, Эль-
„Мурза, божьи ангелы, если оставишь ты наши тѣла на землѣ хри-
„стіанъ; обвинятъ въ томъ тебя весь чеченскій народъ.“

И еще сказалъ онъ ему: „Есть въ аулѣ у насъ одна дѣвушка;
„любилъ я ее и тогда еще, когда былъ мальчикомъ. Передай ты
„ей мой посмертный поклонъ и скажи ты ей, что остался я на зем-
„лѣ враговъ, смертельно раненный. И скажи ты ей, что тѣ подар-
„ки, что я ей возилъ изъ земли христіанъ,—я возить уже больше
„не буду.“

И скончался онъ въ глазахъ Эль-Мурзы; и спустились тогда съ неба ангелы, а съ земли явились шейхи, *) и взяли они изъ тѣла его свѣтлую душу.

Какъ хищный волкъ съ добычи пошелъ Эль-Мурза къ себѣ въ аулъ, и шелъ онъ, опираясь на свою палку. Воротился онъ и сказалъ свой „саламъ“ всѣмъ жителямъ, а тѣ не могли и узнать его: такъ онъ былъ обрызганъ весь кровью.

Сталъ сбираться народъ и могли тогда его разгадать только по голосу. И спросили его, что случилось съ нимъ?

Отвѣчалъ онъ имъ: „*Лицо мое стало теперь черно* предъ

*) *Шейхи*, по понятію горцевъ,—святые люди, могущіе, по желанію, переноситься съ одного мѣста на другое, ходить по водѣ и проч.

„всѣми. На христіанской землѣ, гдѣ остаются всегда наши убитые, „остались и мои товарищи.“

„А тотъ изъ нихъ, кого больше всѣхъ я любилъ, велѣлъ мнѣ „передать поклонъ своей любовницѣ; онъ велѣлъ ей сказать: подар„ки тѣ, что возилъ онъ ей изъ земли христіанской, — возить уже „больше не будетъ.“

И, услышавъ то, дѣвушка пошла домой заплакавши; рукой била въ грудь и рвала на себѣ черные волосы.

И просилъ Эль-Мурза всѣхъ собравшихся, чтобы шестьдесятъ изъ нихъ съ нимъ поѣхали взять тѣла его товарищей.

И когда они поѣхали—Эль-Мурза ѣхалъ впереди всѣхъ, а они за нимъ слѣдомъ. Взявши тѣла, онъ пустилъ ихъ впередъ, а самъ назади ихъ поѣхалъ.

Привезли мертвецевъ — всѣмъ купилъ онъ отъ себя саваны и для всѣхъ нанялъ муллъ читать на кладбищѣ. Схоронивши же всѣхъ, на могилахъ ихъ поставилъ значки *), что ставятъ тѣмъ, кто умеръ на святой войнѣ, за вѣру.

Нѣкоторыми пѣвцами конецъ этой пѣсни варьируется. Они доводятъ разсказъ объ Эль-Мурзѣ до самой его смерти. Послѣ похоронъ убитыхъ муталимовъ на свой собственный счетъ, — дѣло, считаемое мусульманами самымъ высокимъ подвигомъ любви и милосердія,—Эль-Мурза, по варіанту пѣсни, велитъ нести себя въ мечеть, гдѣ при народѣ молится; потомъ, будучи принесенъ обратно домой, онъ разстегиваетъ свой поясъ, сжимавшій до того времени тяжелыя раны, и кровь, ничѣмъ болѣе не сдерживаемая, течетъ изъ нихъ, какъ „горный ручей;“ онъ умираетъ, обращаясь попеременно съ рѣчью къ отцу, матери и сестрѣ своей.

Я не привожу этого варіанта, полагая, что приведенныхъ мною трехъ пѣсенъ весьма достаточно, чтобы дать полное понятіе о той дикой поэзіи, которой дышатъ всѣ пѣсни чеченцевъ. Выраженія и особенности оборотовъ рѣчи я старался сохранить таки-

*) Убитымъ въ дѣлахъ съ русскими ставили, вмѣсто памятниковъ, на могилѣ значки на высокихъ и толстыхъ древкахъ.

ми, какъ онѣ есть въ подлинникѣ, точно также какъ и самый размѣръ стиховъ,—на сколько это послѣднее было возможно.

Чтобы закончить о народныхъ сказаніяхъ горцевъ, мнѣ остается привести образецъ ихъ сказокъ. Объемъ этой статьи, въ предположенномъ размѣрѣ ея, мнѣ не позволяетъ привести ихъ нѣсколько, различныхъ родовъ, а потому привожу одну изъ наиболѣе популярныхъ, которая едва-ли впрочемъ сложена самимъ народомъ, а не заимствована отъ туровъ или арабовъ. Вообще въ чеченскихъ сказкахъ — сколько мнѣ кажется—видимо можно отличить два рода ихъ: почерпнутыя изъ восточныхъ сказаній, и тѣ, вымыселъ которыхъ принадлежитъ собственно народу. Тѣ и другія принимаются имъ одинаково за свои собственныя и слушаются, обыкновенно, съ большой жадностью. Что же касается до приводимой здѣсь басни „о медвѣдицѣ", то она, несомнѣнно, происхожденіемъ своимъ обязана вымыслу горцевъ здѣшнихъ племенъ.

Сказка о Пророкѣ Соломонѣ *).

Разскажу я вамъ сказку такую хорошую, какъ дай Богъ, чтобы въ жизни пришлось вамъ слышать столько же хорошаго. Дай Богъ, чтобы всѣ княжьи дѣти не поднялись изъ своихъ люлекъ и изъ норъ своихъ чтобы не повылѣзали волченята **). Кто выйдетъ изъ дому, пожелавши вамъ зла, — дай Богъ тому въ своемъ домѣ зла и чтобы онъ воротился туда, принесши съ собою новую бѣду. А кто вамъ пожелаетъ хорошаго—пошли Богъ и ему всего хорошаго. Дай Богъ,

*) Библейскаго царя Соломона горцы называютъ *Пайхомаръ-Сулейманъ*, т. е. Пророкъ Соломонъ. Онъ принимается вообще мусульманами за одного изъ главныхъ пророковъ.

**) Здѣсь невольно высказывается тотъ взглядъ, которымъ горные чеченцы смотрятъ на аристократію своихъ кунакскихъ и дагестанскихъ сосѣдей.

чтобы кадій, для народа вредный,—умеръ, и кузнецъ, который для народа плохъ,—также въ могилу съ нимъ рядомъ легъ. Пусть дурная для мужа жена — умретъ, а мужъ, хотя для жены и дурной, пусть долго живетъ! Если вашъ отецъ живъ—дай Богъ ему молодую жену, а померъ—пошли ему Богъ тихую могилу *).

Былъ когда-то на свѣтѣ царь Сулейманъ-Пайхомаръ. Былъ онъ царемъ не только надъ всѣми людьми, но и надъ звѣрями, птицами и джиннами. Все повиновалось его волѣ: и птицы, и звѣри, и джинны, и все что только живетъ на землѣ, въ воздухѣ и водѣ; повелѣвалъ онъ также и вѣтрами, и моремъ, и отвсюду они приносили ему вѣсти. Выступалъ-ли онъ въ походъ противъ враговъ своихъ—люди, звѣри, джинны — всѣ шли за нимъ и вѣтеръ летѣлъ вслѣдъ за отрядомъ. Проводникомъ ему служила всегда пестрая кукушка, съ длиннымъ носомъ въ пять локтей. А проводникомъ ее бралъ Пайхомаръ-Сулейманъ потому, что она умѣла хорошо своимъ длиннымъ клювомъ разрывать песокъ и отыскивать воду. Отъ этого-то у кукушекъ, которыя живутъ въ наше время, и сталъ носъ короче. Часто ходилъ онъ противъ невѣрныхъ христіанъ, и если они упорно ему сопротивлялись,—онъ посылалъ вѣтеръ и приказывалъ ему сносить и раскидывать всѣ ихъ жилища.

Творилъ онъ судъ не только надъ людьми и джиннами, но судилъ, по очереди, и птицъ, и звѣрей,—и въ его судѣ отъ всѣхъ ихъ были представители. Самъ же онъ зналъ всѣ языки и людей и животныхъ.

Сидѣлъ однажды въ своемъ судѣ Сулейманъ-Пайхомаръ; былъ день, когда разбирались жалобы птицъ и депутатами отъ нихъ были Филинъ и Анкаа. Сулейманъ сидѣлъ, окруженный множествомъ птицъ, а Анкаа и Филинъ сидѣли близь него. Сидѣлъ Сулейманъ—и вдругъ засмѣялся. Тѣ, которые это замѣтили, просили его сказать: чему онъ засмѣялся? зная, что безъ причины онъ ничего не дѣлаетъ. На это Сулейманъ сказалъ: „Быстрый вѣтеръ сей часъ шепнулъ мнѣ на

---

*) Передавая слово въ слово эту *присказку*, я ее сокращаю, такъ какъ въ ней есть желанія, не совсѣмъ удобныя для печати.

Горцы большіе любители подобныхъ присказокъ; разнообразіе ихъ формулъ и величина зависятъ совершенно отъ воображенія разсказчика и его умѣнья говорить. Большая часть сказокъ ихъ начинается обыкновенно *присказкою*.

„ухо, что на востокѣ, у сильнаго царя, родилась дочь, а у того „царя, который правитъ людьми на западѣ, родился сынъ. Вѣтеръ „принесъ мнѣ вѣсть, что, когда они выростутъ,—сынъ царя запад- „наго женится на восточной царевнѣ. А какъ можетъ знать это „вѣтеръ за такое долгое время? Вотъ поэтому-то я и засмѣялся.“

„—Если бы вѣтеръ сказалъ тебѣ и правду, отвѣчали Сулейману Анкаа „и Филинъ, но если мы не захотимъ, чтобы это случилось, то мы „сдѣлаемъ такъ, что восточная царевна никогда не выйдетъ замужъ „за сына царя запада.“

„—Какъ можете вы измѣнить предопредѣленіе вашего Творца, „если только соединеніе это назначено Всемогущимъ? сказалъ имъ „на это царь.“

„—Если мы не будемъ въ состояніи сдѣлать то, что сказали „тебѣ,—мы никогда больше не покажемся и на свѣтъ дневной, сно- „ва отвѣтили Анкаа и Филинъ.“

Послѣ этого разговора они оставались до вечера въ судѣ Сулей- мана, а когда насталъ вечеръ—Филинъ полетѣлъ въ одну сторону, а Анкаа—въ другую.

Былъ Анкаа очень красивая птица; такая красивая, что лучше его нельзя было и на свѣтѣ найти. Величиною больше его также ме- жду птицъ ни одной не было; крылья его были какъ самыя большія бури; а когда онъ летѣлъ, шумъ отъ нихъ слышенъ былъ болѣе чѣмъ за двадцать дней пути пѣшаго человѣка. Когда Анкаа и Филинъ улетѣли отъ Пайхомаръ-Сулеймана, Анкаа прямо полетѣлъ на вос- токъ, въ то царство, гдѣ жилъ царь, у котораго родилась дочь. Въ то время когда онъ подлетѣлъ къ дворцу (гаала),—царица, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и съ новорожденной дочерью на рукахъ, прогули- валась отъ него недалеко. Анкаа прямо бросился на царицу; та такъ была испугана его нападеніемъ и оглушена шумомъ его крыльевъ, что, не помня себя отъ страха, выронила изъ рукъ дочь свою, и, оставивши дѣтей, побѣжала во дворецъ. Анкаа только этого и же- лалъ; схвативши ребенка въ свои когти, онъ тотчасъ же поднялся высоко на воздухъ и скрылся за темными облаками.

Жилище Анкаа было на высокой горѣ, со всѣхъ сторонъ окру- женной глубокимъ моремъ; на самой высокой вершинѣ горы росло высокое дерево, а на самой высокой вѣтви его было устроено гнѣ- здо Анкаа. Въ это-то гнѣздо и опустился онъ вмѣстѣ съ похищеннымъ ребенкомъ. Прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ восточная царевна вы-

росла и стала такой красавицей, какими бываютъ только одне гурiи небесныя. Во все это время Анкаа заботился о ней, какъ родная мать, и доставлялъ ей пищу.

Пока росла царевна, выросъ и царевичъ, сынъ того царя, который правилъ людьми въ той странѣ, гдѣ солнце ложится за горы, на дно синяго моря. Сильно любилъ царевичъ охоту; охотился онъ каждый день по степямъ и горамъ за всякой дичью и за всякимъ звѣремъ и испыталъ охоту на всѣхъ ихъ. Вотъ однажды сказалъ онъ товарищамъ — охотникамъ: „Товарищи! мы убивали и ловили всѣхъ „птицъ и звѣрей, которыхъ Богъ создалъ, чтобы жили на землѣ. „Попробуемъ теперь охоту на морѣ.“ — Сѣлъ онъ съ товарищами на лодку и отправились они въ море на охоту, взявши съ собою и вороного коня, котораго царевичъ такъ любилъ, что ни день, ни ночь съ нимъ не разставался. Заѣхали они далеко въ море и тамъ захватила ихъ сильная буря, продолжавшаяся три дня и три ночи, такъ что лодка перестала ихъ слушаться, а неслась туда, куда несъ ее вѣтеръ. На четвертую ночь буря перестала и лодка царевича остановилась. Когда разсвѣло и поднялось солнце, царевичъ и его охотники увидѣли недалеко отъ себя высокую каменную гору, а на ней высокое дерево. На этомъ деревѣ они увидѣли какую-то фигуру, похожую на человѣка. Крѣпко удивился этому царевичъ и велѣлъ подплыть ближе къ каменной горѣ; подплыли ближе и сталъ смотрѣть онъ тогда въ зрительную трубу на дерево, чтобы узнать, что такое они на немъ видѣли. Только что взглянулъ онъ въ свою трубу, сейчасъ же увидѣлъ, что на деревѣ была женщина и такая красавица, какихъ и въ цѣломъ царствѣ отца его не было. Удивился этому царевичъ еще больше. Сталъ онъ громко звать ее и спрашивать: кто она такая и зачѣмъ находится въ этомъ пустынномъ мѣстѣ? Отвѣчала ему восточная царевна: „О чемъ ты спрашиваешь меня—не знаю; я „знаю только одного Анкаа.“—„Жаль мнѣ тебя, дѣвушку, сказалъ ей „царевичъ: подобныя тебѣ красавицы выходятъ замужъ, живутъ во „дворцахъ съ своими мужьями, носятъ канаусовое платье и серебряные украшенія и кушаютъ хорошее кушанье, а не живутъ на каменной горѣ, на высокихъ деревьяхъ.“ Горько стала плакать царевна, услыхавши рѣчи его.—„Полюбила я тебя, сказала она царевичу, „съ перваго же взгляда, и если могла бы отсюда прійти къ тебѣ,— „то пришла-бы; а если-бы ты самъ могъ прійти сюда,—то это было-бы еще лучше.“ И стала просить она царевича, что-бы онъ

постарался какъ нибудь подойти къ ней.—„Незнаю я, какъ бы подой-
„ти къ дереву, сказалъ царевичъ; подумай и найди ты сама для это-
„го средство: вѣдь женщины, говорятъ, гораздо хитрѣе мужчинъ на
„всякія выдумки.“

Посмотрѣла восточная царевна вокругъ себя, подумала, и вдругъ сказала: „А что это я вижу на вашей лодкѣ?“—„Это лошадь моя
„любимая, отвѣтилъ ей царевичъ; я такъ ее люблю, что безъ этой
„лошади не могу на свѣтѣ прожить и одного часа.“—Сказала ему царевна: „Рано утромъ каждый день Анкаа улетаетъ въ судъ Пай-
„хомаръ-Сулеймана, а вечеромъ, каждый день, возвращается онъ
„назадъ въ гнѣздо свое. Если я скажу Анкаа, что мнѣ скучно—онъ
„сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы забавить меня. Сдѣлай ты вотъ
„что: зарѣжь ты ножемъ твоего любимаго коня, выбросъ изъ него
„внутренности, а самъ садись въ средину его и вели трупъ бросить въ
„море, привязавши его прежде веревкою къ лодкѣ. Когда Анкаа воз-
„вратится домой, я спрошу его, что такое виднѣется на морѣ? Онъ
„мнѣ отвѣтитъ, что то виднѣется лодка, а къ ней привязана уби-
„тая лошадь. Тогда я скажу ему, что лошадь мнѣ понравилась, и попрошу
„принести ее. Анкаа принесетъ, а ты будешь сидѣть внутри ее,—и
„когда завтра утромъ Анкаа улетитъ, ты выйдешь изъ лошади и мы весь
„день проведемъ вмѣстѣ, а вечеромъ, когда мы услышимъ шумъ его
„крыльевъ за 20 дней пути для человѣка, ты опять въ нее спрячешься.“

Такъ и сдѣлалъ царевичъ, какъ сказала ему хитрая красавица. Зарѣзалъ онъ любимца коня своего воронаго, выбросилъ его внутренности, самъ сѣлъ въ средину и велѣлъ привязать трупъ веревкою къ лодкѣ и бросить его въ море.

Немного погодя прилетѣлъ и Анкаа въ гнѣздо свое. Стала тогда царевна жаловаться ему на то что ей скучно жить одной на горѣ, посреди моря, и стала она горько плакать; потомъ вдругъ спросила Анкаа, что такое видно на морѣ, и указала ему на пустую лодку. Поглядѣлъ Анкаа и отвѣтилъ ей, что она видитъ лодку. — „А
„что такое красивое плыветъ за лодкою?“ спросила его царевна.—
Это убитая лошадь, отвѣтилъ Анкаа. Стала тогда дѣвушка просить его, чтобы онъ принесъ ей красивую убитую лошадь и опять стала плакать и ссылаться на то, что ей одной скучно. Анкаа, радуясь, что можетъ ее чѣмъ нибудь утѣшить, полетѣлъ, схватилъ зарѣзанную лошадь царевича, принесъ и положилъ ее въ гнѣздо, гдѣ сидѣла царевна.

Сталъ тогда царевичъ каждое утро, какъ улетитъ Анкаа, выходить изъ трупа лошади и цѣлые дни проводить съ восточною царевною, а какъ только услышатъ они, за двадцать дней пути для человѣка, шумъ крыльевъ его,—опять прятался царевичъ внутрь своего убитаго коня.

Снова сидѣлъ однажды въ своемъ судѣ Пайхомаръ-Сулейманъ и снова тотъ же вѣтеръ, который сказалъ ему, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, что у царя восточнаго родилась дочь, а у царя западнаго сынъ,—шепнулъ ему на ухо, что царевичъ и царевна успѣли соединиться, но что живутъ они не по закону (*харамъ*). Услыхавши вѣсть, сообщенную ему вѣтромъ, Пайхомаръ-Сулейманъ сказалъ Анкаа и Филину, по прежнему сидѣвшимъ въ судѣ его:

—„Много лѣтъ прошло, какъ у царя, живущаго на востокѣ, „родилась дочь, а у того царя, который правитъ людьми на западѣ, „родился сынъ, и Богомъ было предопредѣлено, что-бы восточная „царевна вышла замужъ за сына царя запада. Исполнили-ли вы обѣ„щаніе, которое вы мнѣ дали, и помѣшали-ли вы этому соединенію?“

—„Правда, отвѣтили Анкаа и Филинъ, мы дали обѣщаніе и „исполнили его: царевичъ и царевна между собой не могли соеди„няться.“

Выслушавши отвѣтъ ихъ, Сулейманъ-Пайхомаръ сказалъ джинну Нахину, ему служившему:—„Есть на морѣ каменная гора, а на „горѣ высокое дерево, а на деревѣ томъ гнѣздо Анкаа, гдѣ находят„ся теперь царевичъ, царевна и зарѣзанный конь. Летя туда и воз„вращайся обратно такъ быстро, какъ только человѣкъ успѣетъ одинъ „разъ моргнуть глазами. Принеси ты мнѣ царевича, царевну и „убитую лошадь.“

Въ одно мгновеніе Нахинъ исполнилъ повелѣніе Пайхомаръ-Сулеймана и принесъ въ судъ убитаго воронаго коня, а въ серединѣ его были царевичъ и царевна, которымъ Сулейманъ тотъ-часъ-же приказалъ оттуда выйти.

Царевна была уже беременна и Сулейманъ это замѣтилъ. Замѣтилъ это и Анкаа и стало ему совѣстно предъ другими птицами и Сулейманомъ, что онъ не исполнилъ того обѣщанія, которое далъ пророку; и сталъ онъ просить Бога, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, чтобы съ этого часа ни люди, ни птицы никогда больше его не могли видѣть на свѣтѣ. Когда молитва его дошла до Бога, Всесильный исполнилъ ее,—и съ того времени, хотя Анкаа и существуетъ, глазъ человѣческій не могъ его нигдѣ видѣть.

Стало совѣстно и Филину и онъ поднялся съ своего мѣста и полетѣлъ, обѣщаясь днемъ болѣе никогда не показываться ничьимъ глазамъ. И дѣйствительно, съ того времени онъ болѣе при дневномъ свѣтѣ не показывается и летаетъ только ночью. А если иногда, забывши свое обѣщаніе, вылетитъ онъ на свѣтъ дневной, всѣ другія птицы собираются и бьютъ его и снова заставляютъ скрыться въ темный лѣсъ или горную пещеру, куда никогда не проникаютъ лучи солнца и гдѣ его никто не можетъ видѣть.

Басня о медвѣдицѣ.

Въ лѣсу, на высокой горѣ, гдѣ одни лишь соколы вьютъ себѣ крѣпкія гнѣзда, жила медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Зорко сторожила мать любимыхъ дѣтей своихъ, оберегала ихъ отъ звѣря и отъ злаго человѣка и не выпускала изъ берлоги, сама заботясь о ихъ пищѣ.

Надоѣла такая жизнь медвѣжатамъ. Вотъ въ одинъ день стали они просить мать, чтобы она дала имъ грушъ, зная хорошо, что грушъ у ней нѣтъ и, чтобы достать ихъ, она пойдетъ вмѣстѣ съ ними въ далекій лѣсъ.—„Я знаю одно дерево, сказала медвѣдица, и „хотя къ нему дойти не легко, но за то груши на немъ большія и сладкія.“—„Знаемъ и мы эту грушу, отвѣчали медвѣжата, и не разъ „въ твое отсутствіе собирались итти къ ней, но боимся, что ее „стерегутъ охотники.“ Стала тогда смѣяться мать надъ робостью дѣтей своихъ и увѣряла ихъ, что трусамъ всегда достается самая плохая добыча; хорошее-же все выпадаетъ на долю только храбрыхъ.

Подумали, подумали медвѣжата и пошли вслѣдъ за матерью. Приходятъ къ грушѣ. Спѣлые фрукты на ней—какъ камни на берегу рѣки: выбирай, который больше.

Но не въ добрый часъ вышли медвѣжата. Два охотника, зная, что медвѣди любятъ груши и часто посѣщаютъ это мѣсто, сидѣли въ кустахъ и стерегли ихъ. Выстрѣлили изъ ружей — и убили обоихъ дѣтей; сама мать едва могла уйти, и то раненная. Пришла на свою гору медвѣдица и горько, горько заплакала.—„Боже! пошли ты „мнѣ смерть за то, что я не съумѣла уберечь дѣтей своихъ и сама „навела ихъ на гибель!“

Да, пусть Богъ проклянетъ ту мать, которая не съумѣетъ угадать будущность родныхъ дѣтей своихъ!

Какъ сказка, такъ и басня записаны почти слово въ слово. По совершенно своеобразному характеру, разнообразію содержанія, сказки чеченскія заслуживаютъ полнаго вниманія. Замѣчательно, что въ нихъ можно встрѣтить нерѣдко и римскихъ кесарей — *Румъ-Падшахъ*, *Падшахъ-Кейсаръ*, точно также какъ и *Салмекъ и Кококбольдинъ* (*конь о трехъ ногахъ*, въ переводѣ), Змѣя-Горыныча и Сивку-Бурку нашихъ русскихъ народныхъ сказокъ. *Оборотни* и красавицы замужемъ за медвѣдями, какъ и въ нашихъ сказкахъ, у чеченцевъ также играютъ немаловажную роль.

IV.

Сословные классы.—Военное значеніе Аргунскаго округа во время имамета и въ настоящее время.—Памятники древности.

Сословныхъ отличій, какъ выше я сказалъ, ни въ Чечнѣ, ни между племенами, населяющими Аргунскій округъ, нѣтъ. Въ прежнее время хотя и былъ здѣсь классъ рабовъ, но онъ возникъ тѣмъ особымъ путемъ, какимъ обыкновенно возникаетъ рабство у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, т. е. путемъ войны и права сильнаго. Рабы, весьма впрочемъ немногочисленные, были здѣсь исключительно одни лишь плѣнные грузины изъ Кахетіи, тушины и отчасти русскіе. Они стояли внѣ всякаго права: и собственность и жизнь ихъ вполнѣ зависѣла отъ воли владѣльца. Нельзя не замѣтить однако же, что, не смотря на свою дикость, горцы вообще обращались съ рабами весьма мягко. У нихъ рабъ, если только разумѣется онъ былъ мусульманинъ, считался скорѣе однимъ изъ младшихъ членовъ семейства, нежели безправнымъ рабомъ; онъ служилъ старшимъ членамъ точно также, какъ служатъ и теперь дѣти отцу, младшіе братья старшимъ и т. д.

У чеченцевъ, живущихъ на плоскости, классъ рабовъ однако-

же былъ; онъ существовалъ назадъ тому еще два года, хотя и въ меньшемъ объемѣ, нежели у кумыковъ и кабардинцевъ. Вопросъ о холопахъ, на ряду съ другими вопросами, не менѣе важными—о надѣлѣ землею горцевъ, о государственной подати,—рѣшены невозвратно, и горцы не составятъ уже болѣе, какъ это было прежде, *государства въ государствѣ*, но станутъ русскими подданными въ полномъ значеніи этого слова. Какъ легко разрѣшать подобные вопросы между горцами вообще, а между чеченцами—въ особенности, пойметъ всякій, кто знаетъ прежнюю исторію Кавказа, со времени нашего на немъ владычества, кто знаетъ характеръ населенія, его недовѣрчивость ко всякимъ реформамъ и нововведеніямъ, его односторонніе понятія и наконецъ тѣ личные интересы, которые подобные вопросы необходимо затрогивали. Исходъ этихъ вопросовъ въ настоящее время мы пока можемъ цѣнить только какъ совершившійся фактъ, смѣло задуманный и искусно и энергично выполненный; оцѣнка же его важныхъ результатовъ—есть дѣло исторіи.

Что касается до аристократизма нѣкоторыхъ фамилій, то различіе между ними, начиная со временъ Кази-Муллы, стало чисто-номинальнымъ. Онъ возникъ вслѣдствіе того только, что въ прежнее время анархіи и междуусобицъ въ горахъ, прекращенныхъ отчасти Кази-Муллою и окончательно уже только Шамилемъ, фамилія, бравшая перевѣсъ надъ другими числительностью членовъ, ее составлявшихъ, необходимо становилась въ главѣ другихъ, потому что имѣла за себя если не самое естественное, то во всякомъ случаѣ самое древнее изъ правъ—право сильнаго. Не такимъ-ли же, впрочемъ, путемъ образовалось высшее сословіе и у другихъ горскихъ племенъ и вообще вездѣ, гдѣ дворянство или княжество не было жалованнымъ главою правительства? Въ Грузіи точно также, независимо отъ жалованныхъ царями достоинствъ дворянскаго и княжескаго, большая часть родовъ, составляющихъ высшій классъ, возникла такимъ же путемъ; иначе трудно объяснить себѣ громадную числительность грузинскихъ княжескихъ фамилій сравнительно съ цифрою населенія страны. Какъ бы то ни было, но аристократизмъ нѣкоторыхъ чеченскихъ фамилій, съ покореніемъ Чечни, сгладился окончательно, и только какъ слѣдствіе прежняго

порядка вещей, убійствъ, насилій, продажи свободныхъ людей и проч., остается лишь одна кровная вражда лицъ между собою, а часто и цѣлыхъ родовъ. Впрочемъ, изъ того что я сказалъ касательно отсутствія въ племенахъ чеченскаго происхожденія всякаго аристократическаго начала, не надо заключать однакоже, чтобы стремленія къ нему вовсе въ народѣ не существовало; напротивъ, каждая фамилія (тайпа) чрезвычайно гордится предъ другими древностью своего происхожденія, его прошлою или настоящею силою и тою ролью, которую она играла въ прежнее время, до Кази-Муллы и имамета: такъ что у чеченцевъ ни качества личныя, ни заслуги, никогда не выкупаютъ происхожденія человѣка отъ слабой фамиліи или происхожденія *безфамильнаго*, т. е. происхожденія людей, предки которыхъ были персіане, дагестанцы и т. д.

Военное значеніе Аргунскаго округа, при Шамилѣ, было весьма важно. Ущелье, образуемое р. Чанте-Аргуномъ и дѣлящее округъ, въ его настоящихъ административныхъ границахъ, почти на двѣ равныя части, по близости своей къ нашей линіи и главному тогдашнему населенію замиренныхъ чеченцевъ, галгаевцевъ, назрановцевъ и другихъ, издавна намъ покорныхъ племенъ, всегда служило сборнымъ пунктомъ для всѣхъ многочисленныхъ скопищъ Шамиля, стягивавшихся имъ съ лезгинской линіи, Чечни и сѣвернаго Дагестана. Отсюда направлялись всегда шайки наѣздниковъ и абрековъ на нашу сунженскую линію и къ ближайшимъ крѣпостямъ чеченской плоскости. Отсюда же были имъ предпринимаемы большими массами всѣ движенія въ Грузію, Кабарду, Назрань, чему самое положеніе Аргунскаго ущелья какъ нельзя болѣе способствовало. Шамиль глядѣлъ на него также какъ на послѣдній могущественный оплотъ своей власти въ горахъ, полагая въ крайнемъ случаѣ переселиться сюда изъ аула Ведено.

Дикость жителей, встрѣчавшихся съ русскими только въ бою и глубоко насъ ненавидѣвшихъ, отсутствіе дорогъ и, наконецъ, грозныя укрѣпленія, созданныя самою природою и встрѣчающіяся здѣсь на каждомъ шагу,— все это еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ дѣлало доступъ къ этому ущелью не мыслимымъ.

Для насъ, русскихъ, а отчасти и для самихъ чеченцевъ, оно было въ то время *terra incognita* и служило предметомъ различныхъ басней про его жителей, ихъ звѣрство, образъ жизни, религію и проч. Между тѣмъ, покореніе его совершилось быстрѣе, нежели можно было когда-либо предполагать. Причина впрочемъ понятна: горцы были измучены постоянною войною, въ которой гибло безполезно и безслѣдно столько людей, а главное—они были утомлены безпощаднымъ деспотизмомъ Шамиля, губившаго людей болѣе, чѣмъ русскія войска, для собственныхъ корыстныхъ цѣлей. Разсказы про него надо послушать именно въ горахъ, гдѣ его глубоко и справедливо ненавидятъ; чѣмъ далѣе отъ горъ, тѣмъ уваженіе къ нему усиливается пропорціонально разстоянію, такъ что въ глазахъ чеченцевъ—онъ былъ только поборникъ мусульманской вѣры, а въ Кабардѣ—святой. Между тѣмъ здѣсь и досихъ поръ народъ вспоминаетъ о немъ съ ненавистью, за его жестокость и корыстолюбіе.

Въ настоящее время военное значеніе Аргунскаго ущелья остается точно также важнымъ, какъ и во время борьбы нашей съ Чечнею. Все народонаселеніе Терской области, оцѣпленное рядомъ крѣпостей, начиная отъ Хасавъ-Юрта, Ведено, Шатоя и до Владикавказа, помимо даже нравственнаго вліянія нашего на него, совершенно въ нашихъ рукахъ и вполнѣ зависитъ отъ нашей воли. Выдвинутыя впередъ отъ Шатоя, укр. Башенъ-Кале и Евдокимовское, для горцевъ неприступныя, служатъ твердымъ оплотомъ нашей власти въ нагорныхъ обществахъ, пограничныхъ съ племенами уже христіанскими, на которыя, въ случаѣ крайности, мы можемъ расчитывать также смѣло, какъ и на наши войска. Правда, что пространство отъ лѣваго берега Чанте-Аргуна и до Владикавказа не прикрывается ни одной крѣпостью, и я всегда былъ того убѣжденія, что крѣпость въ аулѣ Ялхорой была бы весьма полезна, но тѣмъ не менѣе линія крѣпостей, расположенныхъ по Чанте-Аргуну, совершенно разъединяетъ воинственныя племена горцевъ Дагестана и Терской области и, въ случаѣ войны, можетъ служить базисомъ для нашихъ военныхъ дѣйствій.

Что касается до нравственнаго вліянія нашего на горское на-

родонаселеніе, то условія прочнаго владычества нашего надъ покоренными племенами не могутъ уже, конечно, въ настоящее время зависѣть отъ того взгляда, которымъ горцы на эту новую для нихъ власть смотрятъ. Тѣ условія, при которыхъ владычество наше въ горахъ создалось, и тѣ разумныя начала, которыя введены при управленіи горцами, вполнѣ уже достаточныя гарантіи для мирной будущности. Но подобныя гарантіи, хотя и вѣрныя, обезпечиваютъ скорѣе будущее, нежели настоящее. Для насъ онѣ осязательны и вполнѣ понятны; но что касается до покореннаго народа, до его стараго поколѣнія, то матеріальное благосостояніе, безопасность жизни и собственности его частныхъ лицъ, хотя въ настоящее время сознаны имъ и цѣнятся, но не на столько однако же, чтобы исключать въ глазахъ, если не массы, то отдѣльныхъ личностей, возможность всякихъ попытокъ къ мятежу. Вина этому—не неумѣнье наше сблизиться съ покореннымъ народомъ, не неумѣнье наше выяснить ему всѣ преимущества настоящей его жизни предъ жизнью прошлою и, наконецъ, не безсиліе или ошибочность принятой нами системы управленія, но жажда свободы, хотя быть можетъ и въ превратномъ для насъ значеніи этого слова, легковѣріе, лежащее въ основѣ характера горца, и, наконецъ, тѣ предразсудки и традиціонныя понятія, которыя всосалъ онъ вмѣстѣ съ молокомъ матери и измѣнить которыя можетъ, разумѣется, только одно время. Поэтому-то, для поддержки нашего вліянія въ горахъ, и при томъ какъ опора и поддержка вводимой гражданственности, намъ нужна еще въ глазахъ этого поколѣнія видимая, матеріальная сила, та сила, которая сломила его нѣсколько лѣтъ тому назадъ: она одна пока можетъ быть гарантіей спокойствія и мирнаго господства нашего надъ покоренными племенами. Эта матеріальная сила будетъ, конечно, не болѣе какъ средство второстепенное, на которое власть наша будетъ опираться, но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы на извѣстный періодъ времени горцы могли ясно ее видѣть. Новое поколѣніе будетъ, разумѣется, уже совершенно иное, при томъ только условіи однако же, что мы съумѣемъ продолжать вести его тѣмъ путемъ, по которому оно направлено уже нами, и если мы не испортимъ тѣхъ задатковъ, которые мы положили уже въ основу его

будущности. Это поколѣніе, безспорно, будетъ съ совершенно уже иными взглядами, иными желаніями, требованіями и образомъ мыслей; только оно сознательно пойметъ и оцѣнитъ всѣ тѣ блага, которыя мы, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, внесли въ жизнь горца.

Памятниковъ древности, такъ часто встрѣчающихся въ горахъ Кавказа, въ Аргунскомъ округѣ весьма мало. Объясняется это легко какъ неприступностью самой мѣстности, бывшей за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, конечно, еще болѣе неприступной, такъ равно и отдаленностью здѣшнихъ обществъ отъ извѣстныхъ путей, служившихъ во всѣ историческія времена большою дорогою для народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу, или для отдѣльныхъ лицъ, средневѣковыхъ искателей приключеній, присутствіе которыхъ не въ одномъ мѣстѣ Кавказа оставило слѣды свои. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ находится въ акинскомъ обществѣ, близъ аула Галанчоджъ. Это церковь, выстроенная изъ камня, на горѣ, на берегу озера волканической формаціи. Постройка церкви сама по себѣ не имѣетъ ничего замѣчательнаго, но любопытно и важно преданіе, связанное съ ея сооруженіемъ.

Акинцы утверждаютъ, что лѣтъ четыреста или болѣе тому назадъ, изъ галгаевскихъ обществъ пришли вооруженные люди, европейцы (фиренгъ), и поселились близъ Галанчоджскаго озера. На горѣ, лежащей на южномъ берегу его, они выстроили церковь, обнесли ее каменною оградою, съ четырьмя воротами, — для тушинъ, галгаевцевъ, чеченцевъ и мѣстныхъ племенъ. Каждыя ворота обращены были къ горамъ, занятымъ упомянутыми племенами. Постройка церкви сопровождалась большими затрудненіями и препятствіями со стороны горцевъ, въ то время еще язычниковъ, но не смотря на то церковь была воздвигнута, и тогда, прибавляетъ преданіе, изъ Чечни, Грузіи, Галгая и окрестныхъ обществъ стали стекаться люди молиться въ церкви Богу христіанъ, и каждый народъ входилъ отдѣльно въ ворота, для него въ оградѣ сдѣланныя. Нѣсколько лѣтъ продолжался этотъ порядокъ вещей и европейцы находились въ самыхъ миролюбивыхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ туземцами, но потомъ, мало по-малу, они стали тѣснить этихъ послѣднихъ, отнимать у нихъ женщинъ, имущество,—

и всѣ фамиліи горскія, даже и тѣ, которыя между собою враждовали,—заключивши союзъ, возстали на пришельцевъ. Послѣ кратковременной, но упорной и кровавой войны, европейцы были побѣждены и удалились опять тою же дорогою, чрезъ Галгай.

Акинцы и терлоевцы до сихъ поръ еще показываютъ то мѣсто, гдѣ былъ у нихъ съ этими чужеземцами послѣдній кровавый бой, послѣ котораго они вынуждены были отступить. На берегу озера до сихъ поръ сохранился еще рядъ тополей, чрезвычайно правильно и симетрически насаженныхъ,—отростки тѣхъ, которыя, по словамъ горцевъ, были когда-то посажены жившими тутъ европейцами. Горцы щадятъ эти деревья, считая за величайшій грѣхъ рубить ихъ и искренно вѣря тому, что тотъ, кто срубитъ одно изъ нихъ, непремѣнно въ скоромъ же времени умретъ. Этому-то повѣрью настоящіе тополи и обязаны своимъ существованіемъ. Дорога, ведущая къ церкви, проведена спирально по горѣ, имѣющей конусообразную форму, и въ свое время разработана была такъ хорошо, что слѣды ея видны еще и до сихъ поръ.

Къ какой націи принадлежали люди, пробовавшіе водвориться въ горахъ акинскаго общества,—отвѣчать на это опредѣленно весьма трудно. Но если мы однако же припомнимъ, что Генуэзская и Венеціанская республики, раскидывавшія, въ XIII и XIV столѣтіяхъ, колоніи свои по всѣмъ прибрежьямъ Востока, имѣли и на Кавказѣ своихъ представителей, то почти достовѣрно можно полагать, что европейцы, жившіе въ акинскихъ горахъ, принадлежали къ одному изъ этихъ народовъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что присутствіе генуэзцевъ въ Кабардѣ въ концѣ XV столѣтія доказано уже несомнѣнно. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, касающихся древней исторіи Кавказа, намъ приходится довольствоваться только однѣми догадками и оставаться пока въ области легендъ и преданій.

Другой замѣчательный памятникъ древности былъ открытъ мною въ прошедшемъ году въ отрогахъ хребта, служащаго водораздѣломъ между рѣками Андійскимъ-Койсу и Шаро-Аргуномъ. Это были мѣдныя, литыя статуэтки, величиною не свыше нѣсколькихъ дюймовъ, изображавшія людей совершенно обнаженныхъ, съ

шлемами на головѣ и съ дротикомъ въ одной рукѣ. Между этими статуэтками находились также изображенія козловъ, оленей, барановъ, весьма грубо сдѣланныя, точно также какъ и самыя фигуры людей. Преданія туземцевъ молчатъ о томъ, какому народу принадлежали эти изображенія и какое было назначеніе ихъ. Между тѣмъ, у горцевъ шароевскаго общества, они извѣстны однако же подъ именемъ *„христіанскихъ боговъ,“* и это обстоятельство, по моему мнѣнію, служитъ прямымъ и яснымъ указаніемъ на то, что статуэтки эти служили нѣкогда домашними пенатами народу, уже исчезнувшему или слившемуся съ существующими племенами. Мусульмане вообще, а горцы въ особенности, относятся къ христіанской религіи наравнѣ съ паганизмомъ; наши духовныя вѣрованія, выраженныя матеріально, служатъ для нихъ самымъ осязательнымъ знакомъ идолопоклонства, и для горца христіанскіе образа стоятъ ни сколько не выше языческихъ боговъ. Слѣдовательно понятно, почему во мнѣніи народа поклоненіе этимъ идоламъ приписывается христіанамъ. Самая форма шлемовъ доказываетъ, что принадлежали они народу иноземному, такъ какъ шлемы у горцевъ: въ употребленіи никогда не были. Здѣсь носили всегда шишаки, образчики которыхъ можно видѣть и теперь. Поэтому нельзя ни какимъ образомъ предположить, чтобы горцы, бывшіе нѣсколько столѣтій тому назадъ дикарями, въ полномъ значеніи этого слова,—давая какому-либо отвлеченному понятію форму вещественную, могли заимствовать ее изъ среды имъ чуждой, а не изъ той, въ которой они жили сами.

Тѣмъ не менѣе, отнести найденные идолы исключительно къ тому или другому народу можно только весьма гадательно.

Начиная съ миѳическихъ временъ исторіи, съ похода Аргонавтовъ и странствованій Улиса, на Кавказѣ перебывало множество народовъ: одни—какъ завоеватели, другіе—какъ коммерсанты и колонизаторы. Персы и греки должны были чаще другихъ сталкиваться съ кавказскими племенами, такъ какъ, разновременно, они основывались здѣсь болѣе прочно, нежели другіе народы. Въ пятомъ уже вѣкѣ нашей эры персы владѣли сѣвернымъ Кавказомъ, или по крайней мѣрѣ имѣли въ своихъ рукахъ два главные ключа

Закавказья—Дарьялъ и Дербентъ *). Нельзя, слѣдовательно, не допустить, что они могли жить и въ здѣшнихъ горахъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что и до сихъ поръ вездѣ въ горахъ сѣвернаго Кавказа остались еще башни, постройки весьма древней, и сооруженіе которыхъ нельзя никакимъ образомъ приписывать гуннамъ, хозарамъ и другимъ ордамъ, неоднократно разорявшимъ Грузію, но народу, стоявшему уже на извѣстной степени цивилизаціи. Все это ясно доказываетъ присутствіе здѣсь народа, господствовавшаго когда-то, какъ завоеватель, надъ мѣстными туземными племенами **). Былъ-ли этотъ народъ именно персы — сказать навѣрно невозможно, но надо полагать однако-же, что это были скорѣе персы, нежели греки, потому что, кромѣ этихъ башенъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Осетіи, по хребтамъ горъ существуютъ древнія дороги, и народныя преданія говорятъ, *„что по этимъ дорогамъ ходили войска персіанъ.“*

Какъ бы то ни было, но найденные идолы во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, трудно отнести къ миѳологіи персовъ, совершенно своеобразной, вслѣдствіе того, что они были послѣдователями ученія Зороастра. Скорѣе можно признать ихъ за весьма грубое подражаніе божествамъ миѳологіи греческой. Что греки бы-

*) Dubois-de M. Péreux, L. II. p. 77.

**) Башни эти построены по большей части въ мѣстахъ совершенно неприступныхъ, а потому служить постояннымъ жилищемъ для туземцевъ, имѣвшихъ семейства и хозяйство, хотя и бѣдное, онѣ не могли ни какимъ образомъ. Поэтому можно логически допустить только двѣ причины ихъ сооруженія: или, какъ я сказалъ, онѣ служили для побѣдителей какъ крѣпости, т. е какъ средство держать постоянно въ повиновеніи и зависимости отъ себя побѣжденныя племена, или же онѣ выстроены самими горцами и служили имъ временнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія на нихъ враждебнаго народа. Но послѣднее труднѣе, мнѣ кажется, допустить, нежели первое, такъ какъ самая мѣстность, на которой башни эти по большей части расположены, дѣлала подвозъ матеріала весьма труднымъ; величина же камней, которыми выложены стѣны, правильность кладки, необыкновенная крѣпость этихъ башенъ—все это необходимо обусловливаетъ извѣстную степень цивилизаціи того народа, который воздвигъ эти памятники своего здѣсь пребыванія. Для туземцевъ онѣ также служили убѣжищемъ въ случаяхъ непріятельскаго нападенія, а нѣкоторыя башни, построенныя на мѣстности болѣе удобной, обращены были ими въ постоянныя жилища, но это во времена уже гораздо позднѣйшія, когда башни были покинуты тѣмъ народомъ, который воздвигъ ихъ для обезпеченія и прочности своей власти въ горахъ. До изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія подобный способъ вести войну и господствовать надъ дикими племенами горцевъ—имѣлъ, конечно, свои достоинства.

ли въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа со временъ самыхъ древнихъ, это фактъ, подтверждаемый съ точностью и древними историками. Не говоря уже про новѣйшую эпоху, т. е. послѣ паденія Западной Римской Имперіи, когда колоніи ихъ еще существовали на Ріонѣ и греческіе императоры имѣли такое сильное вліяніе на Абхазію и Мингрелію, что исторія этихъ странъ тѣсно связана была съ исторіей Восточной Римской Имперіи,—греческія колоніи въ самую древнюю, эпическую эпоху Греціи уже разсѣяны были по всему восточному прибрежью Чернаго моря. По этому нельзя не допустить, чтобы греки, колонизаторы и авантюристы по самому характеру своему, не проникали изъ горъ западнаго Кавказа и сюда. Въ эпоху христіанства греки были здѣсь; лучшимъ доказательствомъ этому служатъ древніе храмы, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ въ Галгаѣ церковь *Тхабяй-Эрды (двѣ тысячи святыхъ*, въ русскомъ переводѣ), видимо работы греческой. Слѣдовательно, нѣтъ никакой причины не допустить, что и въ языческую эпоху они могли быть здѣсь. А если мы къ тому же припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ чеченскихъ фамиліяхъ сохранилось преданіе о ихъ греческомъ происхожденіи, то все это, вмѣстѣ съ формою шлемовъ статуэтокъ, даетъ намъ право съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключить, что онѣ принадлежатъ къ эпохѣ греческой, хотя, повторяю опять, древняя исторія Кавказа у насъ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени изслѣдована еще такъ мало, что для какого-либо положительнаго вывода почти всегда трудно найти достаточно данныхъ, и намъ, по неволѣ, остается только довольствоваться тѣмъ слабымъ, свѣтомъ который иногда разливаютъ на нее народныя преданія.

Хотя миѳы и преданія всякаго народа (горцевъ точно также какъ и другихъ) есть также его изустная исторія, и часто самые важные историческіе факты встрѣчаются облеченными въ форму преданія и, стало быть, въ нихъ всегда бываетъ сокрыта частица истины; но трудно, а часто и невозможно, отдѣлить эту истину отъ басней и вымысловъ, ее окружающихъ.

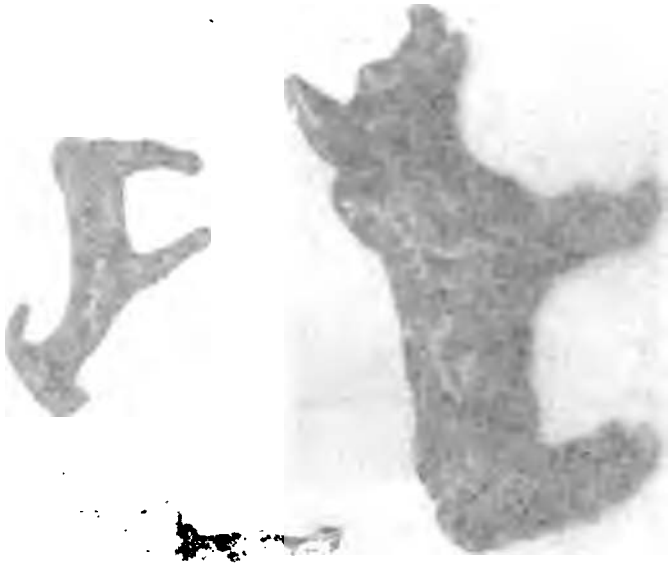
1868 года.
Укр. Шатой.

БАШНИ

(Аргунск. окр.)

Литогр. К. Томсова въ Тифлисѣ

ШАМХАЛЫ ТАРКОВСКІЕ

(историческая записка, составленная Временною Комиссіею, наряженною для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа).

I.

Владѣніе Тарковское составляло одну изъ дагестанскихъ провинцій, владѣтели которой титуловались Шамхалами и, кромѣ того, имѣли еще титулъ Владѣтеля Буйнакскаго, Валія Дагестанскаго, а нѣкоторое время и Хана Дербентскаго.

Наиболѣе распространенное въ народѣ изустное преданіе о происхожденіи шамхаловъ во многомъ сходится съ отрывочными письменными свѣдѣніями Дербенд-наме. [1]) Преданіе это говоритъ, что во

[1]) Сказаніе о Дербентѣ, составленное, какъ полагаютъ, изъ разновременныхъ рукописей нѣсколькихъ неизвѣстныхъ авторовъ. Въ немъ между прочимъ говорится: «Его высочество Мюслиме, устроивъ дѣла города Дербента, предпринялъ походъ противъ Кумуковъ. Кумуки вышли на встрѣчу ему, но, послѣ нѣсколькихъ сраженій, покорились и приняли исламизмъ. Его высочество соорудилъ джума-мечети (главныя мечети) въ городѣ Кумуковъ, для вновь обращенныхъ мусульманъ, назначилъ Шахбала, сына Абдуллы, сына Аббаса, правителемъ и начальникомъ страны и далъ ему надзоръ для сообщенія народу правилъ ислама, послѣ чего онъ самъ (т. е. Мюслиме) обратился противъ Каракайтаковъ. Племена Каракайтаковъ изготовились къ войнѣ: послѣ многихъ сраженій, происшедшихъ въ различныхъ мѣстахъ, большая часть Каракайтаковъ искала спасенія своего въ покорности и обращеніи въ исламизмъ, между тѣмъ какъ другіе остались въ своемъ невѣріи и погибли. При его высочествѣ находился одинъ изъ его родственниковъ, по имени Эмиръ-Хемзе; его (т. е. Эмиръ-Хемзе) его высочество назначилъ начальникомъ надъ Каракайтаками, и отъ него происходятъ нынѣшніе Усміи (такъ называются государи) Каракайтаковъ».

второмъ вѣкѣ магометанской эры (VIII столѣтіи) прибыло въ Дагестанъ аравійское войско, для введенія здѣсь исламизма. Послѣ многихъ войнъ съ туземнымъ населеніемъ, аравитяне покорили своему оружію и религіи весь Дагестанъ и посадили главнымъ правителемъ его Шахбала. Онъ и преемники его имѣли первоначальную резиденцію свою въ горахъ, въ мѣстечкѣ Кумухѣ, нынѣшняго Казикумухскаго округа; потомъ перенесли ее въ Буйнакъ и наконецъ въ Тарки, гдѣ застаетъ ихъ водвореніе русскаго владычества въ Дагестанѣ.

Шахбалъ происходитъ изъ священнаго для мусульманъ рода Корейшидовъ, былъ уроженецъ провинціи Шамъ (Сиріи), изъ мѣстечка Халь, и отъ него беретъ начало свое родъ нынѣшняго Шамхала Тарковскаго, домъ котораго властвовалъ въ извѣстной части Дагестана около тысячи лѣтъ.

Происхожденіе титула Шамхаловъ приписывается тому, что преемниковъ Шахбала народъ сталъ величать этимъ же именемъ, и оно обратилось въ выраженіе достоинства ихъ, передѣлавшись въ послѣдствіи въ слово Шамхалъ [2]. Другіе-же считаютъ, что слово это составилось отъ именъ провинціи Шамъ и мѣстечка Халъ, изъ которыхъ былъ родомъ Шахбалъ.

Нѣсколько вѣковъ Шахбалы имѣли въ полновластной зависимости своей большую часть Дагестана, а остальное населеніе его, равно какъ и многія сопредѣльныя племена, признавали главенство ихъ. [3] Назва-

---

«Большая часть жителей Табасарани въ началѣ были евреи и невѣрные. Сначала они тоже не хотѣли покориться, но послѣ того, какъ его высочество истребилъ и взялъ въ плѣнъ значительное число ихъ, остальные обратились въ мусульманскую вѣру. Въ войскѣ его высочества находился добродѣтельный и набожный человѣкъ, по имени Махмедъ-Масумъ; его назначилъ правителемъ надъ обитателями Табасарани и далъ ему двухъ кадіевъ, затѣмъ, чтобы они обучали правиламъ ислама. Отдалъ онъ строгое приказаніе, чтобы съ тѣхъ поръ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жители Табасарани слѣдовали наставленіямъ Масума и двухъ кадіевъ, и чтобы Масумъ, кадіи, Эмиръ-Хемзе и всѣ племена Дагестана, отъ Грузіи до Дешти-Кипчака, находились въ повиновеніи у Шахбала, правителя Кумуховъ. Отъ этого Шахбала происходятъ нынѣшніе Шамхалы».

[2]) Въ примѣчаніи Мирзы-Казимъ-Бека къ Дербендъ-наме сказано, что въ прошломъ вѣкѣ Герберъ (извѣстный оріенталистъ) писалъ, что Шамъ есть названіе города Дамаска, откуда халифами посылались правители въ Дагестанъ, а что слово Халъ значитъ князь.

[3]) Изъ рукописи, приписываемой Муллѣ-Магомедъ-Расіи, весьма распространенной въ Дагестанѣ и считаемой въ народѣ за достовѣрную, говорится: «Подати, собираемыя Шамхаломъ съ Дагестана, были слѣдующія: за

ие Валія Дагестанскаго, присвоенное имъ, по словамъ однихъ—аравійскими халифами, а по словамъ другихъ — персидскими шахами, вполнѣ оправдывалось ихъ властію; но по мѣрѣ того, какъ шамхалы удаляли свою резиденцію изъ горъ къ прибрежью моря, власть ихъ на средній Дагестанъ слабѣла, и наконецъ совершенно утратилась.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ шамхалы были еще весьма могущественны. Грузинскіе цари безпрерывно обращались къ русскимъ царямъ съ просьбою о защитѣ ихъ противъ покушеній шамхаловъ на грузинскія земли. По этимъ жалобамъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ 1560 году повелѣваетъ князю Григорію Засѣкину идти противъ Государя Шевкаловъ. [1]) Въ этомъ первомъ походѣ русскихъ въ Да-

---

позволеніе пасти скотъ на горахъ отъ общества Тебелель, каждые четыре года, по одному барану съ дыма; отъ общества Карахъ по 500—въ годъ; отъ Кесрухъ(Кейсерухъ) по 300 барановъ и для Крымъ-Шамхала (наслѣдника Шамхала) по 400, отъ другой горы въ Кесрухѣ-же по 1000 барановъ, а для Крымъ-Шамхала по 30 быковъ; отъ общества Дикилалъ 500 барановъ; отъ округа Тиндибъ 20 быковъ; отъ деревни Арчубъ (въ Казикумухѣ) 130, а для Крымъ-Шамхала 30 барановъ; отъ округа Хунзаха (Хунзахъ) по 700 барановъ, 700 (кейль) мѣръ хлѣба и 60 кейль меду; отъ округа Андибъ по одному быку и 7 войловъ; города Гадаръ (Кадаръ) и Гарисъ (Арисъ) *), каждый вносилъ половину дани, взимаемой съ Хунзахскаго округа; Томели давали съ каждаго семейства по одному барану и по одному кейлю хлѣба; отъ города Кюстенъ (Костенъ) по одной рыбѣ съ семейства; отъ Мичиничъ, который былъ собственнымъ удѣломъ Шамхала, по одному барану съ семейства; отъ города Тарки по два саа (мѣры) сарочинскаго пшена; отъ деревни Губденъ 100 барановъ; отъ жителей Кайтака 170 буйволовъ; отъ деревень Акуша и Усуша по 100; отъ Зудахаръ по 50 быковъ; отъ Сурги, съ каждаго семейства, по одной драхмѣ (?); отъ деревень Джумдиуятъ и Какуба (вѣроятно, Иммугатль въ Казикумухѣ) по шести ословъ, навьюченныхъ масломъ; отъ деревни Зерехъ-Геранъ (Кобичи) по 30 ружей; отъ горы Сунбата по 50 барановъ; отъ деревни Ирганн, съ каждаго семейства по кейлю общеупотребительнаго хлѣба; отъ горы Зонтабъ по 80 барановъ; отъ общества Багулалъ (Багулалъ) по 30 быковъ и 30 баранковъ; отъ горъ Захура и Кулади, удѣловъ Шамхала, по 50 барановъ; отъ общества Русуръ (въ Казикумухѣ) и Мукругъ по 70 барановъ; отъ Куралалъ (Кюринскаго владѣнія) по 100 лошадей и по 100 волыъ».

Это исчисленіе повинностей, вѣроятно, сдѣлано не ранѣе XVI или XVII вѣка, какъ полагаетъ и Абасъ-Кули-Баниханомъ, внесшій оное въ свое недавнее сочиненіе о Дагестанѣ изъ упомянутой нами рукописи.

(Варіантъ этого исчисленія повинностей помѣщается въ «Сборникѣ», въ статьѣ «Таварихи и Раганы», стр. 11).

[1]) Въ русскихъ и грузинскихъ старинныхъ дипломатическихъ актахъ

---

*) По преданію, подтверждаемому слѣдами кладбищъ и строеній на Арисѣ, это жители нынѣшнихъ Казанищъ, Дженгутая и Дургели.

гестанъ, упоминаемомъ въ Обзорѣ дипломатическихъ сношеній между россійскими государями и грузинскими царями (изданіе 1861 года), царское войско „много завоевало въ землѣ Шевкала, многихъ побило, многихъ полонило, и ранило самого Государя Шевкала.“

Въ этомъ-же году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ вновь послалъ противъ Шевкаловъ многочисленное войско подъ начальствомъ Терскаго воеводы князя Хворостинина, приказавъ ему открыть проѣздъ чрезъ владѣніе Шевкаловъ въ Иверію. На повелѣніе это князь Андрей Хворостининъ доноситъ изъ Терки (Терскій городокъ на Терекѣ), что „онъ съ войскомъ ходилъ въ землю Шевкала, взялъ городъ Тарки, но какъ обѣщанныя грузинскимъ царемъ войска съ шурином царя Крымъ-Шамхаломъ *) не пришли для соединенія съ русскими и для дальнѣйшаго похода, то войска русскія, прождавъ долго, разорили Тарки и возвратились въ Терки.“

Въ послѣдствіи оказалось, что грузинскія войска не могли перейти черезъ горы, и потому не успѣли оказать содѣйствіе русскимъ; а какъ, съ уходомъ ихъ, шамхалы возобновили непріязненныя дѣйствія противъ Грузіи, то царь ея продолжалъ жалобы свои и настойчиво домогался, чтобы русскій государь занялъ земли шамхала своими укрѣпленіями и тѣмъ далъ Грузіи возможность имѣть прямое сообщеніе съ Россіею—изъ нынѣшняго Закатальскаго округа (бывшаго тогда частію Кахетіи) чрезъ горы. Послы грузинскаго ца-

---

XV и XVI столѣтій Шамхалы именуются Шевкалами; этимъ-же именемъ называется иногда и подвластный имъ народъ; большею-же частію народъ этотъ называется Кумыками. Въ этихъ-же бумагахъ и русскіе и грузинскіе цари нерѣдко величаютъ шамхала Государемъ.

*) Крымъ-Шамхалами назывались правители д. Буйнакъ. Титулъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, образовался послѣ того, какъ шамхалы окончательно основали свою постоянную резиденцію въ Тарках. Званіе правителя Буйнакъ предоставлялось обыкновенно старшему въ родѣ послѣ шамхала, и онъ предназначался наслѣдникомъ титула и власти его; поэтому онъ какъ-бы считался въ половину шамхаломъ, что на мѣстномъ кумыкскомъ языкѣ выражается такъ: крымъ-шамхалъ, и многіе думаютъ, что званіе крымъ-шамхала происходитъ отъ этихъ словъ. Крымъ-шамхалы часто интриговали противъ настоящихъ шамхаловъ и иногда успѣвали отнимать отъ старшихъ братьевъ владѣніе.

Какъ видно изъ дипломатическихъ сношеній того времени, Крымъ-шамхалъ, современникъ царя Ѳеодора Іоанновича и грузинскаго царя Александра, будучи шурином послѣдняго, хлопоталъ чрезъ него, чтобы русскія войска покорили городъ Тарки и водворили его тамъ вмѣсто шамхала, за что онъ обѣщался открыть чрезъ свое владѣніе прямой путь въ Грузію.

ря, ходатайствовавшіе объ этомъ при русскомъ дворѣ, говорили, — что такъ какъ русскія войска дѣйствовали противу шамхала только по близости морскаго прибрежья и не дошли до Казикумуха [6]), то не могли причинить ему большаго урона, и что хотя государь Шевкаловъ ищетъ покровительства Россіи, но ему не должно вѣрить. Грузинскимъ посламъ объявлено было, что Шамхалъ уже покорился Россіи и что ему приказано быть впередъ въ мирѣ съ грузинскимъ царемъ Александромъ. Но это приказаніе не устранило новыхъ посольствъ грузинскаго царя съ просьбами о защитѣ отъ шамхаловъ и увѣреніемъ, что нужно взять только три города въ Леагинской землѣ: Тарки, Тузлукъ и Буйнакъ [7]), чтобы покорить всѣхъ кумыковъ и горскихъ жителей.

4-го апрѣля 1604 года грузинскіе послы были отпущены царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ съ обѣщаніемъ поручить воеводѣ Бутурлину дѣйствовать противъ шамхаловъ и положить основаніе нѣкоторымъ городамъ въ кумыкской землѣ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ грузинскихъ пословъ, отправлено было въ Грузію и русское посольство, во время нахожденія котора-

---

[6]) Изъ этого и другихъ свѣдѣній, содержащихся въ дипломатическихъ актахъ того времени, надобно заключить, что шамхалы въ то время, т. е. въ 1596 году, еще продолжали владѣть нынѣшнимъ Казикумухскимъ округомъ, въ которомъ имѣли первоначальную резиденцію.

[7]) Съ прибывшими изъ Грузіи послами въ Москву русскіе сановники имѣли, 9-го марта 1604 года, совѣщаніе, и на спросъ ихъ, какія мѣры должно принять для завладѣнія нѣкоторыми сосѣдственными съ Грузіей городами, между прочимъ, дали слѣдующія свѣдѣнія: «Городъ Тарки въ Кумыкской землѣ весьма древній, онъ возвышается на горѣ въ двухъ верстахъ отъ моря и окруженъ каменной стѣной.... Отъ сего города лежитъ прямая дорога въ Грузію чрезъ горы, но по ней нельзя ѣздить на повозкахъ, а только верхомъ, имѣя при себѣ самое необходимое для пути. Слѣдуя по сему пути, на разстояніи полдня, пріѣзжаютъ въ Теркаловъ (сел. Кумтеръ-Кале), а оттуда въ такомъ-же разстояніи находится городъ Кафыръ-Кумыкъ (сел. Кафыръ-Кумыкъ), отстоящій на одинъ день ѣзды отъ Казикумуха, отъ коего считаютъ еще 14 дней до Загама (сел. въ Закатальскомъ округѣ, составлявшемъ тогда часть Кахетіи) въ Грузію. Князь Шевкалъ, съ семействомъ своимъ, по большей части живетъ въ Казикумухскомъ городѣ, ибо сіе мѣсто болѣе всѣхъ отдалено отъ русскихъ городовъ.... Въ 5 верстахъ отъ Тарковъ есть озеро, называемое Тузлукъ, т. е. соленое; оно доставляетъ большое количество соли. Если-бы русскіе построили при немъ небольшую крѣпость, то нанесли-бы Шевкалу большое притѣсненіе, тѣмъ, что сіе мѣсто есть единственное во всѣхъ горахъ, въ коемъ добывается соль, и что овладѣніе онымъ лишило-бы горныхъ жителей способовъ доставлять себѣ необходимое произведеніе.»

го при царѣ грузинскомъ, 1-го октября 1604 года получено было извѣстіе, что съ одной стороны наступаютъ турки подъ предводительствомъ Султанъ-Махмуда (Султанъ-Мутъ), сына Шевкала [8]), а съ другой кумыки, съ намѣреніемъ взять лучшую крѣпость Загамъ. По этому случаю царевичъ Георгій, для устраненія непріятелей, проситъ содѣйствія стрѣльцовъ, находившихся при русскомъ посольствѣ и, при помощи 40 человѣкъ изъ нихъ, разбиваетъ турокъ; а кумыки, послѣ этой побѣды, удаляются отъ предѣловъ Грузіи.

Въ 1638 году шамхалъ Сурхай-ханъ, подъ именемъ Владѣтеля Кумыкскаго и Тарковскаго, получаетъ грамоту на принятіе его въ подданство Россіи. Эта грамота была подтверждена въ 1643 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. [9])

Въ 1682 году Будай-Шамхалъ, съ зятемъ своимъ Чапаловымъ, выступаетъ къ Сунжѣ съ 30 т. войскомъ, съ цѣлью задержать имеретинскаго царя Арчила, слѣдовавшаго въ Москву; но онъ съ помощію русскихъ войскъ успѣваетъ проѣхать до г. Терки. Во время пребыванія тамъ царя Арчила, Будай-Шамхалъ пытается склонить его перейти къ нему и признать съ нимъ одного государя (какъ надо полагать, турецкаго султана). [10])

---

[8]) Этотъ Султанъ-Махмудъ, или Султанъ-Мутъ, считается, по народному преданію, сыномъ Андія-шамхала, жившаго въ XVI столѣтіи. Онъ происходилъ отъ кабардинской княжны и потому братья его Гирей и Эльдаръ, рожденные отъ другой матери изъ шамхальскаго рода, не хотѣли признать въ немъ равноправнаго съ ними по крови брата. Но онъ съ помощію родныхъ по матери успѣлъ привудить братьевъ своихъ къ выдѣлу ему изъ владѣній шамхаловъ нынѣшняго Кумыкскаго округа и земель, лежащихъ на правомъ берегу Сулака до Темиръ-гоя. Такимъ образомъ онъ сдѣлался владѣльцемъ особаго удѣла, и, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ крымскими ханами, могъ предводительствовать турками при вторженіи ихъ въ Грузію. Отъ него происходятъ нынѣшніе крымскіе князья, владѣвшіе указаннымъ пространствомъ. Преданіе говоритъ, что Султанъ-Мутъ убитъ въ дѣлѣ съ русскими при отступленіи Бутурлина изъ Тарковъ, что, судя по дипломатическимъ актамъ, должно было происходить въ концѣ 1604 года.

[9]) Свѣдѣніе это взято изъ «Обозрѣнія русскихъ владѣній за Кавказомъ, произведеннаго и изданнаго по Высочайшему повелѣнію.» Изд. 1836 г.

[10]) Письмо, посланное Будай-шамхаломъ объ этомъ, не дошло до Арчила; оно было перехвачено табунными головою Кашкаринымъ и доставлено въ Москву, въ посольскій приказъ. Будай-шамхалъ писалъ, что, извѣстясь о повелѣніи, послѣдовавшемъ имеретинскому царю, жить въ Терки и объяснивъ ему, что ни онъ, ни предки его никогда *милостей* и *прибыли* отъ Московскихъ Государей къ себѣ не видали, предлагалъ свои услуги, въ случаѣ желанія Арчила, перейти на сторону его, Шевкала, и признать съ нимъ одного государя, и просилъ о томъ его, Будая, увѣдомить.

Въ 1718 году шамхалъ Адиль-Гирей, сынъ Муртазали, вступаетъ въ подданство Россіи и, во время похода Петра Великаго къ Дербенту въ 1722 году, оказываетъ весьма важныя услуги въ доставленіи войску продовольствія и перевозочныхъ средствъ. Но, черезъ три года послѣ этого, Адиль-Гирей, подстрекаемый турками и недовольный тѣмъ, что, по повелѣнію Петра Великаго, русскіе основали въ его владѣніяхъ крѣпость св. Креста, осаждаетъ ее съ 30 т. войскомъ. Командовавшій крѣпостью генералъ Куропатовъ, отразивъ нападеніе, преслѣдуетъ шамхала и разоряетъ г. Тарки.

По полученіи донесенія объ измѣнѣ шамхала Адиль-Гирея, Петръ Великій повелѣваетъ взять его, уничтожить достоинство шамхала и управлять владѣніемъ его чрезъ начальника сопредѣльныхъ войскъ. Адиль-Гирей былъ взятъ, высланъ въ Россію и умеръ въ ссылкѣ въ г. Колѣ (Архангельской губерніи).

Въ 1734 году Надиръ-шахъ вступаетъ въ Дагестанъ и покоряетъ его. Сынъ Адиль-Гирея, Хаспулатъ, память о которомъ сохраняется въ народѣ, какъ объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ героевъ, оказалъ Надиръ-шаху большія услуги, и потому, въ лицѣ его, Надиръ-шахъ возстановилъ шамхальское достоинство, съ титуломъ Валія Дагестанскаго.

Хаспулатъ не имѣлъ дѣтей. Достоинство шамхала послѣ его смерти должно было перейти къ старшему по немъ въ родѣ, двоюродному брату его, Мехтію, имѣвшему прибавочное имя Ширданчи и владѣвшему Буйнакомъ, съ титуломъ Крымъ-шамхала. Но какъ Мехти, женатый на сестрѣ Хаспулата, развелся съ нею, то Хаспулатъ имѣлъ къ нему непріязненныя отношенія и еще при жизни своей сталъ подготовлять въ преемники себѣ племянника своего отъ отпущенной Мехтіемъ сестры своей, которая была въ первомъ замужествѣ за Баматулинскимъ бекомъ Гиреемъ и имѣла отъ него сына Баммата, съ прозвищемъ Тишнекъ. По уваженію, которымъ пользовался Хаспулатъ, онъ успѣлъ согласить шамхальцевъ на возведеніе послѣ себя въ шамхалы племянника его Тишнекъ-Баммата. Это было въ 1765 году. Дѣти прямаго наслѣдника шамхала—Ширданчи-Мехтія, Муртузали и Баммата, возстали противъ такой несправедливости къ ихъ отцу. Сторону ихъ приняла вдова Хаспулатъ-шамхала и ссудила ихъ тремя тысячами рублей, для привлеченія сосѣдственнаго населенія къ помощи,—возвести Мехтія въ шамхалы. Съ этими деньгами Мехти отправилъ старшаго своего сына, Муртузали, въ Акушу, а младшаго, Бам-

мата, въ Койсубу, съ тѣмъ чтобы они возбудили тамошнее населеніе противъ Тишнекъ-Баммать-Шамхала и вызвали отъ нихъ войска, для изгнанія его изъ Тарковъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрестанныхъ усилій, сыновья Мехтія успѣли вызвать сильныя ополченія даргинцевъ и койсубулинцевъ противъ Тишнекъ-Баммата. Съ приближеніемъ этихъ ополченій къ Таркамъ, Тишнекъ-Баммать, видя невозможность противостоять имъ, оставилъ резиденцію шамхаловъ и бѣжалъ въ Ерпели. Послѣ его бѣгства, Муртузали и Баммать направились со всѣмъ ополченіемъ своимъ и присоединившимися къ нимъ таркинцами въ удѣлъ Тишнекъ-Баммата—Баммatуллу [*]) и, занявъ главную деревню онаго, Большія-Казанищи, стали лагеремъ у этого селенія на поляхъ Похъ-Тала. Сюда прибыли къ нимъ отецъ ихъ, Мехти, и множество вліятельныхъ лицъ изъ сосѣдственныхъ земель, для прекращенія въ шамхальской фамиліи междоусобія.

Здѣсь Мехти обратился ко всему сборищу шамхальцевъ и представителей союзныхъ земель, съ предложеніемъ, чтобы они разсудили, кому принадлежитъ право на достоинство Шамхала: ему-ли, какъ старшему и ближайшему двоюродному брату Хаспулатъ-Шамхала, давно уже носившему званіе преемника его—Крымъ-Шамхала, или Тишнекъ-Баммату, который происходитъ отъ младшей линіи шамхаловъ и имѣетъ свой особый удѣлъ.

Собраніе рѣшило, что, по издревле принятому въ шамхальскомъ домѣ порядку наслѣдованія достоинства шамхаловъ, оно должно перейти къ нему, Мехти, и потому все собраніе признаетъ его законнымъ шамхаломъ.

По провозглашеніи Мехтія шамхаломъ, находившагося уже тогда въ преклонныхъ лѣтахъ и страдавшаго болѣзнію глазъ, онъ обратился къ собранію съ заявленіемъ, что онъ уже старъ, имѣетъ слабое зрѣніе и съ этими недостатками едва-ли можетъ быть полезенъ своему народу на столько, на сколько требуетъ того возложеное на

---

[*]) Этотъ удѣлъ образовался около двухъ вѣковъ тому назадъ — выдѣлой одному изъ братьевъ шамхала, Баммату, семи деревень, получившихъ въ послѣдствіи названіе Баммatуллы, т. е. Бамматовы. Онѣ суть: Большія и Малыя Казанищи, Муселимъ-аулъ, Буглень, Халимъ-бекъ-аулъ, Кашыръ-Кумухъ и бывшая деревня Темиръ-Ханъ-Шура.

него званіе; поэтому онъ просилъ собраніе сложить съ него достоинство шамхала и дозволить ему передать оное старшему сыну своему Муртузали, какъ человѣку, имѣющему всѣ качества, чтобы носить титулъ шамхала съ достоинствомъ и быть полезнымъ народу.

Собраніе одобрило это заявленіе и тутъ же провозгласило Муртузали шамхаломъ. Тогда отецъ его, Мехти, обратился къ собранію съ новою просьбою. Онъ сказалъ, что такъ какъ въ собраніи находится множество почетныхъ людей, прибывшихъ собственно съ тою цѣлію, чтобы прекратить въ шамхальской фамиліи междоусобія, то онъ проситъ собраніе завершить начатое имъ дѣло — вызовомъ Тишнекъ-Баммата, примиреніемъ его съ нимъ и съ дѣтьми его и возвращеніемъ его въ своемъ баммутлинскомъ удѣлѣ, дабы этимъ прекратить между ними непріязненныя отношенія, могущія снова возбудить междоусобіе.

По этой просьбѣ собраніе отправило къ Тишнекъ-Баммату приглашеніе. Онъ прибылъ, примирился съ Мехтіемъ, призналъ Шамхаломъ Муртузали и, принявъ свой Баммутлинскій удѣлъ, обязался жить въ согласіи съ шамхаломъ.

Успокоивъ себя со стороны Тишнекъ-Баммата, Муртузали сталъ искать покровительства Россіи и вступилъ въ подданство ея въ 1776 году.

Съ этого времени начинается непрерывная и неизмѣнная вѣрность шамхаловъ Русской Державѣ, не взирая ни на какія затруднительныя обстоятельства, въ которыя они были поставляемы непріязненными дѣйствіями противъ Россіи прочихъ владѣтелей и народовъ Дагестана.

Такъ, генералъ Медемъ, посылавшій войска въ Дербентъ для наказанія Уцмія Каракайтахскаго за ограбленіе одного русскаго судна, писалъ еще въ 1777 году графу Никитѣ Ивановичу Панину, что при выводѣ того войска изъ Дербента въ наши предѣлы, Дербентскій ханъ оказалъ препятствія, а Шамхалъ Тарковскій Муртузали многими пособіями, доставленными нашему войску, доказалъ истинную преданность его Россіи [12]).

[12]) Надобно полагать, Муртазали-Шамхалъ вступилъ въ подданство Россіи ранѣе 1777 года, а не въ 1786 году, какъ объ этомъ сказано было въ «Обозрѣніи россійскихъ владѣній за Кавказомъ,» ибо изъ актовъ, изданныхъ Кавказскою Археографическою Коммисіею въ 1866 году, изъ которыхъ

Преемникомъ Муртузали былъ братъ его Баммитъ, названный во Всемилостивѣйшихъ Императорскихъ грамотахъ Магомедъ-Шамхаломъ - Тарковскимъ, владѣтелемъ Буйнакскимъ и Дагестанскимъ. Грамотою Императрицы Екатерины II, данною 19-го апрѣля 1793 года, Магометъ-шамхалъ подтвержденъ съ потомствомъ въ шамхальскомъ достоинствѣ и при этомъ ему пожалованы: бриллиантовое перо, для ношенія на шапкѣ въ знакъ шамхальскаго достоинства, и степень тайнаго совѣтника, съ тѣмъ чтобы перо и санъ тайнаго совѣтника переходили къ преемникамъ его. Сверхъ сего, ему-же Магомедъ-шамхалу назначенъ ежегодный отпускъ 2 т. р. для содержанія войска во всегдашней готовности на службу Россіи и оборону шамхальства.

Магомедъ-шамхалу наслѣдовалъ сынъ его Мехти (названный въ грамотахъ Мегдіемъ), который Всемилостивѣйшею грамотою Императора Павла, данною 2-го мая 1797 года, утвержденъ былъ въ шамхальскомъ достоинствѣ, въ санѣ тайнаго совѣтника, съ правомъ ношенія пера на шапкѣ и производствомъ отъ казны 6 т. р. въ годъ. Другою-же Всемилостивѣйшею грамотою Императора Александра I-го, данною 10-го сентября 1806 года, за особыя заслуги, оказанныя во время занятія нашими войсками владѣнія измѣнившаго Россіи Дербентскаго хана, Мехти-шамхалу, переименованному уже изъ тайныхъ совѣтниковъ, хвъ генералъ-лейтенанты, пожаловано достоинство Дербентскаго хана съ тѣмъ чтобы онъ, сверхъ жалованья, отпускавшагося ему отъ казны на содержаніе войска, пользовался всѣми доходами владѣнія Дербентскаго (Улусскій магалъ), по прежнимъ правамъ и обычаямъ, за исключеніемъ города Дербента, который занятъ былъ нашими войсками и доходы съ котораго повелѣно взносить въ казну.

На сколько Мехти-шамхалъ цѣнилъ оказываемыя русскимъ правительствомъ милости, это видно изъ того, что когда генералъ Ермоловъ, по усмиреніи Чечни и Кумыковъ, направился въ 1818 году съ войсками въ Дагестанъ, одинъ только Мехти-шамхалъ остался твердымъ въ преданности къ Россіи и, встрѣтивъ съ своими приверженцами войска наши далеко за предѣлами своего владѣнія, находился при нихъ все время похода генерала Ермолова, тогда какъ всѣ другіе дагестанскіе владѣтели измѣнили намъ и вышли противъ Ермолова за Сулакъ, дабы не допустить его ко вступленію въ Дагестанъ.

выключено (стр. 90) свѣдѣніе объ оказанной Муртузали-Шамхаломъ преданности Россіи, надобно заключить, что онъ считается въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи ранѣе 1777 года.

Вскорѣ послѣ этого похода, поставившаго Мехти-шамхала въ неприязненныя отношенія ко всѣмъ изъявившимъ Россіи дагестанскимъ владѣтелямъ, наше правительство вынуждено было начать постепенное занятіе въ шамхальствѣ стратегическихъ пунктовъ, дабы защитить владѣніе Тарковское отъ враждебныхъ покушеній горцевъ и имѣть чрезъ это владѣніе свободное сообщеніе съ южнымъ Дагестаномъ, занятымъ нами еще въ 1806 году.

Въ 1830 году Мехти-шамхалъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы представиться въ Богъ почившему Императору Николаю I-му и ходатайствовать о назначеніи ему въ преемники старшаго сына его, Сулейманъ-паши [18]), которому онъ и поручилъ, на время отсутствія своего, управленіе владѣніемъ. Его Величество соизволилъ на просьбу шамхала и пожаловалъ Сулейманъ-пашѣ чинъ полковника, а второму по немъ сыну шамхала, Зубаиру, чинъ маіора. Во время пребыванія въ Петербургѣ, Мехти-шамхалъ заявилъ о необходимости занять подъ укрѣпленіе селеніе Темиръ-Ханъ-Шуру, какъ для того, чтобы держать постоянно въ страхѣ селеніе Казанищи, самое безпокойное и сильное изъ всѣхъ шамхальскихъ селеній, такъ и потому, что въ этомъ мѣстѣ сходятся главныя дороги, ведущія изъ горъ на плоскость. По сношеніи съ кавказскимъ начальствомъ, заявленіе это было одобрено и въ 1834 году жители селенія Темиръ-Ханъ-Шуры были выселены въ ближайшій Халимбекъ-аулъ, а на мѣстѣ, которое они занимали, воздвигнуто укрѣпленіе, нынѣ переименованное въ городъ.

На возвратномъ пути изъ Петербурга Мехти-шамхалъ умеръ. Сулейманъ-паша, оставшись правителемъ шамхальства, произведенъ былъ вскорѣ въ генералъ-маіоры и, какъ свидѣтельствовалъ главноуправляющій Грузіею генералъ-адъютантъ Баронъ Розенъ, отличался такъ же, какъ и предшественники его, искреннею преданностію своею Россіи; и въ особенности выказывалъ ее во время дагестанскихъ смутъ при Кази-Муллѣ.

При испрошеніи Сулейманъ-пашѣ инвеституриой грамоты на

---

[18]) Сулейманъ-паша вправѣ былъ наслѣдовать шамхальство и по обычаю, такъ какъ онъ былъ старшій въ родѣ; но какъ у Шамхала было, кромѣ Сулеймана-паши, еще пятеро сыновей отъ другой жены, а Сулейманъ-паша прижитъ былъ имъ одинъ отъ дочери Фетъ-Али-хана Кубинскаго—Передданъ-ханши, то Мехти-шамхалъ, опасаясь интригъ остальныхъ братьевъ противъ старшаго брата, пожелалъ предупредить оныя, испросивъ утвержденіе его наслѣдникомъ еще при жизни своей.

утвержденіе въ шамхальствѣ, возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить ему титулъ Хана Дербентскаго и Валія Дагестанскаго, и по этому вопросу подтвержденіе перваго титула—найдено было неудобнымъ, а сохраненіе за нимъ втораго—до времени еще полезнымъ [*]).

---

[*]) Въ письмѣ главнокомандовавшаго въ Грузіи къ графу Несельроде отъ 30 марта 1833 года за № 229 между прочимъ сказано: «Входя въ нынѣшнее положеніе Дагестана и усматривая изъ Высочайшей грамоты, пожалованной въ 1806 году покойному шамхалу на ханство дербентское, что онъ именовался, между прочимъ, и владѣтелемъ дагестанскимъ, я полагалъ-бы весьма возможнымъ не давать теперешнему шамхалу, генералъ-маіору Сулейманъ-хану, званія хана дербентскаго, но даровать ему титулъ шамхала тарковскаго, владѣльца бойнакскаго и валія дагестанскаго, по слѣдующимъ, какъ я полагаю, весьма уважительнымъ причинамъ: 1) Званіе хана дербентскаго даровано покойному шамхалу въ 1806 г., послѣ побѣга Шейхъ-Али-хана изъ Дербента. Мѣра сія, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могла быть необходима, потому что при удержаніи за собою города и крѣпости Дербента, мы не были еще тогда столько сильны за Кавказомъ, чтобы однимъ своимъ вліяніемъ обуздывать окрестныхъ жителей, которые недавно были пріобыкшими къ власти ханской; но между тѣмъ шамхалъ, получивъ достоинство хана дербентскаго, ни тогда, ни послѣ, не владѣлъ симъ ханствомъ, но распоряжался, какъ и нынѣ, только по хозяйственному управленію улусомъ, или деревнями, которыя принадлежали бѣжавшему Шейхъ-Али-хану; а посему и титулъ хана дербентскаго, какъ кажется, болѣе можетъ принесть, въ неблагопріятномъ случаѣ, вреда правительству, нежели пользы; 2) званіе шамхала тарковскаго и владѣльца бойнакскаго ему слѣдуетъ, потому что онъ дѣйствительно владѣетъ шамхальствомъ и Бойнакомъ подъ сильнымъ владычествомъ Россіи и, по преданности своей къ правительству, заслуживаетъ покровительства и поддержанія его власти; и 3) что-же касается до титула Валія, то оставить слѣдуетъ оный потому, что шамхалъ тарковскій, по роду своему, старшій изъ всѣхъ дагестанскихъ владѣльцевъ, а нѣкогда какъ сильнѣйшій изъ нихъ и имѣвшій вліяніе даже на вольныя общества Дагестана, всегда носилъ титулъ Валія, который, впрочемъ, не присвоивалъ ему никогда и никакого права на обладаніе цѣлымъ Дагестаномъ, но только доставлялъ, какъ сильнѣйшему между всѣми дагестанцами, уваженіе, которое, со времени владычества нашего въ его областяхъ, хотя и весьма ослабѣло въ горахъ, однако-же и до нынѣ еще тамъ нѣсколько сохранилось. Съ лишеніемъ-же его титула Валія, уваженіе сіе не только вовсе уничтожится въ горномъ Дагестанѣ, но и въ самомъ подвластномъ ему Сѣверномъ Дагестанѣ весьма ослабѣетъ, чего, кажется, до совершеннаго обладанія всѣмъ Дагестаномъ, для пользы правительства, допустить не должно, и особенно, когда шамхалъ преданъ Россіи, и когда при поддержаніи нами его власти, онъ можетъ быть полезенъ правительству нѣкоторымъ вліяніемъ на вольныя дагестанскія общества. А потому я полагалъ-бы: наименовавъ Сулеймана-хана шамхаломъ тарковскимъ и владѣльцемъ бойнакскимъ, сохранить ему и титулъ Валія дагестанскаго, какового можетъ привлекать къ нему горныя

Поэтому въ инвеститурной грамотѣ, пожалованной Сулейманъ-пашѣ 1-го іюля 1833 года, онъ утвержденъ Шамхаломъ Тарковскимъ, Владѣтелемъ Буйнацкимъ и Валіемъ Дагестанскимъ. Въ ознаменованіе-же владѣтельскаго достоинства его, дозволено носить перо на шапкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно предшественникамъ своимъ, онъ пожалованъ въ степень тайнаго совѣтника.

Сулейманъ-паша умеръ въ началѣ 1836 года; старшимъ по немъ остался отецъ нынѣшняго шамхала, Абу-Муселимъ-ханъ [12]), которому тогда-же поручено было управленіе шамхальствомъ, а инвеститурная грамота объ утвержденіи его въ достоинствѣ Шамхала Тарковскаго, владѣтеля Буйнацкаго и Валіи Дагестанскаго, съ дозволеніемъ ему носить перо на шапкѣ, пожалована ему 20 іюня 1836 года.

Абу-Муселимъ-ханъ, награжденный въ 1832 году за военныя отличія прямо чиномъ маіора, а 18 іюня 1836 года произведенный въ полковники, пожалованъ въ генералъ-маіоры 5-го октября 1837 года. За дальнѣйшую службу Абу-Муселимъ-ханъ-шамхалъ, находясь уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 21-й день декабря 1834 года, въ награду особенныхъ заслугъ и постоянной преданности престолу, возведенъ въ княжеское достоинство, съ тѣмъ чтобы онъ именовался впредь княземъ Тарковскимъ и чтобы сіе достоинство и титулъ переходили наслѣдственно къ старшему изъ потомковъ его мужескаго пола по прямой линіи и праву первородства.

Въ 1856 году, въ бытность свою на коронаціи Его Императорскаго Величества, Абу-Муселимъ-шамхалъ удостоенъ былъ назначенія генералъ-адъютантомъ.

Онъ умеръ въ 1860 году. Управленіе шамхальствомъ бывшимъ тогда главнокомандовавшимъ поручено было старшему сыну его, князю

вленена, а чрезъ сіе сблизить оныя съ нами и, въ случаѣ возстанія буйныхъ дагестанцевъ, удерживать отъ участія въ нихъ нѣкоторыя общества, и особенно тѣ, которыя вынуждены искать, для своихъ овецъ, зимнихъ пастьбищъ во владѣніи шамхальскомъ; между тѣмъ какъ Бурная и Темиръ-Ханъ-Шура достаточны къ обузданію подвластныхъ шамхала и всѣхъ замысловъ самого шамхала, если-бы онъ возмечталъ когда-либо быть неблагонамѣреннымъ къ правительству».

[12]) Старшій послѣ Сулейманъ-паши сынъ шамхала, Зубаиръ, умеръ еще раньше и потому послѣ него сдѣлался старшимъ Абу-Муселимъ-ханъ.

Шамсудинъ-хану. При испрошеніи ему инвеституриой грамоты, снова возникъ вопросъ: слѣдуетъ-ли сохранить шамхалу прежніе титулы Валія Дагестанскаго и владѣтеля Буйнакскаго. Кавказское начальство нашло, что оставленіе за шамхаломъ титула Валія Дагестанскаго, противорѣча нынѣ дѣйствительному положенію его, не только не могло принести ему никакой пользы, а напротивъ того, поставило-бы въ неловкое положеніе, какое долженъ испытывать всякій, носящій титулъ, нисколько не соотвѣтствующій его значенію; а что касается до другаго титула, то величаніе шамхала, владѣтелемъ селенія Буйнакъ (происходящее отъ того, что оно было нѣкогда резиденціею шамхаловъ) также не можетъ имѣть для него никакого значенія, такъ какъ селеніе это само по себѣ входитъ въ его владѣніе.

По этому и согласно ходатайства Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, князю Шамсудинъ-хану пожалована инвеституриая грамота на утвержденіе его шамхаломъ Тарковскимъ 3-го декабря 1863 года, съ соизволеніемъ носить перо на шапкѣ въ знакъ шамхальскаго достоинства.

Еще около 30 лѣтъ тому назадъ, когда въ шамхальствѣ было уже занято нами нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, и сношенія русской власти съ шамхалами стали постепенно развиваться, явилась потребность въ назначеніи къ нимъ русскаго офицера, для веденія переписки и наблюденія за уравнительнымъ отбываніемъ разныхъ нарядовъ отъ жителей, дѣлавшихся по надобностямъ войскъ, расположенныхъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Назначаемые съ этою цѣлію въ распоряженіе шамхаловъ, офицеры въ послѣдствіи получили званіе помощниковъ ихъ по управленію владѣніемъ, и этотъ порядокъ оставался до 1867 года. Шамхалы, находясь подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ главныхъ начальниковъ въ Дагестанѣ, правили своимъ народомъ на основаніи родовыхъ правъ и прежнихъ обычаевъ, за исключеніемъ права наказанія провинившихся лишеніемъ жизни, членовъ, раздачи кому либо въ собственность населенныхъ или ненаселенныхъ имѣній, имъ лично не принадлежащихъ, (§ 31 полож. 1860 г. объ управленіи Дагестанскою областью).

Но по мѣрѣ того, какъ занятія по управленію шамхальцами стали утрачивать военный характеръ, который они имѣли преимущественно до покоренія восточнаго Кавказа, по мѣрѣ того какъ съ развитіемъ

въ народѣ мирныхъ занятій, дѣла шамхальцевъ, подлежавшія разбору правителей ихъ, стали умножаться и требовать посвященія большаго времени и постоянныхъ занятій, нынѣшній шамхалъ, будучи разстроенъ здоровьемъ, сталъ крайне затрудняться въ исполненіи лежавшихъ на немъ обязанностей по управленію народомъ и, видя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, что здоровье его не улучшается на столько, чтобы онъ самъ могъ входить во всѣ нужды подвѣдомственныхъ ему жителей, просилъ въ началѣ прошлаго года, объ исходатайствованіи ему освобожденія отъ обязанностей, лежавшихъ на немъ по управленію Шамхальствомъ Тарковскимъ, съ оставленіемъ за нимъ и наслѣдниками его по прямой линіи мужескаго пола Всемилостивѣйше за нимъ утвержденнаго титула его — Шамхала Тарковскаго, съ тѣми правами и преимуществами, какія присвоены шамхаламъ по владѣнію недвижимыми имуществами безъ раздробленія по боковымъ линіямъ, а равно съ оставленіемъ за нимъ и наслѣдниками его права пользованія всѣми тѣми повинностями и доходами отъ шамхальцевъ, кои они отбываютъ ему по званію шамхала.

По просьбѣ этой Государь Императоръ соизволилъ:

1) На сложеніе съ князя Шамсудина Тарковскаго, согласно заявленному имъ желанію, обязанностей и правъ, предоставленныхъ ему нынѣ по управленію владѣніемъ Тарковскимъ, съ оставленіемъ за нимъ, низемъ Шамсудиномъ, *лично* титула шамхала, и

2) На оставленіе за нимъ всѣхъ правъ его по владѣнію и пользованію наслѣдованными имъ отъ отца недвижимыми имѣніями и по отправленію ему шамхальцами всѣхъ повинностей, какія они отбываютъ ему нынѣ по званію шамхала и по праву землевладѣльца, впредь до опредѣленія поземельныхъ правъ его особою временною коммисіею.

Одновременно съ этимъ Высочайшимъ соизволеніемъ, послѣдовало и повелѣніе объ упраздненіи существовавшаго до того управленія владѣніемъ Тарковскимъ и включеніи онаго въ составъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, открытаго 1-го августа 1867 года.

Но прежде чѣмъ совершено было открытіе Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, и именно за день до того, Шамхалъ Тарковскій извѣщенный уже о Высочайшемъ соизволеніи по его просьбѣ, подалъ начальнику Дагестанской области письмо слѣдующаго содержанія:

„Имѣя въ виду, что Ваше Сіятельство предположили объявить завтрашняго дня населенію вновь образуемаго Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа о сложеніи съ меня обязанностей и правъ ближайшаго правителя надъ шамхальцами, я обдумывалъ то, въ какія отношенія къ жителямъ я буду поставленъ новымъ моимъ положеніемъ, и пришелъ къ тому заключенію, что оставленіе обязательныхъ отношеній ко мнѣ жителей, послѣ того какъ я отказался отъ управленія ими, можетъ повлечь за собою разныя неудобства и затрудненія.

„Желая предупредить эти затрудненія и руководимый мыслію, что въ шамхальствѣ Тарковскомъ, по долгу званія и сана моего, на мнѣ лежитъ обязанность подать примѣръ всемѣрнаго стремленія къ ускоренію и облегченію приведенія въ исполненіе видовъ правительства — установить свободныя отношенія между всѣми туземцами Дагестана,—я рѣшился освободить деревни Тарки, Большія Казанищи, Халимъ-бекъ-аулъ, Буглень, Урму, принадлежавшую мнѣ четвертую часть селенія Гелли, съ живущими въ Таркахъ моими чагарами, а равно и шамхальскихъ ногайцевъ, отъ всѣхъ повинностей и налоговъ прямыхъ и косвенныхъ), которые они несли мнѣ до сего времени по званію шамхала и землевладѣльца и которые оставлены за мною по нынѣ объявленному мнѣ Высочайшему повелѣнію.

„Представляя объ этомъ Вашему Сіятельству, я прошу Васъ объявить народу завтра-же о таковомъ моемъ рѣшеніи, дабы съ днемъ преобразованія управленія шамхальцами, связать и освобожденіе ихъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній ко мнѣ. Такимъ образомъ добровольно и на всегда отказываясь отъ вѣковыхъ правъ моего дома, утвержденныхъ Всемилостивѣйшими грамотами Русскихъ Императоровъ, отъ правъ, которыя, какъ Вамъ близко извѣстно, давали мнѣ немало выгодъ, я надѣюсь, что Ваше Сіятельство не оставите повергнуть на милостивѣйшее воззрѣніе Государя Великаго Князя мое посильное пожертвованіе въ пользу ускоренія дѣла устройства свободныхъ отношеній въ здѣшнемъ населеніи и не откажете въ начальнической заботливости объ обезпеченіи дальнѣйшей участи моей и моего дома, при наступающемъ съ завтрашняго дня новомъ положеніи нашемъ.“

Письмо это было объявлено начальникомъ области представителямъ всего населенія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, при торже-

ственномъ открытіи онаго, и съ того дня, независимо 5440 дворовъ, отошедшихъ отъ управленія шамхала, получили полную свободу отъ всякаго рода повинностей и зависимыхъ отношеній къ нему 2688 дворовъ узденей, 51 дворъ евреевъ и 45 дворовъ чагаръ.

Такимъ образомъ упразднилось управленіе шамхалами подвластнаго имъ населенія, прекратились всѣ зависимыя отношенія къ нимъ жителей, и Владѣніе Тарковское поступило въ непосредственное вѣдѣніе существующаго въ Дагестанѣ военно-народнаго управленія.

Изъ этого краткаго обзора видно, что владѣніе шамхаловъ въ первые вѣка ихъ владычества было несравненно обширнѣе того пространства, до какого оно доведено еще въ началѣ прошедшаго столѣтія — постепеннымъ отпаденіемъ отъ зависимости ихъ разныхъ частей шамхальства.

Когда именно сдѣлались независимыми отъ шамхаловъ казикумухцы, которые управлялись послѣ перенесенія резиденціи шамхаловъ на плоскость, вассалами ихъ, носившими названіе хокловчу, достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но извѣстно, что казикумухцы были уже независимы до начала прошедшаго столѣтія, въ которомъ правители ихъ присвоили себѣ титулъ хановъ [16]; что-же касается до другихъ земель, то сперва отошло отъ шамхаловъ населеніе между Терекомъ и Темиръ-Гоемъ, назначеннымъ границею шамхальства при предоставленіи особаго удѣла родоначальнику кумыкскихъ князей, Султанъ-Муту [17], сыну Андія-шамхала. Затѣмъ изъ разныхъ обществъ, признавшихъ власть шамхаловъ, образовалось особое Мехтулинское ханство, составились сильные союзы (какъ напримѣръ Даргинскихъ и Койсубулинскихъ обществъ) и наконецъ одному изъ шамхальскихъ братьевъ, Баммату, предоставлена часть владѣнія въ видѣ особаго удѣла; послѣ сего въ дѣйствительной власти шамхаловъ осталось только пространство, не превосходившее 2500 кв. верстъ, съ населе-

---

[16]) Первый, присвоившій этотъ титулъ, былъ извѣстный Чолахъ-Сурхай (современникъ Петра Великаго и Шаха-Надира), прославившійся многими удачными вторженіями въ персидскія провинціи и назвавшій себя ханомъ во занятіи города Шемахи.

[17]) Тому самому, о вторженіи котораго въ Грузію въ 1604 году упоминается выше.

ніемъ около 3 т. дворовъ, въ какомъ положеніи и застало владѣніе шамхаловъ водвореніе въ Дагестанѣ русскаго владычества.

Въ добавокъ къ такому уменьшевію шамхальскаго владѣнія, между дагестанскими ханами явились въ прошедшемъ столѣтіи, одинъ за другимъ, такія замѣчательныя личности, какъ напр. Чолахъ-Сурхай-ханъ Казн-кумухскій, Фетъ-Али-ханъ Кубинскій, Омаръ-ханъ Аварскій, которые своею славою много ослабили родовое вліяніе шамхаловъ на дагестанское населеніе и значеніе имени ихъ въ сосѣдственныхъ Дагестану земляхъ; этому способствовало и то, что шамхалы не могли уже дѣйствовать въ Дагестанѣ столь-же свободно, какъ прежде, будучи постоянно озабочены могущественнымъ сосѣдомъ съ сѣвера, пока судьба не привела ихъ къ сознанію, что благосостояніе ихъ самихъ и подвластнаго имъ народа зависитъ отъ полной покорности и преданности ихъ Россіи.

Это сознаніе и неизмѣнное слѣдованіе ему въ теченіи цѣлаго вѣка, повело къ тому, что шамхалы не только сохранили права владѣтелей до настоящаго времени, пока нынѣшній шамхалъ, за болѣзнію, самъ не отказался отъ нихъ; но были постоянно жалуемы высокими милостями русскихъ императоровъ, а подвластное имъ населеніе защищено было отъ того разоренія и ужасовъ войны, какіе выпали на долю большей части населенія, подвластнаго измѣнившимъ Россіи дагестанскимъ ханамъ.

II.

Начало водворенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ русскаго правительства застаетъ во власти Мехти-Шамхала и зависимости отъ него слѣдующія селенія:

1) Тарки (резиденція шамхаловъ).
2) Альбори-Кентъ.
3) Кахулай-Туркали.
4) Агачь-аулъ.
5) Атлы-Боюнъ.
6) Шамхалъ-Янги-Юртъ.
7) Кумъ-Теръ-Кале.
8) Капчугай.

6) Гилли.
10) Кадаръ.
11) Буйнакъ.
12) Кара-Будахъ-Кентъ.
13) Губденъ.
14) Кочующіе въ шамхальствѣ ногайцы.

Къ этому владѣнію шамхала генералъ Ермоловъ присоединяетъ [1]) улѣлы изгнанныхъ владѣльцевъ слѣдующимъ актомъ, даннымъ въ 1818 году и сохранившимся у шамхаловъ въ подлинникѣ:

„Господину Генералъ-Лейтенанту, Высокостепенному и Высокопочетному Мехти-Шамхалу-Тарковскому, Вали Дагестанскому.

Ваше превосходительство, сохраняя вѣрность въ службѣ Великаго Государя нашего, а паче при послѣднемъ возмущеніи Дагестана (въ которомъ, кромѣ г. Тарки, всѣ владѣнія ваши приняли участіе) оставаясь твердымъ въ преданности къ Его Величеству и находясь при войскахъ Его, заслужили справедливое вознагражденіе.

Именемъ Великаго Государя моего, по власти, Высочайше мнѣ дарованной, присоединяю къ владѣніямъ вашимъ, въ полное ваше управленіе, имѣніе изгнанныхъ мною измѣнниковъ: Султанъ-Ахмедъ-хана-Аварскаго, брата его Джунгутайскаго бека Гасанъ-хана, [2]) и Гирея, состоящее въ селеніяхъ: Параулъ, (Кака) Шура, Дургели и Казанищи съ окрестными деревнями. Надѣюсь, что сія милость Государя Императора умножитъ усердіе ваше къ Его службѣ.

Селенія сіи отдаются вашему превосходительству за вѣрность, собственно лицомъ вашимъ оказанную, а потомъ наслѣдникамъ вашимъ могутъ принадлежать не иначе, развѣ Государь Императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе».

По силѣ этой бумаги, поступили въ непосредственное владѣніе Мехти-Шамхала:

а) Селенія бамматулинскихъ бековъ (Гирей-бека и его братьевъ):
1) Большія Казанищи,
2) Буглень,
3) Муселимъ-аулъ,

---

[1]) Еще до генерала Ермолова въ 1806 году Мехти-Шамхалу Высочайше пожалованы, на правѣ землевладѣльца, девять деревень, извѣстныхъ подъ именемъ Улусскаго магала, принадлежавшихъ Дербентскому хану и находящихся въ Дербентскомъ градоначальствѣ.

[2]) Изъ владѣнія Гасанъ-хана шамхалу въ дѣйствительности ничего не предоставлено, а оно подчинено было особому управленію пристава, до возстановленія въ немъ ханской власти.

4) Темиръ-Ханъ-Шура и

5) Халимъ-бекъ-аулъ.

б) Селенія, составлявшія удѣлъ Султанъ-Ахмедъ-хана-Аварскаго въ Мехтулинскомъ ханствѣ:

6) Параулъ,

7) Кака-Шура,

8) Дургели и

9) Урума [*])

и в) селенія, перешедшія въ зависимость Шамхала-же, какъ правителя, но имѣвшія своихъ родовыхъ бековъ, не лишенныхъ правъ владѣльцевъ:

10) Малыя Казанищи и

11) Кафыръ-Кумыкъ.

Послѣ объясненной бумаги генерала Ермолова, относительно бамматулинскихъ деревень никакихъ новыхъ распоряженій отъ нашего правительства не послѣдовало, и они остались во владѣніи шамхаловъ со всѣми другими землями бамматулинскихъ бековъ на тѣхъ-же правахъ, на коихъ они владѣли родовыми своими селеніями и имѣніями; что-же касается до четырехъ селеній, предоставленныхъ шамхалу изъ бывшаго мехтулинскаго владѣнія, то одно изъ нихъ, Кака-Шура, передано Мехти-Шамхаломъ, въ 1824 году, сыну изгнаннаго генераломъ Ермоловымъ Гасанъ-хана, Ахмедъ-хану мехтулинскому, которому даровано было тогда прощеніе и возвращено отцовское владѣніе; а остальныя три селенія состояли въ непрерывномъ владѣніи шамхаловъ до начала за нихъ спора отъ мехтулинскаго дома.

Споръ этотъ начался по случаю пресѣченія рода аварскихъ хановъ и возобновленъ мехтулинскимъ домомъ въ 1847 году, послѣ нѣсколькихъ прежнихъ безуспѣшныхъ ходатайствъ о возвращеніи оному бывшаго удѣла Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго. [*])

---

[*]) Селеніе это хотя и не названо въ бумагѣ генерала Ермолова, но оно также отдано было шамхалу, какъ это видно изъ другихъ бумагъ, и до послѣдняго времени оставалось во владѣніи шамхаловъ, вмѣстѣ съ селеніемъ Параулъ.

[*]) Султанъ-Ахмедъ-ханъ-Аварскій умеръ въ 1826 году; послѣ его смерти, вдова его, Паху-Бике, стала искать принятія дѣтей ея въ подданство Россіи и признанія старшаго сына ея, Нуцалъ-хана, владѣтелемъ Аваріи. Наше правительство уважило просьбу Паху-Бике, и Нуцалъ-ханъ, въ 1831 году, получилъ Всемилостивѣйшую грамоту, на утвержденіе его ханомъ авар-

Дагестанское начальство, принимая во вниманіе стѣсненное положеніе брата мехтулинскаго хана Али-Султана, имѣвшаго въ своемъ владѣніи и пользованіи только одну деревню Кака-Шуру, переданную

сынъ. Въ 1824 году, горцы, возставшіе противъ возникновенія въ Дагестанѣ русской власти и противъ самихъ хановъ, предательски умертвили Нуцалъ-хана и двухъ его братьевъ. Правителемъ Аваріи сдѣлался временно предводитель мятежниковъ Амзатъ-бекъ, но онъ и самъ вскорѣ былъ умерщвленъ въ хунзахской мечети приверженцами ханскаго дома, а сообщники его, въ главѣ коихъ, послѣ Амзатъ-бека, сталъ Шамиль, изгнаны изъ Хунзаха, и затѣмъ въ Аваріи возстановлено ханское управленіе, въ лицѣ Ахмедъ-хана мехтулинскаго. Правительство наше поручило ему управленіе Аваріею, какъ потому, что онъ былъ ближайшій родственникъ аварскаго дома, такъ и потому, что изъ тузенцевъ онъ одинъ считался способнымъ управлять Аваріею въ то смутное время. Послѣ Нуцалъ-хана осталась беременною жена его Айбатъ (дочь Мехти-Шамхала-Тарковскаго), отъ которой родился сынъ, названный по имени дѣда своего Султанъ-Ахмедомъ и предназначенный нашимъ правительствомъ наслѣдникомъ аварскаго дома.

Ахмедъ-ханъ, давно уже утвердившійся въ ханствованіи надъ мехтулинцами, получивъ въ свое вѣдѣніе и Аварію, разсчитывалъ властвовать въ ней долго, до совершеннолѣтія прямаго наслѣдника этого ханства, а въ случаѣ смерти его, могъ надѣяться испросить утвержденія за нимъ Аваріи и навсегда, въ потомственное владѣніе.

Впрочемъ, на ханство Аварское имѣлъ также претензію, въ случаѣ смерти малолѣтняго наслѣдника Аваріи, и шамхалъ тарковскій Абу-Муселимъ-ханъ, который былъ женатъ на родной теткѣ малолѣтняго Султанъ-Ахмедъ-хана, Солтанетъ-бике, и имѣя отъ нея сына Шамсудина (нынѣшняго шамхала), считалъ его ближайшимъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства, а себя естественнымъ опекуномъ его.

Еще при жизни Нуцалъ-хана аварскаго, мать его Паху-Бике домогалась, чтобы съ поступленіемъ сыновей ея въ подданство Россіи, имъ возвращенъ былъ удѣлъ ихъ отца изъ Мехтулинскаго ханства, отданный генераломъ Ермоловымъ шамхалу; но наше правительство отклонило это домогательство, находя неудобнымъ отобраніе у шамхала деревень, предоставленныхъ ему за вѣрную службу. Ахмедъ-ханъ-же, получивъ въ свое управленіе Аварію, счелъ себя вправѣ, какъ по своей службѣ, такъ и по принадлежности означенныхъ селеній къ Мехтулинскому ханству, искать возвращенія оныхъ въ свое владѣніе. Шамхалъ тарковскій, опасаясь, чтобы Ахмедъ-ханъ не успѣлъ въ этомъ домогательствѣ, совершилъ дарственный актъ, по которому деревни тѣ записалъ, въ 1838 году, за малолѣтнимъ племянникомъ своимъ, наслѣдникомъ Аварскаго ханства, Султанъ-Ахмедомъ, которому они должны были достаться по наслѣдству отъ дѣда, лишившагося ихъ за измѣну русскому правительству. Такимъ образомъ домогательство Ахмедъ-хана этою мѣрою было отклонено. Въ 1843 году онъ умеръ, а вскорѣ послѣ его смерти умеръ въ пажескомъ корпусѣ и малолѣтній наслѣдникъ Аварскаго ханства Султанъ-Ахмедъ-ханъ, и записанныя за нимъ шамхаломъ три деревни сдѣлались, какъ сказано выше, предметомъ распрей между шамхаломъ и мехтулинскимъ домомъ.

ему въ видѣ удѣла, братомъ его Ахмедъ-ханомъ, ходатайствовало о предоставленіи ему и другой деревни съ однимъ кутаномъ изъ тѣхъ, которыя остались послѣ наслѣдника Аварскаго ханства, и объ обезпеченіи брата сего послѣдняго, Джанки-Нуцалъ-хана-Мирза-бека [*]).

Главнокомандовавшій Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ князь Воронцовъ, по разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ спорнаго дѣла на счетъ наслѣдованія деревнями Дургели, Урума и Параулъ, подаренными въ 1838 году шамхаломъ тарковскимъ покойному племяннику его, Султанъ-Ахмеду, рѣшилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

1) Дургели, какъ ближайшую деревню къ Кака-Шурѣ, отдать Али-Султану съ кутаномъ Айлама, дабы доставить ему болѣе способовъ къ существованію.

2) Деревни Уруму и Параулъ возвратить шамхалу.

3) А Мирза-беку отдать кутанъ Аруша. Опредѣленіе это было сообщено шамхалу и Али-Султану, какъ окончательное рѣшеніе по ихъ спору, но распри между ними за означенныя деревни не прекратились, и потому покойный князь Воронцовъ вторично входилъ въ разсмотрѣніе дѣла сего и далъ командовавшему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ князю Бебутову предписаніе, отъ 24-го октября 1847, № 25, въ которомъ между прочимъ сказано:

„Усматривая изъ отношенія князя Бебутова къ начальнику главнаго штаба за № 848, что распри за деревни Дургели, Параулъ и Урума не прекратились и самое владѣніе оными подало поводъ къ новымъ неудовольствіямъ и безпорядкамъ, я нахожу нужнымъ объявить поименованнымъ лицамъ, отъ имени моего, слѣдующее:

Что упомянутыя три деревни, послѣ отдачи ихъ генераломъ Ермоловымъ Мехти-Шамхалу за услуги его правительству, не составляли его личной собственности, но достояніе шамхальскаго дома и не могли быть шамхаломъ, безъ согласія правительства, отчуждаемы, такъ точно какъ и другія части шамхальства; съ отдачею-же ихъ Абу-Муслимъ-ханомъ, съ Высочайшаго соизволенія, племяннику своему, малолѣтнему аварскому хану Султанъ-Ахмеду, право на владѣніе

---

[*]) Мирза-бекъ былъ сынъ Нуцалъ-хана отъ простой уденки. Онъ умеръ отъ раны, полученной въ дѣлѣ противъ горцевъ въ 1854 году въ чинѣ капитана, оставивъ послѣ себя одного сына Сурхая, живущаго съ матерью въ Дженгутаѣ.

онымъ перешло въ домъ аварскихъ хановъ, а съ прекращеніемъ рода этихъ хановъ, по смерти Султанъ-Ахмеда, и деревни тѣ поступили въ распоряженіе правительства, и ни шамхалъ, ни члены дома хановъ мехтулинскихъ не имѣютъ на нихъ никакого права; что деревни тѣ и принадлежащіе къ онымъ кутаны отданы, какъ выше объяснено, шамхалу Али-Султану и Мирза-беку не по праву наслѣдства, но въ видѣ особой милости правительства за преданность и заслуги ихъ; что на семъ основаніи имъ предоставляется право пользоваться доходами и повинностями съ жителей по обычаю края, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы всѣ взаимныя отношенія жителей и обычаи касательно пастьбищъ, воды и проч. отнюдь не измѣнялись въ томъ положеніи, какъ это существовало издревле, до поступленія деревень къ разнымъ владѣльцамъ. Если-же кто изъ нихъ нарушитъ этотъ порядокъ, то лишится права на управленіе предоставленнымъ ему участкомъ, о чемъ прошу ваше сіятельство объявить письменно помянутымъ владѣльцамъ.“

Этимъ рѣшеніемъ высказался въ первый разъ взглядъ кавказскаго главнаго начальства на права шамхаловъ и другихъ лицъ надъ предоставленными имъ отъ нашего правительства селеніями и имѣніями; но какъ за тѣмъ никакого вопроса по этому поводу уже не возникало и дагестанское начальство ограничилось только сообщеніемъ вышеизложеннаго рѣшенія Шамхалу и Али-Султану, которые тогда-же получили назначенныя имъ деревни и имѣнія, то условія пользованія ими остались не исполненными, и князь Абу-Муселимъ-шамхалъ распоряжался предоставленными ему имѣніями на томъ-же правѣ, какъ своими родовыми, отчуждая оныя по своему усмотрѣнію. *)

Съ того времени въ составѣ владѣнія шамхаловъ никакихъ измѣненій не было, и при открытіи управленія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Владѣніе Тарковское заключало въ себѣ слѣдующія деревни:

---

*) Такъ, напримѣръ: сел. Параулъ отдано имъ въ 1853 году въ пользованіе сыну своему Джанкѣ-Таймазъ-хану, а нѣкоторые изъ населенныхъ участковъ проданы въ частныя руки; въ числѣ ихъ и Аруша-кутанъ, назначенный по распоряженію князя Воронцова Мирза-беку, не былъ отданъ ему, а проданъ шамхаломъ жителямъ селенія Параулъ.

а) *Прежняго состава шамхальства:*

1) Тарки	937	дымовъ.
2) Альбори-кентъ	71	—
3) Кахулай-Туркали	136	—
4) Агачь-аулъ	93	—
5) Атлы-Боюнъ	80	—
6) Шамхалъ-Янги-Юртъ	181	—
7) Кумъ-Теръ-Кале	333	—
8) Капчугай	104	—
9) Гилли	471	—
10) Кадаръ	574	—
11) Буйнакъ	338	—
12) Янги-Буйнакъ (отселокъ Буйнака)	36	—
13) Кара-Будах-кентъ	814	—
14) Губденъ	1142	—
15) Кочующихъ ногайцевъ	346	—

б) *Присоединенныя къ шамхальству изъ бывшихъ удѣловъ Баммматулинскаго и Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго:*

16) Большія Казанищи	952	дыма.
17) Буглень	154	—
18) Муселимъ-аулъ	126	—
19) Халимъ-бекъ-аулъ	240	—
20) Малыя Казанищи	278	—
21) Кафыръ-Кумыкъ	276	—
22) Параулъ	536	—
23) Урума	151	—

Всего 23 деревни, съ населеніемъ въ 8379 дымовъ, живущихъ на пространствѣ 3500 кв. верстъ.

Изъ этого населенія шамхалу тарковскому отбывали повинности и косвенные налоги 2784 дыма жителей селеній: Тарки, Большія Казанищи [7], Буглень, Халимъ-бекъ-аулъ, ½ селенія Гилли, Урума и кочующіе ногайцы. Прочія-же деревни, равно какъ и ½ деревни Гилли, кромѣ Карабудахкента и Губдени, отбываютъ повинности бекамъ и джанкамъ. Послѣднія-же двѣ деревни никакихъ повинностей никому изъ владѣльцевъ не несутъ.

Поземельныя права, какъ самого шамхала, такъ и другихъ владѣльцевъ, выражались всегда и существуютъ теперь въ трехъ видахъ:

Къ первому виду относятся земли пахатныя и покосныя, принадлежащія сельскимъ обществамъ, но состоящія издавна въ общемъ пользованіи ихъ съ владѣльцами, на условіяхъ повременнаго выдѣла опредѣленной обычаями доли владѣльцамъ и узденямъ изъ участковъ, назначаемыхъ къ обработкѣ. Къ этому-же виду относятся пастьбища, на коихъ владѣльцы и жители могутъ содержать скотъ свой въ извѣстные періоды года, а также и лѣса, въ коихъ владѣльцы и жители имѣютъ одинаковое право свободной рубки.

Ко второму виду относятся земли, считающіяся принадлежащими шамхалу и бекамъ, но состоящія въ неотъемлемомъ наслѣдственномъ пользованіи извѣстнаго населенія, безъ права отчужденія ихъ и за опредѣленныя обычаями повинности.

Къ третьему виду относятся земли, принадлежащія отдѣльнымъ владѣльцамъ и сельскимъ обществамъ, на правахъ частной собственности ихъ. Въ этотъ разрядъ входятъ кутаны, горы [8], пахатныя земли и другія угодья, кои находятся въ исключительномъ пользованіи шамхала и другихъ лицъ изъ бековъ и узденей, и особо, сельскихъ обществъ, съ полнымъ правомъ отчужденія ихъ.

---

[7] Въ Тарнахъ 14, а въ Большихъ Казанищахъ 110 дымовъ несутъ повинности не шамхалу, а другимъ владѣльцамъ.

[8] Здѣсь нужно оговорить, что, по издавна установившемуся обычаю, кутаны и горы находятся въ исключительномъ пользованіи шамхала и другихъ владѣльцевъ: кутаны отъ начала осени до наступленія лѣта (съ 15 августа по 15 мая), въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ, а горы въ теченіи только 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. По минованіи-же этихъ сроковъ, почти на всѣхъ кута-

Отношенія-же шамхала къ населенію, которое отбывало ему извѣстныя повинности *), обусловливались:

а) въ однихъ селеніяхъ правомъ землевладѣльца;

б) въ другихъ правомъ правителя,

и в) въ третьихъ тѣмъ и другимъ правомъ вмѣстѣ.

Повинности, исходящія изъ этихъ правъ, не имѣли между собою большихъ отличій, кромѣ разности въ томъ, что населеніе, живущее на владѣльческихъ земляхъ, въ случаѣ перехода съ оныхъ, должно было оставлять усадебныя мѣста свои и другія земли въ распоряженіе владѣльца, и ему-же доставались земли, оставшіяся послѣ умершихъ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола.

Виды этихъ повинностей вообще суть:

1) *Кентъ-жакъ* (подать съ имѣющихъ барановъ), 2) *арбагачь* (доставка дровъ), 3) *билъха* (выставка плуговъ, жнецовъ, косцовъ) и нѣкоторыя другія, коими исключительно обязаны были ногайцы, чагары и урминцы. Отбываніе ихъ обыкновенно производилось не по полному числу дворовъ, а за исключеніемъ изъ онаго сельскихъ должностныхъ лицъ, нукеровъ, емчиковъ (молочныхъ братьевъ) и бѣдныхъ; такъ что на самомъ дѣлѣ только $^3/_4$ каждаго селенія отбывали обычныя повинности; размѣръ-же ихъ простирался вообще отъ 2 до 4-хъ рабочихъ дней въ году отъ дыма, за исключеніемъ халимъ-бекъ-аульцевъ, ногайцевъ и чагаровъ, кои отбывали большее

вахъ и горахъ окрестные жители вправѣ пасти свой скотъ и баранту. Поэтому кутаны отдаются на откупъ только на 9-ть мѣсяцевъ, а горы на 3-и мѣсяца, въ которые и находятся подъ запретомъ.

Есть нѣсколько и такихъ владѣльческихъ кутановъ, на которыхъ жители могутъ дѣлать распашки.

*) Податное населеніе шамхальства состоитъ: а) изъ уздеей кумыкскаго, даргинскаго, аварскаго и ногайскаго племенъ, б) чагаровъ и в) евреевъ. Чагары суть бывшіе холопы, давно уже водворенные особо отъ двора владѣльцевъ, имѣющіе свое отдѣльное хозяйство и обязанные нести инъ опредѣленныя обычаями повинности. Ихъ во Владѣніи Тарковскомъ было всего 90 дворовъ; но за освобожденіемъ шамхаломъ всѣхъ своихъ чагаровъ (45 дымовъ), осталось въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ 45 дымовъ.

число дней; сверхъ сего, шамхалъ получалъ особый доходъ отъ обычныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на провинившихся въ преступленіяхъ и проступкахъ и отъ введеннаго при покойномъ отцѣ нынѣшняго шамхала косвеннаго налога съ отдачи на откупъ права продажи напитковъ и красныхъ товаровъ.

Всѣ объясненные виды повинностей, коими шамхалъ пользовался до 1-го августа прошлаго года и отъ коихъ въ тотъ день онъ добровольно освободилъ всѣхъ безъ исключенія жителей, находившихся къ нему въ обязательныхъ отношеніяхъ, — по переложенію на деньги, составляютъ сумму—4343 р., которые съ денежными доходами:

а) отъ штрафовъ	710 р.
и б) отъ откуповъ	2140 р.
простираются до	7193 р.

не включая сюда необязательныхъ для народа нарядовъ, которые дѣлались шамхалами, какъ изъ деревень, несшихъ ему обычныя повинности, такъ и со всѣхъ прочихъ деревень бывшаго Владѣнія Тарковскаго, подъ видомъ служебныхъ надобностей шамхала, какъ правителя.

Отказавшись отъ объясненныхъ повинностей съ жителей, шамхалъ остался при доходахъ съ земель и оброчныхъ статей, которые находятся во владѣніи и пользованіи его. Доходы эти простираются свыше 1900 руб. съ однихъ имѣній, состоящихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ.

Сверхъ того, въ исчисленіе доходовъ его слѣдуетъ включить доходъ, который шамхалы получали отъ сбора, называемаго рахтарнымъ, или домгою. Сборъ этотъ взимался съ провозимыхъ чрезъ шамхальское владѣніе товаровъ. По неточной опредѣлительности своей и по злоупотребленіямъ, допускавшимся сборщиками, въ ущербъ развитія торговаго движенія, правительство предложило шамхалу Абу-Муселимъ-хану получать, въ замѣнъ онаго, изъ казны пенсіонъ, со-

---

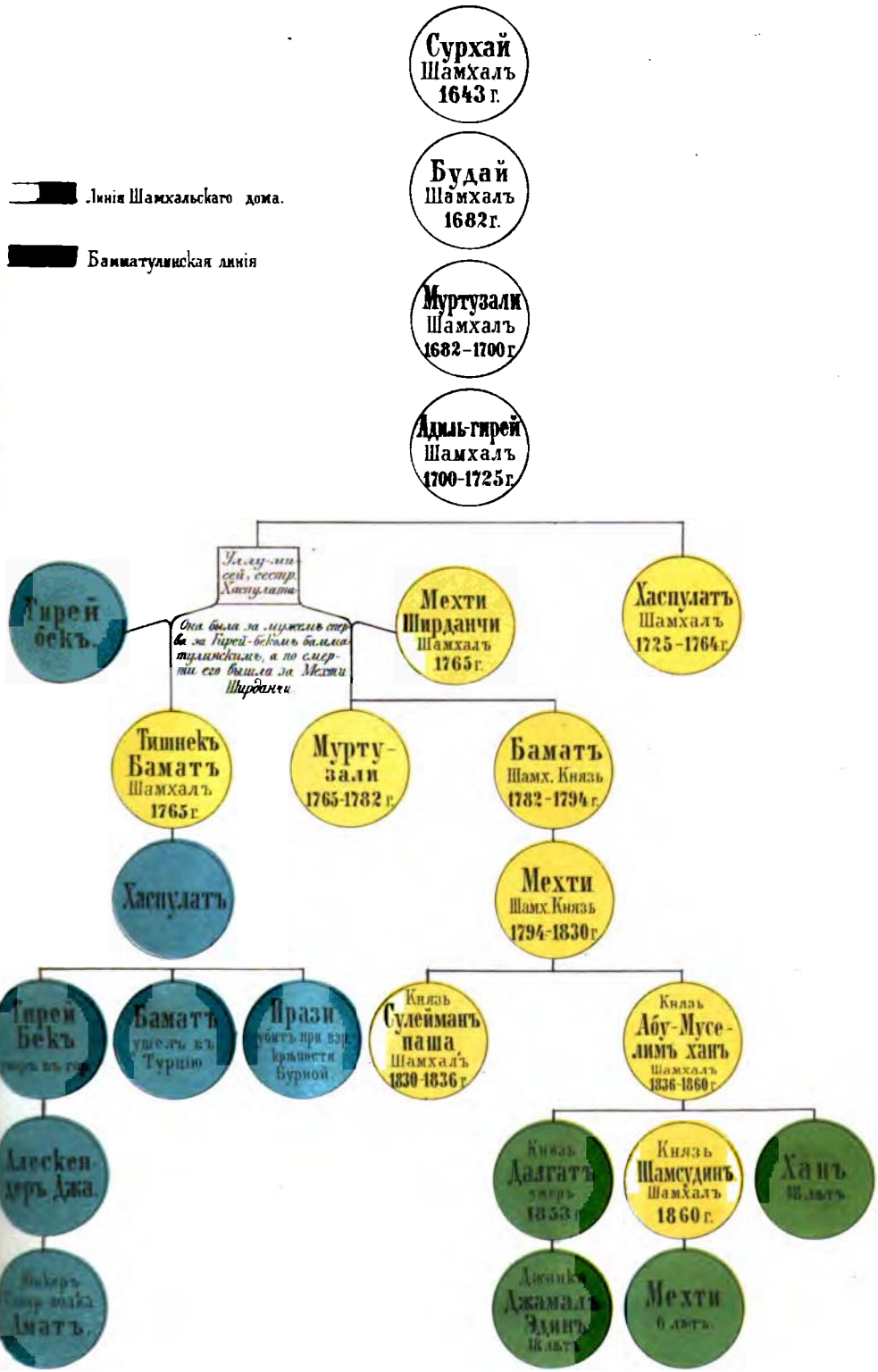
Въ шамхальствѣ живетъ 71 дымъ евреевъ, выселившихся изъ Кайтага, назадъ тому около ста лѣтъ, и платящихъ въ пользу владѣльцевъ подать отъ 3 до 5 руб. съ дыма. Изъ нихъ 51 дыму шамхаломъ дарована свобода отъ платимой ими подати, простиравшейся до 200 руб., и затѣмъ платящихъ подати владѣльцамъ осталось въ Буйнакѣ 20 дымовъ.

ответственный количеству ежегоднаго рахтарнаго сбора. Шамхалъ далъ согласіе и, по Высочайшему соизволенію, ему назначена за отказъ отъ онаго потомственная пенсія въ 5 т. р. с., отпускъ которой начался съ 1838 года.

Родословная Шамхальскаго дома.

Линія Шамхальскаго дома.

Баматулинская линія

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

КОЕ-ЧТО О СЛОВЕСНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГОРЦЕВЪ.

Заглавіе странное и неудачное, въ чемъ сознаюсь, но не могу придумать другаго. О горской литературѣ не можетъ быть рѣчи, потому что горцы теперь только начинаютъ заучивать *литеры*. Словесность имѣетъ многознаменательное значеніе. Поэзіей нельзя назвать того, въ чемъ, быть можетъ, не отыщется никакой поэзіи или отыщется ея сокрушительно-малая толика, золотинокъ золота на сто пудовъ песку,—въ чемъ не моя вина. Впрочемъ, не въ заглавіи дѣло. Въ предлагаемой статьѣ я принимаю на себя скромную роль совѣстливаго переводчика съ горскихъ языковъ прямо на русскій, безъ посредничества какого-бы то ни было третьяго лица, что уже составляетъ довольно-рѣдкое явленіе на Кавказѣ. Въ-продолженіи получаса мы заставимъ горцевъ поговорить о томъ, о семъ. Читатель спроситъ: какое-же, потомъ, общее заключеніе можно будетъ вывести о горцахъ?—Никакого *общаго* заключенія нельзя вывести ни о какомъ народѣ въ свѣтѣ послѣ получасоваго знакомства. Но, быть можетъ, „Сборникъ“ родился живучимъ. Эти получасовыя бесѣды будутъ повторяться. Изъ совокупности ихъ, незамѣтно ни для авторовъ, ни для читателей, само собою будетъ вырабатываться *общее* заключеніе.

Физическая природа Кавказа въ глазахъ древнихъ народовъ пріобрѣла фантастическую законченность. Давно уже законченность эта отвергнута, но только въ послѣднее тридцатилѣтіе замѣнилась она положительнымъ знаніемъ. Вершины Кавказа, сосѣдки звѣздъ,—какъ называлъ ихъ Ксенофанъ,—нивелированы барометрически и геодези-

чески; на Эльбрусѣ не отыскалось цѣпи Прометеевой, которую нѣкогда такъ усердно отыскивали греки и римляне; на Араратѣ не нашлось ковчега Ноева; на Казбекѣ англичане побывали на дняхъ и не нашли яслей Спасителя. Изумрудный хребетъ Кафъ, окружающій землю, какъ перстень пальцъ, и до котораго добираются черезъ страну, покрытую вѣчнымъ мракомъ,—покрытъ тригонометрической сѣтью Ходзько. Мудрая въ знаніи травъ Медея, конечно, не развѣдала кавказскихъ травъ такъ хорошо, какъ Рупрехтъ и Радде. На Кавказѣ, разсказывали греки, происходила борьба между Зевесомъ и Тифеемъ, огнемъ небеснымъ и огнемъ подземнымъ; на Кавказѣ боги Олимпа вели борьбу съ старыми богами, Титанами. Вѣковъ за двадцать тому назадъ, греки воспѣвали эту борьбу; теперь Абихъ пишетъ ея точную исторію.

Дѣло сложилось иначе въ отношеніи къ этнографіи Кавказа. Нельзя упрекать древнихъ въ фантастическомъ изображеніи горцевъ. Геродотъ, въ видѣ самой замѣчательной особенности ихъ, разсказываетъ, что они разрисовываютъ свои одежды изображеніями животныхъ; сверхъ того, сообщаетъ онъ небылицу, которую мы перейдемъ молчаніемъ. Послѣ Геродота, у разныхъ писателей находимъ мы длинные списки названій горскихъ народовъ съ общимъ отзывомъ, что народы эти крайне дики, живутъ грабежомъ и плѣнопродавствомъ, говорятъ на непонятныхъ языкахъ. О нѣкоторыхъ народахъ сообщали, сверхъ того, что они ѣдятъ отвратительныхъ насѣкомыхъ.

Въ недавнее время это изображеніе горцевъ совершенно измѣнилось. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, кавказская природа привлекла на себя вниманіе романтиковъ-поэтовъ. Гора, ущелье,—гора, ущелье,—найдены были болѣе поэтичными, чѣмъ лѣсъ, поле,—лѣсъ, поле. Гора, ущелье,—лѣсъ, поле,—то и другое, само собою разумѣется, не болѣе, какъ декораціи, окаймляющія сцену, на которой разыгрывается неисчерпаемо-занимательная драма: въ ней дѣйствующія лица—силы природы и страсти людскія. Декораціей можно полюбоваться, но это любованье не долго продолжается и переходитъ въ тоску смертную, если остается непонятнымъ то, что происходитъ на сценѣ. Въ эпоху романтизма, и природа

и люди на Кавказѣ были непонятны. Нельзя было фантазировать на-счетъ природы,—тотчасъ нашлись-бы ученые, которые уличили-бы въ несообразностяхъ. Но ничто не мѣшало фантазировать, сколько душѣ угодно, на-счетъ людей. Горцы не читаютъ русскихъ книгъ и не пишутъ на нихъ опроверженій. Горцы, которые въ тѣ блаженныя времена учились чему-нибудь и какъ-нибудь въ Петербургѣ,— сами всячески поддѣлывались подъ Аммалатъ-Бековъ, Казбичей и т. п. Въ такомъ маскарадномъ видѣ только и могли они казаться интересными для русской публики,—иначе что-же могло быть интереснаго въ этихъ недоучившихся кадетахъ? Горцевъ не могли мы себѣ представить иначе, какъ въ видѣ людей, одержимыхъ какимъ-то бѣсованіемъ, чѣмъ-то въ родѣ воспаленія въ мозгу,—людей, рѣжущихъ на право и на лѣво, пока самихъ ихъ не перерѣжетъ новое поколѣніе бѣснующихся. И было время, когда эти неистовыя чада нашей поэтической фантазіи приводили въ восторгъ часть русской читающей публики! Другіе читатели, болѣе разсудительные, все-таки вѣрили въ возможность существованія таковаго племени бѣснующихся, но въ замѣнъ восторговъ, совѣтовали истребить ихъ *съ корнемъ вонъ*. Легковѣріе этихъ благоразумныхъ читателей дѣлаетъ отчасти извинительнымъ легковѣріе арабовъ, вѣрившихъ въ существованіе людей, у которыхъ четыре глаза, а именно: два на лицѣ и два на груди!

Какъ бы то ни было, но Аммалатъ-Беки, Селтанеты и пр. и пр. пріобрѣли право гражданства въ русской литературѣ. Какъ ни ложны они, но мечутся въ глаза своею яркостію. Теперь никто уже ими не восхищается, но впечатлѣніе, вполнѣ законченное, сохранилось. Съ другой стороны, фотографическіе снимки того или другаго момента горской жизни кажутся крайне-неудовлетворительными, блѣдными, незаконченными. Это, какъ-бы кирпичъ, представляемый въ видѣ образца дома. Но, что-же дѣлать? Другимъ путемъ нельзя подготовить матеріаловъ для будущаго Вальтеръ-Скотта, или хотя-бы Морьера горцевъ. На первый разъ заставимъ горцевъ разговаривать между собою, не стѣсняя ихъ своимъ присутствіемъ.

Начнемъ съ *привѣтствій*. Теперь всего чаще слышится:

салямъ алейкюмъ, и въ отвѣтъ: *алейкюммассалямъ*. Тутъ и удовольствіе произнести арабскую фразу и дешевый способъ показать себя человѣкомъ образованнымъ и благочестивымъ. Но горскіе языки изобилуютъ своими собственными привѣтствіями:

Чеченцы говорятъ: приходъ твой да будетъ къ счастью.—Утро твое да будетъ хорошо. *Аварцы*: Богъ да обрадуетъ тебя.—Голова да будетъ здрава.—Свѣтлый день да не минуетъ тебя.—Богъ да выпрямитъ для тебя дорогу (путнику). *Лаки*: да дастъ тебѣ Богъ, чего не ждешь.—Да дадутся тебѣ сердечная радость и жизнь.—Да продлится жизнь.—Сыновья да будутъ невредимы (женщинамъ). Съ отдыхомъ здоровье да дастся (возвратившемуся изъ дороги). Да родится сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать (новобрачнымъ). До чего онъ не дожилъ, то тебѣ да дастся (родственнику умершаго). *Акушинцы*: благословеніе да достанется твоему дому.—Да умножатся твои бараны.—Да разцвѣтешь ты, какъ садъ.

Въ противуположность, приведемъ мы *проклятія*, которыхъ много, такъ-какъ горцы большею частію люди весьма вспыльчивые. Въ грамматическомъ отношеніи формулы проклятій представляютъ весьма оригинальные и поучительные обороты; потому и набралось ихъ столько при разслѣдованіи горскихъ языковъ.

У *аварцовъ*: провались ты въ адъ!—Сѣмя да изсякнетъ твое!—Да разтерзаетъ тебя орелъ!—Пожрись ты тотчасъ же!—Да положишься ты на лестницу, т. е. умри ты, потому что тѣло умершаго относится на лестницѣ.—Черный день да наступитъ въ твоемъ домѣ!—Твоего отца домъ да сгоритъ!—Да сожжется грудь твоя!—Да остынетъ грудь твоя!—Сдерись твое лицо!—Вернись убитымъ!—Да пожретъ ржавчина твое оружіе!—Тѣнь филина да покроетъ твой домъ!—Да вылезутъ твои косы! (ругательство между женщинами). Да вылезутъ твои усы! (женщины мужчинамъ). Да надѣнешь ты чоху, въ знач. да умретъ мужъ твой, потому-что жена, оплакивая мужа, надѣваетъ на себя его чоху.—Умри твоя мать! (Послѣднее въ большей части случаевъ не есть проклятіе, а скорѣе соотвѣтствуетъ русскому выраженію: сердечный! Значеніе то, что лучше бы матери твоей умереть, чѣмъ видѣть тебя въ томъ или другомъ жалкомъ положеніи. Это выраженіе употреб-

лается безразлично, жива или умерла мать; оно можетъ относиться не только къ людямъ, но къ животнымъ и даже къ неодушевленнымъ предметамъ).

У *лаковъ*: утони ты въ крови!—Да распорется животъ твой!—Да выпьетъ воронъ твои глаза!—Да засохнетъ родъ твой!—Да напишется твое имя на камнѣ, т. е. да накроетъ тебя надгробный камень!—Земля да возьметъ тебя!—Ноги твои да обратятся въ воскъ!—Да погаснтся очагъ твой!—Да выростетъ колючка въ твоемъ каминѣ!—Да умретъ твой хозяинъ! (Говорится обыкновенно домашней скотинѣ и всего чаще самимъ же хозяиномъ).

У *акушинцовъ*: да очутишься ты среди чернаго дня!—Да поглотитъ тебя земля!—Горячая пуля да попадетъ въ тебя!—Молоко матери да обратится въ позоръ! (Впрочемъ, это проклятіе, общее всѣмъ горцамъ, можетъ служить и въ видѣ клятвы).

Непріятное впечатлѣніе, произведенное проклятіями на читателя,—мы разсѣемъ изчисленіемъ женскихъ красотъ, по понятіямъ горцевъ.

Чеченцы: шея лебединая, походка утиная (sic), цвѣтъ молочный.

Аварцы: грудь бѣлая, какъ сыръ и серебро.—Въ горлѣ льющаяся вода сквозитъ, т. е. горло прозрачное.—Шея длинная, какъ у турецкаго кувшина. (Сказано у римскаго кувшина, но Руми означаетъ у горцевъ Европейскую Турцію).—Походка, какъ дикой курочки. (Дикой курочкой называемъ мы родъ куропатки, для которой во всѣхъ горскихъ языкахъ существуютъ особыя названія. Курочка эта болѣе бѣгаетъ, чѣмъ летаетъ, и съ какою-то забавною суетливостію.)—Ласкательно говорится: красное солнце, свѣтъ моихъ глазъ, мое серебро-золото, красное золото, ночью небо освѣщающая полная луна, райская жемчужина, золотистая голубка, небесная ласточка.

Лаки: оленья шея,—щеки, какъ яблоки,—пальцы, какъ перья,—золотыя косы. (Золотыя косы при черныхъ глазахъ почитаются верхомъ женской красоты у лаковъ, хотя вообще горцы не любятъ рыжихъ и питаютъ къ нимъ предубѣжденіе.)—Жемчужные зубы.—Дѣвушка, какъ зажженная свѣча, т. е. свѣтитъ своею красотою.

Акушинцы: дѣвушка съ гладкимъ лбомъ.—Облупленная женщина, т. е. гладко-кожая.—Тонкая въ станѣ дѣвушка.—Дѣвушка, какъ

цы, чтобы подольститься русскому начальнику, сравниваютъ его съ волкомъ, что иногда порождаетъ забавныя недоразумѣнія. Въ пѣснѣ говорится, что волкъ щетинится въ ту ночь, когда мать рожаетъ чеченца. „Короткоухій ты волкъ, волчій у тебя нравъ“, говоритъ горская дѣвушка, ласкаясь къ любезному. „Волчья ночь“, ночь темная, бурная, когда ни волкамъ, ни молодцамъ не спится, когда и волки и молодцы рыщутъ для разныхъ приключеній. Это любимое сравненіе принимаетъ иногда отдаленно-переносное значеніе. Говорится: „поле какъ волкъ“, т. е. поле по-волчьи ощетинилось всходами. Охотники пріискивать соотношенія между людскими и звѣриными типами, конечно, найдутъ въ самомъ обликѣ аварцовъ и, въ особенности, чеченцовъ, много волчьяго. Это было уже замѣчено не разъ.

Въ *медвѣдѣ* горцевъ заинтересовалъ тотъ моментъ, когда медвѣдь, ставъ на дыбы, лезетъ на противника. Конечно, имъ удалось подмѣтить самый интересный моментъ. Герои, когда

въ ручной вступаютъ бой
Грудь съ грудью и рука съ рукой,

весьма картинно уподобляются горскими поэтами медвѣдямъ. *Медвѣжья пляска* вовсе не есть пляска тяжелая, неловкая, *медвѣжья*, какъ мы ее знаемъ. Это есть горскій *канканъ*.

Самымъ привлекательнымъ качествомъ *коня* представляется горцамъ легкость его: конь-птичка,—такъ абхазцы называютъ жеребенка; конь-вѣтеръ, конь-туча—эпитеты, встрѣчающіеся въ горскихъ сказкахъ. Въ нихъ, чтобы сбить съ себя непрошеннаго сѣдока, конь трижды вспрыгиваетъ такъ, что ударяется головой о голубое небо, и трижды падаетъ на-земь такъ, что вздрагиваетъ подъ нимъ черная земля; кто усидѣлъ послѣ такого испытанія, тому конь повинуется. Впрочемъ, по условіямъ мѣстности, горцы не наѣздники. Какое наѣздничество возможно тамъ, гдѣ справа третъ плечо скала, а влѣво подъ стременемъ бездонная пропасть! Наѣздничество возможно на чеченской плоскости: тамъ лошадей холили и готовили для воровскаго предпріятія также, какъ холятъ и готовятъ ихъ для скачекъ. Такихъ лошадей прятали, какъ-бы дѣвушекъ, отъ нескромныхъ взоровъ: всадникъ отправлялся на промыселъ переодѣ-

тій, и конь его долженъ былъ сохранить incognito. Ни всадника, ни коня, никто не долженъ былъ узнать. О такомъ конѣ говорится въ чеченской пѣснѣ: конь снаряженный къ походу, какъ невѣста къ свадебному торжеству. Но мы отвлеклись отъ предмета.

Оселъ остался осломъ и въ горахъ. „Онъ человѣкъ-оселъ, онъ сдѣлалъ ослиность (акуш.); у него нѣтъ ума даже столько, сколько у осла". Оселъ изображаетъ не только глупаго, но и вообще всякаго человѣка, заслуживающаго презрѣнія. Между *ослом*ъ и *грибом*ъ съ перваго разу трудно отыскать соотношеніе, но лакамъ показалась бѣлая мякоть грибовъ похожею на сыръ и, такъ какъ они не охотники до грибовъ, то назвали ихъ *ослинымъ сыром*ъ. Крутая ослиная спина представляетъ подобіе, какъ острыхъ гребней горъ, такъ и покатыхъ крышъ на русскихъ постройкахъ, въ противуположность горскимъ плоскимъ.

Собака, вѣрный другъ человѣка,—и въ горахъ можетъ пожаловаться на несправедливость къ ней друзей-людей. Собака для горцевъ служитъ олицетвореніемъ всего, что можетъ соединиться отвратительнаго въ человѣкѣ. Человѣкъ-собака, его собачество, онъ особачился, собачій ротъ, представляютъ крайне-неблагопріятные отзывы.

За то, *кошка* является въ видѣ весьма-граціознаго, забавно-плутоватаго звѣрка, котораго дѣятельность передъ домашнимъ каминомъ. *Кошка мурлычитъ*,—переводится не иначе, какъ черезъ: *кошка сказки сказываетъ*. Сидѣть дома передъ каминомъ въ зимнюю мятельную ночь,—наслажденіе, которое часто припоминалось бѣднымъ горцамъ, которыхъ Шамиль уводилъ въ Чечню, чтобы препятствовать нашимъ зимнимъ рубкамъ лѣса. Холодъ, голодъ, перспектива на утренней зарѣ стать подъ картечь! Многіе повторяли про себя, вспомнивъ о покинутой женѣ или любовницѣ, пѣсню: „хотѣлъ-бы я теперь быть котенкомъ у камина, влезъ-бы тебѣ на грудь, сказывалъ-бы тебѣ сказки..." Увы! многимъ изъ этихъ элегистовъ на разсвѣтѣ сказалась другаго рода сказка!

Хвастливый трусъ обыкновенно сравнивается съ *пьяною мы-*

шью. „Куда дѣвались коты? воскликнула пьяная мышь, ощетинивъ усы.“ Разсказываютъ, что нѣкогда мышь упала въ сосудъ съ виномъ и кое-какъ оттуда выкарабкалась. Облизываясь, напилась она пьяна. Пьяной мыши вошло въ голову вызывать котовъ на бой. Подкрался котъ,—цапъ-царапъ,—и исторіи конецъ. Сравненіе весьма-меткое, которое можетъ пригодиться для многихъ, произносящихъ воинственные спичи послѣ обильныхъ обѣденныхъ возліяній.

Горцы легко подпадаютъ увлеченіямъ, они готовы вѣрить всему несбыточному. Появится гдѣ-нибудь бродяга-святоша,—придетъ къ кому-либо ночью съ обѣщаніемъ открыть великую тайну. Тайна въ томъ, что какому-то святому мужу приснилось, что наступила пора, не только прогнать гяуровъ съ Кавказа, но и совсѣмъ стереть ихъ съ лица земли! На другую ночь собирается трое посвященныхъ въ великую тайну и т. д. Этотъ зажигательный матеріалъ—копѣечная свѣчка, но... разсказываютъ, что отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла. Должно только успѣть задуть свѣчку во время, безъ пособія пожарныхъ командъ. Легковѣріе свое сами горцы осмѣяли слѣдующей поговоркой: „каждую ночь зайцы совѣщаются о томъ, какъ бы имъ прогнать орловъ. Къ разсвѣту разбѣгаются, все еще не рѣшивъ дѣла.“

Хитрости *лисицы* составляютъ любимое содержаніе горскихъ сказокъ и басенъ; въ хитрости кавказская лиса не уступаетъ европейской. Она рѣшительно умнѣе всѣхъ звѣрей и даже самихъ людей, когда только послѣднимъ приходится имѣть съ нею дѣло въ горскихъ вымыслахъ. Не смотря на то, иногда и ей случается попадать въ просакъ. Но съ кавказской лисицей мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Полагаютъ, что вмѣстилище лисьей хитрости не голова, а хвостъ, откуда кюринская поговорка: ты лисица, а я лисій хвостъ, т. е. ты хитеръ, а я тебя хитрѣе. Акушинцы говорятъ: лисьимъ хвостомъ обметясь, обманулъ, т. е. весьма-тонко обманулъ. Аварцы: онъ говоритъ по-лисьи, отъ него лисицей пахнетъ, у него походка лисья; онъ змѣиное шепчетъ, лисье сказываетъ.

Замѣчательно, что въ лакскомъ языкѣ *змѣя* и *червякъ*

имѣютъ общее названіе; въ частности, змѣю обозначить можно не иначе, какъ черезъ *большой червякъ*. *Червивое яблоко* значитъ змѣиное яблоко; въ мясѣ завелись черви — завелись змѣи. Въ аварскомъ тоже самое, но есть и особое названіе для червяка. Въ древности змѣя была олицетвореніемъ мудрости. Сколько мнѣ извѣстно, горцы удѣляютъ змѣѣ только исключительную частичку мудрости, а именно, способность понимать всѣ языки. О своихъ полиглоттахъ говорятъ они: онъ столько языковъ знаетъ, сколько змѣя. Мнѣ случилось гдѣ-то слышать отъ русскаго простолюдина странное сравненіе: блѣдный какъ змѣй. Аварцы говорятъ не менѣе странно: онъ поблѣднѣлъ, какъ ящерица. Лягушка квакаетъ,—переводится по аварски черезъ—лягушка ругается,—согласно народному повѣрію.

Каменная голова, куриная голова, козлиный лобъ,—эпитеты глупаго человѣка. „Чему ты радуешься, какъ козленокъ рогамъ?“ говорятъ аварцы человѣку, радующемуся пустякамъ. *Рыбьимъ ртомъ* называется тотъ, у кого большой ротъ, или кто часто зѣваетъ. Съ *жукомъ* сравниваютъ человѣка малорослаго и толстаго. *Черный жукъ*, — ругательство между горянками, которыя вообще имѣютъ притязанія на бѣлизну кожи. Донскихъ казаковъ, вооруженныхъ пиками, горцы прозвали *журавлями*. Человѣкъ тонконогій — *стрекоза;* человѣкъ длинный и худощавый сравнивается съ *бичомъ*.

Мы приведемъ еще нѣсколько поговорокъ и уподобленій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отражается горскій юморъ.

Аварцы: ночь-недѣля, т. е. длинная декабрская ночь.—Сегодня день безъ слѣпней, — говорится въ сильный морозъ.—Столько онъ проѣхалъ, сколько отъ носа до рта,—шутливо, въ видѣ противуположности, выражается весьма-дальняя дорога.—Въ той странѣ въ ненастье пыль, въ засуху грязь,—страна отдаленная, гдѣ всѣ физическія условія на-выворотъ.—Гдѣ-бы ни гремѣло, а на Гунибѣ дождь,—Гунибъ почитается самымъ дождливымъ мѣстомъ въ Дагестанѣ.—Плохо шутитъ зимой съ горой, а лѣтомъ съ рѣкой,—зимой обвалы, лѣтомъ полноводье.—Та пора, когда человѣкъ и вода спятъ, т. е. глухая ночная пора.—Самъ съ кулакъ, сердце съ небо.—Стоитъ ему по-

хлѣбкой обжечься, чтобы умереть,—о человѣкѣ тщедушномъ.—Онъ, какъ осмоленая тряпка, т. е. неотвязчивъ.—Для мусульманства нѣтъ у него молитвы, для христіанства нѣтъ креста.—Изъ могилы саванъ воруетъ, т. е отъявленный воръ.—Они разсыпались, какъ просо, т. е. разбѣжались во всѣ стороны.—Красивый високъ,—кокетка, у которой волосы на вискахъ тщательно приглажены.—Очередная лодка,—женщина распутнаго поведенія.

Лаки: ночь, какъ молоко,—лунная,—свѣтлая ночь. Аулъ съ ослиную голову,—маленькій, ничтожный аулъ.—Аулъ, какъ сотъ,—построенный весьма-тѣсно.—Набралось ихъ, какъ бы выросъ черный лѣсъ.—Сборище, какъ у нищаго хлѣбъ,—т. е. всякій сбродъ, подобно тому, какъ у нищаго въ сумѣ хлѣбъ собранъ съ разныхъ сторонъ.—Развѣ на дуракѣ рога?—т. е. дурака не съ перваго взгляда узнаешь.—Онъ ученъ глубоко, какъ море.—Онъ веселъ, какъ настроенная балалайка.—Онъ, какъ жерновъ, вертится, т. е. суетится.—Онъ изъ своего слова выплелъ веревку, т. е. растянулъ рѣчь свою безмѣрно.—Я сытъ тобою, т. е. ты мнѣ надоѣлъ.—Онъ, какъ курица, которая не можетъ снести яица.—Онъ цѣлуетъ губами, а кусаетъ зубами.—Пойдешь ты, всунувъ обѣ ноги въ одинъ чевякъ (обувь).—Скорѣе въ камень взойдетъ слово, чѣмъ въ него.—У него столько стыда, сколько на яицѣ волосъ.—У него нѣтъ стыда съ просяное зерно.—Ты на лягушкѣ, что-ли, ѣхалъ?—говорится медленному ѣздоку.—У насъ мечъ войлочный, т. е. мы люди мирные, ни съ кѣмъ не воюемъ.

Акушинцы: то онъ, какъ солнце, то, какъ ненастье, или то онъ, какъ вчера, то какъ сегодня,—говорится о человѣкѣ непостоянаго нрава.—Сытый—гордъ.—У него рога выросли,—онъ загордился.—У него двѣ головы выросли,—онъ заносчивъ.—У него спина плотная,—онъ имѣетъ обезпеченное состояніе.—У него внутренность пестрая,—онъ коваренъ. Шея короткая,—болтливъ.—Мокрый языкъ,—невоздержанъ на языкъ.—Онъ ходитъ съ брюхомъ на пастбище,—блюдолизъ, ищетъ, у кого бы пообѣдать.—Не насмѣхайся, вѣтеръ въ ротъ попадетъ.—Онъ такой сосѣдъ, что плюнуть въ него можно, т. е. такъ близко живетъ.—Мирный кинжалъ—кинжалъ тупой.

Кюринцы: воткнулъ иголку, хочетъ вытащить шило.—Что ты, ястребъ, прикидываешься дикой курочкой?—Мнѣ тутъ какое дѣло? въ стадѣ нѣтъ у меня теленка, въ аулѣ нѣтъ у меня тетки.—Если бы зналъ, что отецъ умретъ, то отдалъ бы его за огурцы,—лучше

сбыть за безцѣнокъ что-либо, чѣмъ потерять даромъ.—Мышь говоритъ: прогрызть я и шерстяной мѣшокъ прогрызу, но кожаный красить мельницу. Мука на мельницѣ хранится или въ толстыхъ шерстяныхъ мѣшкахъ или въ кожаныхъ: мышь легко прогрызаетъ послѣдніе, но говоритъ, что предпочитаетъ ихъ только за красоту ихъ.

Нѣкоторыя поговорки выражаютъ разладицу, существующую между разноплеменными дагестанскими сосѣдями. Жители приморскаго, плоскаго Дагестана богаче и въ нѣкоторомъ отношеніи образованнѣе горцевъ, но уступаютъ имъ въ энергіи. Все относящееся до равнины почитается горцами слабымъ и изнѣженнымъ. Горская поговорка: „умри житель равнины, умри лошадь равнины"! Дѣйствительно, и люди и лошади равнины съ трудомъ выдерживаютъ суровыя условія горской жизни. Моды и наряды свои горянки заимствуютъ съ равнины, но по бѣдности не могутъ придавать своимъ шалварамъ тѣхъ преувеличенныхъ размѣровъ, которыми отличаются шалвары щеголихъ равнины. *Широкошалварницы!* такъ называютъ горянки своихъ сосѣдокъ, въ видѣ насмѣшки, но, быть можетъ, съ затаеннымъ чувствомъ зависти. Чѣмъ далѣе къ западу отъ моря вглубь горъ, тѣмъ жители бѣднѣе и *тѣснѣе* одѣты. *Кургузые аварцы*,—таковое прозвище придаютъ акушинцы западнымъ сосѣдямъ своимъ. *Мѣшечники аварцы*,—основано на обыкновеніи бѣдныхъ аварцовъ носить на себѣ въ мѣшкѣ весь запасъ дорожнаго продовольствія. Лаки, самое промышленное племя изъ числа дагестанскихъ горцевъ, въ видѣ мелкихъ ремесленниковъ, бродятъ по-всюду. О нихъ говорится: подними любой камень, найдешь подъ нимъ лака. Непріязнь свою къ лакамъ сосѣди выражаютъ поговоркой: если не застанешь лака, то поколоти мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Къ шіитамъ горцы-сунниты питаютъ глубокую ненависть; все даже сработанное ими считается ненадежнымъ, откуда акушинская поговорка: шіитомъ сшитое платье скоро порется.

Въ *пословицахъ*, какъ привыкли говорить, обрѣтается мудрость народная. Въ этомъ видѣ, мудрость народная не идетъ далѣе нравоученій, общихъ всѣмъ народамъ, китайцы-ли они или

французы, негры или чукчи. Дѣло въ томъ, какъ эти нравоученія выражены. Иногда придается имъ весьма-оригинальная поэтическая оболочка,—иногда пословицы слагаются съ мнемоническою цѣлью,—т. е. съ тѣмъ, чтобы посредствомъ риѳмы или созвучія удобнѣе запечатлѣться въ памяти народной. Таковыя мнемоническія пословицы въ переводѣ являются совершенной безсмыслицей, какъ напр. всякій Еремей, про себя разумѣй, или: ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами и т. п. Горскія пословицы не гоняются ни за риѳмой, ни за созвучіемъ и въ переводѣ весьма понятны. Нравоученія, само собою разумѣется, разнообразны; многія пословицы проповѣдуютъ осторожность, сдержанность, обдуманность, предусмотрительность... Недостаткомъ всѣхъ этихъ качествъ сильно грѣшатъ горцы. Мало пользы, по-видимому, приноситъ народу его мудрость!

Замѣчательно, что многія горскія пословицы представляютъ почти буквальный переводъ русскихъ и другихъ европейскихъ, хотя, конечно, перевода никакого не было.

Жалованному коню въ зубы не смотри. Абхаз.

На головѣ вора огонь (на ворѣ шапка горитъ). Авар.

Упрячу тебя туда, куда воронъ костей не заноситъ. Авар.

Это какъ бы ворона ворону глаза выклевывала. Авар.

На катящемся камнѣ трава не ростетъ. Авар. Pierre qui roule n'amasse point de mousse.

Кому пастухъ любъ, люба и сабака. Авар. Qui aime Bertrand, aime son chien.

Въ мѣшкѣ пики не утаишь. Лак.

Слово безъ головы и безъ хвоста. Лак. Sans queue ni tête.

По одѣялу ноги протягивай. Акуш.

Я почему тамъ, гдѣ у тебя чешется, т. е. сдѣлаю тебѣ угодное. Акуш. Je le gratterai où il lui démange.

Кто яму копаетъ, въ яму попадаетъ. Кюр.

Не хлѣбъ за брюхомъ, а брюхо за хлѣбомъ ходитъ. Кюр.

Не плюй въ яму, гдѣ вода; быть-можетъ, придется пить изъ этой ямы. Кюр.

Какъ ни разноязычни жители Дагестана, но въ пословицахъ они весьма-часто другъ съ другомъ сходятся. Такъ напр. понятіе, выражаемое нашей пословицей: пуганая ворона куста боится,—на всѣхъ горскихъ языкахъ выражается сближеніемъ *змѣи* съ *веревкой*.

Лѣтомъ змѣю увидѣвшій зимою веревки пугается. Авар. и Лак.
Зимой ужаленный веревки пугается. Кюр.

Мы приведемъ здѣсь собраніе пословицъ, распредѣляя ихъ по народамъ, отъ которыхъ мы ихъ слышали, хотя, само-собою разумѣется; многія изъ этихъ пословицъ общи, быть можетъ, нѣсколькимъ народамъ.

Абхазцы: мало говори, много дѣлай.

Рыба говорила бы, да ротъ воды полонъ.

Чеченцы: сказанное при паханьѣ, при молотьбѣ отыщется.

Не сдѣлавъ обруча изъ хворостины, не сдѣлаешь его изъ палки.

Въ чужомъ тѣлѣ стрѣла какъ бы въ деревѣ, т. е. чужой болѣзни не понимаемъ.

Арба зайца догнала. Тотъ-же смыслъ, что въ баснѣ о зайцѣ и черепахѣ.

Безъ тучь нѣтъ дождя, безъ горя нѣтъ слезъ.

Аварцы: что не сѣяно весною, то не явится зимою.

Ветхая тряпка, да шелковая. Говорятся о людяхъ знатнаго происхожденія, впавшихъ въ бѣдность.

Нуцалъ куда-бы ни пошелъ, найдетъ миръ; бѣднякъ, хотя бы на миръ пошелъ, найдетъ трудъ. Нуцалъ — титулъ бывшихъ аварскихъ хановъ.

Честному человѣку свѣтъ—могила.

При хозяинѣ и кошка одолѣваетъ собаку, т. е. у себя дома, при помощи своихъ.

Держись большей дороги и отцовскихъ друзей.

Хорошо слово короткое, а веревка длинная.

У счастливца и оселъ рожаетъ, какъ ослица.

Не попадай тѣло на лекарство, не попадай домъ на чужую милость. Худо тѣлу, нуждающемуся въ лекарствѣ, худо семейству, нуждающемуся въ чужой милости.

Кто дня не видалъ, тотъ днемъ свѣчу зажигаетъ. Говорится о людяхъ, внезапно разбогатѣвшихъ и не умѣющихъ еще распоряжаться своимъ богатствомъ.

На ворѣ одинъ грѣхъ, на обворованномъ десять. Досада, подозрѣніе, мщеніе вовлекаютъ обворованнаго въ грѣхи.

У того, кто подучаетъ, ротъ не рвется, — у того, кто прыгаетъ, нога ломается. Опасность не для совѣтчика, а для того, кто слѣдуетъ совѣту.

Безъ нужды лающая собака скоро старѣется.

Не вѣрю, мельникъ, твоимъ пыльнымъ усамъ! Мельникъ считается за колдуна или вообще за человѣка лукаваго.

Ты какъ мельникъ съ прорванной канавой, т. е. не знаешь, что дѣлать.

Отъ собаки щенокъ, отъ овцы ягненокъ.

На косогорѣ лужа не установляется, т. е. мотъ богатства не сбережетъ.

Разсыпь хоть мѣру, курица будетъ копаться, т. е. искать зеренъ.

Въ ротъ падай красное яблоко! Que les alouettes tombent toutes rôties dans le bouche!

Ближнее сосѣдство лучше дальняго родства.

Ослу битье, лошади ѣзда.

Лаки: слушай не говорящаго, а то, что говорится.

На чужую лошадь кто сѣлъ, скоро спѣшится.

Надъ человѣческимъ трудомъ Божье благословеніе.

Мельница работаетъ не на протекшей водѣ.

Мертвому лекарство—похороны.

Здоровая голова себѣ папаху добудетъ.

Собака на луну мечется, луна на-земь не падаетъ.

Восковымъ топоромъ дерева не срубишь.

Кто вѣсти собираетъ, вѣсти разноситъ.

Были-бы у тебя крылья, ты бы полетѣлъ.

Если много, то и медъ горькимъ становится.

И на рукѣ пальцы не равны.

Если много пастуховъ, то бараны дохнутъ.

Языкомъ сдѣланная рана не заживаетъ.

Акушинцы: быстрая вода до моря не доходитъ.

Рубашка ближе шубы, тѣло ближе рубашки.

Отодвинутая головня не сгораетъ.

Держи ротъ, сбережешь голову.

Смирная кошка большой кусокъ сала съѣдаетъ.

Малый топоръ большое дерево рубитъ.

Старый быкъ глубокую борозду проводитъ.

Будешь сладокъ людямъ, — проглотятъ; будешь горекъ, — выплюнутъ.

Надѣвай бурку не послѣ дождя.

Овъ рѣжитъ шубу, дѣлаетъ шапку.

На хваленой пашнѣ сорная трава выросла.

Слово слово найдетъ, туча траву найдетъ.

Хорошъ старый другъ, хороша новая шуба.

Голова умретъ и хвостъ умретъ.

Пущенная стрѣла не воротится.

Сдѣлалъ я собакѣ сапогъ, она сожрала его.

Смирную овцу трижды доятъ.

Кто спитъ весною, плачетъ зимою.

Въ полдень пропадающій ночью приходитъ.

Кюринцы: кто соль ѣлъ, будетъ воду пить.

Палка въ рукѣ кажется сучковатою, т. е. намъ не нравится то, чѣмъ мы владѣемъ.

Бросать не умѣющій большой камень беретъ.

Собака лаетъ, караванъ идетъ.

При добромъ сосѣдѣ и слѣпую дочь за-мужъ выдаютъ, т. е. сосѣди сплетнями часто вредятъ домашнимъ дѣламъ, а при добромъ сосѣдѣ можно пристроить даже и слѣпую дочь.

Насиліемъ обогатѣвшій домъ проклятіемъ разрушается.

Кабы у кошки были крылья, воробьи бы истребились.

Выпрями шею у верблюда, весь онъ выпрямится.

На чужой лошади ѣдущій въ грязи очутится.

Кто ада не видалъ, тому и рай не полюбится.

Не изъ всякаго камыша сахаръ добывается.

Колесо на своей оси вертится.

Въ одной рукѣ двухъ арбузовъ не удержишь.

Изъ ястребинаго гнѣзда ястребъ выйдетъ.

Мерина легче держать, чѣмъ жеребца.

Изъ невымолоченнаго риса плова не сваришь.

Здоровому буйволу и гнилой саманъ не по чемъ.

Собака передъ смертію хозяйскіе чевяки воруетъ.

Если пастухъ захочетъ, то и отъ козла сыръ добудетъ.

Развѣ не вечеръ по тому, что стадо не возвращается, т. е. не вечеръ ждетъ стада.

Солнца-ли вина, что летучая мышь въ полдень не видитъ?

Черная шерсть отъ мытья не побѣлѣетъ.

Если изъ трубы дымъ прямо идетъ, —не бѣда, что труба крива.

Въ этихъ примѣрахъ разграниченіе между поговорками и пословицами не точно соблюдено. Впрочемъ, увѣренъ, что читатель желаетъ ознакомиться съ дѣломъ и не станетъ привязываться ко мнѣ ради пустыхъ разграниченій, которыя онъ самъ можетъ исправить, если ему есть на то время и охота.

Басня или *притча* можетъ имѣть для насъ значеніе, только благодаря высоко-художественному изложенію. Для горцевъ, какъ и вообще для всѣхъ младенчествующихъ народовъ, басня имѣетъ болѣе обширное значеніе. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Титъ-Ливія, какъ плебеяне ушли изъ Рима, какъ ораторы тщетно уговаривали ихъ возвратиться домой, какъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ воротить ихъ, разказавъ басню о членахъ и тѣлѣ. Разсказъ Титъ-Ливія, по всей вѣроятности, есть также въ свою очередь басня, но онъ разъясняетъ пользу, приносимую басней для того, чтобы толпа усвоила себѣ ту или другую сторону вопроса. Въ тридцатыхъ годахъ, когда мюридизмъ еще только развивался, въ аулахъ, на площадяхъ, происходили безконечныя пренія о томъ, пустить-ли къ себѣ мюридовъ или нѣтъ. И pro и contra сказать можно было много, горцы-же неутомимые говоруны. При такомъ случаѣ, оппозиціонный ораторъ, съ большими шансами на успѣхъ, могъ разсказать толпѣ слѣдующую басню:

„Однажды вѣтеръ сказалъ сараю: о сарай, отвори двери, я въ тебя всыплю кое-что. Глупый сарай, повѣривъ вѣтру, отворилъ двери. Вѣтеръ не только ни откуда ничего не принесъ, но и все находившееся въ сараѣ охвативъ, унесъ. Подъ вечеръ хозяинъ пришелъ взять топливо и, не найдя ничего въ сараѣ, сломалъ его и, потомъ

окоп, какъ двери, такъ и полѣна. Такъ сарай и остался разрушеннымъ."

Эта басня, быть можетъ, потребуетъ объясненій для читателя, незнакомаго съ горскимъ бытомъ. Дѣло идетъ о сараѣ, въ которомъ хранится саманъ, т. е. мякина, употребляемая, между прочимъ, и въ топливо тамъ, гдѣ нѣтъ дровъ. Таковые сараи устраиваются обыкновенно изъ сыраго кирпича; дерево идетъ только на двери и потолокъ, который складывается изъ полѣнъ.

Басня эта буквально переведена съ лакскаго, не не знаю, была-ли она дѣйствительно разсказана при предположенныхъ мною обстоятельствахъ. Горскихъ басенъ могъ-бы я привести нѣсколько десятковъ; каждая изъ нихъ, сказанная кстати, быть можетъ, произвела когда-то большой эфектъ, но, для насъ съ читателемъ, эти басни представляютъ лишь сухія нравоученія, облеченныя въ весьма-незамысловатыя формы. Нравоученія надоѣли намъ и дома; мы не пойдемъ за ними къ горцамъ.

Другое дѣло басни или сказки, созданныя свободною народною фантазіей безъ всякой предположенной цѣли. Въ нихъ дѣйствующія лица звѣри; въ этомъ звѣриномъ мірѣ жизнь идетъ шибко: горе, радость, дружба, вражда, любостяжаніе, хитрость, коварство, убійство и пр. и пр. Этотъ тревожный міръ возбуждаетъ участіе, но въ совокупности производитъ впечатлѣніе въ высшей степени спокойное; то, чего не можемъ мы простить людямъ, прощаемъ охотно звѣрямъ. Это буря, которую фокусникъ устроиваетъ въ стаканѣ воды; это изверженіе Везувія, приготовленное на тарелкѣ. Таковая литература существуетъ или существовала у всѣхъ народовъ; ея произведенія теперь тщательно собираются, какъ собираются топоры каменнаго періода. Таковой литературы не забываютъ наши нянюшки и мамушки, разсказывающія *на сонъ грядущій*, какъ волкъ подбирался къ овечкамъ, какъ лиса кралась къ курочкамъ. По воспоминаніямъ дѣтства, всѣ мы крайне-снисходительны къ этимъ разсказамъ.

Перескажу двѣ сказки, переведенныя съ кюринскаго. Въ обѣихъ главныя дѣйствующія лица—лисица и волкъ. Волкъ—гор-

скій герой,—какъ мы объяснили выше,—кругомъ одураченъ лисицей.

Лисица нашла книгу. Въ то время, какъ она сидѣла, раскрывъ ее, увидѣлъ ее волкъ и спросилъ; ,,что это у тебя передъ глазами?''—Лисица отвѣтила: ,,это моя книга.''—,,Развѣ ты умѣешь читать?''—,,Что за вопросъ? у меня сорокъ учениковъ, и вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я даю уроки.'' — ,,Если такъ, сказалъ волкъ, то желательно, чтобы ты моихъ дѣтей учила.'' — ,,Очень хорошо.''—Волкъ привелъ дѣтей и поручилъ ихъ лисицѣ. Спросилъ онъ ее: ,,что-же теперь тебѣ угодно?''—Лисица отвѣтила: ,,угодно мнѣ лишь то, чтобы ты былъ здоровъ, но, чтобы сдѣлать шубы твоимъ дѣтямъ, потребно нѣсколько бараньихъ шкурокъ.'' Волкъ подумалъ, что, если принести одне шкуры, то стыдно будетъ, и привелъ въ домъ лисицы тридцать барашковъ. Лисица сказала ему: ,,теперь до весны тебѣ не за-чѣмъ приходить.'' Волкъ пошелъ домой совершенно-спокойный, а лисица сначала съѣла волчатъ и, потомъ, каждый день начала ѣсть по барашку. Когда наступила весна, то волкъ пошелъ въ домъ лисицы, чтобы провѣдать дѣтей. Спросилъ онъ: ,,гдѣ мои дѣти?''—Лисица сказала: ,,сегодня джума, ученики пошли гулять и твои дѣти съ ними; сегодня ты дѣтей своихъ не увидишь, а приходи видѣть ихъ завтра.'' Когда волкъ ушелъ, то лисица догадалась, что будетъ ей худо. Ушла она съ прежняго мѣста и поселилась на мельницѣ. На другой день волкъ пришелъ въ домъ лисицы и, сколько ни смотрѣлъ, въ домѣ ни души не осталось. Догадался онъ, что лисица обманула его, разгнѣвался, пустился отыскивать. Нашелъ онъ ее на мельницѣ и лишь только бросился на нее, какъ она ему сказала: ,,эй, братъ, за что тебѣ меня убивать, въ чемъ я виновата?''—Волкъ сказалъ: ,,гдѣ дѣти мои, которыя были у тебя?''—,,Какія дѣти?''—,,Развѣ не привелъ я къ тебѣ дѣтей за-тѣмъ, чтобы ты учила ихъ?''—,,Ахъ, гдѣ мнѣ учить и кто я такая? И предки мои работали на этой мельницѣ, и отецъ мой на ней умеръ, и я уже двадцать лѣтъ, какъ при ней нахожусь.''—,,Если правда, то научи меня мельничеству.'' — ,,Положи голову подъ жерновъ, и я тебѣ объясню все устройство мельницы.'' Волкъ подложилъ голову подъ жерновъ, а лисица пошла за мельницу и пустила воду. Едва лишь мельница завертѣлась, какъ вся шкура

сорвалась съ головы волка. Лисица убѣжала на холмъ и стала тамъ плести кошелки. Волкъ, выбравшись изъ мельницы, бросилъ туда, сюда; посмотрѣлъ, увидѣлъ лисицу на холмѣ. Въ то время, какъ онъ бросился на нее, лисица ему сказала: эй, душа-братъ, за что меня убивать, въ чемъ моя вина?—Бездѣльница, не довольно того, что ты съѣла моихъ дѣтей, подложила еще голову мою подъ мельницу, и теперь не думаешь-ли ты обмануть меня?—Лисица сказала: ей Богу, братъ, я не та; моихъ предковъ ремесло было плесть кошелки на этомъ холмѣ. Волкъ этому повѣрилъ. Сказалъ онъ ей: если такъ, то прошу тебя, научи меня плести кошелки. Лисица отвѣтила: влѣзь въ середину кошелки, я буду плести, а ты наблюдай. Волкъ влѣзъ въ кошелку, лисица плела; лишь только доплела, какъ завязала оба конца кошелки и покатила ее внизъ по скату. У подошвы ската были пастухи барановъ. Лисица закричала: „Эй, пастухи, въ кошелкѣ вашъ врагъ, пожирающій вашихъ барановъ.“ Пастухи, увидѣвъ, что въ кошелкѣ волкъ, убили его до смерти.

Вотъ и другая сказка о лисицѣ.

Однажды шелъ верблюдъ на зимовище, чтобы тамъ кориться; встрѣтилась ему лисица, которая его спросила: „Эй верблюдъ, куда идешь ты?“—„Иду на зимовище кориться.“—„Возьми меня въ товарищи.“—„Пожалуй.“—Лисица влѣзла на спину верблюда; дорогою встрѣтился имъ волкъ. Волкъ спросилъ: „вы куда идете?“ — „Идемъ на зимовище кориться.“ — „Возьмите меня въ товарищи.“—„Пожалуй.“—Волкъ влѣзъ на верблюда; дорогою встрѣтился имъ медвѣдь. Медвѣдь спросилъ: „вы куда идете?“—„Идемъ на зимовище кориться.“—„Возьмите меня въ товарищи.“ — „Пожалуй.“ — Медвѣдь влѣзъ на-верхъ верблюда и пошли они далѣе. На зимовище остановились они въ укрытой долинѣ, пріискавъ заповѣдное мѣсто. Однажды лисица сказала волку и медвѣдю: „давай-ка, убьемъ верблюда.“ — „Не съ ума-ли ты сошла, что-ли? гдѣ намъ убить верблюда, который въ столько разъ больше насъ?“—Лисица возразила: „если вы мнѣ поможете, то уже я распоряжусь.“—„Пожалуй, мы тебѣ поможемъ.“ Разъ, когда они всѣ вмѣстѣ сидѣли ночью, лисица сказала верблюду: „Эй, братъ верблюдъ, съ сегодняшняго дня наступитъ зима, для тебя на зиму нѣтъ ни сѣна, ни ячменя; не должно, чтобы ты только стоялъ, да смотрѣлъ; слѣдуетъ, чтобы ты о себѣ позаботился; я слышала отъ муллъ, что наступающая зима

будетъ очень суровая.“ Верблюдъ сказалъ: „ей Богу, сестра, ермени у меня нѣтъ и не знаю, что мнѣ сдѣлать.“—„Мнѣ пришло нѣчто на мысль, не знаю, что ты на это скажешь.“—Скажи, посмотримъ, что тебѣ пришло на мысль.“ — „Мнѣ пришло на мысль, чтобы мы тебя зарѣзали; за это дадимъ тебѣ ячменя въ будущемъ году; ты на нынѣшнюю зиму выйдешь изъ затрудненія, а на будущую будетъ у тебя ячмень для пропитанія.“—„Ей-Богу, сестра, это прекрасная мысль.“ — На другой день верблюдъ повалился и легъ; остальные зарѣзали его, ободрали и разрѣзали на куски. Окончивъ все это, волкъ сказалъ лисицѣ и медвѣдю: „ступайте, обмойте верблюжьи кишки, требуху, печенку, легкое и, потомъ, возвратитесь.“ Пошли они на ручей и, пока мыли, лисица сказала: „любезный братецъ, медвѣдь, съѣдимъ кое-что изъ этого.“—Медвѣдь возразилъ: „все это сосчитано волкомъ и, когда окажется недостача, то что намъ ему отвѣтить?“ Лисица сказала: „когда волкъ тебя объ этомъ спроситъ, то ты посмотри на меня, и я ему отвѣчу.“—„Если такъ, то пусть будетъ по твоему, сестра.“ Съѣли они сердце и нѣсколько кишокъ. Только что возвратились они домой, какъ волкъ увидѣлъ, что сердца нѣтъ. Спросилъ онъ: „гдѣ сердце?“—Лисица отвѣтила: „если бы было у верблюда сердце, то позволилъ-ли бы онъ себя зарѣзать?“ Волкъ пересчиталъ кишки, и въ нихъ недочетъ оказался. Спросилъ онъ: „гдѣ кишки?“ Едва сказалъ онъ это, какъ медвѣдь повернулся къ лисицѣ и посмотрѣлъ на нее. Лисица сказала: „когда ты ѣлъ, то смотрѣлъ-ли на меня?“ При этихъ словахъ, волкъ бросился на медвѣдя, а медвѣдь пустился бѣжать. Пока одинъ бѣжалъ за другимъ, лисица перетащила въ свою нору все мясо. Волкъ, когда воротился, то увидѣлъ, что отъ зарѣзаннаго верблюда не осталось болѣе мяса. Спросилъ онъ: „эй, лисица, гдѣ мясо?“—„Какое мясо?“—„Любезная, развѣ мы здѣсь не зарѣзали верблюда?“—„Какого верблюда? ты бредишь, что-ли?“ Волкъ разсердился и бросился за лисицей, которая убѣжала въ свою нору. Волкъ за нею, и лишь только полѣзъ въ нору, какъ завязъ въ ней. Отъ торопливости не могъ онъ высвободиться. У лисицы для выхода была другая дорога. Этой дорогой вышла она и, придя, начала сзади ѣсть волка. Волкъ спросилъ: „что ты дѣлаешь?“—„Долгое время была я безъ мяса, мяса хочется мнѣ, и вотъ теперь я кушаю.“ Волкъ сказалъ: „у меня спереди есть жирные куски, придя и ѣшь спереди.“ Лисица

отвѣчала: ,,объ этомъ не заботься, я тука доберусь я: зимы еще много остается.''

Въ этой сказкѣ верблюдъ играетъ черезъ-чуръ глупую роль, но это потому, что, вѣроятно, кюринцами пропущена одна лисья хитрость, которая объясняется въ слѣдующей акушинской сказкѣ:

Медвѣдь, волкъ и лисица жили вмѣстѣ. Когда выпалъ глубокій снѣгъ, то они проголодались. Медвѣдь отправился кормиться древесными гнилушками, а лисица сказала волку: ,,давай-ка, съѣдимъ медвѣдя.'' Волкъ отвѣтилъ: ,,если только медвѣдь услышитъ то, что ты сказала, то съѣстъ насъ обоихъ.'' Лисица сказала: ,,если только ты будешь поступать по сказанному мною, то мы обманемъ медвѣдя и съѣдимъ его; ты теперь ложись, какъ бы мертвый, а, когда кинемъ тебя въ воду, то притворись ожившимъ.'' Легъ волкъ. Медвѣдь, возвратясь, увидѣлъ, что волкъ умеръ. Заплакалъ медвѣдь и сказалъ: ,,нашъ добрый другъ умеръ.'' Лисица сказала медвѣдю: ,,не плачь; мнѣ извѣстна вода, которая оживляетъ мертваго.'' Вдвоемъ унесли они волка, бросили въ воду, и онъ ожилъ. Лисица сказала медвѣдю: ,,позволь себя съѣсть, за то мы осенью дадимъ тебѣ двадцать пять овецъ, а когда бросимъ тебя въ эту воду, то и ты оживешь.'' Медвѣдь согласился, и лисица съ волкомъ съѣли его.

Какъ я сказалъ выше, человѣкъ, если и встрѣчается въ этомъ звѣриномъ мірѣ, то вообще играетъ въ немъ весьма незавидную роль. Звѣри упрекаютъ его въ несправедливости, насильствахъ и жестокости; умомъ-же онъ значительно уступаетъ лисицѣ.

До *анекдотовъ* горцы большіе охотники: можно записать множество ходячихъ анекдотовъ, которые, впрочемъ, не относятся ни къ какому извѣстному лицу, ни къ мѣсту, ни къ эпохѣ. Достаточно привести одинъ изъ нихъ, заимствованный у аварцовъ.

Земледѣлецъ и мѣдникъ поспорили между собою, въ присутствіи множества людей, о томъ, кто лучше солжетъ. Сначала, подумавъ хорошенько, сказалъ земледѣлецъ: ,,на засѣянномъ мною полѣ выросла маркомина, которую не иначе, какъ десять человѣкъ въ си-

лихъ были поднять и положить на арбу,—такъ велика была она!“— Внимательно выслушавъ его, сказалъ въ свою очередь мѣдникъ: „сдѣланъ былъ мною котелъ, который вскипятить не иначе можно, какъ подложивъ двадцать арбъ дровъ.“—„Эй! сказалъ земледѣлецъ, позабывъ, что оба они умышленно лгутъ: къ чему тебѣ понадобился, любезный, такой большой котелъ?“ — „Къ чему понадобился, пріятель, возразилъ мѣдникъ, посмотрѣвъ ему въ лицо, — а къ тому, чтобы сварить морковину, выросшую на твоемъ полѣ.“ Присутствующіе расхохотались, а земледѣлецъ остался съ разинутымъ ртомъ.

Самое популярное лицо на цѣломъ Восточномъ Кавказѣ, начиная отъ Чечни и до Закавказья, это мулла Насръ-Эддинъ. Назовите его любому горцу, — онъ разсмѣется и, пожалуй, тотчасъ же разскажетъ вамъ о немъ нѣсколько анекдотовъ. Мулла Насръ-Эддинъ извѣстенъ не на одномъ Кавказѣ, но горцамъ онъ преимущественно пришелся по вкусу; они пріютили его у себя съ особою любовью. Весьма-странно происхожденіе этой знаменитости. Разсказываютъ, что, во времена Халифа Гарунъ-аръ-Рашида, жилъ отличный ученый этого имени. Ученіе, которому онъ слѣдовалъ или которое проповѣдывалъ, подверглось гоненіямъ, и онъ, чтобы спасти свою голову, притворился юродивымъ. Преданіе преобразило этого юродиваго ученаго въ шута. На турецкомъ языкѣ есть книга, заключающая въ себѣ сборникъ забавныхъ анекдотовъ о муллѣ Насръ-Эддинѣ. Этой книги я не читалъ, и не могу рѣшить, что собственно заимствовали изъ нея горцы и что добавили своего. Ученый мулла изображается неутомимымъ проказникомъ, который смѣется надъ всѣми и надъ всѣмъ, изрѣдка остроумно, иногда-же совершенно-непозволительно. Отъ этихъ проказъ всего болѣе терпитъ онъ самъ, потому-что его колотятъ на каждомъ шагу, но онъ не унимается. Вотъ, для примѣра, акушинскій разсказъ о немъ:

Мулла Насръ-Эддинъ, путешествуя, встрѣтилъ дорогою нѣсколько людей, копавшихъ могилу. „Миръ съ вами, благословеніе да дастся вамъ,“ сказалъ онъ имъ. Копавшіе могилу, разсердясь, схватили, кто лопату, кто кирку, и приколотили муллу Насръ-Эддина. Послѣд-

ній, вспугавшись, спросилъ: ,,что я вамъ сдѣлалъ, за что вы меня колотите?'' Копавшіе могилу отвѣтили: ,,встрѣтивъ насъ, слѣдуетъ поднять руки и прочитать за упокой.''—,,Сказанное мнѣ наставленіе буду я помнить,''сказалъ мулла Насръ-Эддинъ и пошелъ далѣе. Увидѣлъ онъ нѣсколько людей, которые съ великимъ веселіемъ плясали, ударяя въ барабанъ и играя на зурнѣ. Мулла Насръ-Эддинъ, дойдя до этихъ людей, находившихся на свадьбѣ, поднялъ руки и прочиталъ за упокой. Люди, находившіеся на свадебномъ пиру, отколотили муллу Насръ-Эддина и сказали ему: ,,бездѣльникъ, развѣ ты не видишь, что княжескій сынъ женится и здѣсь свадьба? При такомъ случаѣ, слѣдуетъ, взявъ шапку подъ мышку, прыгать и плясать.'' — Мулла Насръ-Эддинъ, сказавъ: хорошо, пошелъ далѣе. Вдругъ, неожиданно, увидѣлъ онъ охотника, который цѣлился въ зайца. При этомъ случаѣ, мулла Насръ-Эддинъ, взявъ шапку подъ мышку, началъ плясать, скакать и заставилъ убѣжать зайца. Охотникъ, разсердясь, далъ нѣсколько пинковъ ружьемъ муллѣ Насръ-Эддину. ,,Что же хочешь ты, чтобы я сдѣлалъ?'' спросилъ его мулла Насръ-Эддинъ.—,,При такомъ случаѣ слѣдуетъ, снявъ шапку, то наклоняясь, то приподнимаясь, ходить,'' сказалъ охотникъ.—,,И это на слѣдующій разъ наставленіе,'' сказалъ мулла Насръ-Эддинъ и пошелъ далѣе. Пройдя нѣсколько, встрѣтилъ онъ овецъ, которыхъ пасли пастухи. По-направленію къ нимъ пошелъ онъ, то наклоняясь, то приподнимаясь, и такъ-какъ этимъ вспугнулъ овецъ, то и тутъ пастухи его отколотили. Не было бѣды, которая бы не постигла бѣднаго муллы Насръ-Эддина за дурныя шутки его.

Мы обратили особое вниманіе на этотъ акушинскій разсказъ собственно по тому, что онъ представляетъ замѣчательное сближеніе съ русской простонародной сказкой *о набитомъ дуракѣ*, записанной г. Аѳанасьевымъ. Жалѣемъ, что не можемъ повторить ее здѣсь.

Горскія *сказки*,—по крайней мѣрѣ, сколько онѣ намъ извѣстны,—заключаютъ въ себѣ мало оригинальнаго по содержанію. Въ разрозненныхъ чертахъ часто представляютъ онѣ такое изумительное сходство съ русскими, что невольно приходитъ мысль о заимствованіи. Но, конечно, ни мы не заимствовали у горцевъ, ни они у насъ. По всей вѣроятности, какъ мы, такъ и они, поза-

ществовали большую часть сказокъ у общихъ сосѣдей нашихъ тюрко-монголовъ. Такимъ предположеніемъ сходство легко объясняется. Но это общее содержаніе, какъ мы, такъ и горцы, переработали по-своему. По-этому сходство проявляется, но никогда не поддерживается. Въ тюрко-монгольскую основу горцы вводятъ чисто-кавказскіе элементы. Въ большей части сказокъ дѣйствуютъ великаны—*Нарты:* названіе, распространенное по цѣлому Кавказу, но необъясняемое ни на одномъ изъ горскихъ языковъ. Въ Дагестанѣ Нарты служатъ общимъ названіемъ для обозначенія великановъ, иногда добрыхъ, чаще злыхъ, но всегда безъименныхъ, подобно тому, какъ и у насъ въ сказкахъ безъименныя добрыя и злыя волшебницы вмѣшиваются въ людскія дѣла. Напротивъ, у осетинъ и у кабардинцевъ, въ самомъ центрѣ Кавказа, Нарты сами служатъ героями пѣсенъ и сказокъ; каждый Нартъ не только названъ по-имени, но извѣстна и родословная его. Пѣсни и сказки, наружно-разрозненныя, но имѣющія между собою тѣсную связь, образуютъ въ совокупности цѣлую эпическую поэму, которой въ близкомъ будущемъ предстоитъ или быть забытой безвозвратно или—кто знаетъ? явиться передъ образованнымъ міромъ на ряду съ великими національными поэмами, которыхъ знаменитый англо-германскій филологъ Максъ-Миллеръ насчитываетъ пять: Іоническія пѣсни (Иліада и Одиссея), Махабхарата, Шахъ-Наме, Нибелунги и Калевала. Предлагаемыя въ вашей статьѣ замѣтки не касаются ни до Осетіи, ни до Кабарды; въ Дагестанѣ-же, какъ я сказалъ, Нарты служатъ синонимами *великановъ*, въ самомъ общемъ значеніи и ничего болѣе. Всю жизнь свою проводятъ они или въ спаньѣ, спятъ по цѣлой недѣлѣ,—или на охотѣ. Когда бродятъ по лѣсамъ, то слѣды ихъ шириною въ локоть, длиною въ три, глубиною локоть въ землю. Чтобы привязывать дичь, на плечѣ каждый носитъ по вырванному съ корнемъ чинару. Когда хотятъ напиться, то передъ ними ставится кувшинъ браги, величиною съ домъ. Какъ я полагаю, у западныхъ сосѣдей своихъ, Дагестанцы позаимствовали и *Заячьяго всадника.* Это нашъ *мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ.* Въ бородѣ у него непомѣрная сила; выдернувъ волосъ изъ бороды, онъ по-

жетъ связать любаго силача также легко, какъ-бы спеленать ребенка. Разъѣзжаетъ обыкновенно верхомъ на зайцѣ. У адыговъ, сколько я могу себѣ припомнить, эти всадники называются *Сипуни*, т. е. обрѣзки, стружки. На восточномъ берегу Чернаго моря встрѣчаются памятники, относящіеся къ неизвѣстной эпохѣ. Они составлены изъ четырехъ огромныхъ плитообразныхъ камней, поставленныхъ стоймя въ видѣ правильнаго четыреугольника; пятая плита образуетъ крышу. Въ одной изъ боковыхъ плитъ обыкновенно продѣлано отверстіе, которое едва достаточно для того, чтобы просунуть въ него руку. Эти памятники представляютъ подобіе домовъ, на постройку которыхъ потребна сила великана, но входъ въ нихъ годенъ для карликовъ. Адыги разсказываютъ, что и *Нарты* и *Сипуни* *) жили вмѣстѣ; Нарты были сильны; Сипуни были злы, коварны, но умны; Сипуни заставляли Нартовъ строить для нихъ дома.

Но въ дагестанскихъ сказкахъ, Заячьи всадники появляются въ видѣ пріѣзжихъ изъ чужой стороны, подобно тому, какъ и въ нашихъ русскихъ, Царь-Салтанъ, очевидно, басурманъ, а Вовa-Королевичъ—нѣмецъ или влохъ.

Картъ,—огромная женщина людоѣдка. Въ сказкахъ она изображается трудолюбивой хозяйкой, матерью нѣсколькихъ дочерей — людоѣдокъ, которыхъ нѣжно любитъ. Не объясняется, кто супругъ этой почтенной дамы; о немъ сказки умалчиваютъ. Не смотря на созвучіе Нартъ и Картъ, между этими существами не замѣтно никакого соотношенія. Нарты обыкновенно пріискиваютъ себѣ невѣстъ между хорошенькими дочерями простыхъ смертныхъ и не обнаруживаютъ никакой склонности къ людоѣдкамъ. Въ сказкахъ упоминается о чрезвычайной боязни, которую внушаетъ Карту *мостъ изъ золы*. Что это за мостъ и почему Картъ его такъ боится,—мнѣ никто не могъ объяснить.

Самое обыкновенное содержаніе сказокъ заключается въ томъ, что множество юношей добиваются руки прекрасной царевны, ко-

*) Еще разъ замѣчу, что я пишу это названіе на память и, быть можетъ, невѣрно.

торая часто называется дочерью западнаго царя. Тутъ возникаетъ состязаніе; достанется она тому, кто совершитъ требуемый подвигъ. Должно или перескочить на конѣ черезъ высокую башню,—или побороть сану царевну, а она во время борьбы обнажаетъ грудь свою и тогда бороться съ нею уже никто не въ силѣ,—или отыскать за тридевятью землями разрозненную туфлю,—или самому спрятаться такъ, чтобы царевна не могла отыскать и т. п. Кто не совершитъ подвига, тому рубятъ голову; царевна живетъ въ серебряномъ дворцѣ, окруженномъ стальнымъ частоколомъ, на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Являются на состязаніе многіе и, наконецъ, *три брата*, точно также, какъ и въ русскихъ сказкахъ, *два умныхъ*, *третій дуракъ*. У горцевъ *третій*, не то, чтобы былъ совсѣмъ дуракъ, но въ загонѣ, въ презрѣніи у старшихъ. Подобно тому, какъ и въ русскихъ сказкахъ, торжествуетъ въ концѣ концовъ всегда *третій* братъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что смиреніе или *приниженіе своей личности* вовсе не въ характерѣ горцевъ, которые большею частію весьма-заносчивы. Старшіе братья завидуютъ и строятъ козни меньшому; меньшой прощаетъ имъ великодушно. Но успѣхъ меньшаго брата или вообще побѣдителя основанъ на томъ, что ему удалось вступить въ сношенія съ фантастическимъ чудеснымъ міромъ. Сначала отправился онъ въ неимовѣрно-дальнюю дорогу: „ѣхалъ онъ, ѣхалъ, ѣхалъ много, ѣхалъ мало, ѣхалъ ночью, ѣхалъ днемъ, нашу гору миновалъ, чужую гору миновалъ, сорочью, галкину гору миновалъ, густые лѣса проѣхалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, *прибылъ*...„ и ему достался бѣлоснѣжный морской конь, который вслѣдъ за солнцемъ выбѣгаетъ на берегъ моря, въ одинъ мигъ трижды обѣгаетъ кругомъ землю и, потомъ, снова скрывается въ морѣ; ему достался *мечъ-алмасъ*, которымъ срубаетъ онъ разомъ девять головъ и восемнадцать ушей у чернаго змѣя въ то время, какъ змѣй этотъ ползъ, чтобы пожрать птенцовъ орлицы, которая живетъ въ чинаровомъ лѣсу. Каждый изъ этихъ крошечныхъ птенцовъ величиною съ быка. Летитъ орлица, словно туча движется; колышатся лѣса и горы. Птенцы-быки прочирикали маменькѣ объ услугѣ, оказанной молодцомъ. Въ отплату, орлица вызывается

сослужить молодцу службу, какую онъ закажетъ,—а молодцу какъ разъ приходится возвращаться изъ подземнаго міра въ верхній солнечный. Садится онъ на орлицу; въ запасъ для нея кладетъ на одно крыло мясо пятидесяти буйволовъ, на другое крыло пятдесятъ буйволиныхъ бурдюковъ съ водою. Летитъ орлица нѣсколько часовъ, но запасъ уже весь истощился. Чтобы подкрѣпить орлицу, молодецъ отрѣзываетъ отъ своей лядвеи кусокъ мяса, но... вотъ уже и верхній солнечный міръ!"

При такихъ пособницахъ успѣть не мудрено, хотя бы и кругому дураку. Горскія сказки также, какъ и русскія, кончаются обыкновенно свадьбой, иногда даже свадьбами, потому-что случается, что царевичъ придерживается мусульманскаго многоженства. Вмѣсто русской заключительной формулы: „я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало," — горцы говорятъ: „ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кежаную зурну, засвистѣли дудки, пыль подняли столбомъ; я медвѣжій танецъ проплясалъ, всѣ меня расхвалили. Ни днемъ, ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска въ ротъ не кладя, поспѣлъ я сюда, чтобы вамъ разсказать, какъ что было." Встрѣчается болѣе короткое заключеніе: „тутъ и сказкѣ конецъ; все это слышалъ я отъ сороки, а она мнѣ болѣе ничего не разсказала."

Вообще народныя сказки никогда не *записываются* такъ, какъ онѣ *сказываются*. Сказки записываются людьми грамотными, которые, будь они арабы или французы, монголы или русскіе,—слѣдуютъ нѣкоторымъ правиламъ, отъ которыхъ освободиться не могутъ. Они заботятся о томъ, какъ бы привлечь вниманіе читателя къ читаемому,—и интересъ читаемаго долженъ идти возрастая до конца. Но это діаметрально-противуположно назначенію сказки. Сказка сказывается на ночь, — для того, чтобы усыпить человѣка, — интересъ долженъ сглаживаться постепенно, пока не сольется съ сновидѣніемъ; въ противномъ случаѣ сказка помѣшаетъ заснуть слушателю. Все это инстинктивно поняли безграмотные сказочники. Сказочникъ съ самаго начала пріискиваетъ случай высказать все, что будетъ впереди; по мѣрѣ того, какъ высказанное осуществляется, онъ разсказываетъ его отчетливо, какъ бы забывъ,

что все это уже разъ было разсказано или предсказано. Предсказаніе будущаго ни на *іоту* не сокращаетъ разсказа о настоящемъ, но, сверхъ того, если напр. какому-нибудь царевичу приведется разсказать кому-нибудь все то, что уже съ нимъ случилось и что уже дважды извѣстно дремлющему слушателю, то сказочникъ весьма-совѣстливо, безъ малѣйшаго пропуска, перенесетъ разсказъ свой въ прошедшее время. Это смѣшеніе временъ составляетъ, какъ всѣ мы знаемъ, по собственному опыту, необходимый элементъ усыпленія. Царевичъ, потомъ, то проваливается въ подземный міръ, то поднимается до облаковъ; въ сказку вводятъ эпизоды, вовсе не идущіе къ дѣлу и даже ни къ чему не ведущіе; въ сказкѣ обнаруживаются вопіющія несообразности,— вопіющія для человѣка бодрствующаго. Но сказка не для него сказывается. Слушатель уже въ полусонномъ состояніи и перестаетъ чему-бы то ни было дивиться. Чѣмъ безсвязнѣе становится сказка, тѣмъ болѣе гармонируетъ она съ его сладкимъ усыпленіемъ. Если дослушалъ онъ сказку до конца, то она рѣшительно не достигла своей цѣли.

Прекращу этотъ анализъ усыпленія, потому-что мнѣ желательно удержать за собою *бодрствующее* вниманіе читателя еще на нѣсколько минутъ. Замѣчу только, что сказка въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно сказывается, рѣшительно невыносима въ чтеніи. Такимъ образомъ, и аварскія сказки, недавно напечатанныя въ Шурѣ, записаны, само собою разумѣется, *не стенографически*. Добросовѣстность заставляетъ меня сдѣлать это замѣчаніе, потому-что письменной горской литературы до-сихъ-поръ еще не существуетъ, и вообще все приводимое мною — почти буквальный переводъ съ записаннаго *стенографически* со словъ самихъ горцевъ.

Въ противуположность сказкамъ, *пѣсни* представляютъ совершенно-самостоятельное проявленіе горской поэзіи. Горцы обладаютъ обильнымъ запасомъ мелодій. Кто изъ создалъ? неизвѣстно. Проявляется-ли еще теперь эта творческая дѣятельность? также не могу сказать. Нѣтъ сомнѣнія, что мелодія и слова создавались первоначально однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Горскія мелодіи пред-

ставляютъ въ высшей степени интересное явленіе. Не думаю, чтобы нашелся европеецъ, который могъ-бы съ перваго разу освоиться съ ними. Но, чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе свыкаешься съ ихъ дикою прелестію. Конечно, всего труднѣе уложить ихъ въ знакомыя намъ музыкальныя формы, но, позволю себѣ сказать, что на высотахъ Гуниба готовится для музыкальнаго міра замѣчательное пріобрѣтеніе. Не смѣю сказать болѣе, опасаясь упрека въ нескромности. Здѣсь займусь исключительно словесной поэзіей, которую горцы нанизываютъ на свои загадочныя мелодіи. Механическая сторона чрезвычайно проста. Горцамъ неизвѣстны ни риема, ни тоническій размѣръ. У кюринцовъ употребительна риема, которую заимствовали они у сосѣдей своихъ татаръ. Вообще кюринцы болѣе другихъ дагестанскихъ горцевъ подверглись татарскому вліянію, и уже, конечно, не къ выгодѣ своей. Риемованныя кюринскія пѣсни представляютъ такія нелѣпости, что я даже не рѣшился записать ихъ; отыскиваю еще самостоятельныя произведенія кюринской поэзіи. Обращаюсь покуда къ аварцамъ, лакамъ и акушинцамъ. Стихотвореніе ихъ есть проза, разрубленная на 11 или на 7 слоговъ; у акушинцовъ мнѣ встрѣтилась одна лишь 7-ми сложная рубка. Чтобы подровнять число слоговъ, допускаются поэтическія вольности, отъ которыхъ страждетъ грамматика, но къ которымъ горцы вполнѣ привыкли. Очевидно, что эта крайняя незамысловатость стихосложенія открываетъ широкій просторъ поэтическимъ импровизаціямъ. Поэтъ выбираетъ ту или другую *рубку* для своей импровизаціи, подбираетъ къ ней ту или другую мелодію; на все это, конечно, требуется сноровка, но она пріобрѣтается легко,—гораздо легче даже, по условіямъ стихосложенія, чѣмъ сноровка итальянскихъ импровизаторовъ говорить стихами. Горскіе стихи, впрочемъ, никогда не говорятся, а только поются. Если импровизація была удачна, то она повторяется не разъ и, наконецъ, становится ходячею пѣснію, но къ ней не примѣнима русская пословица: *изъ пѣсни слова не выкинешь*. Каждый поющій или выкидываетъ что-нибудь изъ пѣсни или что-нибудь къ ней добавляетъ. Въ 1742-мъ году, Надиръ-Шахъ произвелъ вторженіе въ Дагестанъ и подъ Чокомъ потерпѣлъ сильнѣйшее пора-

женіе. Эта побѣда надъ завоевателемъ Индустана глубоко польстила самолюбію горцевъ; вѣроятно, на другой-же день послѣ побѣды, нашелся поэтъ, который воспѣлъ ее, и его пѣснь сохранилась до нашего времени. Предложите любимому изъ нынѣшнихъ дагестанскихъ пѣвцовъ пропѣть ее, и онъ ее вамъ пропоетъ, но сомнѣваюсь, отыщутся-ли два пѣвца, которые-бы пропѣли ея слова буквально-тожественно.

Крайняя безъискуственность горскаго стихосложенія не можетъ, впрочемъ, помрачать для насъ поэтическаго одушевленія, которымъ запечатлѣны многія горскія пѣсни. Уборы придаютъ блескъ красотѣ, но красавица остается красавицей даже въ рубищѣ.

Нѣтъ народа безъ пѣсенъ. Не знаю, вдохновляются-ли самоѣдскіе пѣвцы славолюбіемъ, воинственностію, но уже навѣрно вдохновляются они любовью. У горцевъ также любовь составляетъ повседневный источникъ вдохновенія. Нѣкоторыя изъ таковыхъ пѣсенъ замѣчательны по своей граціозности. Приведемъ для примѣра двѣ аварскія.

1. Выйди, мать, наружу, посмотрѣть на дево: изъ-подъ нагорнаго снѣга пробивается зеленая травка. Взойди, мать, на крышу, на самый край крыши: изъ-подъ льда ущелья весенній цвѣтокъ появляется.—Изъ-подъ нагорнаго снѣга зеленая травка не пробивается; тебѣ молоденькой травка привидѣлась. Изъ-подъ льда ущелья весенній цвѣтокъ не появляется; оттого, что влюблена ты, цвѣтокъ привидѣлся.

2. На высокой скалѣ сидящая, золотистая голубка,—что дать за то, чтобы отдалъ тебя гордый твой отецъ? Въ воздухѣ кружащаяся, небесная ласточка,—что дать за то, чтобы согласились гордые твои два брата? — Отецъ-то отдастъ меня,—что дашь за то, чтобы взять меня. Братья-то согласятся,—что дашь за то, чтобы я пошла за тебя?—Кабы былъ я турецкій султанъ, то посадилъ бы тебя на престолъ,—тебя на престолъ посадилъ бы, самъ предъ тобою сталъ бы. Кабы свѣтъ этотъ былъ мой, весь тебѣ отдалъ бы,—весь отдалъ бы, самъ рабомъ сталъ бы. Кабы рай и адъ мои были, рай отдалъ бы тебѣ, адъ оставилъ бы себѣ. Я не римскій государь, этотъ свѣтъ не мой, рай и адъ не мои. Что-же дать за тебя?

Счастливая любовь описывается у горцевъ черезъ-чуръ ярко; таковыя пѣсни не могутъ появиться въ печати. Цинизмъ заключается, впрочемъ, не въ самыхъ выраженіяхъ, а въ изображеніяхъ эротическихъ картинъ, которыя едва-едва прикрыты самыми прозрачными иносказаніями. Чѣмъ далѣе въ глубь Дагестана, тѣмъ вообще отношенія обоихъ половъ становятся свободнѣе, но теперь едва тѣнь осталась того, что, какъ разсказываютъ, происходило лѣтъ за пятдесятъ тому назадъ. Любовное горе изливается не въ тихихъ элегіяхъ; въ пѣснѣ выражается не скорбь, не унынiе, а всего чаще какое-то бѣсованіе. Покинутая любовница молитъ небо: „чтобы треснули всѣ семь земель и погребли ее подъ собою; чтобы загремѣли всѣ семь небесъ и хляби ихъ поглотили ее!“— „Если не сгорю отъ любви къ тебѣ, то и ада огонь не сожжетъ меня; если, любуясь тобою, не разстанусь съ душою, то и ангелъ смерти не унесетъ души моей.“ Въ-замѣнъ этихъ неистовствъ, мы предложимъ аварскую пѣсенку, въ которой дѣвушка очень-наивно и нецеремонно высказываетъ желаніе свое выйти за-мужъ.

Охая, ложусь, охая встаю я, — долго-ли мнѣ охать? Мать говоритъ, что будетъ беречь меня, какъ сокровище... Береги, матушка, серебро свое, а меня выдай за-мужъ, я уже велика выросла. Братья толкуютъ, что дома будутъ меня лелѣять... Лелѣйте, братцы, коней своихъ, а меня отдайте милому. Есть, говорятъ, любовное зелье,—что-же я не нахожу его, да сгніютъ его корни! Мулла, говорятъ, пишетъ любовные заговоры, — что же мнѣ не напишетъ ихъ, да переломятся его перья!

Слѣдующая лакская элегія представляетъ уподобленія, заимствованныя прямо изъ картинъ горской природы.

На берегахъ зеленаго моря стала бы я, если бы знала, что увижу упавшій въ море алмазъ; на вершины высокихъ горъ удалилась бы я, если бы знала, что найду цвѣтокъ, выросшій на голубомъ льду. Если смотрѣть, то увидѣть можно и упавшій въ море алмазъ, но пропавшая моя жизнь не вернется. Если искать, то найдешь и на голубомъ льду выросшій цвѣтокъ, но улетѣвшій соколъ мой не

вернется. Теперь пришлось стоять на землѣ безъ земли, жить на свѣтѣ безъ неба. О безземельная земля, по ущелью текущая черная рѣка! Кинусь я въ рѣку, доплыву я до моря. Свѣтъ безъ голубаго неба,—зеленое море безъ дна! Кинусь я въ море, проглотитъ китъ.

Снѣгъ, ледъ, окаймленные цвѣтами, часто можно видѣть въ горахъ. Ущелья, послѣ каждаго проливнаго дождя, превращаются на нѣсколько часовъ въ ложе всесокрушающаго потока; бѣда путнику, котораго настигнетъ таковой потокъ; ему одно спасеніе—повиснуть гдѣ-нибудь на выступѣ скалъ, пока не спадетъ вода: „безземельная земля, по ущелью текущая черная рѣка.“ Мы называемъ море синимъ, горцамъ кажется оно зеленымъ: о цвѣтахъ спорить нельзя.

Вообще, всѣ эти элегіи, поводомъ къ которымъ служитъ измѣна, обманутая любовь, утраченная жизнь и т. п. воспѣваются исключительно прекраснымъ поломъ. Не смѣю поручиться за то, чтобы и мужчины въ горахъ не подвергались подобнаго рода непріятностямъ, но, какъ можно думать, они находятъ для горя своего отраду не въ элегіяхъ. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ не попадалась еще жалобы любовниковъ на измѣну.

Похоронныя пѣсни на цѣломъ Кавказѣ представляютъ общій характеръ. Смерть всегда упрекается въ томъ, что она прервала самую великолѣпную и благополучную жизнь, хотя-бы въ дѣйствительности жизнь эта была преисполнена горя. Въ видѣ *тихаго пристанища* смерть никогда не изображается. Для примѣра приведемъ акушинскую похоронную пѣсню сестры по убитомъ братѣ.

Онъ объѣзжаетъ сѣраго коня на морской пѣнѣ; онъ, какъ ягненокъ, рѣзвится на спинѣ сѣраго коня... Гдѣ мой Капи! Пусть всѣ семь селеній Таркамскихъ засыпятся морскимъ пескомъ; въ нихъ живутъ семь князей, предавшихъ моего Капи. У него три шубы, всѣ три бухарскія; висятъ на гвоздѣ и тля поѣдаетъ ихъ. Ахъ, Капи, душа моя Капи! ахъ, да умретъ сестра твоя! У него пять шапокъ, всѣ пять изъ калмыцкаго барашка; онъ изнашиваетъ ихъ, кланяясь гостямъ. Ахъ, Капи, душа моя Капи! ахъ, да умретъ сестра твоя!

Брови - глаза у него хунзакскіе, взглядъ ангельскій, обликъ лица черкесскій, статность молодецкая. Гдѣ мой Кани! да умретъ сестра твоя!

Быть-можетъ, эта пѣсня требуетъ нѣсколькихъ поясненій. Сначала выхваляется верховая ѣзда покойника: *конь объѣзжается на морской пѣнѣ*, поэтическое изображеніе легкости коня и искусства всадника. Тарканскіе (Терекеме) князья, какъ видно, были виновниками смерти оплакиваемаго брата. Три шубы!—похвала его богатству. Пять шапокъ!—онъ износилъ ихъ, кланяясь гостямъ!—похвала его гостепріимству. Въ-заключеніе изображается его красота, согласно горскимъ понятіямъ.

Слѣдующая аварская пѣсня заключаетъ въ себѣ *сѣтованіе* объ убитомъ возлюбленномъ. *Загорьемъ* (Цоръ) обыкновенно называется у аварцовъ Алазанская равнина.

Мой любезный ушелъ въ Джары,—уходя, онъ оглядывался черезъ каждые пять шаговъ; ясноглазый уѣхалъ въ дальнее Загорье на конѣ, лихомъ, какъ волкъ. Пришло изъ Загорья леденящее извѣстіе, что соколы оттуда уже не вернутся; изъ глубины Загорья жгучая вѣсть, что левъ остался на перевалѣ съ переломленными когтями. Милосердый Боже, хотѣла бы я быть орлицей, чтобы коснуться охладѣвшей руки! Всевышній, хотѣла бы я быть голубицей скалъ, чтобы взглянуть на поблѣднѣвшее лицо! Завидую, завидую тебѣ, шакалъ Загорья: ты пожираешь тѣла тѣхъ, которые носили стальное оружіе. И тебѣ завидую, рѣчной воронъ: ты клюешь глаза тѣхъ, которые разъѣзжали на быстрыхъ коняхъ. Пожравъ тѣла тѣхъ, которые носили стальное оружіе, шакалъ убѣжалъ въ темные лѣса; выклевавъ глаза тѣхъ, которые разъѣзжали на быстрыхъ коняхъ, воронъ съ карканьемъ взвился къ голубому небу.

Описанія безчисленныхъ набѣговъ, совершенныхъ аварцами въ Кахетію или чеченцами на Терскую равнину, составляютъ самый капитальный запасъ горскихъ пѣсенъ. Это такъ называемая по-аварски *церекабазуль кечалъ*, т. е. пѣсни о вождяхъ, предводительствовавшихъ набѣгами. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, по-

видимому, относятся къ отдаленнымъ эпохамъ, не подлежащимъ горской хронологіи; воспоминаніе о многихъ вождяхъ сохранилось исключительно въ пѣсняхъ. Съ откровенностію, достойною лучшей участи, пѣсни объясняютъ намъ, что набѣги производились *для разбоя*, *для добычи*. Добыча называется ласкательно *свѣтлою*, т. е. богатою, *безупречною*, т. е. такою, въ которой ни въ чемъ нѣтъ недостатка: есть и красавицы и рабы и злато-серебро и кони и бараны и пр. и пр. Другимъ двигателемъ въ этихъ набѣгахъ,—славолюбіе, желаніе, чтобы любовница могла гордиться подвигами любовника. Дѣло идетъ, конечно, не о законныхъ женахъ, которыя у горцевъ играютъ роль рабочей скотины. Попавшись въ бѣду, вожди совѣтуются между собой: бѣжать-ли или сражаться до послѣдняго издыханія? Самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу боя служитъ разсужденіе: „ястребъ-ли начнетъ вить гнѣздо, соколъ-ли устроитъ себѣ жилище,—что взяли, то и хранятъ. Мы-же получше ястребовъ и соколовъ, у насъ есть любовницы; скажутъ, что мы бѣжали! лучше головъ лишиться, чѣмъ, чтобы такую вѣсть услышали любовницы“ *). Когда дѣло идетъ о набѣгѣ на Кахетію, то вождь входитъ въ кузницу,—кузница у всѣхъ кавказскихъ горцевъ имѣетъ какое-то полусвященное значеніе,—тамъ вождь отливаетъ пули и приноситъ клятву: „или истребить всѣхъ невѣрныхъ или обратить ихъ въ мусульманство; не совершивъ того или другаго, не возвращаться домой.“ Само собою разумѣется, подобная клятва есть тоже одна изъ пуль, отлитыхъ почтеннымъ вождемъ въ кузницѣ. Главное дѣло въ добычѣ и славѣ.

Приготовленія къ набѣгу, которыя, притомъ, должны были производиться въ глубокой тайнѣ, безъ сомнѣнія, доставляли горской молодежи самыя поэтическія минуты въ жизни. Дня черезъ три, черезъ четыре, безвѣстный юноша могъ возвратиться домой богачомъ, вліятельнымъ лицомъ, идоломъ всѣхъ аульныхъ дѣвушекъ,—могъ онъ и вовсе не возвратиться. Притомъ, каждый изъ этихъ благонадежныхъ юношей успѣлъ уже столько нахвастать на

*) Изъ чеченской пѣсни.

зальной площади, что сознавалъ для себя важность наступившей минуты испытанія, въ ушахъ у него звенѣла горская пословица: „не на площади, а въ бою узнаются храбрецы.“ Эти приспособленныя задушевныхъ треволненій приготовленія къ набѣгу описываются въ пѣсняхъ съ величайшими подробностями: „на жерди висѣвшій овчинный полушубокъ отряхнулъ отъ пыли и надѣлъ на себя; снялъ съ гвоздя хорасанскую шапку, два, три раза встряхнулъ ее и надѣлъ на голову.“ Далѣе слѣдуетъ описаніе оружія: „египетскій мечъ съ написаннымъ привѣтствіемъ пророку, крымская, или мажарская винтовка съ голубымъ прикладомъ; конь, какъ невѣста, убранная къ свадьбѣ; гуріи держатъ стремя молодцу; хлопнувъ ладонью по коню, садится на него молодецъ и пускается въ путь! Дай Богъ тебѣ счастія!“, приговариваетъ вслѣдъ ему пѣвецъ. Въ каждомъ набѣгѣ дѣло сначала идетъ, какъ по маслу. Хищники отхватываютъ табуны также легко, какъ пастухъ выхватываетъ барана изъ стада, зацѣпивъ его ногу дручкомъ; пѣвецъ говоритъ о своихъ соотчичахъ-разбойникахъ: „куда коснулась рука наша, тамъ плачъ поднялся, куда ступила нога наша, тамъ кровь разлилось; захвачены дѣвы съ прекрасными руками и глазами; пойманы мальчики, цвѣтущіе здоровьемъ...“ Дѣло, повидимому, конченно, но на возвратномъ пути встрѣчается непріятность, а именно та, что: „о Боже, дорога,—будь ты проклята,—перерѣзана!“ Тутъ-то собственно и начинается исторія. Домой воротиться нельзя иначе, какъ пробившись сквозь густую толпу непріятелей!

Какъ ни затруднительно это положеніе, но горскій поэтъ полагаетъ, что дѣло не къ спѣху. Строго придерживаясь наилучшихъ классическихъ преданій, противники, до вступленія въ бой, болѣе или менѣе долго поддразниваютъ другъ друга и перебраниваются между собою. На Чокскомъ спускѣ, если вѣрить горскому поэту, Надиръ-Шахъ, видя подступавшихъ андалальцовъ, закричалъ: „что это за мыши лѣзутъ на моихъ котовъ!“ На это Муртузали, предводитель андалальцовъ, — тоже если вѣрить горскому поэту,—возразилъ повелителю полусвѣта, покорителю Индустана: „подлый шіитъ, погляди на своихъ куропатокъ и на моихъ орловъ; на своихъ голубей и на моихъ соколовъ!“ Отвѣтъ былъ со-

вершеніе кстати, потому что, дѣйствительно, Надиръ-Шахъ потерпѣлъ сильное пораженіе на Чокскомъ спускѣ. Подобныя бранчивыя препиранія происходили и между горцами, возвращавшимися домой послѣ набѣга въ Кахетію, и грузинами, которые перерѣзывали имъ обратный путь. Въ видѣ насмѣшки, горцы обращаются къ грузинамъ съ просьбою о пощадѣ и какъ-бы стараются ихъ разжалобить: „дайте намъ дорогу, каждый изъ насъ одинъ сынъ у отца и матери; посторонитесь, азнауры, мы дороги женамъ нашимъ.“ — „Если каждый изъ васъ одинъ сынъ у отца и матери, отвѣчаютъ грузины, то, разрубивъ его по-поламъ, сдѣлаемъ двухъ; если дороги вы женамъ вашимъ, то тѣла ваши здѣсь оставимъ, а къ нимъ головы отошлемъ. Вы не мыши, чтобы пробраться подъ землей,—куда уйдете вы теперь, горцы? Вы не птицы, чтобы взлетѣть къ небу,—куда полетишь ты теперь, воевода?“ — „Развѣ не мыши, чтобы подъ землей пробраться, стальные мечи наши, ударять не устающіе; развѣ не птицы, чтобы къ небу полетѣть, наши меткія крымскія винтовки, цѣли не минующія?“

Перебранившись съ противниками, пока горло не осипло, вождь обращается съ рѣчью къ своимъ спутникамъ:

„Станемъ мы просить, насъ они не пустятъ; станемъ клаяться, не проводятъ насъ. Сегодня пусть покажутся храбрецы; сегодня кто умретъ, имя его не умретъ. Смѣлѣе, молодцы! кинжалами дерн рѣжьте, стройте завалъ; куда завалъ не достанетъ, рѣжьте коней и валите ихъ. Кого голодъ одолѣетъ, пусть ѣстъ лошадиное мясо; кого жажда одолѣетъ, пусть пьетъ лошадиную кровь; кого рана одолѣетъ, пусть самъ ложится въ завалъ. Внизъ бурки постелите, на нихъ порохъ насыпьте. Много не стрѣляйте, цѣльтесь хорошенько. Кто сегодня оробѣетъ, надѣнутъ на него чистый повойникъ; кто робко будетъ драться, того любовница да умретъ. Стрѣляйте, молодцы, изъ длинныхъ крымскихъ винтовокъ, пока дымъ клубомъ не завьется у дулъ; рубите стальными мечами, пока не переломятся, пока не останутся однѣ рукоятки.“

Закипѣлъ бой,—и горцы, само собою разумѣется, дѣлаютъ чудеса. Одинъ ринулся, какъ орелъ, поджавшій крылья; другой

ворвался посреди непріятелей, какъ волкъ въ овчарню. Непріятель бѣжитъ на-подобіе листьевъ, гонимыхъ осеннимъ вѣтромъ. Не туча налегла на горы, щитъ дыма покрылъ Ширакъ; не весенній дождь, а кровавые ручьи полились въ Алазань. Горцы возвращаются домой съ добычей и славой. Поэтъ заключаетъ свою пѣсню желаніемъ: „да родятся у каждой матери подобные сыны!“ Съ своей стороны будемъ надѣяться, что родятся сыны, которые займутся чѣмъ-нибудь другимъ, а не грабежомъ.

Какъ ни высоко цѣнятъ горцы мужество въ бою, но несравненно выше еще цѣнится ими хладнокровіе въ виду гибели неизбѣжной, когда исчезла всякая надежда на спасеніе. Смертная казнь въ горахъ, какъ и вездѣ, производитъ на толпу впечатлѣніе, діаметрально-противуположное тому, которое имѣетъ въ виду правосудіе. Если, при томъ, по какому-либо необыкновенному стеченію обстоятельствъ, умирающій, въ самый моментъ смерти, могъ отмстить за себя, то болѣе завидной смерти не представляется воображенію горцевъ. Пусть читатель припомнитъ себѣ смерть библейскаго Самсона. Для таковой смерти не требуется никакихъ поэтическихъ прикрасъ: достаточно разсказать ее, чтобы привести въ восторженное состояніе слушателей. Мы закончимъ нашу статью пѣснію о происшествіи, уже весьма давно случившемся, но неизгладимо запечатлѣвшемся въ памяти горцевъ.

Отъ аварскаго хана пришелъ посланный звать гидатлинскаго Хочбара. „Идти-ли мнѣ, матушка, въ Хунзакъ?“ — „Не ходи, милый мой, горечь пролитой крови не пропадаетъ; ханы, — да истребятся они, — коварствомъ изводятъ людей.“ — „Нѣтъ, пойду я; не то вшивые хунзакцы подумаютъ, что я боюсь ихъ; презрѣнный Нуцалъ подумаетъ, что я струсилъ.“ Погналъ Хочбаръ быка въ подарокъ Нуцалу, взялъ перстень для жены его, пришелъ въ Хунзакъ. „Привѣтъ тебѣ, аварскій Нуцалъ!“—„И тебѣ привѣтъ, гидатлинскій Хочбаръ! Пришелъ ты, наконецъ, волкъ, истреблявшій барановъ; ты здѣсь, врагъ аварцовъ!“ — Пока Нуцалъ и Хочбаръ разговаривали, кричалъ аварскій глашатай: „у кого арба, вези на арбѣ дрова изъ сосноваго лѣса, что надъ аломъ; у кого нѣтъ арбы, навьючь осла; у кого нѣтъ осла, тащи на спинѣ. Врагъ нашъ Хочбаръ попался въ руки; разведемъ костеръ и сожжемъ его.“ Кончилъ глашатай; мес-

горо бросились и связали Хочбара. На длинномъ хунзакскомъ подъемѣ развели костеръ такой, что скала накалилась; привели Хочбара. Подвели къ огню гнѣдаго коня его, изрубили мечами; переломили остроконечное копье его, бросили въ пламя. Не мигнулъ даже герой Хочбаръ! „Ну-ка, Хочбаръ, поразскажи намъ что-нибудь; говорятъ, что пѣть ты мастеръ. Поиграй, Хочбаръ, на липовомъ гудкѣ; говорятъ, играть ты мастеръ.“—„Пою-то я хорошо, да ротъ у меня зануданъ; на гудкѣ играю отлично, да руки связаны.“ Стала молодежь требовать, чтобы развязали Хочбара; старики не соглашались, говоря: волкъ сдѣлаетъ волчье дѣло! Переспорила молодежь, развязали гидатлинскаго Хочбара. „Слушайте-же, аварцы, разскажу вамъ кое-что, и ты не мѣшай мнѣ, Нуцалъ, стану и пѣть. Влѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковые шаровары любимой жены твоей *); снялъ я серебрвныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ; зарѣзалъ я ручнаго тура твоего. Вотъ, наверху—овчарни; кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ, внизу—конюшни; кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ, на крышахъ вдовы; кто сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты; кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечесть всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ и въ лѣсу. Развѣ не я убилъ шестдесятъ человѣкъ изъ вашего общества? Вотъ, Нуцалъ, какіе совершаются подвиги, а то, что за подвигъ, обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и умертвить его!“ Покуда пѣлъ и игралъ Хочбаръ, маленькія дѣти Нуцала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочбаръ въ пламя. „Что вы стонете, *нуцалята*, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами; что вы пищите, поросята, вѣдь и мнѣ милъ былъ бѣлый свѣтъ. Дорогой гнѣдой конь, не разъ топталъ ты пятки аварцовъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты грудь ханскимъ нукерамъ! Пусть не плачетъ мать моя: не даромъ погибъ ея молодецъ. Пусть не тоскуютъ сестры мои: умеръ и со славою.“ Съ утра до полудня раздавались зурна и барабанъ: поднялся въ руки гидатлинскій Хочбаръ. Съ полудня поднялся черный плачъ: сгорѣли на кострѣ два сына Нуцала.

П. У.

Дербентъ.
Августъ 1868 года.

*) Нѣтъ большаго позора для горца, какъ, если шаровары жены его унесетъ чужой мужчина. Такимъ дичѣнъ несмываемымъ безчестіемъ попрекаетъ Хочбаръ хана аварскаго въ присутствіи всего народа.

КАЗИКУМУМУХСКІЯ (ЛАКСКІЯ) НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ о Казикумухахъ.

Жители Казикумухскаго округа *), въ Среднемъ Дагестанѣ, извѣстные намъ подъ именемъ Казикумуховъ или Казыкумыковъ, сами себя называютъ *лак*, а родину свою—*лакрал кану* (мѣсто лаковъ). О происхожденіи какъ перваго, офиціальнаго, такъ и втораго, народнаго названія, П. К. Усларъ, въ предисловіи къ грамматикѣ лакскаго языка, сообщаетъ слѣдующее:

„Происхожденіе таковыхъ варварскихъ названій (казыкумухи или казыкумыки), по показанію самихъ горцевъ, объясняется весьма правдоподобно слѣдующимъ образомъ. Главное селеніе лаковъ называется *Гумук* (Кумухъ); лаки, ранѣе другихъ горскихъ племенъ, приняли исламизмъ, чрезъ что пріобрѣли право на почетное прозвище *газы* (воюющіе за вѣру). Изъ соединенія прозвища и названія главнаго селенія произошло этническое Казыкумухъ или Казыкумыкъ, исключительно, впрочемъ, употребляемое жителями равнины, кумыками, у которыхъ мы заимствовали его и съ которыми такъ называемые нами казыкумухи, кромѣ религіи, не имѣютъ ничего общаго. Аварцы (назарулы) называютъ лаковъ—*тумал*, въ единст. ч. тумау; акушинцы — *вулугуні*, въ един. вулігі; цудахарцы, которыхъ нарѣчіе нѣсколько разнится отъ акушинскаго,—называютъ лаковъ *вулечуні*, въ един. вулечі; кюринцы — *јахолису*. Нарицательное значеніе всѣхъ этихъ названій, равно какъ и самихъ лаковъ, покуда остается необъяснимымъ."

Впрочемъ, П. К. Усларъ допускаетъ тождество лаковъ съ классическими *легами*, упоминаемыми у Страбона и Плутарха. „Страбонъ имѣетъ *(XI, 503)*, что между Албанцами и Амазонками живутъ скиф-

*) Образованъ изъ бывшаго Казикумухскаго ханства.

скія племена: *Гелы* и *Легы*. Наибольшая часть Страбоновой Албаніи входитъ въ составъ нынѣшней Бакинской губерніи. Амазонки, по мнѣнію его, жили на сѣверѣ, т. е. на Терской равнинѣ; между ними и Албанцами, *въ горахъ*, обитали Гелы и Легы. Слѣды названія Геловъ можно отыскать въ Сѣверномъ Дагестанѣ; тождество классическихъ Леговъ и нынѣшнихъ Лаковъ едва-ли можетъ подвергнуться сомнѣнію. Плутархъ, въ жизнеописаніи Помпея, говоря о походѣ его въ Албанію, упоминаетъ о Легахъ (Λῆγες, гл. 35). Названіе грузинскаго героя *Лекоса*, предтеча дагестанскихъ горцевъ, по всей вѣроятности, родственно этническому *лак*. Замѣтимъ при этомъ, что если написать по-русски *лякъ*, то оно ближе подойдетъ къ выговору тушинцевъ, чѣмъ *лакъ*. Тождество *лякъ*, *лекъ* и *легъ* становится еще очевиднѣе. Не знаю, можно-ли съ послѣднимъ связать названіе *Лезгины*, которое, впрочемъ, совершенно чуждо дагестанскимъ горцамъ.“

Округъ Казикумухскій состоитъ въ настоящее время изъ 4-хъ наибствъ: Вицинскаго, Аштикункинскаго, Мугархскаго и Дусраратскаго; число дымовъ въ округѣ полагается 6,985, а число жителей—около 35 тысячъ душъ обоего пола. Но не всѣ жители округа говорятъ лакскимъ языкомъ. Такъ, въ 11 деревняхъ, около 600 дымовъ, говорятъ по-аварски; въ 8 деревняхъ, около 400 дворовъ,—по-акушински; въ Нижнемъ Катрухѣ жители говорятъ тюрко-адербиджанскимъ языкомъ; въ аулѣ Бегеклю—отчасти живутъ аварцы, отчасти—лаки; жители аула Арчи (170 дворовъ) имѣютъ свой особый языкъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ аулахъ бывшаго Кюлюлинскаго (теперь Аштикункинскаго) наибства—по замѣчанію г. Услара — „господствуютъ языки Цахуръ и Агуль, которые, быть можетъ, принадлежатъ къ кюринскимъ нарѣчіямъ, хотя это весьма сомнительно. Во всякомъ случаѣ языки эти не суть нарѣчія лакскаго.“—Съ другой стороны, лакскій языкъ распространенъ и за предѣлами Казикумухскаго округа — отчасти въ округѣ Даргинскомъ, а отчасти въ округѣ Самурскомъ. По послѣднимъ статистическимъ изслѣдованіямъ г. Комарова, все распространеніе лакскаго языка въ предѣлахъ Дагестана выражается слѣдующею таблицею;

	говорятъ лакскимъ языкомъ:		
Въ Казикумухскомъ окр..	91 деревня;	6,161 дворъ;	31,054 жит.
— Даргинскомъ.....	3 — —	427 —	1,854 —
— Самурскомъ.....	3 — —	162 —	1,074 —
Всего...	97 — —	6,750 —	33,982 —

„Лаки—по замѣчанію г. Услара—съ противоположныхъ концевъ округа понимаютъ другъ друга безъ малѣйшаго затрудненія. Но ауламъ замѣчается легкое разнообразіе выговора, которое едва-ли можетъ быть выражено письмомъ. Самымъ чистымъ выговоромъ почитается кумухскій; выговоръ жителей селеній Вахуля и Вачи слыветъ за наименѣе изящный; въ Бегеклю языкъ преисполненъ аварскихъ словъ, а жители лакскихъ ауловъ Даргинскаго округа позаимствовали множество словъ акушинскихъ.“

Лаки имѣли постоянно важное значеніе въ Дагестанѣ; преимущественно же вліяніе ихъ распространялось на жителей южнаго Дагестана. Казикумухскіе ханы войнами съ сосѣдями не разъ увеличивали свои владѣнія: они подчинили себѣ сел. Арчи, отняли нѣсколько селеній отъ Андалала, а отъ Дарги—цѣлое общество Варкунъ-Дарга, состоящее изъ 8 селеній. Но главное значеніе лаковъ въ средѣ дагестанскихъ горцевъ заключается въ ихъ торговой и промышленной предпріимчивости. Главное селеніе ихъ Кумухъ (Гумук) славится своими базарами и въ народѣ величается городомъ (шагаръ). Торговая и промышленная предпріимчивость лаковъ выражается, между прочимъ, значительнымъ числомъ лицъ, отправляющихся изъ Казикумухскаго округа на заработки въ Бакинскую губернію, Закатальскій округъ, на Терекъ и даже въ Оренбургскій край; такихъ лицъ съ 1860 года по 1867 отправлялось среднимъ числомъ до 6 тыс. въ годъ. На чужбинѣ они промышляютъ преимущественно или мелочною торговлею или же мастерствами оружейниковъ, серебряковъ, мѣдниковъ и лудильщиковъ. Безъ сомнѣнія, къ такой значительной ежегодной отлучкѣ лаковъ съ мѣста родины побуждаетъ скудная природа Казикумухскаго округа, покрытаго во всѣхъ направленіяхъ каменистыми горами, безлѣсными и весьма трудно воздѣлываемыми подъ пашни; только одно овцеводство можетъ здѣсь развиваться до значительной степени, поощряемое благопріятствующими къ тому пастьбищными угодьями. Но независимо отъ такихъ мѣстныхъ условій, побуждающихъ лака искать для себя заработка внѣ родины, нужно признать за нимъ еще особую наклонность къ промышленной предпріимчивости предпочтительно предъ другими обитателями такихъ же скудныхъ угодій Дагестана, остающимися, однако, на степени скотоводовъ.

Приводимыя ниже народныя сказанія довольно хорошо характеризуютъ практическій умъ лаковъ. Собраніемъ этихъ сказаній и до-

словнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ редакція ,,Сборника'' обязана уроженцу Кумуха, Абдуллѣ Омаръ-оглы, ученику и сотруднику П. К. Услара при составленіи послѣднимъ грамматики лакскаго языка. Хорошо знакомый съ народными сказаніями своей родины, Абдулла Омаръ-оглы заявляетъ, что его собраніе пѣсенъ, сказокъ, басенъ, пословицъ и другихъ произведеній лакскаго народа, далеко не исчерпывая всѣхъ сокровищъ лакской народной поэзіи, на столько, однако, полно, что можетъ собою характеризовать общее направленіе этой поэзіи. Отсутствіе героическихъ сказаній и преобладаніе сказаній съ дидактическимъ направленіемъ — вотъ главная характеристическая ея черта.

Въ настоящей книгѣ ,,Сборника'' мы помѣщаемъ только нѣсколько пьесъ изъ числа собранныхъ Абдулою Омаръ-оглы, оставляя прочія для слѣдующихъ выпусковъ ,,Сборника.'' При этомъ считаемъ нелишнимъ высказаться напередъ, что цѣлью помѣщенія въ ,,Сборникѣ'' какъ этихъ, такъ и другихъ произведеній горской народной поэзіи, служитъ — не начинать съ выводовъ, а напротивъ, прежде всего собрать и обнародовать наибольшее количество матеріала, пригоднаго для выводовъ.

СКАЗКИ И БАСНИ.

Безносый ѣздокъ.

Въ отдаленной землѣ, въ неизвѣстномъ городѣ, въ незапамятное время, были не были одинъ молодой человѣкъ и одна молодая дѣвушка. Молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, а она тоже не презирала его. Однажды, на чьей-то свадьбѣ, случилось имъ говорить. ,,До какихъ поръ я буду страдать по тебѣ?'' сказалъ молодой человѣкъ.—,,Я попрошу у тебя одной услуги, сказала дѣвушка;

на плоскости живетъ Безносый-ѣздокъ: ступай и спроси его, что случилось съ его посомъ; когда ты исполнишь это и вернешься, тогда я твоя.“—„Хорошо, поѣду и исполню!“ сказалъ молодой человѣкъ.

Надѣлъ оружіе, сѣлъ на добраго коня и пустился въ путь молодой человѣкъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, высокія горы переѣхалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, долго ѣхалъ, коротко-ли, проѣхалъ пространства всего съ иголку и выѣхалъ, наконецъ, на обширную поляну. Смотритъ онъ и видитъ: подъ буркой лежитъ человѣкъ, а подлѣ него стреноженный конь. Молодецъ остановился, слѣзъ съ коня, стреножилъ его, накрылся буркою и легъ подлѣ спящаго.

Прошло нѣсколько времени, проснулся спящій и увидѣлъ, что около него спитъ молодой человѣкъ, также, какъ самъ онъ, накрытый буркою. Толкнувъ ногою, разбудилъ онъ молодаго человѣка и спросилъ: „кто ты, храбрецъ? Какъ смѣлъ лечь подлѣ меня, стреножить коня и накрыться буркою?“—„Если не храбрецъ, то и не трусъ“, сказалъ молодецъ, и тутъ-же увидѣлъ предъ собою человѣка безносаго. —„Такъ мы выкажемъ другъ передъ другомъ свою храбрость: ѣдемъ со мной!“ сказалъ безносый.

Поѣхали они, и ѣхали днемъ, ѣхали ночью, наконецъ доѣхали до одного аула. Безносый вздумалъ было добыть себѣ что-нибудь изъ аула, но молодой человѣкъ сказалъ ему: „это не храбрость, а воровство. Поѣдемъ вотъ на ту сторону рѣки, и тамъ поищемъ для себя добычи.“ Безносый струсилъ и началъ отговаривать его. Много безносый говорилъ, но мало слушалъ молодой человѣкъ. Дѣлать было нечего; безносый согласился и они отправились дальше. Ѣхали они, ѣхали и пріѣхали на ту сторону рѣки. Здѣсь нашли они табунъ лошадей гнѣдой масти, и сейчасъ-же угнали его.—„Не выпускай же ни одной лошади изъ табуна, сказалъ безносый, а то мы погибнемъ.“ Но не успѣли они и немного отъѣхать, какъ одна лошадь отдѣлилась отъ табуна и ускакала обратно. Молодой человѣкъ пустился за нею въ погоню, поймалъ ее за узду и сказалъ: „эй, безносый! что сталось съ твоимъ посомъ?“—„Тутъ не мѣсто спрашивать объ этомъ, сказалъ безносый: не выпускай лошади, а я дома отвѣчу.“—„Ну, такъ проваливайся же съ ней!“ сказалъ молодецъ и, ударивъ по спинѣ, выпустилъ лошадь. И вотъ, черезъ нѣсколько времени, догналъ ихъ вартъ. Онъ былъ подобенъ тучѣ, одѣтъ въ красное и сидѣлъ на

убѣжавшемъ конѣ. Не обративъ никакого вниманія на молодаго человѣка, крикнулъ онъ безносому: „Посмотрю я, безносый, куда ты уйдешь отъ меня съ моимъ табуномъ?“ — „Бой начинается сзади: куда-жъ ты ѣдешь впередъ?“ сказалъ молодой человѣкъ. — „Съ тобой-то легко раздѣлаться, мальчишка! проворчалъ нартъ — и пустился въ погоню за безноснымъ. Ударилъ плетью коня молодой человѣкъ, пустилъ стрѣлу въ нарта — и повалился онъ съ лошади, а молодецъ подскочилъ и разрубилъ ему голову, а потомъ, взявши все, что было у нарта, пріѣхалъ въ домъ безносаго. Прошло нѣсколько дней отдыха и безносый сказалъ: „давай дѣлить табунъ!“ — „Нѣтъ, сказалъ молодецъ, еще мы не доказали другъ передъ другомъ своей храбрости: поѣдемъ-ка еще разъ за добычей.“ Много говорилъ безносый, мало слушалъ молодой человѣкъ и, наконецъ, поѣхали они опять на ту сторону рѣки. Теперь нашли они тамъ табунъ лошадей уже черной масти, и сейчасъ-же его угнали. „Не выпускай-же ни одной лошади изъ табуна!“ сказалъ безносый. Но не успѣли они и немного отѣхать, какъ черный конь отдѣлился и ускакалъ. Молодой человѣкъ догналъ его, и поймавши, закричалъ безносому: „Ну, такъ что же сталось съ твоимъ носомъ?“ — „Тутъ не мѣсто спрашивать объ этомъ, отвѣчалъ безносый: не пускай только коня, а дома я все разскажу.“ — „Если не хочешь говорить, такъ вотъ-же тебѣ!“ сказалъ молодой человѣкъ и выпустилъ лошадь. Черезъ нѣсколько времени видитъ нашъ молодецъ, что черный туманъ приближается — это догналъ ихъ черный нартъ: какъ скала сидѣлъ онъ на убѣжавшемъ конѣ и, не обративъ вниманія на молодца, погнался за безноснымъ. „Бой начинается сзади: куда же ты впередъ ѣдешь?“ крикнулъ молодой человѣкъ. Нартъ не хотѣлъ и слушать. Тогда молодецъ пустилъ въ него стрѣлу и онъ повалился съ лошади. Молодой человѣкъ сдѣлалъ съ нимъ тоже, что съ первымъ нартомъ, и затѣмъ съ табуномъ пріѣхалъ въ домъ безносаго. „Давай раздѣлимъ табунъ,“ сказалъ безносый. — „Нѣтъ, сказалъ молодой человѣкъ, нужно ѣхать за добычей въ третій разъ.“ Нечего было дѣлать, противъ воли согласился безносый, и отправились они по прежнему пути. Когда пріѣхали на ту сторону рѣки, увидѣли табунъ лошадей бѣлой масти и безносый сказалъ: „смотри-же, если теперь выпустишь лошадь изъ табуна, погибель наша неизбѣжна.“ — „Постараюсь не выпускать,“ сказалъ молодой человѣкъ. Но не успѣли они и немного отъѣхать, какъ отъ табуна отдѣлился бѣлый конь и ускакалъ обратно. Молодой

человѣкъ пустился за нимъ въ погоню, но тотъ и близко къ себѣ не подпустилъ.... Печаленъ воротился молодой человѣкъ, а безносый чуть не упалъ съ коня отъ страха. И вотъ подъѣхалъ къ нимъ на бѣломъ конѣ нартъ. Страшенъ онъ былъ—Боже избави! какъ туча черный и съ однимъ глазомъ во лбу.

Не обративъ вниманія на молодаго человѣка, нартъ пустился въ погоню за безноснымъ. ,,Посмотрю я, сказалъ онъ, куда ты, безносый, уйдешь отъ меня, послѣ того какъ убилъ моихъ братьевъ и угналъ мои табуны''. Молодецъ пустилъ ему въ догонку стрѣлу, другую, третью—ничего: его будто мухи кусаютъ; ударилъ его молодецъ и саблею, но и сабля не рубитъ. Затѣмъ нартъ схватилъ въ одну руку безноснаго, а въ другую нашего молодца, заткнулъ ихъ въ свои стремена и поѣхалъ назадъ со своимъ табуномъ. Тутъ молодецъ вынулъ саблю, перерѣзалъ ремень стремени и упалъ на землю. Нартъ оглянулся, а молодецъ въ это время пустилъ стрѣлу и попалъ ему прямо въ глазъ. Нартъ упалъ съ ревомъ на землю, а молодецъ съ безноснымъ принялись рубить его саблями. Такъ воротились они домой съ табуномъ бѣлыхъ лошадей. Отдохнулъ немного молодой человѣкъ и спросилъ безноснаго: ,,Ну, такъ что-же случилось съ твоимъ носомъ?'' —,,Вотъ теперь разскажу я тебѣ всю правду, сказалъ безносый, и началъ такъ: какъ то разъ я ѣлъ яблоко, а въ рукѣ у меня былъ ножъ; вотъ этимъ-то ножемъ нечаянно и отрѣзалъ я свой носъ. Жена-жъ у меня красавица, такая красавица, какой и на свѣтѣ еще не было. Какъ увидѣла она, что у меня изъ носу течетъ кровь, испугалась и умерла. Тѣло ея я держу вотъ въ этомъ сундукѣ и не рѣшаюсь похоронить.'' Говоря это, онъ указалъ на желѣзный сундукъ.—,,Нѣтъ-ли средства возвратить ей жизнь?'' спросилъ молодой человѣкъ.—,,Есть средство, но оно тамъ, откуда нѣтъ возможности достать его,'' сказалъ безносый.—,,Гдѣ же это?'' спросилъ опять гость.—,,А вотъ видишь-ли: за семью горами живетъ большой змѣй, въ животѣ у него заяцъ, а въ зайцѣ—птичка. Вотъ только кровь этой птички можетъ возвратить жизнь моей женѣ,'' сказалъ безносый.—,,Я поѣду за этой птичкой,'' сказалъ гость. Безносый радъ былъ отдѣлаться отъ страшнаго человѣка, и потому не отговаривалъ его отъ поѣздки. Вооружился молодой человѣкъ, взялъ съ собою вкусную закуску, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, ночью ѣхалъ, высокія горы переѣхалъ, темные лѣса проѣхалъ, глубокія ущелья проѣхалъ и пріѣхалъ, наконецъ, ночью къ подошвѣ одной

горы. Глядитъ молодой человѣкъ вокругъ себя — и видитъ огонекъ. Подъѣхалъ онъ къ огоньку, видитъ: стоитъ хижина. Привязавъ лошадь на дворѣ, молодой человѣкъ зашелъ въ хижину и увидѣлъ тамъ старуху, поклонился ей и сказалъ: „Божій гость, бабушка!“—„Да буду я жертвою Бога! войди, сынъ мой!“ сказала старуха. Усадивъ гостя въ углу, старуха приготовила для него ужинъ и потомъ спросила: „Откуда ты, сынъ мой, и какъ попалъ въ такое безлюдное мѣсто?“ Молодой человѣкъ разсказалъ ей, зачѣмъ онъ ѣдетъ, и она замѣтила ему: „ты взялся за очень трудное дѣло; не можешь ты убить змѣя. Онъ живетъ за этою горою въ желѣзномъ замкѣ; семь дней онъ охотится, а семь дней спитъ; завтра онъ будетъ спать, и ты ступай прямо къ замку, возьми изъ-подъ воротъ камешекъ и брось его въ дверь. Когда дверь отворится, ты увидишь въ углу саблю въ войлочныхъ ножнахъ: старайся захватить ее, такъ какъ только ею можно убить змѣя.“ Молодой человѣкъ поблагодарилъ старуху, и на другой день отправился въ путь. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и пріѣхалъ наконецъ къ желѣзному замку, который стоялъ посреди обширной равнины; подъѣхалъ молодецъ къ воротамъ, взялъ камешекъ, ударилъ имъ въ дверь—и дверь отворилась. Вошелъ молодецъ въ замокъ и видитъ: спитъ огромный змѣй съ однимъ глазомъ во лбу. Взялъ молодой человѣкъ изъ угла саблю въ войлочныхъ ножнахъ, и ударилъ его: голова чудовища отдѣлилась отъ туловища. Ударилъ онъ еще разъ по брюху — и выскочилъ заяцъ; пустилъ стрѣлу—и заяцъ упалъ. Потомъ разрѣзалъ зайца, нашелъ тамъ птичку и пустился съ нею въ обратный путь. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ къ безносому. „Привезъ птичку!“ сказалъ молодецъ. Безносый сначала не повѣрилъ, а потомъ, когда увидѣлъ птичку, открылъ сундукъ и каплю птичьей крови влилъ въ ротъ покойницы: красавица воскресла, вышла изъ сундука, какъ ангелъ, и сказала: „Ахъ, я долго, кажется, спала!“ Безносый разсказалъ ей все, что случилось. Затѣмъ мужъ съ женою начали упрашивать молодца остаться у нихъ. Много они говорили, но мало слушалъ молодецъ и, взявши свою долю лошадей, воротился домой. Невѣста его была уже въ его домѣ и онъ разсказалъ ей про свои похожденія. Дѣвушка объявила, что жена безносаго—сестра ея, и она знала, что кромѣ молодаго человѣка никто не отыщетъ для нея лекарства, и потому она и послала его къ безносому. Молодецъ раздѣлилъ табуны между молодежью деревни, потомъ сыграли свадьбу и задали пиръ: дудки засвистали, бубны загремѣли; на-

родъ собрался со всѣхъ концовъ, пріѣхалъ слѣпой на хромомъ, три дня и три ночи пировали. Мнѣ досталась баранья ляжка, шелъ я съ нею къ вамъ, да на дорогѣ сосѣдскія собаки отняли.

Заза-бѣлая корова.

Жилъ-былъ отецъ, а у него дочь отъ покойницы жены. Дѣвушка часто ходила къ сосѣдкѣ-вдовѣ то огня взять, то соли попросить. Вдова не только не отказывала ей въ этомъ, но всякій разъ давала ей или хлѣба или пирога, а не то мяса, грушъ или яблокъ. При этомъ вдова говорила ей не разъ: „Скажи своему отцу, чтобы онъ женился на мнѣ.“ Вотъ дѣвушка и стала упрашивать отца: „Отецъ! женись на сосѣдкѣ! отецъ, женись на сосѣдкѣ!“—„Постой, дочь моя, когда наша корова отелится, тогда и женюсь,“ сказалъ отецъ.—„Вотъ корова и отелилась: женись, отецъ, на сосѣдкѣ!“ настаивала дѣвушка.—„Подожди, дочь моя, когда хлѣбъ поспѣетъ.“ —„Вотъ и хлѣбъ поспѣлъ! женись на сосѣдкѣ!“ Такъ приставала дѣвушка къ отцу и часто даже съ плачемъ. Дѣлать было нечего,— отецъ наконецъ женился на вдовѣ.

И вотъ мачиха для себя готовила пирогъ съ сыромъ или чабромъ, а для падчерицы съ пескомъ или золою; себѣ стлала тюфякъ изъ мягкой соломы, а дѣвушку клала спать на постели изъ колючекъ. „Отецъ, я ѣсть не могу! отецъ, я спать не могу!“ говорила дѣвушка, а мачиха на это отвѣчала кучею клеветъ и клонила къ тому, чтобы выгнать падчерицу изъ дому. И вотъ однажды отецъ взялъ дочь и поѣхалъ въ лѣсокъ за дровами. Тамъ дѣвушка заснула на подолѣ чуги его, а онъ потихоньку отрѣзалъ полу и ушелъ домой.

Проснулась дѣвушка и увидѣла, что нѣтъ отца, побѣжала на югъ и кричала: отецъ! побѣжала на другой и кричала: отецъ! но отвѣта не было. Тогда дѣвушка взлѣзла на дерево и горько плакала.

Проходила стая волковъ. „Зачѣмъ ты плачешь?“ спросили волки. —За тѣмъ, чтобы вы не съѣли меня.—„Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ стая медвѣдей: смотри, чтобы они тебя не съѣли.“

Идутъ медвѣди.—„Зачѣмъ ты плачешь?“ спросили они.

— Чтобы вы меня не съѣли.

—„Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ стая лисицъ: смотри, чтобы онѣ не съѣли,“ сказали медвѣди.

Пришли лисицы и также сказали: „Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ Заза-бѣлая корова, что однимъ рогомъ роетъ небо, а другимъ землю: смотри, чтобы она тебя не съѣла.“

Пришла Заза-бѣлая корова, сѣла подъ дерево и сказала: „Охъ, я устала!“ Вдругъ капли слезъ упали на ея лицо. Она посмотрѣла вверхъ и сказала: „Дождя нѣтъ: откуда же эти капли?“ Потомъ опять взглянула вверхъ и, наконецъ, увидѣла дѣвушку. „Кто ты, дитя мое? спросила Заза. Если ты мальчикъ, прыгни на мою спину, а если дѣвушка, прыгни на мою грудь.“ И дѣвушка прыгнула на грудь Заза-бѣлой коровы. „Что ты плачешь, дитя мое?“ спросила она.—„Боюсь, чтобы ты меня не съѣла,“ сказала дѣвушка.—„Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, не бойся! пойдемъ со мной!“ Вотъ они шли, шли, и пришли въ подземелье. Тутъ Заза-бѣлая корова указала дѣвушкѣ на нѣсколько кувшиновъ и сказала: „дочь моя! ѣшь, пей все, что хочешь, только не трогай этихъ кувшиновъ.“ Но однажды, когда старуха вышла изъ дому, дѣвушка всунула палецъ въ одинъ кувшинъ— и вдругъ палецъ сдѣлался серебристымъ. Дѣвушка испугалась, схватила камень, разбила имъ палецъ и потомъ, чтобы старуха не примѣтила, завязала его. Приходитъ Заза-бѣлая корова. „Что это съ твое йрукой?“ спросила она.—„Ничего“.—„А покажи сюда, дитя мое!“ Увидѣвши, что палецъ разбитъ, старуха сказала: „раздѣвайся, дочь моя, и купайся въ этомъ кувшинѣ.“ Дѣвушка раздѣлась, выкупалась въ кувшинѣ и вся стала серебряной. „Купайся же теперь въ другомъ кувшинѣ.“ Дѣвушка выкупалась и сдѣлалась золотою. „Всунь теперь руку въ мое правое ухо!“ Дѣвушка всунула руку въ правое ухо и стала тащить оттуда: мѣдные и фарфоровые кувшины, подносы, чашки, котлы, стеклянные графины и т. п. „Всунь теперь руку въ лѣвое мое ухо,“ сказала опять старуха. И дѣвушка вытащила оттуда: жемчуги, кораллы, шелковыя платья, платки, желтые сапожки, гвоздику и т. п. Потомъ Заза-бѣлая корова одѣла дѣвушку въ красное платье, кормила ее сахаромъ и выдала, наконецъ, за-мужъ за ханскаго сына. На свадьбѣ той я плясалъ, ѣлъ и пилъ, и вотъ къ вамъ пришелъ.

Сунуна.

Въ нѣкоторой странѣ, въ нѣкоторомъ городѣ, жилъ-былъ царь,

не бѣдный, но и не богатый. У царя была жена пригожая, да и самъ онъ былъ не уродъ; но Богъ не посылалъ имъ дѣтей. Много врачи давали снадобій, старухи ворожили, не мало имущества было роздано бѣднымъ, а наслѣдника у нихъ все-таки не было. Но вотъ разъ, когда шелъ проливной дождь, супруги смотрѣли въ окно и увидѣли, что на крышу вмѣстѣ съ дождемъ упало яблоко. Царица подняла его, отдала одну половину его мужу, а сама съѣла другую. И вотъ черезъ нѣсколько дней царица почувствовала себя тяжелою. Вѣсть объ этомъ распространилась всюду; царь задалъ пиръ на цѣлый городъ: играли бубны, дудки, зурны, барабаны и балалайки; розданы были бѣднымъ большіе подарки. Прошелъ затѣмъ день, прошли сутки, прошли недѣли, мѣсяцы и настало царицѣ время родить. Не помню я, въ какую именно ночь; но только ночь была безсолнечная, когда царица родила цѣлую кучу дѣтей. Считали счетомъ, и оказалось сорокъ мальчиковъ. Бабушка испугалась, а сторожъ побѣжалъ доложить радостную вѣсть царю и, снявъ папаху, сказалъ: „царица родила сорокъ мальчиковъ.“ Царь сильно испугался и подумалъ: не къ добру знать такіе роды. Онъ сейчасъ же приказалъ накормить мальчиковъ молокомъ матери, завернуть каждаго въ шелковую ткань и затѣмъ бросить за гору, на покатость.

Волю царя исполнили и бросили младенцевъ за гору, на покатость.

Всходило солнце, заходилъ мѣсяцъ, протекло много лѣтъ, а о царскихъ дѣтяхъ ни слуху, ни духу. За это время сосѣдній ханъ успѣлъ разбить войско царя, завладѣлъ всѣмъ его имуществомъ — и великій царь нашъ сталъ бѣднымъ человѣкомъ.

Вотъ какъ-то мужъ съ женою припомнили прошлое и между прочимъ вспомнили о брошенныхъ дѣтяхъ. „Ступай, посмотри, что сдѣлалось съ дѣтьми“ сказала жена. Мужъ согласился и на другой день отправился за гору, на покатость. Шелъ онъ, шелъ, много-ли, мало-ли шелъ, и вотъ пришелъ въ одинъ аулъ, что выстроенъ за горой, на покатости. Вошелъ онъ въ ворота, но никого не встрѣтилъ; пошелъ на площадь, и видитъ: сидятъ тамъ сорокъ юношей. Когда онъ подошелъ къ нимъ, юноши бросились къ нему въ объятія и кричали: „здравствуй отецъ! добро пожаловать, папа!“ Отецъ удивился и, наконецъ, опомнился, понялъ, что это его дѣти, и началъ передъ ними извиняться: „Простите грѣшному отцу, дѣти, говорилъ

онъ, я испугался, когда мать ваша родила васъ вмѣстѣ.“ — „Богъ тебѣ проститъ, отецъ нашъ! что прошло, того не воротишь,“ сказали дѣти и стали кормить его сахаромъ, поить медомъ. Затѣмъ сыновья сказали: „ступай, отецъ, отыщи для насъ сорокъ дочерей, родившихся отъ одной матери и одного отца.“—„Хорошо, сказалъ отецъ, желѣзные сапоги сдѣлаю, стальную палку возьму, и пойду искать сорока дѣвицъ, родившихся вмѣстѣ отъ одной матери и одного отца.“ Простившись съ дѣтьми, пошелъ онъ домой и разсказалъ женѣ о своей находкѣ. Мать вскочила съ мѣста, надѣла одинъ сапогъ на обѣ ноги и побѣжала къ сыновьямъ. Отецъ же заказалъ желѣзные сапоги, взялъ стальную палку и пустился въ путь искать сорока дѣвицъ. Шелъ онъ, шелъ, высокія горы обогнулъ, узкія ущелья перешелъ, ночью шелъ, днемъ шелъ и на три съ половиною аршина дороги прошелъ. Вотъ, въ одинъ жаркій день, сѣлъ онъ подъ деревомъ, что росло на обширномъ полѣ; вдругъ, невзначай, явился съ противной стороны человѣкъ, также въ желѣзныхъ сапогахъ, съ стальною палкой, и сѣлъ подлѣ него. Завели они разговоръ и стали другъ-друга спрашивать, зачѣмъ и куда идутъ. Незнакомецъ сказалъ: „у меня родилось вмѣстѣ сорокъ дочерей; теперь онѣ требуютъ, чтобы я отыскалъ сорокъ молодыхъ жениховъ, тоже родившихся вмѣстѣ отъ одной матери.“—„А я-то и иду искать такихъ дѣвушекъ!“ сказалъ нашъ путешественникъ—и оба они встали, обнялись и, наконецъ, обручили заочно дѣтей своихъ. Условившись прійти съ сыновьями черезъ недѣлю, нашъ воротился назадъ къ сыновьямъ. Тутъ онъ разсказалъ дѣтямъ о своей находкѣ, и всѣ радовались. Черезъ недѣлю отецъ рѣшился отправиться за невѣстами съ 39 сыновьями, а самаго младшаго, Сунуну, оставилъ при матери. Передъ отъѣздомъ Сунуна сказалъ отцу: „когда ты будешь возвращаться съ невѣстами, ты долженъ будешь идти посреди обширной поляны; тутъ пойдетъ на тебя дождь водяной, каменный, будутъ падать змѣи изъ воздуха, но ты ни за что не останавливайся тамъ. Если жъ ты остановишься, то меня потеряешь.“—Хорошо, сказалъ отецъ, и вмѣстѣ съ 39 сыновьями пустился въ дорогу. Ѣхали они, ѣхали, ночью ѣхали, днемъ ѣхали, доѣхали, наконецъ, до мѣста. Отецъ дѣвушекъ встрѣтилъ гостей дудками, бубнами, пѣснями и плясками. Да что много говорить? Извѣстно, сыграли свадьбу, пировали три дня и три ночи, ѣли сахаръ, пили медъ, и выѣхали наконецъ домой съ сорока дѣвушками. Въ ясный день ѣхали они по той полянѣ, про

которую Сунуна говорилъ своему отцу; вдругъ черныя тучи затемнѣли на небѣ, загремѣла гроза, засверкала молнія — и пошелъ дождь, словно потопъ. Молодые стали упрашивать отца, чтобы онъ остановился, но отецъ вспомнилъ просьбу Сунуны и не согласился. Черезъ часъ вмѣсто дождя изъ тучъ начали падать змѣи—отецъ и тогда не остановился. Затѣмъ пошелъ каменный дождь, и молодые наконецъ заставили отца остановиться. Они разбили палатки и остановились ночевать. Утромъ, на другой день, когда они хотѣли двинуться въ путь, увидѣли, что огромный змѣй-великанъ обложилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Начали упрашивать змѣя, чтобы онъ отпустилъ ихъ; много говорили, но мало тотъ слушалъ. Наконецъ, змѣй сказалъ имъ: „вы мнѣ не нужны; приведите вашего младшаго брата Сунуну и я отпущу васъ, не то погублю всѣхъ.“ Дѣлать было нечего, и отецъ пустился домой за Сунуной.

Въ ту самую ночь Сунуна видѣлъ во снѣ участь отца съ братьями. Рано утромъ онъ сказалъ матери, что поѣдетъ на встрѣчу отцу, и пустился было въ путь, но отецъ встрѣтился съ нимъ и разсказалъ все, что случилось. Сунуна упрекнулъ отца за то, что онъ не исполнилъ его просьбы, а все-таки отправился къ змѣю. „Открой свою пасть, проклятый, проглоти меня и отпусти моихъ братьевъ!“ сказалъ онъ.—„Не нужно мнѣ глотать тебя и не нужны мнѣ также твои братья, сказалъ змѣй-великанъ: а вотъ я поручу тебѣ одно дѣло и если ты обяжешься исполнить его, то я тотчасъ выпущу твоихъ братьевъ.“—„Говори свое порученіе, проклятый, поскорѣе и отпусти братьевъ,“ сказалъ Сунуна.—„За большимъ моремъ, живетъ царь, а у царя дочь: привези ее мнѣ!“ сказалъ змѣй.—„Постараюсь—что могу, то сдѣлаю,“ сказалъ Сунуна. Змѣй-великанъ отпустилъ молодыхъ съ отцемъ, а Сунуна простился съ ними и поѣхалъ по противуположной дорогѣ. Проѣхалъ Сунуна большія поляны, черезъ узкія ущелья переѣхалъ, обогнулъ высокія горы, проѣхалъ дремучіе лѣса, и вотъ въ одномъ мѣстѣ видитъ молодаго человѣка, который, казалось, забавлялся тѣмъ, что пускалъ стрѣлы въ небо. Подъѣхалъ Сунуна, поклонился незнакомцу и спросилъ: „что ты дѣлаешь, братъ?“—„Говорятъ, посланный змѣемъ-великаномъ Сунуна ѣдетъ: ожидаю его и хочу сдѣлаться его товарищемъ,“ отвѣчалъ незнакомецъ.—„Я тотъ самый Сунуна!“ сказалъ этотъ—и оба товарища поѣхали дальше. Проѣхали они мало, проѣхали много и встрѣтили въ одномъ мѣстѣ человѣка, который поднималъ большіе камни, бросалъ ихъ на землю, раз-

бивалъ въ дребезги, и этимъ забавлялся. Подъѣхали они къ незнакомцу и Сунуна спросилъ: „Что, братъ, здѣсь дѣлаешь?“—„Говорятъ, посланный змѣемъ-великаномъ Сунуна ѣдетъ, такъ я ожидаю его, чтобъ сдѣлаться его товарищемъ,“ сказалъ незнакомецъ. „Я тотъ самый Сунуна,“ сказалъ этотъ, и всѣ трое товарищей поѣхали дальше. Ѣхали, ѣхали они, выѣхали на берегъ моря. Здѣсь Сунуна нашелъ водолея, который втягивалъ сразу все море въ ротъ и потомъ опять выливалъ его на мѣсто, и такимъ образомъ забавлялся. „Что здѣсь дѣлаешь?“ спросилъ его Сунуна.—„Ожидаю посланнаго змѣемъ-великаномъ Сунуну,“ сказалъ тотъ.—„Я тотъ самый Сунуна!“—„Такъ я твой товарищъ!“ сказалъ водолей. Теперь нужно было переѣхать на ту сторону моря, а корабля не было. Водолей осушилъ однимъ хлебкомъ море, и всѣ они переѣхали по дну морскому на другую сторону. Затѣмъ водолей вылилъ море на прежнее мѣсто, и оставилъ только у себя во рту про случай 99 кувшиновъ воды. Ѣхали они, ѣхали, днемъ ѣхали, ночью, проѣхали всего на ¼ аршина пути, и пріѣхали въ тотъ самый городъ, гдѣ жилъ царь съ дочерью. Сунува съ товарищами остановился у одной старухи и попросилъ у ней чего-нибудь покушать. Старуха накормила гостей чѣмъ Богъ послалъ, и потомъ спросила: „Откуда ѣдете и куда вамъ добрая дорога, дѣти мои?“—„Мы ѣдемъ по своимъ дѣламъ. А что у васъ въ городѣ новаго и есть-ли у васъ царь?“ спросилъ Сунуна.—„Охъ, не спрашивайте про царя, дѣти мои: это не добро для молодыхъ людей!“—„Что-жъ такое?“—„У насъ есть царь—сказала старуха, послѣ того какъ Сунуна настаивалъ, чтобъ она разсказала про царя—а у царя есть дочь, такая красавица, лучше которой не сотворено на землѣ. Изъ разныхъ странъ приходятъ царевичи просить ея руки, но отецъ издалъ законъ, что руку его дочери получитъ только тотъ, кто исполнитъ три его приказанія. Кто-жъ не исполнитъ ихъ, у того снимаютъ съ плечъ голову. Теперь говорятъ, что змѣй-великанъ влюбился въ нее и шлетъ за нею пословъ; но всѣмъ имъ остаться безъ головъ!“ На другой день, ничего не говоря, Сунуна отправился съ товарищами во дворецъ и объявилъ царю, что онъ пріѣхалъ просить руки его дочери. „Хорошо, сказалъ царь, я тебѣ дамъ три приказанія: исполнишь ихъ—дочь моя будетъ твоею, нѣтъ—я отрублю тебѣ голову.“ Сунуна согласился.

И вотъ разъ царь позвалъ Сунуну съ товарищами. Онъ указалъ имъ на старуху и сказалъ: „Пусть кто-нибудь изъ васъ побѣжитъ

съ этою старухою, и если онъ перегонитъ ее, то вы останетесь побѣдителями, а если она—то я долженъ буду отрубить вамъ головы.“— „Я пойду бѣжать съ старухою,“ сказалъ стрѣлокъ, и они отправились далеко на площадь. Бѣжали они, бѣжали, и старуха было ужъ перегнала, какъ вдругъ стрѣлокъ пустилъ стрѣлу и, положивъ старуху на землю, перегналъ ее. На второй день царь призвалъ Сунуну съ товарищами и сказалъ: „Сегодня я выпущу изъ конюшни трехгодовалаго бычка: пусть кто-нибудь изъ васъ выходитъ ему навстрѣчу.“—„Я пойду ему навстрѣчу,“ сказалъ каменоломъ. Въ городѣ всѣ жители заперлись по домамъ, а чтобъ поглазѣть на диво, взлѣзли на высокія башни. Вотъ выпустили бычка. Выходитъ бычекъ изъ хлѣва и какъ будто хочетъ весь свѣтъ проглотить. Каменоломъ, подпустивъ его къ себѣ, схватилъ огромный камень и ударилъ имъ бычка между рогами. Бычекъ, съ разбитой головой, повалился на землю. „Хорошо, вы побѣдили, сказалъ царь Сунунѣ: теперь остается еще одно приказаніе; если и это исполните, я отдамъ свою дочь.“ На третій день царь призвалъ Сунуну съ товарищами и сказалъ: „Возьми чашку, наполненную до краевъ, и полѣзай съ нею на дерево, а затѣмъ слѣзай, но такъ, чтобы не пролилась ни одна капля: чуть прольется хоть одна капля, я отрублю вамъ головы.“—Хорошо, сказалъ Сунуна, и съ полною чашкою въ рукахъ полѣзъ на дерево. Посмотрѣлъ Сунуна съ дерева въ ту сторону, откуда пріѣхалъ, и увидѣлъ, что его мать и невѣста одѣлись въ трауръ и оплакиваютъ его. Тутъ вытекла слеза изъ глазъ Сунуны и упала на сафьянъ, разостланный подъ деревомъ. Царь обрадовался и приказалъ палачу приготовиться. Но когда слѣзъ Сунуна и осмотрѣли упавшую каплю, то нашли, что она не напитокъ, а слеза. Тогда царь сказалъ: „Хорошо; сегодня переночуйте въ этой деревянной комнатѣ, а завтра я отпущу васъ съ дочерью.“ Сунуна съ товарищами отправился ночевать въ указанную комнату.

Проснулись они въ полночь и увидѣли, что вся комната въ огнѣ; хотѣли выбѣжать, но двери были заперты. Тогда водолей вылилъ взятую про запасъ воду и погасилъ пожаръ. На другой день царь приказалъ было очистить комнату отъ пепла, но ему доложили, что гости живы и сидятъ невредимы. Царь разсердился и наказалъ донесшихъ. Затѣмъ отправилъ своего визиря посмотрѣть, но и онъ нашелъ, что гости сидятъ и играютъ на балалайкѣ. Царю ничего больше не оставалось, какъ отдать дочь Сунунѣ. Навьючилъ онъ на 40 катеровъ ея имущество и отпустилъ.

Ѣхали они, ѣхали, такъ быстро ѣхали, что даже летѣвшая птица не догоняла ихъ; много они ѣхали, высокія горы переѣхали, узкія ущелья проѣхали, и на дорогѣ повстрѣчали много конскихъ табуновъ, много баранты и скотины. „Чьи это стада и табуны?“ спрашивалъ Сунуна.—Это змѣя-великана, отвѣчали пастухи.

Теперь я вамъ разскажу про царевну. Какъ узнала она, что ее везутъ для змѣя-великана, сильно опечалилась и стала упрашивать Сунуну, чтобы онъ избавилъ ее отъ чудовища и взялъ-бы ее за себя. Къ тому-жъ и Сунуна влюбился въ нее и самъ сталъ много думать о томъ, какъ-бы убить змѣя-великана. Вотъ, когда они ночевали у одного пастуха, Сунуна разсказалъ ему объ этомъ. Пастухъ сказалъ: „когда ты пріѣдешь къ змѣю-великану и онъ спроситъ тебя, какой награды ты хочешь отъ него за услугу, то проси саблю въ войлочныхъ ножнахъ; онъ будетъ предлагать тебѣ много богатствъ, но ты ни на что не прельщайся, кромѣ сабли: этимъ только оружіемъ можно убить змѣя, а всякое другое его не беретъ. Сунуна обрадовался и поѣхалъ дальше. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ къ змѣю-великану. Змѣй принялъ гостей радостно, кормилъ сахаромъ, поилъ медомъ и наконецъ спросилъ Сунуну, чего онъ хочетъ себѣ въ награду. Змѣй предлагалъ ему лошадей, скотъ, барановъ, золото, серебро: но Сунуна ничего не хотѣлъ, кромѣ сабли. „Да онѣмѣетъ тотъ, кто научилъ тебя!“ сказалъ змѣй и отдалъ саблю Сунунѣ. Сунуна, какъ будто для осмотра, вынулъ ее изъ ноженъ и, невзначай, ударилъ ею змѣя. Змѣй распался на двѣ половины: одна половина обратилась въ собаку, а другая въ свинью, и обѣ погнались другъ за другомъ. Сунуна надѣлилъ товарищей всѣми богатствами змѣя-великана, а самъ взялъ съ собою что могъ и отправился съ царевною домой. Чуть онъ пріѣхалъ, всѣ обрадовались, сняли съ себя трауръ, надѣли красныя шелковыя платья и сорокъ дней, сорокъ ночей справляли свадьбу. Устроили пиръ великій, пѣли пѣсни, бубенъ гремѣлъ, зурна свистала, барабаны били, также не забыли и дудокъ. Сунуна женился на царевнѣ и на прежней своей невѣстѣ. Онѣ сыновей рожали, похожихъ на отца, а дочерей — похожихъ на мать. Такими я ихъ оставилъ и вотъ пришелъ къ вамъ.

Человѣкъ и змѣя.

Однажды шелъ по степи человѣкъ и увидѣлъ, что въ ямѣ, гдѣ проѣзжіе купцы развели огонь, лежитъ змѣя. Человѣкъ взялъ палку и выбросилъ змѣю изъ огня, но она упала на шею своему спасителю и начала душить его. „Я тебя спасъ отъ смерти, сдѣлалъ тебѣ добро, за что же ты хочешь меня удушить? сказалъ человѣкъ.—„За то, отвѣчала змѣя, что слѣдуетъ платить зломъ за добро, и если ты мнѣ не вѣришь, такъ пойдемъ спросимъ быка, который вонъ тамъ пасется.“ Пошли они къ быку, а быкъ этотъ былъ изнуренъ долголѣтнею работою и теперь, какъ негодный, брошенъ на степи. „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣка?“ спросили они быка.—„Вотъ я вамъ примѣръ, сказалъ быкъ: когда я былъ въ силахъ и въ тѣлѣ, человѣкъ заставлялъ меня работать на себя; я пахалъ ему пашню, и выколачивалъ ему на гумнѣ хлѣбъ: теперь-же, когда я заболѣлъ, исхудалъ и сдѣлался неспособнымъ къ работѣ, человѣкъ бросилъ меня на степи безъ всякаго призора и живу я подъ страхомъ, что вотъ-вотъ растерзаютъ меня звѣри; слѣдовательно, судя по людскимъ поступкамъ, за добро слѣдуетъ платить зломъ,“ закончилъ быкъ.—Слышишь? спросила змѣя.—Слышу, печально сказалъ человѣкъ. „Пойдемъ еще, спросимъ у лошади: она вонъ тамъ лежитъ.“ Пошли они къ лошади и нашли ее запаленною, худою, слѣпою, хромою и израненною.—Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро? спросили они.—„Вотъ я вамъ примѣръ, сказала лошадь: когда я была жирною и сильною, я усердно работала на человѣка, возила его на своей спинѣ, возила ему хлѣбъ и все, что ему нужно было; а вотъ, когда я сдѣлалась неспособною къ работѣ, хозяинъ бросилъ меня безъ всякаго присмотра на съѣденіе звѣрямъ; слѣдовательно, за добро люди платятъ зломъ,“ сказала лошадь.—Слышишь? спросила змѣя.—Слышу, сказалъ человѣкъ.—„Таковы-то вы, люди, продолжала змѣя,—таковы-то вы къ быку и къ лошади, которыми дорожите и которыхъ и въ холодъ и въ жаръ вы стараетесь и беречь и кормить, пока не потеряете надежды на ихъ жизнь: вотъ слышалъ, какое рѣшеніе они произнесли тебѣ. Что-же должна сказать змѣя, которую, чуть вы ее увидѣли гдѣ-нибудь, тотчасъ бѣжите убивать? Но такъ и быть: я отпущу тебя, только подъ условіемъ: ты дашь мнѣ клятву, что впредь не будешь убивать змѣй.“ Человѣкъ поклялся, и змѣя спрыгнула съ шеи его.—Теперь иди за мной! сказала змѣя. Человѣкъ по-

шелъ. Подлѣ одного камня змѣя остановилась и сказала: „стой здѣсь!“, а сама полѣзла въ нору, подъ камень.

Человѣкъ стоялъ и боязливо размышлялъ: „чего добраго! она, быть можетъ, отправилась пригласить побольше змѣй, чтобы окончательно задушить меня,“ какъ вдругъ видитъ, что змѣя выползла изъ норы и держитъ во-рту золотую монету. Отдавъ ее человѣку, змѣя сказала: „каждый день приходи сюда и каждый день зови меня: ты будешь получать всегда по золотой монетѣ, но только помни: никому не говори про это, иначе для тебя все погибло.“ Человѣкъ поблагодарилъ и ушелъ домой.

Каждый день ходилъ бѣднякъ къ знакомому камню и каждый разъ получалъ отъ змѣи по одной золотой монетѣ, и когда такимъ образомъ накопилось у него порядочное количество золотыхъ, онъ задумалъ ѣхать торговать, а на своемъ мѣстѣ пожелалъ оставить сына, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ получалъ отъ змѣи золотыя. Для этого бѣднякъ привелъ своего сына къ змѣѣ и сказалъ ей: „это мой сынъ, я ѣду по торговымъ дѣламъ въ чужой городъ и вотъ привелъ его къ тебѣ, чтобы ты, во время моего отсутствія, отдавала ему золотыя.“—Можетъ-ли онъ сохранить тайну и оцѣнить добро? спросила змѣя. Человѣкъ поклялся, и строго запретилъ сыну кому бы то ни было открывать тайну.

Прошло нѣсколько дней, и сынъ бѣдняка получалъ отъ змѣи исправно по одному золотому каждый день. Но вотъ однажды сынъ призадумался: „здѣсь, должно быть, зарытъ кладъ, сообразилъ онъ: что мнѣ ежедневно ходить сюда? Не лучше-ли убить змѣю и выкопать казну сразу?“ Рѣшивъ такимъ образомъ, онъ, когда змѣя выползла изъ норы съ золотомъ во-рту, ударилъ ее, но ударъ пришелся по хвосту и отбилъ его; тогда змѣя обернулась на мальчика—и онъ палъ мертвымъ. Такимъ его нашли подлѣ камня и никто не зналъ и не догадывался, въ чемъ тутъ было дѣло. Черезъ нѣсколько времени отецъ возвратился изъ путешествія: вышли къ нему на встрѣчу родственники, но между ними не было сына. „Гдѣ-жъ сынъ?“ спросилъ отецъ.—Онъ остался дома, сказали ему. Отецъ пришелъ домой и тутъ только узналъ, что сынъ его умеръ. Онъ поспѣшилъ къ своей знакомой змѣѣ и кликнулъ ее: змѣя выползла, но уже безъ золота. Тутъ разсказала она, какъ было дѣло.—„Ну, что-жъ теперь? прошлаго не воротишь! сказалъ отецъ, а все-таки я буду приходить къ тебѣ и ты по прежнему выноси мнѣ золото.“—Нѣтъ, теперь все

конечно, сказала змѣя: ты мнѣ больше не другъ, ибо змѣя не забываетъ отрѣзаннаго хвоста, а отецъ не забываетъ убитаго сына.

Опечаленный, человѣкъ возвратился домой и сказалъ самъ себѣ: ,,кто льстится на большее, тотъ теряетъ и малое.“

Дуракъ-мужъ.

Жили-были мужъ да жена. Богатства у нихъ только и было, что быкъ. Мужъ все пристаетъ: ,,пойду я продамъ быка,“ а жена ему въ отвѣтъ: ,,не продавай быка: онъ намъ нуженъ, безъ него намъ будетъ жизнь не въ жизнь.“ Вотъ однажды мужъ повелъ быка, а въ озерѣ квакаетъ лягушка. ,,Ахъ, ты, проклятая!“ говоритъ мужъ.—Продай быка, продай быка! квакаетъ лягушка.—,,Продамъ, коли дашь 16 монетъ.“ А лягушка все квакаетъ. Разсердился мужъ, да и бросилъ въ нее камнемъ. Камень съ шумомъ пошелъ ко-дну, лягушка скрылась, а мужу слышится, что кто-то говоритъ: ,,иди, возьми деньги!“ Вотъ онъ раздѣлся и пошелъ по озеру къ тому самому мѣсту, гдѣ видѣлъ лягушку. И что-жъ? въ самомъ дѣлѣ, стоитъ тамъ чашка съ серебромъ. Взялъ онъ оттуда 16 монетъ, оставилъ быка на берегу лягушкѣ, а самъ пошелъ домой. Быкъ, между тѣмъ, по ближайшей дорогѣ, прибѣжалъ домой прежде своего хозяина и жена успѣла загнать его въ хлѣвъ; какъ вотъ приходитъ мужъ и говоритъ женѣ: продалъ быка лягушкѣ за 16 рублей: вотъ и деньги. Жена было накинулась съ ругнею на мужа, а какъ увидала деньги, тотчасъ пристала: это откуда? гдѣ взялъ?—,,У лягушки взялъ; у ней цѣлая чашка съ деньгами: хочешь, и тебѣ покажу?“ говоритъ мужъ.

Вотъ ночью мужъ съ женою пошли на озеро; дѣйствительно: стоитъ тамъ чашка съ серебромъ. Жена, тайкомъ отъ мужа, захватила ее и закопала у себя въ домѣ. Потомъ приготовила она хорошій ужинъ, накормила мужа-дурака, напоила его крѣпкою бузою и уложила пьянаго спать. Затѣмъ сварила сладкую халву, разложила ее кусками на крышѣ дома и будитъ мужа: ,,вставай, мужъ: изъ халвы дождь пошелъ, пойдемъ сбирать.“ — Изъ халвы дождь пошелъ? пойдемъ, пойдемъ, жена! пойдемъ скорѣе, соберемъ ее!—и оба отправились на крышу и стали собирать ее. На утро пошелъ мужъ на площадь и давай хвастаться: нашелъ-де у лягушки чашку съ серебромъ. Люди слушали, слушали да и думаютъ: ,,а, можетъ, и въ

правду онъ нашелъ деньги.“ Слухъ объ этихъ деньгахъ дошелъ и до хана. Вотъ посылаетъ онъ нукеровъ въ домъ дурака-мужа, чтобы отобрать ихъ. „Да мужъ мой вретъ, говоритъ жена: онъ, дуракъ, обманулъ васъ, никакихъ денегъ не было.“—Ты сама врешь, говоритъ мужъ. А помнишь, въ ту ночь еще халвовый дождь пошелъ?—Нукера, услышавъ это, посмѣялись, да и говорятъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ дуракъ; пошли и доложили хану: это дуракъ болталъ, что нашелъ деньги.

Оселъ и быкъ.

Оселъ и быкъ шли по узкой дорогѣ, пролегавшей по окраинѣ скалы; быкъ шелъ впереди, а оселъ назади. Достигнувъ самаго дурнаго мѣста дороги, оселъ вступилъ въ споръ съ быкомъ, говоря: я пойду впереди. Быкъ сказалъ ему: почему тебѣ идти впереди,—я и больше тебя и лучше тебя, а ты нечистый рабъ, котораго держатъ для того, чтобы мнѣ таскать кормъ; я и хозяину любезенъ и мясомъ чистъ и живой весьма-полезенъ и, когда убитъ, приношу пользу: во мнѣ все хорошо. Потомъ сказалъ оселъ: я съ тобой не соперничаю ни добротой, ни ростомъ, но, такъ-какъ я тебѣ хотя малую, да принесъ пользу, и былъ твоимъ товарищемъ, то выслушай меня. Если здѣсь одинъ изъ насъ полетитъ внизъ, то, — если это будешь ты,—на меня навалятъ твое мясо и шкуру, — если-же я,—то тебѣ до этого нѣтъ дѣла; потому-то я и хочу идти впереди; ужъ если упасть, то пусть самъ собою упаду.

Быкъ согласился; оселъ пошелъ впереди, быкъ назади, — оба прошли благополучно.

Левъ и кабанъ.

Однажды съ кабаномъ въ лѣсу встрѣтился левъ. Кабанъ сказалъ льву: ты весьма гордъ, думая, что сильнѣе тебя нѣтъ никого на свѣтѣ, приди теперь и вступи со мною въ бой, чтобы показать, кто изъ насъ сильнѣе. Левъ отвѣтилъ ему: о безумный! если я съ тобою вступлю въ бой, то, быть можетъ, ты меня и одолѣешь и тогда на меня падетъ стыдъ; если же я тебя одолѣю, то чистые кости мои запачкаются твоею нечистою кровью; притомъ, если съ тобою вступлю я въ бой, то другіе станутъ упрекать меня, говоря,

что левъ вступилъ въ бой съ кабаномъ. Ступай прочь, здѣсь мнѣ все равно, что передъ тобою уступилъ я на словахъ. Левъ пошелъ своей дорогой.

Шакалка.

Однажды лисица подружилась съ шакалкою. Обѣ подруги отправились въ путь искать счастья. На дорогѣ онѣ проголодались, и вдругъ нашли дохлую курицу. Лисица задумала, какъ-бы съѣсть курицу одной. „Давай, другъ мой, шакалка—говоритъ она — отдадимъ эту курицу тому изъ насъ, кто старше лѣтами; а то, если мы обѣ раздѣлимъ ее пополамъ, то ни тебѣ не будетъ поживы, ни мнѣ.“ —„Хорошо, отвѣчала шакалка, а скажи, сколько тебѣ лѣтъ?“ Обрадовавшись согласію подруги, лисица сказала; „Я участвовала въ походахъ Ноя, и мнѣ было тогда не менѣе 15 лѣтъ.“ Въ это время шакалка зарыдала и произнесла печально: „Ахъ, зачѣмъ ты напомнила мнѣ забытое горе!“—Что съ тобой? спросила лисица.—„Какъ что? Вѣдь въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ ты участвовала, убили моего юнаго единственнаго сына.“—„Ну, такъ ты старше меня.... кушай курицу!“ сказала лисица съ досадою. Шакалка съѣла курицу, и подруги отправились дальше. Шли онѣ вмѣстѣ, шли, ничего съѣдомаго не встрѣчая по дорогѣ, какъ вотъ въ одномъ мѣстѣ нашли баранью голову. Лисица, голодная до изнеможенія, начала опять придумывать, какъ бы ей одной съѣсть голову. „Послушай, другъ мой, сказала она шакалкѣ: намъ и эту голову нечего раздѣлять пополамъ; давай ляжемъ спать, и кому лучшій сонъ привидится, тотъ пусть и голову съѣстъ!“—Хорошо, сказала шакалка, и тотчасъ легла и захрапѣла, точно и въ самомъ дѣлѣ сонная, а когда лисица также легла и дѣйствительно заснула, она встала, съѣла голову и опять улеглась. Проснувшись въ одно время, пустились онѣ въ распросы. „Ты что, сестрица, видѣла во снѣ?“ спросила шакалка.—„О, какой прекрасный сонъ! сказала лисица. Мнѣ снилось, будто у царя во дворцѣ свадьба, и на царской кухнѣ разныя вкусныя кушанья готовятъ. Я тоже пошла на кухню; никто не прогонялъ меня и я кушала тамъ такіе вкусные мяса, сыры, пловъ, о какихъ я никогда не мечтала. А ты что видѣла, сестрица?“ спросила она у шакалки.—„Мнѣ снилось, что ты дѣйствительно отправилась на царскую свадьбу, и думая, что ты тамъ покушаешь досыта, я встала и съѣла баранью голову.“ Лисицѣ ничего больше не оставалось, какъ разстаться съ подругой; голодная, пошла она съ досадою особой дорогой.

Лисица и змѣя.

Какъ-то разъ лисица подружилась съ змѣею. Идучи вмѣстѣ, пришли онѣ къ рѣкѣ. ,,Я не умѣю плавать, сказала змѣя: возьми меня на свою спину и не оставляй здѣсь вѣрнаго своего друга.''—,,Хорошо!'' сказала лисица, и змѣя обвилась вокругъ ея шеи. Какъ только онѣ доплыли до середины рѣки, змѣя начала душить своего товарища.,,Что ты дѣлаешь?'' спросила лисица.—,,Хочу тебя удушить,'' отвѣчала змѣя. Послѣ долгихъ напрасныхъ увѣщаній, лисица убѣдилась въ измѣнѣ своего спутника и вздумала спастись хитростью. ,,Мы были хорошими друзьями и теперь разстаемся на вѣки; позволь же мнѣ хотя взглянуть въ послѣдній разъ въ твое лицо,'' сказала она. Когда змѣя вытянула голову впередъ, чтобы посмотрѣть на свою жертву, лисица въ этотъ мигъ схватила ее за голову и сгрыала ее зубами, а когда переплыла на другой берегъ, выпрямила тулопище змѣи на дорогѣ и сказала: ,,вѣрный другъ долженъ быть вотъ такимъ—прямымъ.''

Оселъ и муравей.

Однажды муравей возвращался съ плоскости съ вьюкомъ соли. Повстрѣчался съ нимъ оселъ, и говоритъ: ,,Откуда, муравей?''—Съ плоскости.—,,Что тамъ трава зеленая есть?''—,,О, оселъ, еще какая трава, просто выше колѣна! Повѣришь-ли, я черезъ силу могъ идти.'' Оселъ вскрикнулъ отъ радости и побѣжалъ на плоскость, но не отыскалъ тамъ травы и издохъ съ голоду.

Волкъ и лисица.

Лисица крала куръ изъ аула. Жители догадались въ чемъ дѣло, подкараули ее и, поймавши, поколотили хорошенько. Высвободившись кое-какъ, шла она съ опухшимъ лицомъ и повстрѣчала волка. ,,Откуда, сестрица?'' спросилъ онъ.—,,Была на свадьбѣ, и до того наѣлась, что на силу иду.''—,,Гдѣ-жъ свадьба? и я пойду,'' сказалъ волкъ.—,,Вонъ тамъ!'' и она указала на то самое мѣсто, гдѣ ее прибили. Волкъ отправился туда, и караулъ угостилъ его на славу палками. Волкъ однако кое-какъ успѣлъ убѣжать и сталъ придумывать, какъ-бы отомстить лисицѣ.

Разъ онъ подсмотрѣлъ лису и сталъ наблюдать, куда она

войдетъ. Лисица тоже замѣтила волка и потихоньку отправилась въ кузницу, стоявшую вблизи аула. Волкъ за ней вслѣдъ, и видитъ, что лисица сидитъ подлѣ наковальни съ молоткомъ въ лапахъ. „Постой-же, проклятая, я раздѣлаюсь съ тобой,“ закричалъ онъ. Лиса посмотрѣла на него и сказала: „что ты говоришь, братъ? я вѣдь лисица-кузнецъ, а та, что тебя обманула, совсѣмъ другая.“—„Такъ возьми меня въ ученика; я не могу теперь охотиться и буду жить съ тобою,“ сказалъ волкъ. „Хорошо, сказала лисица, садись тутъ, а я пойду достану работу.“ Лисица заперла дверь и убѣжала. Пришелъ кузнецъ, увидѣлъ волка, и взявши большую палку, хорошенько поколотилъ его. Волкъ выбѣжалъ изъ кузни весь избитый, и думалъ: „попадись-же теперь, окаянная, я знаю, что съ тобою сдѣлать.“ И вотъ, дѣйствительно, встрѣтился онъ опять съ лисицею. Зная, что месть ждетъ ее неизбѣжно, лиса завернула на мельницу. Волкъ за ней туда же, и говоритъ: „постой, обманщица, посмотрю я, куда ты уйдешь теперь отъ меня!“ Лисица взглянула на него и, какъ будто удивленная, сказала: „я уже пять лѣтъ мельникомъ, а обманщица—лисица совсѣмъ другая.“—„Такъ покорми меня, сестрица, я съ голоду умираю, по милости окаянной обманщицы,“ сказалъ волкъ. —„Садись сюда, а я сейчасъ пойду за водою и сдѣлаю тебѣ толокно,“ сказала лисица и указала на жерновъ. Волкъ сѣлъ на указанномъ мѣстѣ, а лиса пошла къ канавѣ и выпустила воду въ желобъ. Жерновъ завертѣлся и раздробилъ волку черепъ. Лиса поплакала, поплясала вокругъ трупа, а потомъ пошла своей дорогой. И я тоже пришелъ къ вамъ своей дорогой.

Лисица и волкъ.

Однажды левъ заболѣлъ, и всѣ звѣри навѣстили его, кромѣ живущей по сосѣдству лисицы.

Волкъ, прислуживавшій у льва, говоритъ ему: „вотъ всѣ звѣри пришли посѣтить тебя, а эта негодная лисица до-сихъ-поръ не явилась“. Левъ страшно разсердился и далъ слово, что при первой явкѣ лисицы, она будетъ растерзана. Лиса, провѣдавъ объ этомъ, отправилась ко льву. „Какъ ты осмѣлилась до-сихъ-поръ не явиться и не посѣтить меня“? закричалъ левъ.—Я искала для тебя лекарства и какъ только нашла его, тотчасъ-же пришла тебѣ сказать о немъ, отвѣчала лисица.—„Какое-жъ лекарство ты нашла?“ спросилъ обра-

дованный левъ.—Самое вѣрное лекарство—это волчья нога, отвѣчала лисица. Левъ тотчасъ-же схватилъ за ногу волка, который стоялъ тутъ, и отгрызъ ее. Затѣмъ лисица увидала какъ-то волка, который шелъ мимо съ окровавленными ногами, и сказала ему: „кто говоритъ то, что ему не слѣдуетъ говорить, тотъ, обыкновенно, надѣваетъ вотъ такіе красные чеваки.“

Котъ и мышь.

Однажды котъ погнался за мышью, но не могъ ее поймать. Тогда онъ захотѣлъ обмануть мышь и сказалъ: „ты такая расторопная и быстрая на ходу; выходи же изъ норки и сбѣгай вотъ къ той норѣ; я тебѣ за это дамъ цѣлую сабу пшеницы.“—„Нѣтъ, котъ, сказала мышь: работа очень мала, а плата черезъ-чуръ велика: это не можетъ быть безъ особенной цѣли.“

Курочка и лисица.

Однажды сорока свила себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ и вывела въ немъ дѣтенышей. Голодная лисица пронюхала объ этомъ, подбѣжала къ дереву и закричала: „эта пашня моя, и покосъ этотъ мой, и дерево мое. Кто такой на деревѣ?“—Я, отвѣчала сорока. „Бросишь-ли ты мнѣ свое дитя, или же мнѣ срубить дерево?“ спросила лисица.—Нѣтъ, нѣтъ, не руби дерева, возьми лучше дитя, сказала сорока и бросила ей одного изъ своихъ дѣтенышей. Лисица съѣла его, и пошла своей дорогой. На другой день лиса опять явилась и сказала: „Эта пашня моя, и покосъ этотъ мой и дерево на покосѣ мое. Кто же это на деревѣ?“—Я, я, отвѣтила ей сорока. —„Что, дитя бросишь, или же мнѣ рубить дерево?“—Нѣтъ, нѣтъ! возьми себѣ еще дитя, да только не руби дерева, отвѣчала сорока. Съѣвши второе дитя, лисица пошла дальше. Межъ тѣмъ пролетала мимо курочка и спросила сороку: „что ты, сосѣдка, такъ печальна?“ Сорока разсказала ей про свое горе. „Ну, если лисица прійдетъ еще, такъ скажи, чтобы она дерево рубила, а дитяти не бросай!“ сказала курочка. На третій день лисица опять явилась и повторила свой обычный вопросъ. „Руби дерево, а дитяти теперь не дамъ,“ сказала сорока.—„Кто это тебя на умъ навелъ?“ спросила лисица.—А вотъ та курочка, отвѣтила сорока. Раздосадованная лисица подошла къ сидѣвшей на камнѣ курочкѣ и сказала: „Ты такъ прекрасно

поешь, красавица, а умѣешь-ли ты пѣть, зажмуривъ глазки?“ Курочка, прельстившись похвалою, закрыла глаза и начала пѣть, а лисица въ это время подкралась и поймала ее: „не учи другихъ уму, сама останешься въ дуракахъ,“ сказала лиса. —„Сестрица, неужели ты съѣшь меня, не поблагодаривъ аллаха за то, что я, такая прекрасная, попалась тебѣ въ зубы?“ проговорила курочка. Лисица, забывшись отъ восторга, открыла ротъ и хотѣла было сказать: „благодарю тебя, аллахъ“,—какъ вдругъ курочка вспорхнула, полетѣла и, сѣвши на камнѣ, запѣла: „Да будетъ проклятъ тотъ, кто зажмуритъ глаза, когда не спитъ!“ Въ свою очередь отвѣчала лисица: „да будетъ проклятъ тотъ, кто поблагодаритъ аллаха, прежде чѣмъ не наѣстся!“

Сорока.

Однажъ разъ сорока давала своимъ дѣтямъ слѣдующее наставленіе: „Когда человѣкъ нагнется къ землѣ, то значитъ, онъ хочетъ достать что-нибудь и ударить васъ; вы должны тогда сейчасъ-же убѣгать.“—„А если убѣжать, какъ только покажется человѣкъ?“ спросила одна изъ маленькихъ.—„Тогда еще лучше, умница ты моя“, сказала мать и, желая приласкать свое дитя, клюнула его носикомъ, такъ что разбила черепъ и умертвила свою умницу.

Однажды орѣховая скорлупа, комъ толокна и муха подружились и шли вмѣстѣ. На дорогѣ они встрѣтили ручеекъ. „Прежде я переправлюсь,“ сказала орѣховая скорлупа. Но какъ только бросилась она въ ручеекъ, вода подхватила ее и понесла внизъ, На помощь къ ней подоспѣлъ комъ толокна—и тотчасъ растворился. Муха же перелетѣла на другую сторону ручейка и, сѣвши на камнѣ, хохотала, хохотала надъ своими товарищами до того, наконецъ, что у ней лопнуло брюшко отъ смѣха и она издохла.

АНЕКДОТЫ.

I.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ попросилъ у своего сосѣда на время большаго котла. Сосѣдъ далъ ему. Черезъ недѣлю мулла принесъ хозяину большой котелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другой, маленькій. ,,А это что такое?'' — ,,Это твой котелъ родилъ!'' Хозяинъ принялъ оба котла.

Спустя нѣсколько, мулла Насръ-Эддинъ опять пошелъ къ сосѣду просить котла; сосѣдъ далъ ему его съ удовольствіемъ. Проходитъ недѣля, мѣсяцъ, два, три—котла нѣтъ. Хозяинъ идетъ къ муллѣ и проситъ назадъ свой котелъ. ,,Котелъ умеръ!'' сказалъ мулла.—,,Какъ! развѣ котелъ умираетъ?'' воскликнулъ хозяинъ.—,,А какъ ты думаешь? Когда онъ могъ родить, то стало могъ и умереть. Къ тому же онъ умеръ отъ родовъ,'' прибавилъ мулла Насръ-Эддинъ. Хозяинъ, не желая посраниться передъ народомъ, прекратилъ дѣло о котлѣ, и ушелъ.

II.

У одного цудахарца околѣлъ оселъ. Цудахарецъ пріунылъ и чуть не плакалъ. Прохожій говоритъ ему: ,,не печалься: аллахъ дастъ тебѣ лучшаго осла!''—,,Нѣтъ, братъ, сказалъ цудахарецъ, я лучше тебя знаю своего аллаха: онъ меньше чѣмъ за 12 рублей не дастъ хорошаго осла!''

III.

Приходитъ горецъ къ своему сосѣду—старику и проситъ у него осла на время. ,,Осла дома нѣтъ!'' сказалъ старикъ. Тутъ, на бѣду, изъ конюшни послышалось: е-у, е-у! — ,,Да вотъ онъ тамъ, въ конюшнѣ,'' сказалъ проситель.—,,Экой ты дуракъ, невѣжа! крикнулъ старикъ: ослу вѣришь, а мнѣ—съ сѣдою бородою не вѣришь!''

IV.

Кюринецъ, учившійся въ Казикумухѣ, сказалъ одному тамошнему жителю: ,,какой трудный вашъ языкъ: я бы, кажется, никог-

да не могъ ему научиться!“—„Не правда, у насъ его знаютъ даже самыя маленькія дѣти,“ отвѣтилъ казикумухецъ.

V.

Какой-то цудахарецъ *) слышалъ отъ муллы, что каждый долженъ поститься только тогда, когда увидитъ луну. Цудахарецъ рѣшился не смотрѣть на небо, пока пройдетъ рамазанъ. Но однажды, когда онъ нагнулся къ ручью напиться, увидѣлъ тамъ отраженіе луны и сказалъ: „Ну, не мечись въ глаза!—завтра же начну поститься.“

VI.

Однажды какой-то горецъ отправился въ Закатальскій округъ. Завернувъ подъ вечеръ къ своему кунаку, онъ замѣтилъ, что тотъ спряталъ, при его приходѣ, котелъ съ пловомъ и вареным гусемъ, а его между тѣмъ сталъ угощать только хлѣбомъ и сыромъ. Когда настала ночь и всѣ легли спать, горецъ на четверенькахъ подобрался къ котлу и пересыпалъ пловъ съ гусемъ въ свою котомку. Утромъ, когда кунаки завтракали, разговоръ зашелъ объ ихъ лѣтахъ и горецъ-гость спросилъ между прочимъ хозяина: „помнишь-ли ты, какъ царь-гусь съ своими бѣлыми войсками двинулся изъ города Казана (котелъ, по-татарски) въ городъ Дагарь (котомка)?“—„Нѣтъ, не помню. Это, вѣроятно, было очень давно,“ замѣтилъ хозяинъ.„—А я помню, что я тогда ходилъ на четверенькахъ,“ сказалъ гость.—„О, въ такомъ случаѣ ты старше меня!“ отвѣчалъ хозяинъ. Горецъ затѣмъ пошелъ съ котомкою своей дорогой.

VII.

Двое шли вмѣстѣ и разговаривали. Одинъ говорилъ: „у моего отца была такая морковь, что мы на нее хлѣбъ сносили, вымолотили его на ней, и потомъ, наконецъ, выкопали ее изъ земли.“ Тогда другой прервалъ: „а у моего отца котелъ былъ; заказалъ онъ его 40 мастерамъ и эти 40 мастеровъ сидѣли въ самомъ котлѣ и работали его цѣлый годъ.“—„На что же такой большой котелъ“? спросилъ товарищъ.—„Вѣроятно для того, чтобы сварить морковь твоего отца,“ отвѣчалъ другой.

*) Цудахаръ—общество Даргинскаго округа, сосѣднее съ Казикумухскимъ округомъ.

VIII.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ несъ хану въ подарокъ жаренаго гуся; но на дорогѣ соблазнился и съѣлъ отъ него ногу. „Гдѣ-же еще нога?“ спросилъ ханъ.—„У нашихъ гусей только по одной ногѣ,“ отвѣчалъ мулла.—„Какъ такъ?“ возразилъ ханъ.—„Если не вѣришь, такъ вотъ посмотри!“ сказалъ мулла, указывая на гусей, только что вышедшихъ изъ воды и стоявшихъ каждый на одной ногѣ. Ханъ бросилъ палку—и гуси побѣжали. „А вотъ у нихъ по двѣ ноги,“ сказалъ ханъ.—„Не мудрено, отвѣчалъ мулла: еслибъ такою палкою пустить въ тебя, такъ у тебя стало-бъ четыре ноги.“ Ханъ подарилъ ему дорогой халатъ и отпустилъ домой.

IX.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ, идя, дошелъ до берега рѣчки. Отступивъ и, потомъ, прыгнувъ, мулла Насръ-Эддинъ упалъ въ самую середину рѣчки. Тотчасъ воскликнулъ онъ: увы! прошла моя молодость! Потомъ, сказываютъ, осмотрѣвшись вокругъ и не видя никого, добавилъ: по правдѣ сказать, и въ молодости я былъ такой же, какъ теперь.

X.

Хутскій *) слѣпой шелъ разъ ночью отъ воды, держа въ рукѣ кувшинъ со свѣчей. Нѣкто, встрѣтясь съ нимъ, сказалъ: слѣпой, тебѣ все равно, что день, что ночь; какая же тебѣ польза отъ свѣчи? Слѣпой отвѣтилъ: я держу свѣчу не для того, чтобы самому себѣ свѣтить; но для того, чтобы такой, какъ ты, безумецъ, встрѣтившись со мною, не разбилъ моего кувшина.

XI.

Въ домъ бѣдняка забрелъ ночью воръ, и въ темнотѣ наткнулся на вбитый въ стѣну колышекъ и выкололъ себѣ глазъ. На другой день воръ обратился съ жалобой къ хану, зачѣмъ-де хозяинъ дома вбилъ въ стѣну колышекъ, на который онъ выкололъ глазъ. Ханъ потребовалъ хозяина дома и спросилъ его: „зачѣмъ ты вбилъ колышекъ въ стѣнку—не за тѣмъ-ли, чтобъ воръ выкололъ себѣ глазъ?“—„Мнѣ нуженъ колышекъ для навѣшиванья одежды“—отвѣчалъ хозяинъ. На это ханъ замѣтилъ, что законъ повелѣваетъ „глазъ за глазъ,“

*) Аулъ Хутъ (на картахъ—Хитлю) въ Мугархскомъ ваибствѣ Казикумухскаго округа.

а потому необходимо глазомъ же удовлетворить вора.—„Я портной, сказалъ бѣднякъ: мнѣ нужны оба глаза; а вотъ у меня есть сосѣдъ, стрѣльный мастеръ; онъ всегда смотритъ только однимъ глазомъ, когда дѣлаетъ направку стрѣлы, такъ что ему другой глазъ неособенно нуженъ. Будь такъ правосуденъ, прикажи выколоть глазъ у него, а мой пощади".—Хорошо, сказалъ ханъ, вытребовалъ стрѣльнаго мастера и объявилъ ему въ чемъ дѣло.—„Для меня необходимы оба глаза—отвѣтилъ стрѣльный мастеръ; потому что мнѣ нужно смотрѣть по обѣимъ сторонамъ стрѣлы—прямо-ли она или же нѣтъ. А вотъ у меня есть сосѣдъ музыкантъ: онъ, когда играетъ на зурнѣ, всегда закрываетъ оба глаза, такъ что ремесло его нисколько не потерпитъ, если онъ будетъ безъ глаза. Будь такъ правосуденъ, прикажи выколоть глазъ у него, а мой пощади." Ханъ согласился, вытребовалъ къ себѣ музыканта и приказалъ выколоть у него одинъ глазъ, при чемъ объявилъ, что другой глазъ оставляется ему въ знакъ особенной ханской милости.

ПОСЛОВИЦЫ *).

У кого семь дочерей—у того домъ валится; высится-же домъ у того, у кого семь сыновей.

Сытый голоднаго не разумѣетъ.

Кто любитъ хозяина, тотъ и собакѣ его кость броситъ.

Поле словами не засѣваютъ.

Непрошеное слово—наваръ безъ соли.

Каждому своя родина—Багдадъ.

Слѣпой глазами—несчастенъ, но слѣпой сердцемъ—несчастнѣе.

Лучше попасть въ бровь, чѣмъ въ глазъ.

Кто безъ труда хлѣбъ пріобрѣтаетъ, тотъ ѣсть не умѣетъ.

Кому не любо чужое счастье, тотъ пусть и себя не любитъ.

Одинакова польза—что отъ свѣчки при солнцѣ, что отъ слова, сказаннаго тому, кто его не понимаетъ.

Мышь играетъ въ сараѣ—гдѣ нѣтъ кошки.

---

*) Въ дополненіе къ пословицамъ, помѣщеннымъ въ статьѣ г. П. У., стр. 18.

Ненавистный человѣкъ губами цалуетъ, а зубами кусаетъ.

Для мужчины довольно одного слова, а для хорошей лошади довольно одного удара плети.

Семь вкусовъ на одежду человѣка, но одинъ вкусъ на его станъ.

Медвѣдь, когда захочетъ съѣсть свое литя,—обмокнетъ его въ грязь.

Двѣ жены у одного мужа—постоянная свадьба,

Хлѣбы выпекаетъ печь, а жену—мужъ.

Жена съ дурнымъ языкомъ—неизлечимая болѣзнь.

У кого лѣтомъ не будетъ кипѣть мозгъ, у того зимою не закипитъ котелъ.

Храбрость есть терпѣніе на одинъ часъ.

Прежде—товарищъ, потомъ—дорога.

Топоръ, строившій домъ, остается за дверями.

Не забываетъ змѣя того, кто отрѣзалъ у нея хвостъ: не забываетъ и отецъ того, кто убилъ у него сына.

Кто сердится безъ причины, тотъ мирится безъ прибытка.

Дѣтскія привычки и въ зрѣломъ возрастѣ не покидаются.

Кому неизвѣстна цѣнность малаго, тому неизвѣстна и цѣнность великаго.

Кто видѣлъ, тотъ знаетъ.

На что слѣпому красавица жена!

Увидишь воду—будь рыбою, увидишь скалу—будь козою.

Языкъ безъ костей.

Когда нападаетъ волкъ—оселъ закрываетъ гла за.

Товарищъ друга—другъ, товарищъ врага—врагъ.

Что сѣютъ, то и жнутъ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ДАГЕСТАНУ.

Н. И. Воронова.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ. Маршрутъ. Дагестанскіе пути сообщенія.

Осенью прошлаго (1867) года я имѣлъ счастливый случай ознакомиться съ большею частію Дагестана, сопутствуя Начальнику Кавказскаго Горскаго Управленія, генералъ-маіору Д. С. Старосельскому, обозрѣвавшему этотъ край по служебнымъ обязанностямъ и посѣтившему такія мѣста Дагестана (преимущественно Средняго), въ которыя не легко проникнуть частному путешественнику. Я имѣлъ возможность прислушаться къ опросамъ и показаніямъ многихъ горскихъ джамаатовъ, составить понятіе объ общемъ складѣ жизни дагестанцевъ и собрать значительное количество данныхъ, касающихся экономической стороны этой жизни. О нѣкоторыхъ изъ уголковъ Средняго Дагестана почти ничего еще не было сказано въ нашей литературѣ; поэтому-то я и рѣшился предложить читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ своихъ путевыхъ дагестанскихъ впечатлѣній, въ той надеждѣ, что мои замѣтки могутъ имѣть интересъ если не по своей полнотѣ и обработанности, то по крайней мѣрѣ по малоизвѣстности тѣхъ мѣстъ, которыхъ онѣ касаются. Но, предварительно, нелишнимъ считаю очертить въ немногихъ словахъ послѣдовательность всѣхъ переѣздовъ нашихъ по Дагестану и сказать нѣсколько словъ о дагестанскихъ путяхъ сообщенія, чтобы читатель могъ судить, какъ велико и на сколько удобообозримъ весь тотъ кругъ дагестанской жизни, который представился моей наблюдательности.

Имѣя въ виду какъ можно внимательнѣе обозрѣть общества Верхняго Дагестана и принимая въ соображеніе позднее время го-

да, когда со дня на день можно было ожидать, что выпадутъ въ горахъ снѣга и затруднятъ сообщенія, Начальникъ Горскаго Управленія поспѣшилъ проникнуть въ Дагестанъ кратчайшимъ путемъ, чрезъ Тіонетскій округъ и Кварельскій участокъ Телавскаго уѣзда, въ деревню Енисели, откуда начинается подъемъ на Кодоръ, а потомъ спускъ въ глубокія ущелья Дидойскаго общества, Андійскаго округа. Сухая и ясная погода какъ нельзя больше благопріятствовала перевалу черезъ Кодоръ, и 2-го сентября мы прибыли въ первый дагестанскій аулъ—Хупро. Съ этого дня, объѣзжая всѣ ущелья, примыкающія къ главному хребту, я имѣлъ возможность осмотрѣть главныя мѣста поселеній и прислушаться къ опросамъ джамаатовъ почти всѣхъ верхне-дагестанскихъ обществъ, за исключеніемъ Джурмунскаго общества, куда не было возможности проникнуть, по случаю выпавшихъ 8 и 9-го сентября снѣговъ, завалившихъ вершины горъ и горные проходы, такъ что единственный, сколько-нибудь проѣзжій путь лежалъ намъ изъ Богноды на Тлейсерухъ, чрезъ два не высокихъ перевала, къ истокамъ Кара-Койсу. Затѣмъ, проѣхавъ Тлейсерухъ, мы повернули влѣво отъ Кара-Койсу и осмотрѣли рѣдко кѣмъ посѣщенныя части Средняго Дагестана — Карахъ, Гидатль и Тилитль, а на 17-е сентября прибыли въ Гунибъ. Отсюда мы снова поворотили къ главному хребту — въ округъ Казикумухскій и въ южныя части Даргинскаго округа, а потомъ, съ юга опять направились на сѣверъ, въ общество Койсубулинское, Аварскаго округа, въ аулъ Араканы. Отъ этого аула предстоялъ однодневный переѣздъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чрезъ хребетъ Гаркасъ, уже покрывавшійся въ то время снѣгомъ, и съ пріѣздомъ нашимъ въ Шуру (на 1-е октября), погода, все время благопріятствовавшая переѣздамъ нашимъ по горнымъ мѣстностямъ, значительно измѣнилась: наступили дожди и холода; вершины горъ покрылись снѣгомъ, такъ что дальнѣйшее путешествіе по гористымъ участкамъ Дагестана могло представить если не опасность, то по крайней мѣрѣ большія затрудненія. Поэтому рѣшено было ограничиться осмотромъ еще Южнаго Дагестана, и преимущественно только тѣхъ его участковъ, которые лежатъ ближе къ плоскости, такъ чтобы, ознакомившись съ подгорными

частями Кайтаго-Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ и проѣхавъ вдоль по округу Самурскому, перевалиться чрезъ гору Салаватъ и Шинское ущелье въ Закатальскій округъ. На эту вторую часть поѣздки по Дагестану употреблено также около мѣсяца.

При объѣздѣ Дагестана нѣтъ возможности придерживаться заранѣе составленнаго маршрута. Дагестанскіе пути сообщенія вообще таковы, что необходимо при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто руководиться показаніями туземцевъ; что-же касается 3-хъ верстной карты Дагестана, то пути, на ней означенные, равно какъ и другія ея показанія, требуютъ большихъ исправленій. На всемъ пространствѣ отъ Кодорскаго перевала до подъема на Гунибъ, мы слѣдовали по тропинкамъ, годнымъ только для верховой ѣзды. Тропинки эти пролегаютъ преимущественно по ущельямъ, на большей или меньшей высотѣ надъ русломъ текущихъ по ущельямъ горныхъ рѣчекъ и потоковъ, рѣдко спускаясь къ ихъ ложу, загроможденному камнями; самыя трудныя мѣста на этихъ тропинкахъ представляютъ подъемы и спуски, при переваляхъ изъ одного ущелья въ другое, при чемъ тропинки обыкновенно прилагаются зигзагами, въ 20-ть и 30-ть поворотовъ. Крѣпкія и вообще выносливыя горскія лошади съ большимъ трудомъ всходятъ на такіе крутые подъемы, а при спускахъ большею частію требуютъ того, чтобъ всадникъ слѣзалъ. Особенно круты и продолжительны подъемы и спуски въ обществѣ Дидойскомъ, равно и въ Анцухо-Капучинскомъ, гдѣ ущелья отличаются особенною глубиною; но тутъ-же, благодаря мягкому грунту, покрывающему скаты горъ, проложеніе дорогъ несравненно легче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Средняго Дагестана (какъ напр. въ Тлейсерухѣ), гдѣ необходимо для всякой тропы рубить или-же взрывать скалистые, не рѣдко отвѣсные бока ущелій.

О дагестанскихъ дорогахъ часто приходится слышать ужасы, запугивающіе воображеніе нервныхъ людей. Дѣйствительно, кое-гдѣ по здѣшнимъ путямъ сообщенія ѣдущему становится не въ мочь сидѣть на конѣ и приходится нѣсколько отводить глаза отъ обрыва, по которому проложена весьма узкая и осыпающаяся тропинка. Къ тому-же, о дагестанскихъ дорогахъ судятъ еще и теперь по тѣмъ ужаснымъ переходамъ, какіе прихо-

должно дѣлать нашимъ войскамъ въ военное время, когда не могло избѣгать передвиженій по ущельямъ, а больше держались открытыхъ мѣстъ, пробираясь по кручамъ и обрывамъ. Въ настоящее-же время ѣздятъ по ущельямъ, по которымъ ѣздили и въ то время сами горцы. При томъ-же замѣтно, что здѣшніе пути сообщенія, даже и въ трудно-разработываемыхъ подъ дороги ущельяхъ Верхняго Дагестана, годъ отъ году улучшаются. Въ этомъ отношеніи нельзя пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ дорогъ Дидойскаго общества, въ особенности-же недавно проложенной вьючной тропы на высокое безлѣсное плоскогоріе Бешо, откуда ведетъ спускъ въ ущелье Иланхеви, прославленное подвигами генерала Вревскаго, въ 1857 и 1858 годахъ, гдѣ онъ и раненъ смертельно, при осадѣ аула Китури. Слѣды дорогъ, проложенныхъ во время походовъ этого генерала, до-сихъ-поръ сохранились въ Дидо и Капучѣ; но по нимъ не происходитъ передвиженій, такъ какъ проложеніе и направленіе ихъ не соотвѣтствуетъ чисто-горскимъ пріемамъ въ проложеніи и направленіи дорогъ. Разработанныя въ военное время и для военныхъ цѣлей, дороги Вревскаго держатся преимущественно открытыхъ мѣстъ и ведутъ изъ ущелья въ ущелье по вершинамъ горныхъ хребтовъ, тогда какъ чисто-горскіе пріемы проложенія дорогъ заключаются въ весьма искусномъ огибаніи боковыхъ выступовъ ущелья, по полугорѣ, и только въ крайности, при верховьяхъ ущелья, тропа ведется на верхъ перевала. Правда, протяженіе дорогъ при этомъ видимо удлиняется, но за то сохраняются силы лошади, и притомъ какъ животное, такъ и человѣкъ находятся по пути постоянно вблизи отъ текущихъ по ущелью водъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы отдать справедливость умѣнью горцевъ весьма искусно распоряжаться угодьями окружающей ихъ скудной и трудно-одолѣваемой природы. При разумномъ руководствѣ и при небольшихъ затратахъ и поощреніяхъ со стороны правительства, можно надѣяться, что горскій земскій трудъ представитъ результаты не только хорошіе, но даже блистательные, въ отношеніи проложенія мѣстныхъ дорогъ, которыя до-сихъ-поръ пролагались преимущественно инженерными, дорого-стоящими средствами. Доказательствомъ этого можетъ служить еще не оконченная экипажная дорога, проводимая кулинскими на-

ибомъ по направленію отъ Гергебиля въ Унцукуль. Мы проѣхали участокъ ея отъ Гергебиля, верстъ на 15-ть, по направленію къ аулу Араканы, и слѣдуетъ сказать, что и въ незаконченномъ видѣ она весьма удобна для ѣзды, хотя и проложена по весьма трудной мѣстности, у подножья скалъ, омываемыхъ сливающимися здѣсь Кази-Кумухскимъ и Кара-Койсу. Не одинъ, впрочемъ, кулинскій наибъ заявилъ себя замѣчательнымъ инженеромъ-самоучкой: такъ, подъ руководствомъ одного изъ горцевъ, проводится въ настоящее время изъ Кази-Кумухскаго Койсу замѣчательная оросительная канава, которая оплодотворитъ скаты горъ, по лѣвую сторону этой рѣки, насупротивъ Хаджалъ-Махинскаго укрѣпленія.

Къ сожалѣнію, мнѣ не довелось увидѣть важнѣйшихъ дагестанскихъ дорожныхъ сооруженій, устроенныхъ на счетъ казны, войсками и жителями по найму. Дороги эти ведутъ отъ Шуры на Гунибъ и въ Кумухъ, отъ Хунзаха въ Анди, отъ Хунзаха же вверхъ по Аварскому-Койсу до Датуна. Наши переѣзды совершались по вьючнымъ тропамъ, въ сторонѣ отъ этихъ главныхъ путей Дагестана, и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ (какъ напр., при подъемѣ на Гунибъ, при поѣздкѣ въ Карадагскую сланцовую щель и при переѣздѣ отъ сел. Кутиши къ Хаджалъ-Махинскому укрѣпленію) можно было оглядѣть и оцѣнить всю громадность и трудность работъ, отчасти уже прекрасно исполненныхъ, а отчасти исполняемыхъ при проложеніи экипажныхъ дорогъ по трущобамъ Дагестана.

Такимъ образомъ, переѣзжая все вьючными тропами, большею частію хорошо проложенными и содержимыми, мы встрѣтили первую аробную дорогу, не прежде какъ перебравшись въ Сѣверный Дагестанъ, а именно—въ Даргинскій округъ. Характеръ здѣшней мѣстности, состоящей не столько изъ глубокихъ ущелій, сколько изъ возвышенныхъ плоскогорій, не представляетъ особенныхъ затрудненій для аробной ѣзды; кромѣ того, на пути сообщенія здѣшнихъ мѣстъ давно уже обращено вниманіе правительства, да и сами жители этого округа успѣли убѣдиться въ полезности хорошихъ дорогъ, чрезъ выгоды отъ перевозки ими провіанта.

Наконецъ, съ выѣздомъ на плоскость, на при-каспійское побережье, можно было катить въ экипажѣ, на почтовыхъ. Но и помимо почтовой дороги, въ плоскостныя части округовъ Кайтаго-

Табасаранскаго и Кюринскаго можно проникать хорошими экипажными дорогами, которыя поддерживаются земскими средствами и ведутъ преимущественно къ двумъ главнымъ пунктамъ этихъ округовъ—къ Маджалису и Касумъ-кенту; не говорю ужъ о дорогахъ аробныхъ, пересѣкающихъ плоскостныя части Южнаго Дагестана во многихъ направленіяхъ.

Такое, болѣе чѣмъ удовлетворительное состояніе дорогъ въ краѣ, который еще такъ недавно считался бездорожнымъ, говоритъ за тѣ быстрые успѣхи, какіе сдѣланы администраціей въ короткій срокъ, протекшій по умиротвореніи Дагестана. Остается жалать, чтобы, съ одной стороны, окончена была скорѣе казенная дорога отъ Датуна къ главному хребту, трасированная чрезъ Капучу и долженствующая соединить прямымъ путемъ Дагестанъ съ Закавказьемъ; съ другой же стороны, желательно, чтобъ сами горцы все больше проникались сознаніемъ, какъ полезно будетъ для нихъ замѣнить вьючныя дороги аробными, и рѣшительнѣе приступили бы къ улучшенію мѣстныхъ путей сообщенія средствами земства. Такому сознанію больше всего поможетъ возростающее съ каждымъ годомъ благосостояніе дагестанцевъ.

II.

Первыя дагестанскія впечатлѣнія. Спускъ съ Кодора въ ущелья Дидойскаго общества. Озеро Хупро. Аулъ Хупро. Ночлегъ. Горскій джамаатъ. Дорога отъ Хупро въ Кидеро. Дневка. Подъемъ на Бешо и видъ на ущелье Иланхеви. Аулъ Инухъ. Нѣсколько заключительныхъ словъ о дидойцахъ.

Съ вершины Кодорскаго перевала, съ высоты 9310 футовъ надъ уровнемъ моря, открылся первый видъ на Дагестанъ. За нами осталась Алазанская долина, широкая, привольная, а впереди предстоялъ спускъ въ тѣсное ущелье, глубоко залегшее между безлѣсныхъ горъ, закрытое ими, такъ что на горизонтѣ виднѣлось только два-три изгиба снѣжнаго хребта Богозъ, и ничего больше. Въ виду этого таинственнаго ущелья мы расположились на привалъ, вблизи Кодорской оборонительной башни, построенной въ

сѣдловинѣ горнаго кряжа. Былъ полдень. Тишина въ воздухѣ царила необычайная; ни одной птицы, ни одного насѣкомаго не видѣлось и не слышалось. Небо было ясное; но насъ иногда покрывали собою легкія облака, скользившія по бокамъ сосѣднихъ горъ... и при этомъ изъ трущобъ ущелья повѣвало атмосферой погреба. Чуялось, что впереди предстояло знакомство съ совершенно-особымъ міромъ.

Послѣ двухъ-часоваго привала, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Тотчасъ-же начался отлогій спускъ въ ущелье, по узкому карнизу, искусственно проложенному въ полугорѣ, на значительной высотѣ надъ горнымъ потокомъ, образующимъ, по сліяніи съ другими потоками кодорскаго склона, рѣку Ори-цхали—одинъ изъ главныхъ истоковъ Андійскаго Койсу. Въ Дагестанѣ вообще рѣчкамъ и рѣкамъ не присвоено какихъ-либо собственныхъ, единичныхъ названій: всякая рѣчка есть *вода* (öръ, тларъ, герхъ, вацъ, озень, чай, нехи и т. д.) и къ этому слову прибавляется имя селенія или-же общества, чрезъ которое она течетъ. Истоки Андійскаго Койсу въ предѣлахъ Дидо *) на картахъ называются грузинскимъ именемъ Ори-цхали, т. е. двѣ воды. И такъ, по этимъ двумъ водамъ, собиравшимся однако въ главное русло изъ десятковъ побочныхъ ущелій, а также изъ ручьевъ, струившихся почти на каждомъ изгибѣ боковъ главнаго ущелья, мы подвигались медленно, такъ сказать робкими шагами все ниже, ниже, а рѣка въ свою очередь также лилась ниже, и между нами и ею оставалось все одно и тоже разстояніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она скрывалась подъ навѣсомъ почернѣвшаго снѣга, быть можетъ легшаго здѣсь или упавшаго съ горы давнымъ давно и ни какъ не успѣвающаго растаять въ короткій срокъ здѣшняго лѣта. Стѣны узкаго и глубокаго ущелья, да эта рѣчка внизу—вотъ и вся картина этихъ мѣстъ. Мрачно, сыро, глухо.... Признаться, послѣ недавнихъ видовъ роскошной Алазанской долины, проѣздъ по этому горному корридору, притомъ съ непривычки къ здѣшнимъ тропинкамъ надъ глубокими скатами, производящими головокруженіе, съ незнанія

*) Другой главный истокъ Андійскаго Койсу начинается въ Тушетіи, у горы Барбало, и называется Дагестанской, или Перикательской Алазанью.

свойствъ здѣшней лошади, для которой не составляетъ особенно трудной задачи взбираться и спускаться по ступенькамъ горной тропы или прыгать черезъ ручей,—словомъ, первыя впечатлѣнія Дагестана на незнакомаго съ его трущобами путника производятъ нѣчто тяжелое, болѣзненное....

Въ такомъ невеселомъ настроеніи, не видя впереди никакого пристанища, ни даже намека на то, что и тутъ-же гдѣ-то живутъ люди, не видя ничего, кромѣ новаго заворота ущелья вправо или влѣво, мы усмотрѣли наконецъ блеснувшій впереди бассейнъ воды, съ деревцами вокругъ, блеснувшій гдѣ-то тамъ—и близко и далеко: здѣшнихъ разстояній съ разу, съ непривычки не разгадаешь. Но во всякомъ случаѣ это не обманъ зрѣнія: бассейнъ, до котораго пришлось спускаться часа два нашей мѣрной ѣзды, оказался озеромъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Хупринскаго, т. е. озера, находящагося недалеко отъ дидойскаго аула Хупро.—Это, если угодно, первая дагестанская достопримѣчательность, встрѣтившаяся на нашемъ пути, если только не есть достопримѣчательность, и притомъ самая поразительная, весь складъ самаго Дагестана, въ его общихъ чертахъ, передъ грандіозностью и оригинальностью (пожалуй, даже уродливостью) которыхъ блѣднѣютъ, стушевываются всѣ частности, всѣ мелочи, всѣ отдѣльныя его достопримѣчательности....

Спускъ къ озеру представилъ неиспытанныя еще до тѣхъ поръ ощущенія. До этого мѣста мы ѣхали все въ полугорѣ, дѣлая небольшіе то подъемы, то спуски и находясь на значительной высотѣ надъ бѣжавшей внизу рѣчкой. Здѣсь-же разомъ пришлось къ ней спускаться. Зигзаги за зигзагами, съ крутыми поворотами, повели внизъ, промежъ кустовъ и деревъ жидкаго березоваго лѣса и, казалось, конца не будетъ этимъ зигзагамъ. Всѣ проводники наши послѣзали съ коней; нужно было и намъ послѣдовать ихъ примѣру. Да трудно, почти невозможно и держаться въ сѣдлѣ, когда лошадь больше ползетъ, чѣмъ ступаетъ, присѣдая на заднія ноги и еле-еле изворачиваясь на крутыхъ поворотахъ.

Хупринское озеро, чистое какъ хрусталь, узкое и продолговатое, лежащее на днѣ ущелья, замѣчательно, во-1-хъ, тѣмъ, что

но своего рода рѣдкость въ горахъ Кавказа, вообще бѣднаго озерами, не въ примѣръ другимъ горнымъ странамъ; во 2-хъ, оно изобилуетъ превосходною форелью, а въ 3-хъ, образованіе его недавнее и объясняется наглядно видомъ одной изъ прибрежныхъ горъ: часть этой горы видимо сползла внизъ, т. е. образовался земляной обвалъ, который, упавши въ рѣчку, загромоздилъ дальнѣйшее ея теченіе, чрезъ что рѣчка, само-собою разумѣется, должна была образовать значительный водоемъ. Она подмылась потомъ водъ обвалъ и потекла своимъ путемъ, но часть ея водъ и до сихъ поръ задерживается остатками обвала и наполняетъ озеро. Подобные обвалы не рѣдкость въ Нагорномъ Дагестанѣ. Горные скаты здѣсь довольно круты и покрыты рыхлымъ слоемъ чернозема, лежащимъ непосредственно на каменистой подпочвѣ; стоитъ только водѣ подмыть нижній слой, какъ прилежащіе къ нему верхніе части того-же слоя начинаютъ сами собою осыпаться, чрезъ что, при крутыхъ бокахъ горы, весь верхній ея слой начинаетъ сползывать внизъ, постепенно, или-же онъ можетъ разомъ рухнуть, увлекши за собою отдѣльно лежащіе камни и растущія по горамъ деревья. Такъ, въ обществѣ Томсъ, жители жаловались, что они не такъ давно, лѣтъ 5-ть тому назадъ, остались почти безъ лѣса: онъ сползъ въ рѣку и унесенъ теченіемъ, а гора, прежде лѣсистая, теперь смотритъ обнаженной скалой.

За озеромъ наступилъ подъемъ, такой-же крутой, какъ и предшествовавшій ему спускъ; поднимались также зигзагами, промежъ жиденькаго березоваго лѣса, пока наконецъ не поднялись на безлѣсную высоту, съ превосходными тучными пастьбищами. Съ этой высоты открылись наконецъ угодья Дидойскаго общества, заселенныя аулами. Лѣвѣе, въ глубинѣ ущелья, виденъ былъ аулъ Хитрахо; правѣе, въ такомъ-же глубокомъ ущельи, показался аулъ Хупро. Наступали сумерки. Ущелья нѣсколько дымились. Мѣстность принимала все болѣе мрачный колоритъ. Въ воздухѣ становилось свѣжо и сыро. Потянулся длинный извилистый спускъ къ аулу Хупро, гдѣ ожидалъ насъ первый дагестанскій ночлегъ.

Объ этомъ аулѣ сказывали, какъ объ одномъ изъ крѣпкихъ горскихъ поселеній. Естественно, можно было ожидать значитель-

ныхъ размѣровъ такого поселенія. Но при видѣ на него съ горы, не ознакомившись еще съ характеромъ устройства всѣхъ вообще ауловъ Дагестана, невольно поражаешься миніатюрностью его общаго склада. Это скученная на пригоркѣ масса сѣрыхъ, деревянно-каменныхъ клѣтушекъ, одна на другой, безъ дворовъ, безъ улицъ. Изъ каждой клѣтушки глядятъ одно-два отверстія, то круглыя, то четырехъ-угольныя, безъ рамъ и стеколъ: это окна, это-же—если угодно—и амбразуры всей этой кучи горскихъ жилищъ, устроенныхъ на такой складъ съ мѣстными стратегическими цѣлями. Брать съ бою такую кучку жилищъ почти тоже, что брать крѣпость. Между тѣмъ, при первомъ взглядѣ на такого устройства аулъ, особенно съ высоты здѣшнихъ переваловъ, думается, что это хуторокъ, расположившійся сѣрымъ пятномъ на зеленыхъ лугахъ горнаго ската. Впрочемъ, дидойскіе аулы вообще не обширны: полсотни или около этого дворовъ; въ Хупро-же всего 31 дворъ.

Дидойцы (какъ ихъ называемъ мы), или-же Дидо (по грузински) сами себя называютъ *цеза*, т. е. орлы. Но съ виду они народъ не казистый, нисколько не напоминающій орлиной, царственной породы; по виду они гораздо правильнѣе *цунта*, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ, въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ *); ихъ угодья—альпійская, луговая полоса горъ. Любопытно было, послѣ пріѣзда въ аулъ, взглянуть на нашихъ хозяевъ-орловъ, собравшихъ джамаатъ, или общественную сходку.

Джамаатъ былъ нелюдный; представительныхъ и говорливыхъ людей (горскихъ ораторовъ) не выказывалось; впереди стояли старики, сгорбившись и опираясь на палки, порою поплевывая сквозь зубы, съ особеннымъ дагестанскимъ шикомъ: дагестанцы вообще не плюютъ просто, а процѣживаютъ слюни сквозь зубы съ особеннымъ звукомъ, и безъ такихъ плевковъ ни одна рѣчь, ни одна сходка

*) Аулъ Хупро расположенъ на высотѣ около 5½ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. (Всѣ показанія высотъ приведены по опредѣленіямъ академика Рупрехта).

не обходится. Оружіемъ никто не былъ обвѣшенъ, и вообще сходбище не представляло изъ себя ничего воинственнаго. Рѣдко кто имѣлъ при себѣ ружье, шашку, пистолетъ; только у каждаго на поясѣ висѣлъ кинжалъ, въ простыхъ, безъ особыхъ украшеній, ножнахъ. Костюмы тоже не франтовскіе: чухи изъ сѣраго домашняго сукна, затянутыя кожаными поясами; бараньи шубы съ длинными воротниками и длиннѣйшими рукавами; неуклюжія низкія папахи изъ рыжихъ овчинъ; обувь шерстяная, въ родѣ нашихъ чулокъ и туфлей,—обувь оригинальная и приготовляемая на мѣстѣ, дидойскими женщинами. Это преимущественно вязаныя изъ бѣлой шерсти башмаки, съ красными и синими строчками или стрѣлками, твердаго вязанья, съ тупыми и скошенными носками, безъ кожаныхъ подошвъ и безъ подковъ. По всей вѣроятности, мягкій грунтъ дидойскихъ ущелій обусловилъ здѣсь такую обувь. Гдѣ почва въ Дагестанѣ камениста, тамъ преобладаетъ кожаная обувь (норшни), и при томъ съ подковами, о 2-хъ или 3-хъ шипахъ, идущихъ впередъ пятки. Въ сосѣдней къ Дидо Капучѣ тоже преобладаетъ шерстяная обувь, домашняго-же приготвленія; но здѣсь она полосатая, цвѣтнѣе дидойской, и съ носками остроконечными, загнутыми къ верху. Было нѣсколько и дырявыхъ одеждъ; на комъ-то показалась сильно порыжѣвшая и заплатанная солдатская шинель.... быть можетъ, трофей прежнихъ боевыхъ годовъ.

При распросѣ о житьѣ-бытьѣ, дидойцы не преминули пожаловаться на свою судьбу: и хлѣба у нихъ своего на годъ не стаетъ, и овцы мало, и лѣсъ плохъ, и пастьбищъ не хватаетъ, а къ тому еще зимы длинныя и снѣжныя: узкія ущелья заносятся снѣгомъ на два и три ханскихъ аршина глубиною, а тутъ еще въ частую случаются завалы.... Словомъ, жить совсѣмъ плохо. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ, однако, оказалось, что дидойцы даже продаютъ избытокъ хлѣба отъ своихъ урожаевъ, что и овецъ у нихъ вдоволь, и лѣсъ есть, и пастьбищъ не мало. Но такова уже политика горскаго джанаата: хитри, жалуйся на судьбу, прикидывайся нищимъ,—авось отъ подати избавятъ, или по крайней-мѣрѣ ея не надбавятъ. Сѣютъ дидойцы ячмень, пшеницу, весьма рѣдко—бобы; при урожаѣ зерно даетъ самъ 15—20; баранта ихъ съ каждымъ годомъ уве-

личивается: съ 1858 года, т. е. со времени послѣдняго разоренія дидойскихъ ауловъ, ея увеличилось примѣрно въ восемь разъ. На зиму значительная часть населенія остается дома, другіе перекочевываютъ на плоскость, въ Кахетію, вмѣстѣ съ барантою, а немногіе бѣдняки отправляются въ лѣса Тушетіи, гдѣ отыскиваютъ липу и выдѣлываютъ посуду—корыта, ульи, шайки, плетутъ также корзины изъ вѣтвей и продаютъ все это въ Телавѣ, Сигнахѣ и въ другихъ мѣстахъ Кахетіи.

Вообще-же, дидойскій джамаатъ, послѣ того какъ пришлось оглядѣть и послушать многіе другіе дагестанскіе джамааты, является воображенію моему весьма непредставительнымъ. Недаромъ, значитъ, кахетинцы величаютъ ихъ *цунта*, т. е. оборванцы; недаромъ и другіе дагестанцы смотрятъ на этихъ „орловъ“ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ, какъ на медвѣдей, увальней, неуклюжихъ пастуховъ. Что составляетъ весь цвѣтъ дагестанской образованности и благовоспитанности, все это еще не кажетъ себя въ Дидо.

Ночлегъ нашъ послѣдовалъ, для большаго такъ сказать комфорта почетныхъ гостей, не въ саклѣ, а въ хлѣвѣ, такъ какъ въ послѣднемъ предполагалось и больше чистоты, и лучшій воздухъ, и меньше насѣкомыхъ, чѣмъ въ саклѣ. Хлѣвъ былъ плетеный изъ прутьевъ, не смазанный глиною, а потому продувавшійся сквознымъ холоднымъ вѣтромъ. Разложили огонь по срединѣ; затрещали смолистыя сосновыя и березовыя дрова; повалилъ дымъ на всю клѣть: вотъ удобства нашего перваго дагестанскаго ночлега.

Осмотрѣвши нѣсколько хупринскихъ жилищъ *), мы выѣхали въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ на главный дидойскій аулъ Кидеро. На поляхъ производилась уборка хлѣба: скошенный, онъ связывался въ снопы и уносился въ аулъ, гдѣ складывался на плоскихъ крышахъ саклей и тамъ-же вымолачивался. Въ аулѣ Хупро намъ не пришлось видѣть почти ни одной женщины; за то

*) Объ устройствѣ дагестанскихъ жилищъ вообще—будетъ сказано ниже.

здѣсь, въ полѣ, не видно было ни одного мужчины: работали одѣ женщины. Вотъ онѣ, кавказскія горянки, такъ размашисто идеализированныя фальшивымъ строемъ лиры нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ! Сгорбленныя, въ неуклюжихъ одеждахъ, онѣ, отворачиваясь отъ насъ, перетаскивали на спинахъ своихъ большія связки сноповъ, изъ подъ которыхъ замѣтны были ноги, еле прикрытыя дырявыми штанами. „Дамы, дамы!“ радостно указывалъ на эти фигуры одинъ изъ нашихъ спутниковъ, мѣстный врачъ и незамѣнимый въ дорогѣ распорядитель по части приготовленія шашлыка и другихъ закусокъ: „смотрите, дагестанскія дамы!“ И это наивное замѣчаніе нашего спутника, весьма добродушнаго, казалось преисполненнымъ злѣйшей ироніи. Въ самомъ дѣлѣ, какое сближеніе между тѣмъ, что европеецъ величаетъ дамой, и между этими несчастными жилицами кавказскихъ горъ, работающими какъ вьючный скотъ, и не только подъ старость, но и въ 30 лѣтъ уже не могущими распрямить свой станъ! Въ облегченіе полевыхъ работъ дидойскихъ женщинъ нигдѣ не видно было и эшака *), этого единственнаго существа, участь котораго въ горахъ можетъ сравниться съ участью женщинъ. Но нѣтъ, эшаки въ Дагестанѣ все-же въ большей холѣ, чѣмъ женщины!

Впрочемъ, замѣчу мимоходомъ, что подобныя, возмущающія европейское чувство встрѣчи, какъ женщины, навьюченныя снопами, стушевываются въ глазахъ проѣзжаго предъ подавляющимъ величіемъ здѣшней природы. На скатахъ дидойскихъ громадныхъ горъ все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бѣжитъ отъ глазъ.... Цѣлый аулъ представляется издали не больше какъ осинымъ гнѣздомъ, прилѣпленнымъ къ камню; засѣянныя хлѣбомъ поля кажутся разбросанными тамъ и сямъ по горѣ желтыми пятнами, на которыхъ работающія женщины копошатся точно муравьи. Даже здѣшніе лѣса, почти сплошь покрывающіе глубину ущелій, такъ скрадываются, что какъ будто ихъ и нѣтъ. Этою громадностью фона здѣшнихъ видовъ, скрадывающею всѣ детали, можно объяснить то

*) Въ Дидо эшаки (ослы) рѣдкость; они не выносятъ здѣшняго суроваго климата.

общее впечатлѣніе, какое производитъ собою Верхній Дагестанъ: повсюду горы, издали—самыя безжизненныя, на которыхъ, кажется, нѣтъ угодья ни для растительности, ни для животныхъ и человѣка. А между тѣмъ край заселенъ густо, лѣсу вдоволь, и сколько стадъ находятъ для себя обильную пищу на этихъ, по видимому, голыхъ горахъ!

Ѣхали мы большею частію лѣсистымъ ущельемъ, поднимаясь все въ гору, по берегу шумящей рѣчки Ори-цхали. На пути этомъ лежатъ въ развалинахъ три маленькихъ аула—Хибія, Виція и Ильбоко (Ельмукъ), едва отстроивающіеся послѣ погрома дидойскихъ ауловъ въ 1857 и 1858 годахъ. Здѣшній разоренный аулъ возобновить труднѣе, чѣмъ выстроить вновь. Таковъ вообще способъ устройства здѣшнихъ жилищъ, сложенныхъ изъ бревенъ и камня, что охваченные огнемъ, они превращаются въ груды мусора, который разобрать и употребить на новыя постройки убыточнѣе, чѣмъ заготовить совершенно новый и тутъ-же предлагаемый природою строительный матеріалъ: и лѣсъ и щебень подъ рукою. Однако, родное пепелище неохотно покидаетъ всякій народъ: какъ ни убыточно, а устраиваются опять на мѣстѣ разоренныхъ предковскихъ очаговъ.

Присутствіе-ли развалинъ, или-же скудость угодій, лежащихъ повыше зеленой лѣсной полосы ущелья и только изрѣдка желтѣющихъ четырехъ-угольными крошечными пахатными полями, но впечатлѣнія, навѣянныя видомъ здѣшнихъ мѣстъ, были самаго грустнаго свойства. Нищета и дикость. На дорогу выбѣгали дѣти почти нагія; между ними была и дѣвочка, лѣтъ 12-ти, тоже въ одеждѣ Евы. Имъ дали нѣсколько серебряныхъ монетъ, и вотъ, заслышавъ о подаркахъ со стороны проѣзжихъ, бросились бѣжать изъ ауловъ нѣсколько женщинъ, по пригоркамъ, по крутымъ скатамъ и подъемамъ, на перерѣзъ нашего пути, чтобы въ свою очередь получить что-нибудь и на свою долю. У бѣжавшихъ женщинъ на спинахъ сидѣли дѣти, ухватившись ручонками за шею.

Часа черезъ три пути мы поднялись на вершину перевала (7829 фут.) и расположились на отдыхъ. Внизу раскинулось ущелье Кинди, безлѣсное, обожженное лѣтнимъ солнцемъ; противо-

ложную отъ насъ сторону этого ущелья занимала гора Бешо, тоже безлѣсная, продолговатая, съ покатыми боками. У подошвы ея виднѣлись скученныя постройки трехъ ауловъ—Гутоха, Зехидо и Кидеро, изъ которыхъ послѣдній, самый большій, съ наибскимъ управленіемъ, составлялъ ближайшую цѣль нашего путешествія.

Между тѣмъ мѣсто, на которомъ мы расположились на отдыхъ, въ сравненіи съ предстоявшими впереди обнаженными горами, казалось и живописнымъ и вполнѣ благодатнымъ. Окружавшій насъ кустарниковый лѣсъ былъ свѣжъ, какъ весною; множество цвѣтовъ разсыпано было по тучной муравѣ; воздухъ, не смотря на ясный полдень, былъ переполненъ самою пріятною прохладою. Задымился костеръ; стали готовить шашлыкъ; спутники наши разсыпались по лѣсу за грибами и ягодами...

Предстоявшій спускъ къ аулу Кидеро, расположенному по ту сторону рѣчки Рехюкъ-ёръ, на небольшомъ возвышеніи *), былъ также крутъ и длиненъ, какъ и всѣ верхне-дагестанскіе спуски. Пока мы достигли ложа рѣчки, пришлось изворачиваться множествомъ зигзаговъ, крутыхъ и узкихъ, то слѣзая съ коня, то снова садясь, такъ что въ аулъ, не смотря на казавшуюся близость его, мы прибыли далеко за полдень. И Кидеро, подобно всѣмъ прочимъ верхне-дагестанскимъ селеніямъ, представился какъ-бы искусно устроеннымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ на довольно-крутомъ скатѣ горы; постройки его, сложенныя изъ камня и дерева, глядятъ изъ своихъ верхнихъ этажей круглыми и четырехъ-угольными окнами, какъ амбразурами; въ нижнихъ-же чернѣютъ узкія и низкія двери, ведущія въ хлѣва; крыши всѣхъ строеній плоскія, террасами, одна надъ другою. Каждый такого устройства домъ и есть собственно дворъ или дымъ, въ которомъ помѣщается отдѣльная семья; въ Кидеро считается ихъ 61.

Но въ Кидеро, какъ большую достопримѣчательность, можно указать наибскій домъ, отстроившійся недавно почти въ европейскомъ вкусѣ. Безъ сомнѣнія, вглядѣвшись въ эту верхне-дагестан-

*) Абсолютная высота Рехюкъ-ёръ при этомъ аулѣ опредѣлена академикомъ Рупрехтомъ въ 6072 фут.

скую диковинку, скоро приходишь къ заключенію, что европейскій образецъ дома, при перевалахъ, подъемахъ и спускахъ по пути въ Кидеро, сильно исказился, износился и повыцвѣлъ: потолки и рамы его покосились, стекла загрязнились и потрескались, обои поотстали отъ стѣнъ, подтекли и покоробились; мебель еле-еле добрела въ нѣсколькихъ изуродованныхъ экземплярахъ. Тѣмъ не менѣе однако, хотя и плохой образецъ, но образецъ Европы, наиб-скій домъ стоитъ на диво въ Кидеро и, безъ сомнѣнія, своей архитектурой, своими стеклами, обоями, мебелью, печами, сколько дивитъ туземцевъ, столько-же и цивилизуетъ *).

Въ Кидеро мы отвѣдали нѣкоторыхъ горскихъ удовольствій. Насъ угостили пляской и мѣстной стряпни кушаньями. Плясали лезгинку,—танецъ столь извѣстный, что распространяться о немъ было-бы излишнимъ, если-бы это не была лезгинка, такъ сказать, у себя дома, въ лезгинской средѣ. Плясали мальчики и взрослые мужчины, попарно, безъ участія женщинъ; но все искусство танцоровъ заключалось въ быстротѣ движеній; о граціи-же послѣднихъ, кажется, заботы особенной здѣсь не прилагается. Быстрота въ движеніяхъ ногъ, при исполненіи плавныхъ па лезгинки, дѣйствительно поразительна; но все-же—предъ нами были гимнасты, а не танцоры. Впрочемъ, при той обстановкѣ, которая окружала танцующихъ, и не могло проявиться увлеченіе танцами, т. е. та или другая степень страстности, безъ чего всякій танецъ превращается въ гимнастическое упражненіе. Танцоровъ, повторяю, окружали только мужчины,—одни изъ нихъ били тактъ въ ладоши, другіе держали въ рукахъ горѣвшія лучины и освѣщали арену; ни одной женщины не было въ числѣ зрителей. Здѣсь можно было блеснуть ловкостью; но едва-ли могла проявиться какая-либо страстность. Плясали подъ звуки двухъ инструментовъ—бубна и чонгури.

Что до мѣстныхъ кушаній, то это были—сыръ и любимый горцами *хинкалъ* (въ родѣ малороссійскихъ галушекъ, огромной

---

*) Въ Верхнемъ Дагестанѣ еще въ аулѣ Чодоколо (въ Андухѣ) отстраивается такой-же на европейскій ладъ домъ, мѣстнымъ-же наибомъ.

величины), поданный безъ навара и безъ всякой приправы. Горцы вообще плохіе гастрономы, а дидойцы въ особенности *). Мясо вообще рѣдкость на столѣ горца; большею частію онъ питается мучнистой пищей—толокномъ, хинкаломъ. Объ овощахъ, о фруктахъ, по крайней-мѣрѣ въ Верхнемъ Дагестанѣ, рѣдкій хозяинъ имѣетъ понятіе; огородовъ рѣшительно никакихъ нѣтъ; какъ рѣдкость, можно встрѣтить кое-гдѣ тыкву, вьющуюся по изгороди крошечной терраски, засѣянной табакомъ. Помню, насъ чрезвычайно удивило, когда въ аулѣ Тларата (въ Анцроссо), на 8-й день нашего пути по Дагестану, принесли намъ нѣсколько бураковъ изъ одного бугунскаго аула: оказалось, что это, быть можетъ, послѣдній продуктъ огорода, разведеннаго тамъ какимъ-то плѣннымъ, выращивавшимъ на верхне-дагестанской почвѣ огурцы и дыни. При такомъ положеніи огородничества въ здѣшнихъ мѣстахъ, неудивительно, что дидойскій хинкалъ оказался безъ всякой приправы, т. е. безъ луку и чесноку, которыми его приправляютъ въ другихъ дагестанскихъ обществахъ, болѣе развитыхъ, чѣмъ цунта (оборвыши); у тѣхъ и величина хинкала поменьше, а потому и удобосъѣдомѣе. „Мы ѣдимъ маленькій хинкалъ—говорятъ они: у насъ нѣтъ на столько терпѣнія, какъ у цунты, чтобы дожидаться, пока уварится большой“...

На слѣдующій день мы отправились въ дальнѣйшій—путь въ общество Капучу, или Бежита, но не кратчайшимъ путемъ, по ущелью, а поднялись на высокое безлѣсное плоскогоріе Бешо, съ цѣлію осмотрѣть съ вершины его ущелье Шіитль, по грузински—Иланъ-хеви (зміиное ущелье). Подъемъ продолжительный, но онъ недавно разработанъ трудами мѣстныхъ жителей прекрасно. Поднявшись на вершину, представляющую изъ себя продолговатую, покрытую травою плоскость, мы увидѣли глубокія извилины Иланъ-хеви, съ скалистыми боками его по ту сторону, къ подошвамъ горъ Богосскаго хребта, безлѣснаго, утесистаго, съ остроконечными верши

*) О нихъ вдетъ молва, что они любятъ ѣсть сырое мясо, отчего, быть можетъ, явилось и прозвище ихъ цезе (орлы), въ смыслѣ — хищные изъ хищныхъ.

нами, кое-гдѣ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. На днѣ ущелья видѣлся жиденькій лѣсъ и едва-едва очерчивались кое-гдѣ постройки ауловъ. Видъ вообще мрачный, безжизненный. Въ этомъ ущельи раскинуто 14-ть дидойскихъ селеній, въ которыхъ числится слишкомъ 400 дворовъ; но всѣ эти селенія не составляютъ особаго общества, а имѣютъ только каждый свои особыя общественныя земли и угодья, которыми распоряжаются по усмотрѣнію джамаата, подобно тому какъ это дѣлаютъ и другія части Дидо—Шуратль и Асахо *).

Между иланъ-хевскими аулами замѣчателенъ Китури, по той упорной оборонѣ, какую онъ выказалъ въ 1858 году, при разореніи здѣшнихъ ауловъ отрядомъ генерала Вревскаго, смертельно раненнаго именно при этомъ аулѣ. Въ числѣ нашихъ проводниковъ на Бешо былъ и одинъ изъ распорядителей защиты этого аула, долго отстаивавшагося противъ натиска нашихъ войскъ. Этотъ недавній врагъ, теперь принадлежитъ къ числу преданнѣйшихъ Россіи людей, занимаетъ одну изъ почетнѣйшихъ должностей въ средѣ горцевъ—депутата въ народномъ судѣ, и смотритъ такимъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ, точно онъ въ жизнь свою ни разу не обнажалъ оружія. Видно, съ обстоятельствами, перемѣняются нравы! Въ Верхнемъ Дагестанѣ во главѣ народнаго управленія сидятъ все еще шамилевскіе наибы; но теперь они, по крайней-мѣрѣ съ виду,—агнцы....

Обогнувши Бешо въ полуторѣ, мы опять въѣхали въ ущелье Кинди, къ его вершинѣ, повыше аула Инухо (Гинухъ). Этотъ крайній изъ дидойскихъ ауловъ, на границѣ съ Капучою, состоящій всего изъ 26 дворовъ, составляетъ по языку нѣчто особое отъ всего Дидо, претендуетъ на самостоятельность или независимость отъ дидойскаго общественнаго распорядка, споритъ за земли съ кидеройцами и на сходкѣ заявляетъ открыто, что и дидойскій наибъ и вся цунта ихъ обижаютъ. Такія сепаративныя стремленія

*) Дидойское общество состоитъ изъ трехъ частей: Шуратля, Шитля и Асахо, изъ которыхъ каждое лежитъ въ отдѣльномъ ущельи. Всѣхъ селеній въ обществѣ (по камеральному описанію 1866 года) считается 36 и 2 отселка; въ нихъ дворовъ 1,025 и жителей 3,165 об. пола.

со стороны 70 душъ инухцевъ, забавныя въ другой мѣстности, кажутся вполнѣ естественными въ Дагестанѣ, гдѣ отдѣльность, уединенность, замкнутость мѣстоположенія даютъ всѣ способы, а слѣдовательно порождаютъ и стремленія къ тому, чтобы обособиться *).

Повыше аула Гинухъ, при истокахъ Рехнвъ-ёръ, мы стали подниматься на высокій горный кряжъ, служащій водораздѣломъ верхнихъ притоковъ съ одной стороны Андійскаго, а съ другой Аварскаго Койсу. Высшій пунктъ перевала, г. Меджедве, возвышается на 8224 ф. Прежде чѣмъ достигли мы этого пункта, пришлось проѣхать нѣсколько впадинъ, съ залежавшимся въ нихъ почернѣвшимъ снѣгомъ, взбираться по крутымъ ребрамъ скалъ, промежъ цѣлой рощи рододендрона.. Уже въ сумерки мы бросили прощальный взглядъ на глубокую дидойскую котловину и перевалились въ Капучу....

Дальнѣйшее путешествіе по Дагестану нѣсколько измѣнило мой взглядъ на Дидо, сложившійся по первымъ впечатлѣніямъ. Дѣйствительно, перевалившись черезъ Кодоръ и оставивъ за собою роскошную, широкую долину Алазани, невольно поражаешься сумрачнымъ колоритомъ глубокихъ и тѣсныхъ ущелій Дидо, на днѣ которыхъ шумятъ быстрые потоки, подмывая мѣстами почернѣвшій снѣгъ прошлогднихъ обваловъ. Но по мѣрѣ ослабленія первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній и вслѣдствіе внимательнаго осмотра всѣхъ подробностей окружающей мѣстности, приходишь къ заключенію, что здѣшняя природа далеко не такъ скудна и сурова, какъ она кажется на первый взглядъ. Въ сравненіи-же съ дальнѣйшими ущельями Дагестана, колоритъ ея гораздо мягче и дары ея гораздо обильнѣе. Голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ здѣсь совсѣмъ не видно; напротивъ, всѣ вершины и скаты горъ покрыты тучными лугами, а ближе къ теченію главныхъ

*) Языкъ инухцевъ считается особымъ нарѣчіемъ дидойскаго языка, сходнымъ съ тѣмъ, на которомъ говорятъ жители селеній Митрода и Хушеты въ Ункратлѣ, переселившіеся сюда изъ Дидо. Замѣчательно, что слова *церковь* и *воскресенье* (день) на инухскомъ нарѣчіи выражаются однимъ и тѣмъ-же словомъ.

потоковъ произростаютъ хорошіе дровяные лѣса, нерѣдко перемежаясь строевыми деревьями. Тучный черноземъ и обиліе влаги даютъ здѣсь урожаи сам 15 — 20, такъ что дидойцы избытокъ хлѣба сбываютъ въ сосѣднюю Капучу. На горахъ, входящихъ по положенію своему въ альпійскую полосу, находятъ обильный кормъ не только мѣстныя, но и чужія стада, такъ что дидойцы получаютъ отъ этого извѣстный прибытокъ (сабалахо). Лѣса и луга изобилуютъ дичью; горные потоки, а въ особенности озерцо Хупро— превосходною форелью; въ лѣсахъ много ягодныхъ кустарниковъ, а также грибовъ. Но всѣми этими дарами природы мѣстные жители, эти добровольные постники—почти не пользуются. Большою помѣхою къ ихъ развитію служатъ, безъ сомнѣнія, продолжительныя зимы, разобщающія ихъ съ остальнымъ міромъ болѣе чѣмъ на полгода и нерѣдко заносящія ихъ жилища снѣжнымъ покровомъ въ нѣсколько аршинъ толщиною. Суровыя и продолжительныя зимы ставятъ также дидойцевъ въ постоянную зависимость отъ Алазанской долины, на которую они спускаютъ для прокормленія свои стада на большую часть года. Такая экономическая зависимость дидойцевъ отъ Кахетіи служила причиною, что они въ былое время платили дань кахетинцамъ, а по утвержденіи русской власти въ Закавказьи, считались большею частію покорными, такъ что дидойское общество входило даже особымъ приставствомъ въ составъ Грузино-Имеретинской губерніи, и только вліяніемъ извнѣ они вовлекались во враждебныя отношенія къ намъ и жителямъ Алазанской долины. Постоянныя сношенія съ кахетинцами ознакомили дидойцевъ съ грузинскимъ языкомъ, и этотъ послѣдній въ Дидо понимается весьма многими, за исключеніемъ женщинъ. Грузины въ свою очередь нерѣдко посѣщали Дидо, и за многими его урочищами оставили намъ свои названія. Но этимъ только и ограничивается связь Дидо съ Грузіею. Сказанія-же, которыя выводятъ дидойцевъ изъ Грузіи, именно изъ предмѣстій Мцхета, относятся къ баснословіямъ грузинскихъ лѣтописей.

III.

Перевалъ въ ущелье общества Гидъ. Гидатлинская котловина. Аулъ Орода. Средне-дагестанскій экономическій достатокъ. Жилище зажиточнаго дагестанца. Своеобразность дагестанскихъ нравовъ.

Къ половинѣ сентября, на 14 день нашей поѣздки по Дагестану, мы стали приближаться къ Гунибу. Въ теченіе этихъ 14 дней осмотрѣны были по пути почти всѣ верхне-дагестанскія общества, извѣстныя подъ названіемъ Анкратль (собственно Антльратль, что значитъ *семь земель*), за тѣмъ мы проѣхали чрезъ земли обществъ Тлейсеруха и Караха, принадлежащихъ также къ верхне-дагестанскимъ обществамъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ Багултли (или Багуалалъ) и говорящимъ аварскимъ языкомъ анцухскаго нарѣчія; оставалось осмотрѣть еще одно изъ этихъ же обществъ—*Гидъ*, извѣстное у насъ больше подъ именемъ Гидатль, куда должны были собраться представители отъ джамаатовъ обществъ Кель и Ратлу-Ахвахъ, составляющихъ вмѣстѣ съ Гидомъ одно Гидатлинское наибство.

Не смотря на то, что вершины всѣхъ горъ покрылись уже первымъ осеннимъ снѣгомъ, въ ущельяхъ все еще было тепло. Особенно-же теплые и ясные дни согрѣвали насъ въ проѣздъ чрезъ дикій и тѣсный Тлейсерухъ, потомъ чрезъ менѣе дикій и нѣсколько просторный Карахъ; наконецъ тепло стало даже и на вершинахъ переваловъ, хотя все еще лежавшихъ подъ снѣгомъ. Благодаря этимъ яснымъ и теплымъ днямъ, при переѣздѣ въ Гидъ, намъ довелось увидѣть съ перевала, во всей ея красѣ и оригинальности, широкую панораму Дагестана—такъ сказать истиннаго, настоящаго Дагестана, который здѣсь въ первый разъ предсталъ намъ въ полномъ своемъ блескѣ: до этого-же пункта, проѣзжая глубокими верхне-дагестанскими ущельями и мѣстами поднимаясь на перевалы, мы могли видѣть передъ собою только ближайшія

мѣстности, по которымъ трудно было составить себѣ истинное понятіе о контурахъ всей страны. Но съ вершины перевала по дорогѣ въ Гидъ разомъ открылся такой широкій и глубокій просвѣтъ горъ, горъ и горъ, что точно развернулась передъ нами громадная рельефная карта страны: то былъ по истинѣ — Дагестанъ, т. е. страна горъ.

Въ панораму открывшихся передъ нами горныхъ хребтовъ, узловъ и отдѣльныхъ вершинъ входила почти вся Аварія; ближе и правѣе стояли оригинальныя, стѣнообразныя, въ нѣсколько ярусовъ, вершины двухъ сосѣднихъ горъ — Тилитлинской (иначе, по солдатски, Чемоданъ-гора) и Гуниба; еще правѣе—продольныя Кегерскія высоты и наконецъ Турчидагъ. Весь этотъ хаосъ горъ, безлѣсныхъ, каменистыхъ, окрашенныхъ въ бурый цвѣтъ, съ фіолетовыми оттѣнками, и подернутыхъ сизоватой дымкой, представлялъ множество ломанныхъ линій и почти ни одной круглой: все угловато, все дробится на ущелья, изгороты, горные закоулки и трущобы,—и глядя на этотъ хаосъ каменныхъ громадъ, нигдѣ не зеленѣющихъ ни одной поляной, почти не вѣришь, что и тутъ могутъ обитать люди, пользуясь даже богатыми угодьями. Такова вообще панорама Средняго Дагестана.

Съ версту мы ѣхали въ виду такой широкой, но безжизненной картины,—ѣхали по высокому горному кряжу, забирая вправо и понемногу спускаясь къ верховьямъ гидатлинскаго ущелья. На солнечномъ припекѣ таялъ снѣгъ и сбѣгали ручьи; лошади подъ нами, при начинавшемся спускѣ въ ущелье, присѣдали на заднія ноги, бережно скользили, останавливались, но не падали; горцы-же, по своему обыкновенію, какъ это дѣлаютъ они при спускахъ съ перевала, послѣзали съ коней.

Верховья гидатлинскаго ущелья нисколько не веселѣе другихъ, уже осмотрѣнныхъ нами ущелій: тѣ-же крутые спуски, зигзагами, промежъ голыхъ скалъ и груды каменьевъ; тамъ и сямъ журчатъ ручьи, стекаясь въ одно русло и понемногу образуя шумящій, пѣнящійся потокъ,—и чѣмъ глубже спускаешься по усѣянному голышами дну ущелья, тѣмъ стѣны его поднимаются все выше, тѣмъ полоса неба надъ вами становится все уже, а впереди, про-

нѣ ближайшаго заворота той или другой скалистой стѣны ущелья, ничего не видно. Для одного лишь рода наблюдательности какъ нельзя болѣе пригодны эти глухія и безжизненныя верховья средне-дагестанскихъ ущелій: тутъ природа непрерывно читаетъ лучшія, самыя наглядныя лекціи по геологіи. Смотри и учись, какъ воды ручьевъ гложутъ скалы, отмываютъ отъ нихъ камни, раздробляютъ и уносятъ ихъ все дальше и дальше. Этою непрерывною работою горныхъ потоковъ верховья ущелій дѣлаются все больше покатыми, скругляются, а по сторонамъ сбѣгающихъ водъ все шире и шире становятся полосы плодородной почвы...

Часа три мѣрной горской ѣзды тянулись мы по гидатлинскому ущелью, не разъ переѣзжая въ бродъ быструю рѣчку, пока наконецъ, оставивъ ее влѣво, не повернули узкимъ обходомъ, промежъ отвѣсныхъ скалъ, вправо, откуда скоро открылся видъ на широкую, зеленѣвшую деревьями поляну, окруженную пологими скатами горъ, у подошвъ которыхъ чернѣли скученныя постройки нѣсколькихъ ауловъ. Вотъ эта-то, рѣдкая въ горахъ Дагестана широкая котловина, весьма привольная для жизни, а между тѣмъ отовсюду запертая горами, защищенная какъ нельзя лучше отъ вражьихъ нападеній, послужила предметомъ народной молвы про необычайную благодать Гида. Есть даже анекдоты про гидатлинскую благодать. Вотъ одинъ изъ нихъ. Разсказываютъ, что какой-то любознательный аварецъ, наслышавшись о необычайномъ плодородіи гидатлинской почвы, объ изобиліи плодовъ земныхъ этого благодатнаго уголка, захотѣлъ самолично удостовѣриться въ справедливости такой молвы. Пошелъ онъ въ Гидъ, и только что началъ спускаться въ гидатлинское ущелье, какъ полился дождь. Длинная баранья шуба, бывшая на любознательномъ аварцѣ, тотчасъ-же намокла и полы ея, отяжелѣвъ, поволоклись по землѣ. Тогда онъ самъ себѣ промолвилъ: „по истинѣ, Гидъ—страна благодати: здѣсь даже и шубы выростаютъ“. Поэтому, недолго думая, онъ обрѣзалъ полы выросшей шубы, въ надеждѣ сшить себѣ изъ обрѣзковъ новую папаху. И только воротившись къ себѣ домой, по всей вѣроятности—въ очень тѣсное родимое ущелье, путешественникъ увидѣлъ, что шуба его, хорошо просохшая въ дорогѣ, стала ему

чуть не по колѣни. „А на нашей скудной землѣ—заключилъ тотъ-же аварецъ—укорачивается и то, что выросло въ Гидѣ“...

Само собою разумѣется, что есть значительные поводы для средне-дагестанскаго горца смотрѣть на Гидъ, какъ на благодатную страну. И главные поводы къ этому заключаются въ томъ, что, при скудныхъ вообще дарахъ средне-дагестанской природы, при узкости и каменистости здѣшнихъ ущелій, въ которыхъ изрѣдка встрѣчается одна-другая терраска, удобная для пашни, да и то искусственная, съ громаднымъ трудомъ устроенная,—въ такой странѣ, безъ сомнѣнія, должна почесться большою благодатью та широкая, природная поляна, которая залегла между главными аулами гидатлинскаго общества, вся культированная подъ сады и пашни.

Во всей своей красѣ гидатлинская страна предстала намъ не прежде, какъ мы прибыли въ Ороду—главный аулъ гидатлинскаго общества. Изъ этого аула какъ нельзя лучше виднѣлись всѣ живописныя детали гидатлинской котловины, обрамленной высокими, но весьма покатыми склонами горъ. Горы безлѣсны; но чрезъ это еще больше выигрываетъ на видъ зеленѣющая сплошными пашнями и садами самая котловина. По ней нѣсколькими руслами протекаетъ рѣчка Гидъ-ёръ, неподалеку отсюда, верстахъ въ двухъ, вливающаяся въ Аварское Койсу; по ложу этихъ руселъ, изъ которыхъ два главныя, разбросаны увлекаемые съ горъ водою каменья; изнельченные камни разбросаны и по всей котловинѣ, образовавшейся, безъ сомнѣнія—отъ наносовъ рѣки. Трудолюбіе горцевъ дѣлаетъ довольно хорошее употребленіе изъ этихъ камней: они собираются съ пашенъ и складываются въ видѣ оградъ вокругъ каждаго маленькаго поля, чрезъ что, самою собою разумѣется, очищается поле,—такъ что вся гидатлинская котловина представляется подѣленною этими оградами на множество мелкихъ участковъ, промежъ которыхъ бѣлѣютъ камнями-же усѣянныя дороги и тропинки. Каждый такой небольшой участокъ осѣненъ нѣсколькими деревьями: это по большей части плодовыя деревья—курага, яблонь, груша, орѣхъ, — такъ что подобныя поля, съ нѣсколькими фруктовыми деревьями на нихъ, у дагестанцевъ называются и са-

дани. Это были на нашемъ пути еще первые дагестанскіе сады; въ Гидѣ въ первый-же разъ намъ довелось отвѣдать и тузенныхъ фруктовъ—яблокъ и грушъ; до этого-же мѣста, въ лѣсахъ Верхняго Дагестана, попадались лѣсныя ягоды барбариса, малины, ежевики — и только. Въ Гидѣ разводятъ и виноградъ; но онъ вызрѣваетъ только на самыхъ низменныхъ мѣстахъ, обращенныхъ на полдень.

На покатостяхъ горъ, обрамливающихъ гидатлинскую котловину, выстроилось тѣсно-сплоченными кучами нѣсколько ауловъ. Главный изъ нихъ—какъ я сказалъ—Орода; прочіе—Тлихъ, Мачада, Тиды и Гинты. Каждый изъ этихъ ауловъ, издали, по наружному своему виду, напоминаетъ средневѣковые германскіе города, лѣпящіеся своими постройками по скатамъ холма или скалы, у подножія какого-либо баронскаго замка. Наша квартира въ Ородѣ тоже напоминала собою замокъ. Къ просторной, двухъ-этажной саклѣ примыкала высокая 4-хъ угольная башня, съ нѣсколькими амбразурами, сложенная изъ нетесанаго камня сухой кладки и уцѣлѣвшая вполнѣ, не въ примѣръ многимъ такимъ-же, но почти всюду разрушеннымъ или-же сильно поврежденнымъ боевымъ башнямъ Дагестана. Причиною такой цѣлости ородинской башни послужило, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что въ Гидъ, до самой сдачи Шамиля, ни разу не проникали наши войска, а потому и не оставили здѣсь никакихъ слѣдовъ военныхъ опустошеній. Съ террасы, на которой стоитъ эта башня, осѣненная двумя громадными орѣховыми деревьями, виднѣлась вся гидатлинская котловина, съ ея скученными въ нѣсколькихъ пунктахъ аулами, съ ея маленькими зеленѣвшими пашнями-садами и съ ея рѣчкой, разбѣгавшейся по каменистымъ бороздкамъ. Колоритъ мѣстности мягкій, нѣжащій зрѣніе; особенно-же кажется онъ такимъ мягкимъ послѣ дикихъ, суровыхъ ущелій Верхняго Дагестана. Къ тому-же мы смотрѣли на эту мѣстность при золотистомъ освѣщеніи тихаго, теплаго вечера. Въ самомъ дѣлѣ, чувствовалось, что въ Гидѣ—благодать.

Впрочемъ, вотъ нѣсколько данныхъ, собранныхъ мною на

мѣстѣ,—и на основаніи ихъ можно составить довольно приблизительную къ дѣйствительности картину здѣшняго благодатнаго быта.

Безъ сомнѣнія, для опредѣленія степени благосостоянія такого близкаго къ природѣ, такого наивнаго общества, какъ гидатлинское, довольно принять во вниманіе количество тѣхъ благъ, которыя служатъ для удовлетворенія самыхъ первыхъ, самыхъ насущныхъ потребностей. Количество скота, величина земельнаго надѣла, качество урожая — вотъ главнѣйшіе показатели народнаго довольства. Что-же представляетъ въ этомъ отношеніи благодатный Гидъ? —Въ отвѣтъ на это привожу слѣдующія данныя.

Самый богатый изъ гидатлинскихъ ауловъ—Орода—состоитъ изъ 272 дворовъ, съ населеніемъ слишкомъ въ тысячу душъ. На это тысячное населеніе приходится пахати всего такое пространство, на которомъ можно засѣять 2600 сабъ или-же 285 четвертей зерна. При среднемъ здѣшнемъ урожаѣ (самъ 5) съ полей собирается до 12-ти тыс. сабъ, т. е. болѣе чѣмъ по 40 сабъ на дворъ или семейство, или-же по 12 сабъ на душу. Вотъ годовая пропорція продовольствія собственно хлѣбомъ. Такъ какъ средне-дагестанская саба заключаетъ въ себѣ около 5 гарнцевъ, а вѣсомъ—около 30 фунтовъ, то слѣдовательно на каждаго жителя приходится среднимъ числомъ въ годъ 360 фунтовъ зерна, или-же около 1 ф. въ день. Такая дневная пропорція можетъ показаться весьма недостаточною—но не для горца, постояннаго и притомъ добровольнаго постника, довольствующагося въ день нѣсколькими комками толокна. По официальнымъ-же свѣдѣніямъ, эта пропорція оказывается еще скуднѣе, а именно: во всемъ Гидатлинскомъ наибствѣ считается годоваго урожая около 40 тыс. сабъ зерна, что на каждую душу даетъ нѣсколько менѣе, чѣмъ по $^1/_2$ фунта въ день.

Гораздо роскошнѣе покажется жизнь горцевъ Средняго Дагестана, когда посмотримъ на нее со стороны ихъ скотоводства.

Такъ, нѣкоторые изъ верхне-дагестанскихъ обществъ владѣютъ громадными стадами барановъ, и съ каждымъ годомъ стада эти увеличиваются и увеличиваются. По признаніямъ самихъ горцевъ, за послѣднее время мирной жизни, баранта ихъ увели-

лась по крайней-мѣрѣ въ восемь разъ. Безъ сомнѣнія, едва-ли этого рода богатство въ настоящее время возможно выразить не только точными, но и близкими къ дѣйствительности цифрами. Нужно помнить, что горцы вообще стараются больше скрывать, чѣмъ заявлять о своихъ достаткахъ, въ особенности-же передъ начальствомъ, отъ котораго можетъ зависѣть увеличеніе податей; а потому всѣ официальныя дознанія по этому предмету можно принимать не иначе какъ за крайній minimum показаній. Но и при этомъ условіи, официальныя свѣдѣнія о горскихъ стадахъ представляютъ весьма почтенныя цифры. Такъ напр., общество Тлейсерухъ, вмѣстѣ съ Мукратлемъ, при населеніи до 4 тыс. душъ, владѣетъ стадами барановъ въ 112 тыс. головъ, что даетъ среднимъ числомъ по 28 барановъ на каждую душу населенія. По этому уже можно заключать о среднемъ достаткѣ горца, какъ овцевода.

Что собственно до Гида, то его баранта не многочисленна. По показаніямъ мѣстнаго наиба и нѣкоторыхъ изъ болѣе искреннихъ гидатлинцевъ, такой большой аулъ, какъ Орода, владѣетъ всего стадомъ барановъ въ 2½ тыс. головъ, или среднимъ числомъ по 8 барановъ на дворъ. Но за то Гидъ славится между среднедагестанскими обществами своими стадами рогатаго скота, вслѣдствіе чего здѣсь развито въ значительной степени молочное хозяйство: гидатлинское масло вывозится на продажу и въ сосѣднія общества и въ близкія русскія укрѣпленія Дагестана. Официально, въ Гидѣ числится до 10 тыс. головъ рогатаго скота, что дастъ среднимъ числомъ около 5 штукъ на каждый дворъ.

Вотъ главнѣйшіе элементы здѣшняго хозяйства. Приводя къ общему заключенію всѣ предъидущія показанія, мы увидимъ передъ собою такое общество, въ которомъ каждое семейство (среднее) обезпечено 40 сабами зерна, 5-ю штуками рогатаго скота и 8-мью баранами. Кромѣ всего этого, въ помощь хозяйкѣ есть хоть одинъ эшакъ, что весьма важно въ хозяйствѣ горянки.

Наконецъ, считаю нелишнимъ привести здѣсь показанія самого гидатлинскаго джамаата на опросъ о житьѣ-бытьѣ, предваряя, что на подобный опросъ со стороны начальства джамаатъ обыкновенно старается выставить положеніе общества въ самомъ непри-

вдохновительномъ видѣ: „бѣдствуемъ-молъ“... Но вотъ почти дословныя показанія гидатлинскаго джамаата: „Земля у насъ хорошая и урожаи—слава Богу: своего хлѣба станетъ на годъ. И хоть хлѣба на сторону, въ чужіе аулы, не продаемъ, за то продаемъ масло, сыръ, шерсть. У насъ нѣтъ особаго какого-либо ремесла, которымъ-бы мы славились на весь Дагестанъ (какъ, напр., сосѣди наши *кельцы*, что торгуютъ своими шалями) *); а у насъ всего по немножку: найдется свой кузнецъ, свой скорнякъ, свой серебрякъ, свои плетнини и каменьщики; есть и свои торговцы, которые ходятъ въ сосѣднія мѣста на покупку товаровъ, а потомъ продаютъ ихъ у себя въ аулѣ, дѣлая обороту въ годъ рублей на 100, на 200; на заработки рѣдко кто изъ насъ ходитъ на плоскость, да и на зиму рѣдко кто отправляется со стадами въ Закатальскій округъ: такихъ наберется всего семействъ пятьдесятъ. Пониже, гдѣ потеплѣе—сѣемъ пшеницу, а повыше—рожь и ячмень; кое-кто сѣетъ еще коноплю,—на мѣшки. Домашнія одежды приготовляютъ наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиходъ годятся. Живемъ по маленьку“...

Такимъ образомъ, въ Гидѣ можно видѣть не только мѣстный, своеобразный горскій достатокъ, но можно замѣтить и признаніе этого достатка самими горцами. Это вообще рѣдкость. По

---

*) Общество Кель (7 селеній и свыше 300 дворовъ) входитъ въ составъ гидатлинскаго наибства. «Кто изъ насъ не имѣетъ жены-ткачихи, тому жить трудно»,—такъ говорятъ о себѣ кельцы. Эти кельскія ткачихи ткутъ лучшія въ Дагестанѣ шали (кезгинскія сукна); въ особенности-же славятся шали (мѣрою каждая въ 12—13 локтей), приготовляемыя въ кельскомъ аулѣ Ругильда. Кельцы не спускаютъ своихъ барановъ на плоскость и не стригутъ ихъ, а выжидаютъ времени, пока шерсть съ нихъ начинаетъ сама собою спадать; шерсти не моютъ: все это кельцы считаютъ необходимымъ условіемъ для полученія шерсти, вполнѣ пригодной для хорошихъ шалей. Цѣна кельской шерсти—рублей 5 за пудъ; цѣна хорошей шали—8 и 10 руб. Въ теченіи зимы кельская ткачиха успѣваетъ соткать не болѣе 5 шалей лучшаго сорта. Шали эти продаются въ Кахетіи и даже въ Тифлисѣ. Въ Кель приготовляютъ также войлоки и шерстяную обувь, для чего кельцы закупаютъ шерсть въ сосѣднихъ обществахъ, но преимущественно въ такихъ, гдѣ барановъ круглый годъ держатъ въ горахъ, а не спускаютъ на плоскость. Лучшею послѣ своей кельцы признаютъ шерсть тиндинскую и хваршинскую (въ Зак. Дагестанѣ).

больней-же части, на всякій спросъ о благополучіи—въ Дагестанѣ слышится жалоба: то земли нѣтъ, то пастьбищъ мало, то лѣса Богъ не далъ... да нельзя-ли отъ подати избавить и т. п. Сосѣди Гида не считаютъ зазорнымъ для себя признавать надъ собою нѣкотораго рода превосходство гидатлинцевъ: не только пастухи-ахвахцы *), но и промышленные кельцы тотчасъ-же по спросѣ заявили, что они живутъ и бѣднѣе и грязнѣе гидатлинцевъ: „У насъ дома похуже здѣшнихъ: гидатлинцы — извѣстное дѣло—народъ опрятный!“ Въ свою очередь гидатлинцы позволяютъ себѣ подсмѣиваться надъ сосѣдями, въ особенности-же надъ ахвахцами: „это-молъ—медвѣди!“...

Что до наружности домашняго быта гидатлинцевъ, то—судя не двумъ крайностямъ, по саклѣ богатаго и бѣднаго здѣшняго жителя—нужно признать, что гидатлинцы, дѣйствительно, народъ опрятный,—но только въ дагестанскомъ смыслѣ этого слова, не больше того. Вотъ описаніе одного богатаго гидатлинскаго жилья.

Вообще средне-дагестанская богатая сакля дѣлится на два отдѣленія—для гостей и для хозяевъ, на половину кунацкую и половину семейную. Кунацкая располагается большею частію во второмъ этажѣ, состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатъ и террасы, которая въ тоже время служитъ крышею для половины хозяйской или для хлѣва, буйволятника. Лѣстницы и пороги такого-же устройства, какъ и дагестанскія горы: тутъ легко сломить себѣ, съ непривычки, ноги и шею; двери деревянныя, половинчатыя, на деревянныхъ-же створахъ и безъ всякихъ запоровъ; входя чрезъ нихъ въ комнату необходимо сгибаться и въ тоже время высоко заносить ногу, чтобъ не споткнуться о порогъ. Свѣтъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ и холодомъ въ ненастное время, проникаетъ въ комнату чрезъ маленькія четырехугольныя окна, безъ рамъ и стеколъ, но притворяемыя извнутри деревянными створчатыми ставнями или заслонками; часть свѣта идетъ въ комнату также чрезъ узенькія

*) Жители трехъ селеній (Тлаву, Циго и Ратлу), входящихъ въ составъ Гидатля, но завоеванныхъ гидатлинцами у цунта-ахвахцевъ, преимущественно—скотоводовъ.

отверстія въ стѣнѣ, которыя служили амбразурами для ружейной пальбы, на случай нападенія непріятеля; наконецъ часть свѣта проникаетъ въ комнату и чрезъ прямую трубу камина (бухаръ), устраиваемаго обыкновенно у стѣнки, безъ особыхъ затѣй: дрова кладутся прямо на полъ, глиняный, или-же на камень, вмазанный въ полъ, и дымъ идетъ подъ навѣсъ, въ родѣ балдахина прикрывающій очагъ на полутора-аршинной высотѣ отъ полу. Но и въ комнатѣ, вслѣдствіе такого устройства бухаровъ, не безъ дыму, такъ что, когда затопятъ каминъ, съ непривычки становится невыносимо: отъ ѣдкаго дыма слезы выступаютъ изъ глазъ, голова тяжелѣетъ и единственное облегченіе—лечь на полъ или присѣсть на корточки. Да и сами горцы, отъ этого-же дыма, сильно болѣютъ глазами. Въ этихъ видахъ, по всей вѣроятности, устраивается и средне-дагестанская мебель такой высоты, какъ наши скамеечки для ногъ: это низенькіе, четырехъ и трехъ-угольные, табуреты, большею частію орѣховаго дерева, изукрашенные иногда рѣзьбой, но вообще неуклюжіе, довольно массивные и безъ всякой обивки. Впрочемъ, и такой мебели, въ цѣломъ аулѣ, не наберется и десятка штукъ; не для чего она горцамъ, когда они обыкновенно садятся на полъ, подкладывая подъ себя ноги точно такъ же, какъ и другіе жители востока. Но, кромѣ табуретовъ, можно иногда встрѣтить въ саклѣ зажиточнаго горца еще нѣчто въ родѣ кресла, нѣчто въ родѣ дивана, тоже орѣховаго дерева, съ вычурною рѣзьбой, и также неуклюжія и ничѣмъ не обитыя: это прадѣдовское наслѣдство, въ родѣ семейнаго трона какого-либо вліятельнаго главы семейства. Вообще-же всякая мебель — излишекъ для горца; самое необходимое украшеніе его кунацкой — это ковры и паласы, и только въ нѣкоторыхъ сакляхъ самыхъ зажиточныхъ людей, чиновныхъ, можно встрѣтить наконецъ что-нибудь и изъ мебели русской. Стѣны кунацкой довольно чисты, смазаны глиной, внизу сѣрой, а вверху бѣлой. Въ стѣнахъ обыкновенно есть нѣсколько нишей, но пустыхъ и безъ занавѣсокъ, то большихъ, то меньшихъ и расположенныхъ не симметрично. Въ такихъ нишахъ у жителей плоскостной части Дагестана хранятся сундучки, всякаго рода цацки, занавѣшенныя шолковой тканью или парчею; у

горцевъ-же, при всей ихъ падкости на цацки, ниши кунацкой большею частію вичёмъ не наполнены; только въ верхнихъ нишахъ, подъ самымъ потолкомъ, можно замѣтить иногда разставленную по ранжиру всякаго рода русскую посуду, цѣлую и битую: тутъ и бутылки, и пузырьки, и чайникъ съ отбитымъ носикомъ, и въ особенности полоскательныя чашки; все это, какъ украшеніе, стоитъ безъ употребленія. Вообще стѣнныя украшенія у горцевъ, состоя изъ вещей, добытыхъ всякаго рода темными путями, представляются нашимъ глазамъ чѣмъ-то страннымъ, не идущимъ—какъ говорится—ни къ селу, ни къ городу: вотъ напр., нѣсколько неразрѣзанныхъ носовыхъ бумажныхъ платковъ прибито въ длину всей стѣны; подъ ними развѣшенъ такой-же длины кусокъ ситцу; на другой стѣнѣ прибито пухинское полосатое шолковое одѣяло; на третьей стѣнѣ, на колышкахъ висятъ наши тарелки, для чего, разумѣется, просверлены ихъ края... Словомъ, горца забавляютъ тѣ самыя вещи, которыя у насъ составляютъ предметъ извѣстнаго необходимаго употребленія, и онъ, не понимая ихъ назначенія, обращаетъ все это на украшеніе своей кунацкой.

Потолки комнатъ большей частію устраиваются такъ: кладется въ длину комнаты толстая четыреугольная балка, поддерживаемая посрединѣ столбомъ или тремя столбами; параллельно къ ней кладутся другія балки, потоньше, на поларшина одна отъ другой, и промежутки между ними закладываются въ поперекъ тросточками или погѣньями. Балки и столбы—дубоваго или орѣховаго дерева, несмазаные, съ нарѣзками и украшеніями, нѣсколько закоптѣлые отъ дыма; при бѣлыхъ стѣнахъ такой потолокъ хотя и красивъ, но праченъ; у нѣкоторыхъ онъ залѣпленъ кружками изъ бумаги, на которыхъ аляповато намазаны или какія-нибудь фигуры, имѣющія значеніе талисмановъ, или изреченія изъ корана. Въ главную балку и въ ея опору—столбъ—вбиваются колышки, для вѣшанья оружія; вбиваются колышки и въ стѣны, а также въ повѣшенныя подлѣ стѣнъ жерди, чтобы вѣшать вяленую баранину.

Кунацкая бываетъ только у зажиточныхъ, да и у этихъ она большею частію не обитаема, въ особенности въ зимнее время, ког-

да—при такомъ ея устройствѣ—въ ней должно быть невыносимо холодно.

На семейной половинѣ, какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ, одно и тоже: это мрачное, закопчѣлое отъ дыма, заваленное всякаго рода домашнимъ скарбомъ и рухлядью помѣщеніе служитъ и спальней; и кухней, и кладовой для всего семейства. Вмѣсто камина или бухара здѣсь большею частію устраивается посреди комнаты очагъ, надъ которымъ въ потолкѣ дѣлается отверстіе для выхода дыма; на стѣнахъ виситъ одежда, оружіе и посуда; въ углахъ находятся маленькіе закрома для муки и зерна. Кто побогаче, у того есть еще пристройки для склада всего домашняго скарба,—въ родѣ кладовыхъ, въ которыя нерѣдко ведутъ не двери, а оконца, и въ нихъ нужно проползать на четверенькахъ.

У нашего ородинскаго хозяина всего домашняго скарба могло бы достать на нѣсколько семействъ, а потому его хозяйская половина походила нѣсколько на музей. Какой посуды тамъ не было! И въ томъ числѣ были экземпляры весьма замѣчательные, перешедшіе къ настоящему ихъ владѣльцу отъ его предковъ и составляющіе предметъ его гордости. Между прочимъ тутъ былъ одинъ громадный мѣдный тазъ, средина котораго представляла изящный горельефъ—переплетенныя вѣтки винограда, положенныя вокругъ надписи, нѣсколько стертой, но видимо латинской, изображенной готическими буквами; довольно ясными остались слѣдующія слова: „Domine... bene vive.... anno“... Тонкая и отчетливая работа горельефа говоритъ во всякомъ случаѣ за то, что этотъ сосудъ не горской работы, да притомъ онъ видимо передѣланъ кузнецами-горцами: края придѣланы изъ другаго металла... Замѣчательными показались и другіе мѣдные сосуды, употребленія которыхъ не могъ объяснить и самъ хозяинъ: явный признакъ, что они попали сюда изъ чужой стороны. Это были довольно-чистой и красивой работы фигуры оленя, утки, козла и др. животныхъ, изъ желтой мѣди,—внутри пустыя и съ двумя отверстіями: своеобразные-ли это кубки, или-же резервуары для освѣтительнаго матеріала—опредѣлить трудно. Вообще-же, можно не преувеличивая повторить,

что весь складъ посуды нашего ородинскаго хозяина представлялъ своего рода музей: громадные и маленькіе тазы, разной величины чаны, нѣкоторые на подобіе литавръ, о трехъ ножкахъ, великихъ видомъ кувшины для воды—все это красной нѣди; такой-же ассортиментъ глинянной посуды. Наконецъ, въ числѣ рѣдкихъ вещей, хозяинъ показалъ желѣзную предковскую кольчугу, которую съ большимъ трудомъ можно было приподнять съ полу.

Но и эта богатая — въ глазахъ горца—хозяйская половина жилья представлялась весьма неряшливою. Не говорю о дымѣ, о копоти, о прачности помѣщенія, о грязи и пыли, замѣтныхъ на всемъ снарядѣ, такъ что къ какой вещи ни прикоснешься, то и руки загрязнишь; но кромѣ всего этого нельзя было не обратить вниманія на два свѣтовыя отверстія, устроенныя подъ потолкомъ, въ которыхъ пауки свили себѣ гнѣзда, затканъ ихъ плотной паутиной и сами сидя въ ней большой величины пуговками: это суевѣрнымъ обычаемъ взлелеянные пауки, величины необыкновенной, имею до тѣхъ поръ невидѣнной; трогать и разрушать ихъ паутину не дозволяетъ себѣ горецъ-хозяинъ, потому что они—такъ сказать—своего рода благословеніе для дому.

Наконецъ выставкою богатства нашего хозяина служила терраска его кунацкой, со складомъ дровъ, съ жердями, на которыхъ висѣли распаленныя вялившіяся баранья туши, а также турьи рога, наткнутые на палки.

Обозначивъ здѣсь нѣсколько чертъ, которыя могутъ послужить для характеристики горскаго быта, а въ особенности — гидатлинскаго достатка, не могу умолчать о томъ, что и въ благодатномъ Гидѣ благоденствуетъ все-же мужская половина рода человѣческаго, а не женская... Такъ, не успѣли мы еще хорошенько осмотрѣться въ ородинской квартирѣ нашей, какъ явились просительницы, своимъ видомъ напомнившія весь гнетъ, лежащій на дагестанской женщинѣ. Тѣ русскія бабы, что смущали своимъ костюмомъ и наружностью мягкосердечнаго гоголевскаго Тентетникова, оказались-бы въ сравненіи съ этими и красавицами, и щеголихами. Большею частію сѣдоволосыя старухи, эти просительницы падали ницъ, снимая при этомъ покрывала съ сѣдыхъ головъ, и ва-

лялись уногъ, хотя ихъ и просили, и уговаривали, и даже угрожали, что ихъ не будутъ слушать, если только онѣ не станутъ стоять и говорить по-человѣчески. Но нѣтъ,—таковъ ужъ женскій просительскій обычай Дагестана!—Одна до-нельзя сгорбленная старуха заявила, что она составляетъ собою дынъ (дворъ) и обложена податью: оказалось, что у этой старухи три взрослыхъ сына, которые отдѣлились отъ нея, такъ что она одна осталась на весь дворъ, и никто изъ нихъ не хочетъ принять ее къ себѣ и кормить подъ старость... Вообще-же и здѣсь, въ Гидѣ, какъ и во всемъ Среднемъ Дагестанѣ, жалкое, угнетенное положеніе женщины кажетъ себя всюду,—на полѣ, подъ тяжелымъ вьюкомъ сноповъ или сѣна; въ аулѣ—когда она изрѣдка выглянетъ изъ-за угла, сгорбленная, запуганная, въ лохмотьяхъ.

Но въ Дагестанѣ на все—свой взглядъ, или-же—выражаясь словами горцевъ—свой адатъ. Что на наши глаза безобразно, тяжело, то въ ихъ понятіяхъ представляется и умѣстнымъ и легкимъ дѣломъ. Вотъ хотя-бы и слѣдующее: на терраскѣ нашей квартиры были сложены дрова, всего съ полсажени; на вопросъ — куда и далеко-ли приходятся ородинцамъ ходить за дровами (лѣсу вблизи нигдѣ не было видно), получился отвѣтъ: „Лѣса наши близко: вонъ тамъ — за горою... Баба какъ выйдетъ утромъ изъ дому, то къ вечеру и успѣетъ вернуться назадъ съ вьюкомъ дровъ“... Нечего сказать, удобно и близко!...

(*Продолженіе будетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ МУТАЛИМА

(Абдулла Омаръ-оглы) *).

I.

У горскихъ племенъ Дагестана родители считаютъ священнымъ долгомъ обучать дѣтей своихъ арабской грамотѣ, чтобы до-

---

*) *Муталлимъ* (мутаалимъ)—учащійся, ученикъ при мечети.

Настоящая статья, представляя много замѣчательныхъ чертъ изъ быта горцевъ, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ личности автора. Уроженецъ Казикумухскаго округа, объѣздившій почти весь Дагестанъ, знакомый со многими языками и нарѣчіями послѣдняго, авторъ считается однимъ изъ лучшихъ мѣстныхъ переводчиковъ и принадлежитъ къ первымъ распространителямъ между дагестанскими горцами грамотности на туземныхъ языкахъ. П. К. Услеръ, въ предисловіи къ своимъ изслѣдованіямъ о Лакскомъ языкѣ, замѣтилъ слѣдующее: «Руководителемъ моимъ «былъ уроженецъ Кумуха, Абдулла-Омаръ-оглы, молодой человѣкъ, весьма «даровитый и трудолюбивый, съ которымъ я могъ свободно объясняться «по-русски. Теперь онъ безъ малѣйшаго затрудненія пишетъ на природномъ «языкѣ своемъ и усвоилъ грамматическое пониманіе его. На него вся надежда «въ отношеніи къ распространенію письменности между лаками». И дѣйствительно, казикумухцы (лаки) трудами его обязаны первыми печатными книжками на родномъ языкѣ (объ этомъ подробно говорится въ отдѣлѣ нашего Сборника—«Горская лѣтопись», въ статьѣ «Распространеніе грамотности на туземныхъ языкахъ»). Этнографическія подробности, сообщаемыя подобными свѣдущими туземцами, носятъ на себѣ характеръ гораздо большей достовѣрности, чѣмъ летучія замѣтки путешественниковъ, не успѣвающихъ ни къ чему хорошенько приглядѣться. Независимо отъ этого, при изложеніи этнографическихъ чертъ самимъ же туземцемъ, невольно сказывается и туземное міровоззрѣніе. Такимъ образомъ, для горской этнографіи статьи, подобныя предлагаемой, имѣютъ двойной интересъ. «Сборникъ» надѣется встрѣтить сочувствіе и вызвать отголоски на свою программу со стороны и другихъ свѣдущихъ и образованныхъ горцевъ.

Ред.

ставить имъ возможность со временемъ читать коранъ. Но обучаютъ преимущественно мальчиковъ, и рѣдко—дѣвочекъ. Потому-то въ Дагестанѣ грамотныхъ женщинъ почти нѣтъ. Впрочемъ, такой обычай, по отношенію къ дѣвочкамъ, вполнѣ сообразенъ съ наставленіями мусульманской религіи, да къ тому же, каждая дѣвушка въ горахъ, уже съ самыхъ малыхъ лѣтъ, исполняетъ въ семьѣ обязанности помощницы матери во всѣхъ тяжелыхъ работахъ, какія выпали въ горахъ на долю женщинъ. У горцевъ въ обычай вошло, что мужчина считаетъ для себя за стыдъ заниматься полевыми работами, а съ другой стороны, та дѣвушка, которая много работаетъ и носитъ на спинѣ своей тяжелые вьюки бурьяну или сѣна, считается самою лучшею невѣстою. При такомъ обычаѣ, безъ сомнѣнія, дѣвушкамъ не до грамоты.

Для обученія дѣтей арабской грамотѣ въ каждомъ аулѣ найдется одинъ-другой наставникъ. преимущественно изъ стариковъ, и рѣдко гдѣ изъ женщинъ; они принимаютъ къ себѣ въ домъ и обучаютъ чужихъ дѣтей за извѣстную плату. Такъ, помню хорошо, что и въ нашемъ аулѣ былъ такой же учитель-старикъ, нашъ сосѣдъ, и у него обучалось нѣсколько мальчиковъ.

Отецъ мой былъ ученый мусульманинъ и славился святостью своей жизни. Будучи изъ числа мюридовъ Кази-Муллы—втораго имама въ Дагестанѣ— онъ, какъ истинный послѣдователь тарикаата, былъ крѣпокъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и не чуждъ фанатизма. Женившись на моей матери, онъ скоро успѣлъ передѣлать ее на свой ладъ, такъ что я помню ихъ обоихъ одинаково монахами. Отецъ казался безкорыстнымъ и чуждымъ какихъ-либо искательствъ земныхъ благъ; онъ обыкновенно говаривалъ: „имущество сего міра останется здѣсь же; оно временное; нужно стараться о пріобрѣтеніи сокровищъ для вѣчной жизни; Богъ же не умертвитъ голодомъ своего вѣрнаго раба“. Тѣмъ не менѣе однако, скажу по совѣсти, когда выпадалъ случай пріобрѣсть что-либо изъ богатствъ міра сего безъ труда, онъ тоже считалъ обязанностію не упускать такого случая и пользовался имъ весьма охотно. Онъ не любилъ работать и вообще строго придерживался довольно лѣниваго и безпечнаго образа жизни, присвоеннаго въ горахъ подоб-

нимъ ему, религіознымъ людямъ. Полевыми же работами и вообще по хозяйственной части неутомимо занималась мать, при чемъ не забывала и о собственныхъ молитвахъ. Впрочемъ, отецъ мой былъ очень трудолюбивъ въ особой сферѣ труда: такъ, онъ спалъ очень мало и бѣгалъ въ мечеть каждую ночь до зари, и никакой морозъ, никакая непогода не препятствовали проявленіямъ такой его религіозности.

Когда я началъ говорить, то вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ родители меня учили разнымъ молитвамъ, такъ что, не будучи еще въ состояніи перечесть на родномъ языкѣ названія пальцевъ, я это зналъ уже по-арабски. За тѣмъ, съ самыхъ раннихъ моихъ лѣтъ, родители позаботились обучать меня арабской грамотѣ.

У сосѣда нашего, какъ сказалъ я прежде, была сельская школа, гдѣ обучались сельскія дѣти тоже арабской азбукѣ. Эти дѣти, обыкновенно, читали свои уроки въ слухъ, съ крикомъ, на разные голоса, что, сливаясь вмѣстѣ, разносилось въ воздухѣ гуломъ на порядочное пространство. Я сталъ завидовать ученикамъ сосѣда; мнѣ сильно хотѣлось присоединить и свой голосъ къ ихъ голосамъ. И вотъ, однажды, я заплакалъ, а на вопросъ о причинѣ плача, сказалъ, что хочу пойти къ сосѣду учиться вмѣстѣ съ другими мальчиками. Родители, однако, ни какъ не соглашались на это,—вѣроятно, во избѣжаніе платы за мое ученіе; но чѣмъ больше мнѣ отказывали, тѣмъ все больше мнѣ хотѣлось непремѣнно присоединиться къ ученикамъ сосѣдской школы. Ученики эти пользовались разными завидными для меня правами. Они получали изъ *закята* *) по нѣскольку горстей зернового хлѣба, за которыя обыкновенно покупали себѣ яблокъ или грушъ; кончавшіе курсъ своего ученія или же дочитавшіе до извѣстныхъ главъ корана обыкновенно приглашали къ себѣ всѣхъ товарищей на обѣдъ или на ужинъ,—и у нихъ часто устраивались своего рода пирушки; кромѣ всего этого, они назывались еще учениками по-преимуществу, или же *дѣтьми по корану*, какъ говорится на

*) *Закатъ*, *закатъ*—десятая часть урожая, которую каждый мусульманинъ обязанъ удѣлять ежегодно, по окончаніи жатвы, въ пользу бѣдныхъ и въ мечеть, на содержаніе при ней муталимовъ.

туземномъ языкѣ. Меня же, какъ учившагося дома, никто не величалъ такимъ лестнымъ титуломъ.

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ моихъ слезныхъ просьбъ, отецъ согласился отправить меня къ сосѣду, и однажды вечеромъ сказалъ матери: „Испеки пирогъ, пусть сынъ пойдетъ къ сосѣду учиться“.

— За чѣмъ его слушать? вѣдь однимъ пирогомъ не отдѣлаешься! Нужно еще сдѣлать угощеніе для учителя, когда онъ дойдетъ до *Кульго* (глава корана), потомъ еще, когда дойдетъ до *Ясина* (тоже глава корана), потомъ еще заплатить два рубля: все это значитъ что нибудь! сказала мать.

— Но что же будемъ дѣлать, когда ему такъ хочется нанести намъ такой убытокъ.

— Дѣти настоящаго времени родятся съ дьявольскими наклонностями, и пользы отъ нихъ нечего ожидать!

— Онъ еще маленькій. . . . Почемъ знать, что изъ него выйдетъ? Можетъ статься, что онъ, при его способностяхъ, со временемъ сдѣлается большимъ *алимомъ* (ученымъ), — замѣтилъ отецъ.

— Но съ чѣмъ пирогъ сдѣлать — съ тыквой или мясомъ? спросила мать.

— Съ чѣмъ хочешь, только чтобъ пирогъ былъ хорошій....

И вотъ, на другой день, рано утромъ, отецъ далъ мнѣ деревянную доску, на которой была написана азбука, и отправилъ меня съ работникомъ и съ пирогомъ въ первую для меня школу.

Учитель, видимо, съ радостью встрѣтилъ какъ меня, такъ въ особенности—большой пирогъ: онъ ласково взялъ меня за руку и указалъ мнѣ мѣсто въ классѣ.

Классъ этотъ помѣщался на балконѣ, вдоль котораго было положено длинное бревно; мѣсто за бревномъ было застлано соломою, которую ученики сами собирали на жительскихъ гумнахъ, когда тамъ молотили хлѣбъ. На этой-то соломѣ, лицемъ къ бревну, сидѣли всѣ ученики, будущіе мои товарищи, и передъ каждымъ изъ нихъ лежало по два плоскихъ камня, поставленныхъ

одинъ подлѣ другаго углообразно, чтобы могли на нихъ лежать книжки или азбучныя доски.

Такъ какъ у меня не было ни соломы, ни камней, то учитель одолжилъ ихъ мнѣ — только на время. Не дальше какъ на другой же день, рано утромъ, одинъ изъ новыхъ товарищей моихъ сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ, гдѣ въ аулѣ молотятъ хлѣбъ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился на гумно попросить себѣ соломы. Получивъ вязанку, я принесъ ее въ училище, усѣлся на нее и былъ счастливъ при мысли, что и я *мальчикъ по корану*, что и я пользуюсь правами этого лестнаго титула. Окончательно же я возрадовался только тогда, какъ услышалъ съ крыши одного дома голосъ, который взывалъ: „Кто имѣетъ право получить *закаатъ*— пусть явится.“ Я побѣжалъ съ другими учениками на этотъ крикъ, и мы получили чашки двѣ пшеницы, за которыя тотчасъ-же купили себѣ яблокъ, а учитель подѣлилъ ихъ между нами, при чемъ не забылъ и себя, и своего сына, котораго даже и дома не было въ то время. . . .

Когда я дошелъ до Кулыо *) учитель перевязалъ мнѣ большой палецъ правой руки толстою шерстяною ниткою и затѣмъ отправилъ домой. Чрезъ три дня послѣ этого нашъ работникъ несъ къ учителю три хлѣба, большой супникъ похлебки изъ пшеницы и бобовъ, кувшинъ бузы и ляжку копчонаго барана. И пока я кончилъ весь коранъ, нѣсколько разъ относились въ домъ учителя подобные подарки, а именно, всякій разъ, какъ только доходилъ я до извѣстныхъ главъ корана. Наконецъ насталъ для меня и торжественный день, въ который я кончилъ весь коранъ. Еще наканунѣ этого дня, учитель мнѣ сказалъ, чтобы я извѣстилъ объ этомъ своихъ родителей, что я и исполнилъ. Когда же въ школѣ, читая послѣднюю главу корана, дошелъ я до послѣдней строчки,— всѣ ученики встали съ мѣстъ и начали приготовляться точно бѣжать куда-нибудь: одни снимали съ себя шубы, другіе—сапоги,

*) Такъ называется небольшая глава Алкорана, считающаяся особенно священною, часто повторяющаяся въ молитвахъ и состоящая изъ слѣдующихъ словъ: „Скажи, что Богъ одинъ, что Богъ ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается, что Богъ самъ не рожденъ и никого не рождалъ, что Богъ не имѣлъ никого и ничего Себѣ равнаго.“

третьи засучивали рукава своихъ рубашекъ до локтей, будто приготовлялись къ кулачному бою. Когда же я произнесъ послѣднее слово корана, въ тотъ же мигъ я очутился на рукахъ товарищей, которые понесли меня въ домъ моихъ родителей и не прежде положили меня на землю, какъ мать моя дала имъ чашку орѣховъ. Дома между тѣмъ былъ приготовленъ обѣдъ, на который явились по приглашенію вліятельнѣйшіе люди аула и за которымъ учитель воссѣлъ на самомъ почотномъ мѣстѣ. Послѣ-жъ обѣда отецъ вручилъ учителю 2 р. 50 к. и поблагодарилъ его за труды, а старики и прочіе муллы пожелали мнѣ успѣха въ дальнѣйшемъ ученіи, чтобы я сдѣлался наконецъ такимъ же ученымъ мужемъ, какъ мой отецъ,—потомъ всѣ стали расходиться по домамъ, отирая свои сальныя руки о бороды и лица.

Съ того дня, какъ происходила вся эта церемонія, началась для меня новая жизнь: отецъ подарилъ мнѣ пашню, а мать—покосное мѣсто; но самою большою наградою для меня были слышанныя иногда отъ разныхъ лицъ похвалы, что вотъ я—такой маленькій—а кончилъ уже коранъ, всего въ 3 мѣсяца, тогда какъ другіе ученики учились уже по цѣлымъ годамъ, а все еще не выходили изъ школы. Одинъ родственникъ моей матери подарилъ мнѣ свой родовой коранъ, писанный какимъ-то ученымъ прапрадѣдомъ, и я читалъ каждый день по двѣ части изъ 30 частей корана, и тѣмъ воздавалъ должную дань умершимъ предкамъ своимъ. За тѣмъ, ежедневно, по окончаніи мною чтенія обычной части корана, отецъ училъ меня правиламъ религіи и правиламъ тариката. Онъ заставлялъ меня повторять слова „Боже прости“ 300 разъ; потомъ слова „Богъ великъ“ столько же разъ. Потомъ я заучивалъ и другія молитвы, читая ихъ наизусть и нараспѣвъ и въ тоже время нисколько не понимая ихъ смысла.

Послѣ того какъ я заучилъ на память двѣ книжечки молитвъ и правилъ религіи, отецъ далъ мнѣ арабскую первоначальную грамматику. Было это въ среду *), послѣ утренняго намаза.

*) По повѣрью мусульманъ, всякое важное дѣло должно начинать въ

Отецъ прочелъ молитву, при чемъ я усердно и съ благоговѣніемъ произносилъ „аминь“, а по окончаніи молитвы послѣдовалъ первый мой урокъ изъ грамматики.

Съ этого дня во мнѣ явилась какая-то гордость предъ своими товарищами по корану. Они всѣ прекратили уже дальнѣйшее ученіе: кто пошелъ на плоскость съ баранами, съ отцемъ или дядею; кто въ Дербентъ на заработки; кто дома шатался по улицамъ или же бѣгалъ въ поле съ капканомъ для птицъ. Я одинъ только продолжалъ учиться и ходить въ мечеть съ книжкою въ рукахъ. Тогда мнѣ дана была отцомъ инструкція такого рода: вставать до зари и молиться дома, потомъ отправляться въ мечеть и прочитывать тамъ $^1/_{30}$ часть корана; за тѣмъ идти на кладбище и читать молитвы на могилахъ своихъ предковъ, а возвратившись оттуда, заучивать свой урокъ изъ грамматики. Наконецъ слѣдовалъ завтракъ, послѣ котораго я долженъ былъ брать новый урокъ.

Инструкцію эту я исполнялъ строго, за что и пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ.

„Вотъ видите“! говорилъ иногда какой-нибудь старикъ, сидя на сходбищѣ. „Сейчасъ же видно, что будетъ хорошимъ человѣкомъ! Даже взрослые не знаютъ гдѣ мечеть, развѣ отыщутъ ее тогда, когда въ мечети раздается хлѣбъ или мясо изъ *вакфа* *), а этотъ мальчикъ точно родился для мечети“.

среду, ибо пророкъ сказалъ: «Всякое дѣло, начавшееся въ среду, должно кончиться».

*) *Вакфъ* — слово арабское, означаетъ «остановить», а по шаріату имѣетъ значеніе «пожертвовать какое-либо имущество въ пользу кого и чего бы то ни было съ богоугодною цѣлью». Въ горахъ много такихъ пахатныхъ и пастьбищныхъ земель, на которыя наложенъ *вакфъ*, т. е. съ земель этихъ должно посылать въ мечеть хлѣбъ, или съ пасущихся на нихъ барановъ отдавать въ мечеть барана, сало на освѣщеніе и т. п. Пожертвованія такого рода дѣлаются, обыкновенно, на вѣчныя времена. Налагается *вакфъ* и на вещи, напр., на книги: первый владѣлецъ оставляетъ ихъ въ вакфъ тому, кто изъ его семьи будетъ по нимъ учиться, а потому подобныя книги не подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками, а переходятъ только къ тому, кто грамотенъ.

— „Что же тутъ удивительнаго! разумѣется, каковъ корень— таковъ и плодъ“, замѣчалъ другой.

— „Неправда, возражалъ третій: вотъ, примѣрно, Магома: какой воръ былъ его отецъ, просто дѣтей изъ люльки воровалъ; а сынъ его, какъ ангелъ, и хорошъ и добръ“.

— Чтожъ такое! и на шиповникѣ роза ростетъ, возражалъ старикъ.

— Да! все на свѣтѣ дѣлается по волѣ Божіей, и у всякаго своя судьба! замѣтилъ кто-то.

Подобныя похвалы для меня были весьма лестны, и потому-то я съ особеннымъ удовольствіемъ исполнялъ отцовскую инструкцію.

II.

Въ нѣкоторыхъ аулахъ, гдѣ нѣтъ ученыхъ людей, общество нанимаетъ муллъ изъ другаго аула, за извѣстную плату, на годъ.

Однажды, вернувшись изъ мечети домой, засталъ я у отца 3-хъ старцевъ, мнѣ незнакомыхъ. Всѣ трое сидѣли рядомъ, подложа подъ себя ноги, съ четками въ рукахъ. Это были депутаты общества сел. К..., пріѣхавшіе къ отцу просить его, чтобы онъ поѣхалъ къ нимъ *кадіемъ*.

— „Да“! не разъ произносилъ со вздохомъ одинъ изъ старцевъ, самый серьезный и все время жмурившій глаза.

— Да! подхватывалъ другой, поднимая голову съ груди: теперь вѣрно свѣтъ приближается къ концу! люди сдѣлались хитрѣе дьявола, даже мальчишки теперешніе хитрѣе прежнихъ стариковъ! Увы, очень мало стало людей, которые бы боялись Бога! Всѣ идутъ къ русскимъ за какіе нибудь гроши... За черныя день-

ги продаютъ даже хлѣбъ русскимъ, а молодежь идетъ въ работники къ армянамъ! Никто Богу не молится какъ слѣдуетъ, всѣ устремились къ суетамъ міра сего, даже сами муллы не боятся Бога и дѣлаютъ то, чего бы не сдѣлалъ другой неграмотный человѣкъ.

— Я слышалъ, нашъ покойный кадій говаривалъ въ мечети: „Слушайтесь того, что вамъ говорятъ ученые, а не смотрите на то, что они сами дѣлаютъ“, замѣтилъ на это третій старикъ.

— Да вотъ хоть бы и нашъ теперешній кадій Курбанъ,— сказалъ опять второй: собираетъ закатъ для учениковъ, а ихъ у него никогда и не бывало! Онъ и табакъ нюхаетъ, и бузу пьетъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ кадіемъ—жители начали сильно мереть... Пожалуй, пусть дѣлаетъ что хочетъ, это бы ничего; да чрезъ такихъ людей гнѣвъ Божій падаетъ на всѣхъ: урожаи стали совсѣмъ не то что прежде; недавно было затменіе луны; прошлый годъ земля тряслась... все это признаки гнѣва Божія!

Послѣ такихъ разговоровъ началась рѣчь объ условіяхъ: отецъ согласился поѣхать въ деревню К... кадіемъ, съ тѣмъ, чтобы жители давали ему съ каждаго дома по одной *сабѣ* *) хлѣба въ годъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого отецъ уѣхалъ, пообѣщавшись въ скоромъ времени и меня переселить въ тотъ же аулъ. Я не зналъ, что и дѣлать отъ радости; мнѣ было и весело и лестно, что поѣду учиться въ чужой аулъ и буду ученикомъ ужъ при мечети.

И вотъ, однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда отца, мать долго читала какую-то молитву, поднявъ руки къ небу, а потомъ, окончивъ молитву, стала снаряжать меня въ дорогу: снабдила меня всѣми необходимыми вещами, какъ-то: тулупомъ, войлочными сапогами, башлыкомъ, палкой, сумкой съ книгами и закуской,—и наконецъ отправила меня съ однимъ изъ родственниковъ къ отцу.

---

*) *Саба*—мѣра емкости, въ которой помѣщается зерна вѣсомъ около 30 фунтовъ. Саба бываетъ различной величины, смотря по мѣстности: саба въ бывшемъ ханствѣ равняется двумъ сабамъ горскимъ.

Въ К. . . отецъ помѣстилъ меня на житье вмѣстѣ съ другими учениками его, жившими въ самой мечети, и мнѣ очень понравилась ихъ жизнь, хотя она не отличалась никакими удобствами. Довольно сказать, что не только ни у кого изъ нихъ не было постели, но даже не было и подушки. На ночлегъ каждый ученикъ обыкновенно забирался въ какой-нибудь уголъ и дѣлалъ тамъ себѣ постель изъ ковровъ, которыхъ много было въ мечети; укрывался ковромъ же, и вмѣсто подушки подъ голову клалъ тоже коверъ. На утро, само собою разумѣется, ковры эти постилались по своимъ мѣстамъ. Съ боку мечети была маленькая комната, въ которую входили чрезъ самую мечеть и для которой служило окномъ одно маленькое отверстіе, выходившее на улицу. Эта комната, называемая у мусульманъ *худжри* *), служила вмѣстѣ и кухнею, и столовою, и кладовою. Въ одномъ изъ угловъ ея лежало топливо (изъ соломы и кизяка), собираемое учениками въ аулѣ, въ каждый четвергъ вечеромъ; по срединѣ, къ стѣнѣ, находился каминъ, въ которомъ стоялъ разбитый чугунный котелъ, а возлѣ камина стояли полуразбитые два глиняные кувшина и такой же бардакъ съ водою; тутъ же лежалъ мѣшокъ съ мукою и старый деревянный подносъ, въ которомъ приготовляли тѣсто для *хинкала* **). Было тутъ еще сито, чашка и нѣсколько деревянныхъ ложекъ. Вотъ и все хозяйство муталимовъ.

Между учениками были уже распредѣлены должности по хозяйству: старшій назывался *старшимъ цигоромъ;* на его обязанности лежало приготовлять тѣсто для хинкала и наблюдать за порядкомъ; второй назывался *комнатнымъ цигоромъ* и на его обязанности лежало—разводить огонь, сѣять муку, ставить котелъ въ каминъ и держать комнату въ чистотѣ; третій назывался *водянымъ цигоромъ*; онъ обязанъ былъ привозить воду изъ рѣч-

*) *Худжра*—слово арабское: комнатка, гдѣ помѣщаются муталимы, и вообще комнатка для ученыхъ занятій и помѣщенія книгъ.

**) *Хинкал*—обычное кушанье у горцевъ, въ родѣ малороссійскихъ галушекъ; приготовляется изъ тѣста, которое разрѣзаютъ на куски и варятъ въ водѣ, съ лукомъ, мясомъ или же безъ всякой примѣси; хинкалъ бываетъ различной формы и разной величины.

ки для омовенія и для приготовленія кушанья; четвертый и пятый, самые младшіе, назывались *деревенскими цигорами*; на нихъ лежала обязанность ходить по аулу, выпрашивая у жителей соли, молока, чесноку и пр. Должности эти были раздѣлены по жребію и каждый исполнялъ ихъ строго, за неисполненіе же подвергался штрафу, который назначалъ старшій цигоръ, по своему усмотрѣнію. Штрафы были такого рода: перенести большой камень съ далекаго мѣста, или взойти на какую-нибудь гору и сдѣлать тамъ каменный складъ, въ свой ростъ вышиною; или же достать гдѣ нибудь кувшинъ молока, сыворотки и т. п. Кромѣ того, старшій цигоръ отбиралъ книгу у виновнаго, клалъ ее въ извѣстное мѣсто, и книга не возвращалась хозяину до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнялъ назначеннаго наказанія. Подметать мечеть всѣ ученики были одинаково обязаны и потому подметали ее по очереди.

Такъ какъ я былъ еще малъ и къ тому же сынъ кадія, то ученики не обременили меня никакой обязательной работой.

Каждый день утромъ, послѣ намаза, отецъ отправлялся въ сопровожденіи стариковъ на кладбище читать молитву и, по возвращеніи оттуда, занимался съ учениками. Онъ призывалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ по очереди и заставлялъ сперва прочесть вчерашній урокъ, потомъ самъ читалъ новый урокъ, съ переводомъ на туземный языкъ, слово въ слово; наконецъ заставлялъ ученика прочесть тоже самое, и это служило урокомъ для слѣдующаго дня. Если же ученикъ не выучивалъ вчерашняго урока, тогда новый урокъ откладывался на дальше. Въ остальное время дня ученики занимались сами, а кадій только изрѣдка замѣчалъ, когда кто-нибудь изъ насъ сидѣлъ безъ книги, что ученикъ долженъ имѣть предъ собою постоянно книгу. По окончаніи уроковъ комнатный цигоръ отправлялся въ кухню, разводилъ огонь и, когда все было готово, призывалъ старшаго цигора. Этотъ послѣдній клалъ въ сито по одной горсти муки на каждаго ученика и дѣлалъ тѣсто. Потомъ, раздробивъ тѣсто на куски, клалъ его въ кипячую воду. Пока хинкалъ варился, комнатный цигоръ вымывалъ большой деревянный подносъ и очищалъ его отъ прилипшаго тѣста и муки, потому что на этомъ подносѣ нужно было подавать

хинкалъ. Когда же онъ совсѣмъ уваривался, давали знать остальнымъ ученикамъ, и тѣ бѣжали на зовъ немедленно. Усѣвшись вокругъ подноса, каждый старался съѣсть больше другаго; но и самому усердному скороѣду не доставалось скушать больше 5—6 галушекъ. За тѣмъ комнатный цигоръ подавалъ наваръ, въ полуразбитой чашкѣ, поднося по старшинству, такъ что иногда младшимъ совсѣмъ не доставало и приходилось цѣлый день быть въ проголодь. Кромѣ преимущества получать прежде наваръ, старшій цигоръ, а также комнатный, имѣли и другія выгоды: они имѣли право пробовать, сварился-ли хинкалъ, для чего брали предварительно на пробу по одной, даже по двѣ галушки; и когда убѣждались, что онѣ дѣйствительно сварились, тогда только давали знать другимъ. Они имѣли также право брать себѣ лишній кусокъ тѣста и печь его на огнѣ. Это кушанье называется *хуппосомъ*. Куппосы бываютъ разной величины и за нихъ случалось между учениками не мало ссоръ.

Ученики вели свою полуголодную жизнь весело; ни у кого изъ насъ не было никакихъ заботъ, кромѣ заботъ о томъ, чтобы поскорѣе окончить начатую книгу. По вечерамъ мы ѣли хинкалъ, а за завтракомъ толокно съ водою, иногда съ сывороткою, молокомъ или бузою, смотря по тому, что доставали наши деревенскіе *цигоры*. Топливо собиралось обыкновенно разъ въ недѣлю, т. е. отъ четверга до другаго, и на сборъ топлива выходили всѣ ученики послѣ передъ-вечерняго намаза; при чемъ комнатный цигоръ, по своей обязанности, носилъ сапетку (корзину) на спинѣ и медленно ходилъ по улицѣ, а изъ остальныхъ каждый заходилъ въ особый дворъ, крича на распѣвъ обычныя слова: „ученикамъ дайте кизяка“! и получали съ каждаго двора по одному, иногда по два кизяка. Кто изъ хозяевъ не имѣлъ у себя кизяка, тотъ предлагалъ соли или чесноку, на что ученики соглашались охотно. Полученный кизякъ клался въ сапетку комнатнаго цигора, а когда она совсѣмъ наполнялась, тогда онъ отправлялся въ мечеть, оставлялъ тамъ собранное и снова являлся на улицу. Такъ повторялось нѣсколько разъ, пока собранный запасъ не казался цигорамъ достаточнымъ на цѣлую недѣлю.

Мяса или сыру намъ не случалось видѣть иногда довольно продолжительное время, и ученики нерѣдко роптали на Израила, *ангела, отнимающаго душу*, за то что онъ забывалъ старико въ деревни К....

Но вотъ однажды деревенскій цигоръ принесъ намъ вѣсть о смерти какого-то аульнаго старика, и общей радости учениковъ не было конца. Къ полудню кто-то изъ родичей покойника пришелъ въ мечеть и пригласилъ учениковъ на похороны. Мы всѣ съ радостью отправились на кладбище, куда покойника понесли четыре человѣка, на носилкахъ, къ которымъ трупъ былъ привязанъ веревкою, а сверху накрытъ черною буркою. Покойника провожали всѣ жители деревни и всѣ шли быстрыми шагами. Нѣсколько женщинъ, самыя близкія родственницы покойнаго, тоже провожали его, съ открытыми головами и громко рыдая; но мужчины уговорили ихъ вернуться съ полдороги.

Какъ только принесли покойника на кладбище и похоронили, тотчасъ раздали всѣмъ грамотнымъ книги *), чтобы читать заупокойныя молитвы, и ученики, разумѣется, были на первомъ планѣ. По окончаніи же чтенія стали раздавать чтецамъ по кусочку бумажной матеріи (не больше какъ по ¼ аршина на каждаго). Потомъ раздали толокно съ мясомъ и затѣмъ разошлись по домамъ. Вечеромъ того же дня принесли въ мечеть около 15 хлѣбовъ, вареного мяса отъ 2-хъ барановъ, а также *халву*, приготовленную изъ муки съ медомъ и масломъ. Обыкновенно, посѣтителей мечети въ другое время бывало очень немного, такъ что не наполнялся одинъ первый рядъ, и потому я думалъ, что намъ достанется порядочный пай изъ принесенной въ мечеть поминальной пищи. Но только что *будунъ* **) провозгласилъ вечерній зовъ на крышѣ мечети, народъ началъ стекаться толпами со всѣхъ

*) Коранъ раздѣляется на 30 равныхъ частей, и въ каждой мечети есть нѣсколько корановъ, написанныхъ отдѣльно, по частямъ. Вотъ эти-то отдѣльныя части корана и раздаются на кладбищѣ послѣ похоронъ для чтенія за упокой усопшаго.

**) *Будунъ* (мудунъ) — помощникъ кадія, завѣдывающій хозяйствомъ мечети (см. статью «Адаты», стр. 78).

Послѣ ужина сынъ умершаго старика поблагодарилъ отца и его товарища за чтеніе и далъ каждому по 1 руб. 50 коп.

На другой день родственница покойника принесла отцу одежду умершаго—овчинный старый тулупъ, рубашку, чуху, войлочные сапоги, папаху и пр. Все это раздѣлилось между отцемъ и будуномъ.

Хотя отецъ имѣлъ право сначала выбрать для себя какую нибудь вещь особо, какъ кадій, и только остальное затѣмъ раздѣлить пополамъ съ будуномъ, однако онъ не воспользовался этимъ правомъ и безъ всякаго выбора раздѣлилъ всю одежду пополамъ и потомъ свою часть подарилъ одному бѣдняку. Будунъ былъ очень доволенъ и удивлялся щедрости отца.

— Какой хорошій человѣкъ нашъ кадій! говорилъ онъ другимъ старикамъ.—Прежній кадій, въ прошломъ году, не согласился уступить мнѣ даже папаху умершаго Абакара, хоть я и просилъ его объ этомъ; такъ вотъ и провелъ цѣлую зиму безъ папахи, уши отморозилъ, и наконецъ таки купилъ у него эту же самую папаху за 25 коп.! А этотъ кадій даже для себя ничего не выбралъ, а все пополамъ раздѣлилъ...

Да и какъ было не радоваться будуну и не хвалить кадія за щедрость! Онъ былъ очень бѣдный старикъ, жилъ у своей тоже бѣдной дочери, которая обращалась съ нимъ очень грубо. Получалъ онъ за свою должность не очень-то много. Кромѣ освобожденія отъ податей и повинностей, онъ имѣлъ одну пашню, на которой можно было засѣять двѣ сабы (1¹/₂ пуда) хлѣба. Но такъ какъ онъ не имѣлъ ни быка, ни осла, то отдавалъ пашню другому—засѣвать ее съ половины, да и то не каждый годъ. Получалъ онъ также изъ заката незначительное количество хлѣба разнаго рода; наконецъ въ день окончанія поста (рамазана) тоже получалъ сабы двѣ или 1¹/₂, да половину одежды умершаго. Вотъ и всѣ его доходы. Отецъ же мой, какъ кадій, получалъ, согласно условія, съ каждаго дома по одной сабѣ хлѣба въ годъ, да за совершеніе обрядовъ: за вѣнчаніе по 25 к., иногда и больше, но не меньше; за погребеніе умершихъ половину одежды умершаго мужчины. Такъ какъ у отца не было при себѣ никого изъ женщинъ, то онъ назначилъ

для обмыванія умершихъ женщинъ одну старуху, которая и получала одежду покойницы пополамъ съ дочерью будуна. Кромѣ того, если случалось отцу дѣлить имущество умершаго между наслѣдниками, то за это получалъ онъ два процента, которые впрочемъ не превышали никогда 2-хъ или 3-хъ рублей.

III.

Уже прошла цѣлая недѣля, съ тѣхъ поръ какъ старшина получилъ извѣщеніе, что ханъ въ скоромъ времени удостоитъ сел. К... своимъ пріѣздомъ. Старшина и его родственники все это время хлопотали о приготовленіи приличнаго угощенія для хана и его свиты. Нѣсколько разъ ѣздили въ Цудахаръ за разными напитками и привозили оттуда самые рѣдкіе, не виданные и не слыханные до тѣхъ поръ въ сел. К. водки, вина и ликеры; привезли также и значительное количество чистаго спирта. За хорошимъ чаемъ и стаканами послали въ Шуру. Карты тоже были заняты сборомъ разныхъ продуктовъ отъ жителей—барановъ, куръ, яицъ, масла, меду, сѣна, ячменя и проч. Молодыя дѣвушки толковали объ имѣющихся въ виду пляскахъ и музыкѣ и одолжались заимообразно другъ у друга разными украшеніями; старухи и вообще хозяйки прятали своихъ куръ, запирали сѣно и саманъ; но чауши всюду заглядывали и забирали разную провизію къ старшинѣ и картамъ. Что до учениковъ, то они вполнѣ радовались и прыгали въ ожиданіи хана, въ надеждѣ поднести ему адресъ съ обычными привѣтствіями, цѣль которыхъ единственно состоитъ въ томъ, чтобы получить нѣсколько абазовъ, что составляетъ для муталлимовъ весьма большой капиталъ.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый торжественный день. Не

смотря на то, что время было весеннее, рабочее, многіе жители оставались дома, и съ утра начали толпиться на сходбищахъ. Послѣ полуденнаго намаза всадникъ прискакалъ изъ сосѣдней деревни съ извѣстіемъ, что ханъ уже выѣхалъ. Верховые поскакали къ нему на встрѣчу, а прочіе жители вышли на дорогу около кладбища. Вотъ стали слышны отголоски пѣсенъ, послышались ружейные выстрѣлы, наконецъ сталъ доноситься шумъ, крикъ, лай гончихъ и борзыхъ собакъ, топотъ лошадиный,—и ханскій поѣздъ медленно то приближался, то удалялся, смотря потому какъ дорога шла то по горѣ, то по ущелью. Вотъ показался бѣлый значекъ и жители стали въ рядъ. Когда же ханъ подъѣхалъ, всѣ сняли шапки съ обычнымъ привѣтствіемъ: *Карабузъ ханъ* (да благословитъ Богъ пріѣздъ твой къ намъ)! а ханъ отвѣтилъ „благодарю“ и потомъ спросилъ нѣкоторыхъ, какъ они поживаютъ. Вопросы эти были сдѣланы приличествующимъ такимъ лицамъ тономъ, т. е. вполнѣ непринужденно и беззаботно. Ханъ остановился у старшины, а нукера его были размѣщены по домамъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ такимъ образомъ оказалось на постоѣ даже по 5—6 человѣкъ. Кому изъ нукеровъ не нравился свой кунакъ по бѣдности или по нраву, тотъ самовольно отправлялся къ кунаку своего товарища. Скоро пошли споры нукеровъ съ жителями: первые требовали отъ послѣднихъ всякихъ удовольствій, а не то отбирали у нихъ силою все, что только хотѣли, при чемъ ругали и били нагайками, а вечеромъ пошла охота на куръ и пѣтуховъ: по всему аулу тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы, летали палки, и тѣ изъ хозяекъ, которыя заблаговременно не успѣли припрятать свою домашнюю птицу, плакали и кричали.

Ночью вездѣ раздались пѣсни и началось пьянство; но главный кутежъ былъ у старшины. Тамъ гремѣли зурны, бубны, барабаны, балалайки и другіе горскіе увеселительные инструменты. Туда-же чауши собирали силою и красивыхъ дѣвушекъ.

Я ходилъ вмѣстѣ съ товарищами поглазѣть на этотъ пиръ къ дому старшины. Тамъ была большая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Изъ дома слышны были звуки пѣсенъ и крики нукеровъ, а

иногда и голосъ самого хана. Большая часть долетавшаго до насъ говора состояла изъ самыхъ неприличныхъ, бранныхъ словъ. . . . .

— „Аллахъ! Аллахъ! должно быть приблизился конецъ свѣта“, говорила одна сидѣвшая съ ребенкомъ на рукахъ старуха.

— „Да разорвутся ихъ горла! какъ они не устануть“! замѣтила другая.

— Пусть ихъ гуляютъ! За то на томъ свѣтѣ будутъ они собаками ада.

— И на семъ свѣтѣ они хуже всякихъ собакъ, да понесутъ ихъ на носилкахъ! У меня поймали курицу и унесли; я кричу: оставьте, да лопнутъ ваши животы! — „Ничего“, говоритъ одинъ, — „на что тебѣ старая курица? Яицъ не будетъ нести“. Я бросилась отнимать, а онъ какъ ударитъ меня плетью по рукѣ,—вотъ и теперь все равно, какъ огонь горитъ. Да, я слышала, покойный кадій нашъ (да проститъ Богъ ему грѣхи) говаривалъ, что очень близокъ конецъ свѣта, и что вотъ этакіе люди, какъ эти нукера, будутъ вездѣ притѣснять бѣдныхъ людей. Пошли Аллахъ поскорѣе смерть! Не дожить-бы намъ до болѣе тяжкаго времени. . .

Такъ бесѣдовали старухи, а между тѣмъ въ домѣ старшины шумъ усиливался больше и больше. Нѣсколько разъ оттуда выбѣгали дѣвушки на дворъ, желая убѣжать домой, но сильныя руки пьяныхъ нукеровъ опять таскали ихъ въ комнату.

За нѣсколько дней до пріѣзда хана муталимы приготовили адресъ, на бѣлой бумагѣ, купленной для этого на цудахарскомъ базарѣ, а на другой день по пріѣздѣ хана, около полудня, отправили къ нему двухъ уполномоченныхъ по жребію съ адресомъ. Еще заранѣе, до полученія за этотъ адресъ подарка, ученики ужъ совѣтывались между собой, что съ деньгами сдѣлать: одинъ говорилъ, что лучше купить мяса; другой—масла; третій говорилъ, что полезнѣе купить бумаги и перьевъ, и никто не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ другаго. Наконецъ посланные возвратились и мы всѣ выбѣжали къ нимъ на встрѣчу съ вопросами: сколько? сколько? А тѣ прыгали отъ радости, смѣялись, не говоря однако сколько. Какова-же была наша радость, когда одинъ изъ нихъ открылъ сжатую

до того руку, и на ладони показалось серебро — цѣлыхъ пять абазовъ! Послѣ многихъ толковъ относительно израсходованія этихъ денегъ, наконецъ рѣшили: раздать на руки каждому по 10 коп., а за остальныя 50—купить масла коровьяго и приготовить кушанье, извѣстное между учениками подъ названіемъ *шайини*. Это почтенное и самое любимое муталимами блюдо славится повсюду въ горахъ, больше даже чѣмъ пилавъ въ Закавказьи. Оно приготовляется слѣдующимъ образомъ: сначала кипятятъ воду въ котлѣ; потомъ мѣшаютъ въ ней пшеничную муку до тѣхъ поръ, пока не получится тѣсто; затѣмъ выкладываютъ его на деревянный подносъ, замѣшиваютъ сухимъ толокномъ и дѣлаютъ круглую какъ жерновъ лепешку, съ ямкой по срединѣ, въ которую наливаютъ растопленнаго масла, а если достанутъ, то и немного меду. Когда приготовлено *шайини*, тогда усаживаются вокругъ него, и отломавъ тремя пальцами кусокъ съ края, обмакиваютъ его въ масло и ѣдятъ. Это вкусное блюдо муталимы приготовляютъ только для дорогихъ своихъ гостей въ праздничные дни, т. е. когда получатъ по какому-нибудь случаю деньги, такъ что можно купить масла; въ общіе же праздники они пируютъ на чужой счетъ.

Кстати, приведу здѣсь нашъ привѣтственный адресъ, поднесенный хану, и замѣчу при этомъ, что всѣ муталимскіе адресы, подносимые проѣзжающимъ почетнымъ лицамъ, пишутся по такому же образцу.

„Отъ муталумовъ К...ской мечети великому изъ великихъ, умнѣйшему, щедрѣйшему, храбрѣйшему (слѣдуетъ имя привѣтствуемой особы). Да будетъ съ тобою миръ и да не погаснетъ свѣтъ твоего солнца до страшнаго дня. Аминь.

„Когда мы услышали о счастливомъ событіи, т. е. о твоемъ прибытіи къ намъ, и блескъ лучей твоего лица показался съ востока на горизонтѣ счастія,—члены нашихъ тѣлъ сообщили другъ другу объ этой радости, и свѣтъ солнца счастія прогналъ отъ насъ мракъ печали. Главная цѣль муталимовъ тебѣ извѣстна. Чрезмѣрная щедрость твоя, громко славящаяся по цѣлому свѣту, убѣждаетъ насъ въ томъ, что посланные наши не вернутся отъ твоего порога съ пустыми руками“.

Наконецъ слѣдовали стихи:

Щедрость облака въ осеннее время
Далеко уступаетъ щедрости хана:
Облако даруетъ капли воды,
А ханъ—благородный металлъ!

IV.

Прошло еще нѣсколько полуголодныхъ для муталимовъ недѣль; ханъ уѣхалъ и едва-ли больше скоро пріѣдетъ; никто не умиралъ и не откуда было ожидать подачи для нашихъ желудковъ. Но вотъ приблизился *Курбанъ-Байрамъ* *). Жители заранѣе начали приготовлять для этого дня барановъ: кто покупалъ, а кто вытребовалъ ихъ изъ своего стада, чтобы дома подкормить лучше: мы, муталимы, смотря на все это, ободрились. Насталъ наконецъ ожидаемый день. Жители рано утромъ собрались въ мечеть, и хотя тамъ ничего не раздавалось, все-таки мечеть была биткомъ набита. Женщины стояли толпами подъ окнами и слушали наставленіе кадія, которое заключалось въ повтореніи заповѣдей: не убей, не воруй и пр., за преступленіе которыхъ неизбѣжны самыя страшныя наказанія. При описаніи адскихъ мученій, старики плакали, молодые же, болѣе богобоязливые, только охали, а нѣкоторые изъ нихъ даже сердились на кадія за то, что онъ не кончаетъ своей проповѣди. По совершеніи службы въ мечети,

*) Праздникъ жертвоприношеній или жертвенный день (курбанъ, по-арабски—жертва; байрамъ, по-татарски—праздникъ). Въ жертву приносятъ барановъ и крупную скотину: баранъ приносится въ жертву за одного человѣка, крупная скотина—за четырехъ, а верблюдъ—за семерыхъ. Приносимое въ жертву животное должно быть безъ малѣйшаго физическаго недостатка.

жители пригласили насъ по одиночкѣ къ себѣ для чтенія молитвы при зарѣзаніи барана; кадія также приглашали со двора во дворъ, и это продолжалось почти до обѣда. Каждый, зарѣзавшій курбана, присылалъ ученикамъ въ мечеть по одной бараньей ногѣ, а тому изъ учениковъ, кто читалъ молитвы, присылалъ особенно еще голову. Такимъ образомъ у насъ къ вечеру накопилось болѣе 50-ти бараньихъ ногъ и болѣе 20-ти головъ. Три дня и три ночи намъ не было отдыха отъ приглашеній поѣсть мясо курбана, и не смотря на то, что у каждаго мы могли наѣсться по горло, все-таки никому не отказывали. Послѣ этого трое изъ насъ сильно заболѣли разстройствомъ желудковъ на довольно долгое время. Присланныя же въ мечеть бараньи головы и ноги мы хорошо посолили и развѣсили подъ потолкомъ нашей *худжры*. Муталимы вообще очень нерасчетливы въ отношеніи съѣстнаго. Когда оно у нихъ есть, они никогда ничего не откладываютъ до другаго дня, а все поѣдаютъ. Существуетъ даже поговорка: „если что нибудь съѣдомое останется у муталимовъ на другія сутки, то протухнетъ или сгніетъ,“—вслѣдствіе чего они всегда стараются, чтобы ничего не оставалось на долю гніенія, и если не могутъ всего съѣсть, все таки сварятъ и раздадутъ каждому свой пай. А тамъ что хочешь, то и дѣлай съ нимъ. Но на этотъ разъ, по количеству приношеній, мы не могли поддержать такой свой обычай. Рѣшили наконецъ тѣмъ, что отправили 15 штукъ головъ на цудахарскій базаръ промѣнять ихъ тамъ на яблоки и сухія груши. У отца моего собралось также около 100 бараньихъ головъ, но не помню, что онъ съ ними сдѣлалъ: видѣлъ только, что онъ отослалъ домой полныхъ два мѣшка. . .

Спустя нѣсколько времени послѣ Курбанъ-Байрама, я отпросился у отца домой, къ матери. Мнѣ было лестно показаться въ родномъ аулѣ послѣ четырехмѣсячной отлучки и заявить терпѣніе свое на чужбинѣ изъ-за науки: такими отлучками у насъ опредѣляется степень старанія муталима въ ученіи.

Дома я уже не вмѣшивался въ игры мальчиковъ, проводилъ почти цѣлый день въ мечети и продолжалъ учиться. Ученики, бывшіе тогда у кадія нашего аула, охотно меня учили, за что я

выпрашивалъ у матушки для нихъ молока, сыворотки, соли, кизяку и т. д., а иногда даже воровалъ изъ дома что-нибудь и относилъ муталимамъ. Жители роднаго аула любили меня; даже чауши позволяли мнѣ оставаться въ мечети, когда тамъ раздавали какой-нибудь *садака* (богоугодное подаяніе), хотя тогда мнѣ не было и 15-ти лѣтъ отъ роду.

Однако мнѣ не хотѣлось долго оставаться дома, не смотря на то, что домашняя жизнь была гораздо лучше муталимской. Скоро я началъ упрашивать мать, чтобы она упросила отца послать меня снова куда-нибудь муталимомъ. Мать уклонялась сначала и говорила, что я еще слишкомъ молодъ, а молодымъ муталимамъ бываетъ вездѣ трудно; но потомъ, вспомнивши, что кадій одной деревни, Магомедъ, былъ коротко знакомъ съ отцемъ моимъ и когда-то у него учился, наконецъ сказала: „вотъ развѣ послать тебя къ Магомедъ-кадію: онъ будетъ смотрѣть за тобой, какъ за своимъ сыномъ“. Посланный къ отцу просить его разрѣшенія на это, возвратился съ письмомъ отъ отца къ Магомеду,— и вотъ чрезъ недѣлю я пошелъ съ матерью снова въ чужой аулъ. Магомедъ изъявилъ съ своей стороны готовность принять меня къ себѣ, и мать моя, поручивъ меня и другому кунаку въ этомъ же аулѣ и попросивъ его тоже смотрѣть за мною, какъ за сыномъ, возвратилась домой, а я, вмѣстѣ съ пирогами и тремя кусками *халвы* *), которые мы принесли изъ дому по принятому обычаю для кадія и учениковъ, отправился въ мечеть въ сопровожденіи самого кадія. Ученики посмотрѣли больше на сумки мои, чѣмъ на меня самого, и видно было любопытство ихъ узнать поскорѣе, что тамъ такое.

Здѣсь я нашелъ 4-хъ учениковъ взрослыхъ и 2-хъ маленькихъ; мечеть была лучше и богаче коврами, чѣмъ та, въ которой я жилъ съ отцемъ. Я выбралъ себѣ уголокъ въ мечети, который не былъ занятъ никѣмъ; тамъ положилъ свою книгу, чернильницу и все прочее свое имущество, вбилъ въ стѣну нѣсколько колышковъ для вѣшанья папахи, чохи и проч.,—и пошла обычная

*) Халва или галва, по-лакски *банкуна*,—сласти; приготовляется изъ муки, масла и меду.

муталимская жизнь. Кадій приказалъ *будущу* отпускать мнѣ *напаки* (продовольствія) по $1^1/_2$ сабы (около 45 фунт.) пшеницы—обыкновенное количество, полагающееся на мѣсяцъ для одного муталима.

Однажды кадій уѣхалъ въ сосѣдній аулъ по какому-то дѣлу, и мы не замедлили, какъ только кадій выѣхалъ изъ аула, пойти къ женѣ его за *садака*. Между учениками есть обычай, который они соблюдаютъ весьма строго: если чуть кадій уйдетъ изъ аула хоть за три версты, муталимы требуютъ отъ жены его *садака*, увѣряя при этомъ, что если она не дастъ имъ что-нибудь, то непремѣнно съ кадіемъ случится какое-либо несчастіе на дорогѣ. Жена кадія дала намъ изъ напаки полъ сабы ячменя, и мы не замедлили купить за него масла и состряпать любимое кушанье *майшиш*.

V.

Скоро послѣ этого выпалъ еще случай, оразнообразившій наше муталимское житье. Одинъ молодой человѣкъ былъ обрученъ съ дочерью нашего сосѣда уже цѣлый годъ, и часто ходилъ къ намъ въ мечеть съ просьбами—написать ему *хайкалъ* (талисманъ), чтобы невѣста какъ можно больше его любила. Подобныхъ талисмановъ очень много бываетъ въ книгахъ, и каждый изъ насъ выписывалъ ему разные изъ нихъ: одинъ — чтобы онъ носилъ его при себѣ, другой — чтобы онъ закопалъ около порога невѣсты, третій—чтобы онъ тайкомъ положилъ въ воду и потомъ напоилъ ею невѣсту. За такіе талисманы онъ намъ удѣлялъ часть изъ подарковъ, которые получалъ отъ невѣсты, какъ-то халвы, фруктовъ, пирога съ мясомъ и пр. Считаю, что будетъ нелишнимъ объяснить читателямъ обрядъ обрученія у горцевъ, при чемъ замѣчу,

что хотя и бываетъ разница въ нѣкоторыхъ аулахъ или магалахъ при выполненіи этого обряда, но она касается главнымъ образомъ мелочей, а самый обрядъ вездѣ почти одинъ и тотъ-же.

Когда молодому человѣку исполнится 15—16 лѣтъ, родители стараются, если состояніе ихъ позволяетъ, не медля женить своего сына. Сначала ищутъ для него соотвѣтствующую невѣсту и стараются ее найти между родственницами своими. Главнымъ образомъ въ невѣстѣ цѣнятся ея происхожденіе и способность ея къ работѣ и хозяйству. Я помню, что въ нашемъ аулѣ была молодая дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей, которая каждый день рано утромъ выходила на площадь, гдѣ въ лѣтнее время собирали скотъ для выгона на пастьбу, и стоя въ срединѣ стада, наблюдала кругомъ, и чуть было замѣтитъ, что какая-нибудь корова поднимала хвостъ, она тотъ-часъ-же бѣжала къ ней и хватала голыми руками помет, потомъ клала его въ кучу, и такимъ образомъ собирала въ день помета на нѣсколько десятковъ штукъ кизяка; осенью-же эта дѣвушка ежедневно ходила въ поле, то съ арканомъ—и приносила приличную ношу бурьяна, то съ мѣшкомъ—и приносила сухой помет съ лѣтнихъ выгоневъ. Жители, въ особенности матери, восхищались ею и говорили: „вотъ невѣста! счастливецъ тотъ, кто на ней женится!“ И вотъ такихъ-то трудолюбивыхъ невѣстъ именно ищутъ родители. Молодому человѣку, безъ сомнѣнія, до подобныхъ качествъ невѣсты дѣла мало; онъ смотритъ на наружную красоту дѣвушки, на то, какъ она поетъ пѣсни, какъ пляшетъ и т. д. Тѣмъ не менѣе однако, родители дѣлаютъ окончательный выборъ и говорятъ объ этомъ сыну, который волей-неволей долженъ на этотъ выборъ согласиться.

Прежде всего родители жениха посылаютъ къ родителямъ невѣсты какого-нибудь почтеннаго человѣка или старуху—просить руки ихъ дочери. Посланный старается нервымъ дѣломъ описать достоинства жениха, доброту его родителей и упоминаетъ объ ихъ происхожденіи. Послѣднее строго наблюдается у горцевъ. Самый бѣднѣйшій уздень ни за что не выдастъ своей дочери за самаго богатаго *кула*, т. е. за того, кто происходитъ изъ крѣпостнаго сословія, хотя-бы десятый прадѣдъ его былъ когда-то чьимъ-ни-

будь рабомъ. Прозвище куловъ оставляется за такимъ родомъ на всегда, и уздени ненавидятъ ихъ, величая къ тому-же ослами. Невѣжество, измѣна, непостоянство, трусость, ложь, словомъ всѣ возможные пороки и недостатки приписываются такому происхожденію.

Заявивши о происхожденіи, сватъ или сваха объясняютъ, что такіе-то родители просятъ вашу дочь для своего сына по Божьему закону.

Родители невѣсты стараются не уронить своего достоинства и никогда не изъявляютъ съ разу своего согласія, а скажутъ непремѣнно, что они вовсе не считаютъ недостойнымъ родство съ такимъ-то семействомъ, но у нихъ дочь еще такъ молода, что они спросятъ ее, хочетъ-ли она замужъ или нѣтъ, что они наконецъ подумаютъ, посовѣтуются и проч. Такимъ образомъ сватъ ходитъ нѣсколько недѣль за отвѣтомъ; наконецъ, получивши окончательное согласіе отъ родителей дѣвушки, женихъ посылаетъ невѣстѣ на шальвары шелковой матеріи (преимущественно краснаго цвѣта), а часто съ матеріей посылаетъ и кольцо, серебряное или золотое.

Въ назначенное время въ домѣ невѣсты собирается нѣсколько человѣкъ изъ ближайшихъ родственниковъ той и другой стороны и человѣка два-три изъ постороннихъ почетныхъ людей, а иногда и кадій, и не прежде какъ подадутъ хлѣбъ на ужинъ, объявляется настоящая цѣль приглашенія, при чемъ показываютъ присланную отъ жениха матерію на шальвары и кольцо. Невѣста при этомъ не присутствуетъ, а часто даже уходитъ изъ дома къ сосѣдкѣ. Гости заочно благословляютъ обрученныхъ и поздравляютъ родственниковъ обѣихъ сторонъ.

Съ этого дня начинается новое родство между двумя семействами; они ходятъ другъ къ другу и взаимно помогаютъ въ работахъ. Невѣста по обычаю должна избѣгать всякихъ встрѣчъ съ женихомъ въ присутствіи другихъ; но за то всегда найдется какая-нибудь старуха, по сосѣдству, которая легко устраиваетъ свиданія для молодыхъ. Невѣста нерѣдко посылаетъ жениху разные подарки, какъ-то: кисетъ, табакъ, надушенный гвоздикою, фрукты, пироги съ мясомъ, халву, кувшинъ бузы и т. п. Иногда же-

ихъ отправляется по вечерамъ прямо въ домъ невѣсты и, сидя у камина, проводитъ тамъ цѣлыя ночи, если только въ домѣ нѣтъ мужчины. А когда отправляется женихъ въ чужой край для заработковъ или же по другому дѣлу, изъ дома невѣсты посылается ему закуска на дорогу, состоящая тоже изъ пироговъ, халвы, мяса, яицъ, меду и проч. Женихъ въ свою очередь, при возвращеніи домой, приноситъ подарки невѣстѣ, напр. жестяной подносъ, сундукъ персидской работы, посуду стеклянную, чашки, блюдечки, тарелки, иглы, наперстки и т. д.

Возвращаюсь теперь къ прерванному разсказу. Сосѣдъ нашъ, вѣроятно, былъ точно такимъ же образомъ обрученъ съ своей невѣстой годъ тому назадъ, а теперь онъ собирался перевести ее къ себѣ въ домъ.

За нѣсколько дней молодыя дѣвушки отправились въ горы собирать мягкую траву, чтобы набить ею тюфяки для невѣсты *), а женихъ также съ своей стороны позаботился о предстоящемъ угощеніи: купилъ барановъ, послалъ купить водки, а буза, вѣроятно, была у него дома сдѣлана. ¡Въ назначенный день, послѣ вечерняго намаза, въ мечети осталось нѣсколько человѣкъ и просили кадія, чтобы онъ совершилъ бракосочетаніе.

— На счетъ кебина вы согласились? спросилъ кадій.

— Все уже кончено, и ничего не остается какъ только вѣнчать **), сказали они.

— Ну, такъ слѣдуетъ теперь послать къ невѣстѣ и жениху спросить ихъ согласія, довѣряютъ-ли вамъ вѣнчать? сказалъ кадій и приказалъ отправиться къ молодымъ. Въ число посланныхъ къ невѣстѣ попался и я. Мы отправились и застали домъ ея биткомъ набитымъ дѣвушками.

При входѣ нашемъ въ комнату невѣста спряталась за дѣвушекъ, которыя шутили и смѣялись надъ старымъ будуномъ;

---

*) Тюфяки дѣлаются изъ паласа, который ткутъ сами, а иногда изъ шерстяного толстаго холста, и набиваются мягкою травою; подушки дѣлаются изъ простаго и грубаго ситца или же холста и набиваются простою шерстью.

**) Выраженіе неточное: оно объясняется ниже.

когда тотъ требовалъ, чтобы ему показали невѣсту, дѣвушки говорили: „я согласна, вѣнчайте меня! я тоже, я, я!“ Наконецъ, когда самимъ имъ надоѣли эти шутки, показали невѣсту. Она была одѣта въ шелковое платье, обвѣшена серебряными большими пуговицами, цѣпочками и разными другими украшеніями. Будунъ спросилъ: „согласна-ли она вѣнчаться съ такимъ-то?“ Но съ трудомъ онъ могъ добиться отъ нея слова „согласна,“ которое она произнесла едва слышнымъ голосомъ, оборотивъ лицо къ стѣнкѣ. Получивъ согласіе, мы вышли изъ дома невѣсты, оставивъ тамъ веселую компанію дѣвушекъ, которыя играли на бубнѣ и пѣли, а когда мы вышли на улицу, я увидѣлъ, что сзади будуна и его товарища волочились длинные хвосты. Я засмѣялся и не хотѣлъ сказать имъ объ этомъ, пока не увидятъ сами; но будунъ, какъ опытный въ подобныхъ случаяхъ, сталъ самъ осматривать своего товарища и, увидѣвъ пришитыя къ тулупу его длинныя тряпки, засмѣялся и осмотрѣлъ свой тулупъ: и на немъ оказались такіе-же хвосты. Дѣвушки пришили къ тулупамъ старыя тряпки, для смѣху, когда спрашивалось согласіе невѣсты на бракъ, что всегда дѣлается при такихъ случаяхъ.

Оторвавъ всѣ пришитыя тряпки, мы отправились въ мечеть, гдѣ ожидали насъ и прочіе участники этой церемоніи. По приходѣ нашемъ они поставили у дверей мечети и подъ ея окнами карауленыхъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, когда будутъ совершать бракъ *). Потомъ повѣренный отъ жениха взялъ за руку отца невѣсты, и кадій началъ совершать обрядъ: сначала онъ прочелъ молитву, которую повторяли слово въ слово оба повѣренные. Вслѣдъ за молитвою кадій говорилъ на туземномъ языкѣ всѣ заявленныя ему по этому дѣлу условія и спрашивалъ согласія у обѣ-

*) У горцевъ есть повѣрье, что во время заключенія брачнаго акта, всякій злоумышленный человѣкъ можетъ заколдовать жениха, связывая въ узелъ на шерстяной нитки, послѣ чего женихъ дѣлается неспособнымъ. Поэтому для бракосочетанія выбираютъ уединенное мѣсто, такъ, что иногда отправляются за аулъ куда-нибудь секретно. Если, къ несчастію жениха, случится таковое колдовство, то прибѣгаютъ къ муллѣ за пособіемъ.

изъ сторонъ *). По окончаніи-же всего этого, повѣренные опустили руки и кадій сталъ читать молитву шопотомъ, а остальные говорили „аминь!“ Все кончилось въ нѣсколько минутъ и мы поздравили новѣренныхъ обычными словами: „Да будутъ благословенны!“ Отсюда мы всѣ пошли въ домъ жениха, гдѣ застали толпу шумящей молодежи. Комната, въ которую насъ ввели, была освѣщена нѣсколькими нефтяными фитилями (чирахами); по краямъ ея разостланы были паласы и войлоки. Кадія посадили на почетномъ мѣстѣ, подлѣ дяди жениха; около кадія сѣлъ будунъ, потомъ старики и наконецъ посадили насъ, муталимовъ. Жениха не было дома: онъ, по обычаю, еще передъ вечеромъ поселился у одного близкаго своего друга и родственника и гулялъ тамъ съ товарищами. Скоро подали сытный ужинъ, состоявшій изъ мяса, хлѣба и супа съ крупою. Плотно покушавши, мы ушли вмѣстѣ съ стариками, оставивъ на мѣстѣ веселую компанію молодежи.

Въ эту ночь невѣста осталась въ домѣ своего отца, а на другой день дѣвушки съ пѣніемъ начали носить имущество ея къ жениху. Онѣ носили разныя подушки, тюфяки, корзины, а больше всего посуду разнаго рода: мѣдные подносы, кувшины, котлы, простыя бутылки, чашки, стаканы и всякаго рода бѣздѣлушки. Вечеромъ сама невѣста должна была отправиться къ мужу, и мы всѣ пошли посмотрѣть на эту церемонію. Молодую вела толпа дѣвушекъ, окружая ее такъ плотно, что едва можно было разглядѣть виновницу торжества. Она была закрыта вся чернымъ чуалемъ и шла медленно. Впереди несли зажженные фитили для освѣщенія пути и одна женщина держала на головѣ подносъ съ

*) Бракосочетаніе у горцевъ есть просто заключеніе условія; *напр.*, повѣренный невѣсты говоритъ троекратно: «я отдаю по довѣренности такую-то дѣвушку въ законную жену такому-то, за столько-то батмановъ мѣди, или за столько-то быковъ или коровъ, или за такое-то количество пахатной земли, или-же наконецъ за столько-то девегъ, и такое-то платье, по повелѣнію Божію и по закону Магомеда». Повѣренный отъ жениха говоритъ: я, по довѣренности отъ такого-то, добровольно беру въ законную жену такую-то за то-то, то-то и проч. Сказанные выше предметы, которые, обыкновенно, назначаются въ кебинъ, имѣютъ въ этомъ случаѣ опредѣленную цѣну (о *кебинѣ* см. статью «Адаты», стр. 52).

хлѣбомъ и халвою. Дѣвушки пѣли обычную пѣсню, на извѣстный общеупотребительный въ горахъ напѣвъ. Изъ мужчинъ въ самой процессіи только нѣсколько человѣкъ изъ близкихъ людей жениха шли вмѣстѣ съ женщинами. Толпа постороннихъ зрителей провожала эту церемонію, и вездѣ тѣснился народъ обоего пола и всякаго возраста. Улица, по которой шли, выходила на площадь, гдѣ собралось множество молодыхъ людей, которые остановили невѣсту и ея провожательницъ. Они не пустили ее дальше, пока не получили халву и хлѣбъ, которые несла—какъ сказалъ я — женщина нарочно для этого. У воротъ дома молодую встрѣтила мать жениха съ чашкою, полною муки, кишмишу и сахару, и разсыпала все это на невѣстку и ея подругъ, съ словами: „Да принесешь ты къ намъ благополучіе, счастіе и богатство; да не умрешь ты, пока не увидишь у своихъ колѣнъ твоихъ правнуковъ и проч.“ На встрѣчу молодой вывели также ослицу и хотѣли тутъ-же отрѣзать у ней ухо; но молодая не согласилась. По видимому, она желала, чтобы вывели къ ней на встрѣчу лошадь или корову. Долго тянулись переговоры и молодая не сдѣлала ни шагу съ мѣста, пока не вывели наконецъ корову и не отрѣзали у ней ухо *). Тогда молодая вошла въ приготовленную для нея комнату, уголъ которой былъ занавѣшенъ красной ситцевой занавѣской, за которую она сей-часъ-же по входѣ и спряталась. Въ эту комнату не пускали мужчинъ, и только дѣвушки и женщины наполняли ее.

Въ то самое время женихъ сидѣлъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ домѣ своего близкаго родственника, который назывался по этому случаю *товарищемъ жениха*. Тамъ собралась веселая компанія; звучали зурны, балалайка и барабанъ; тамъ пѣли пѣсни, пили водку и бузу, плясали попарно мужчины съ дѣвушками, приглашенными туда особо. Кутежъ этотъ продолжался до полуночи, и тогда началось торжественное шествіе жениха къ молодой супругѣ. Его провожали тѣже самые пріятели, которые находились цѣлый день съ нимъ вмѣстѣ. Толпа состояла изъ однихъ только мужчинъ; они пѣли обычную пѣсню на общепринятый напѣвъ, — и когда пришли къ дому, въ которомъ находи-

*) Ослица, корова или лошадь поступаетъ въ собственность новобрачной.

лась молодая, всѣ дѣвушки по одиночкѣ вышли отъ нея по требованію *товарища жениха* и встрѣтили пришедшихъ съ пѣніемъ на дворѣ. Потомъ молодаго пустили къ молодой и толпа стала расходиться по домамъ; одинъ только товарищъ жениха остался у дверей комнаты новобрачныхъ караулить, чтобы посторонніе не подслушивали молодыхъ, какъ это обыкновенно водится у горцевъ.

По разсказу другихъ и по извѣстному мнѣ обычаю, товарищъ жениха долженъ былъ разбудить молодаго рано утромъ и отвести его въ *куллу* *), для купанья, при чемъ молодой долженъ имѣть съ собой кусокъ халвы, чтобы отдать его первому встрѣчному въ подарокъ. Для полученія этого подарка обыкновенно нарочно караулятъ около *куллы*, чтобы первому встрѣтить молодаго. Послѣ купанья и совершенія утренней молитвы, молодой отправился опять къ товарищу и сидѣлъ тамъ до вечера. Пѣніе и пляска **) продолжались и въ этотъ день. Наконецъ, къ ночи окончили свадьбу, т. е. гости разошлись и больше не являлись къ молодымъ, а молодой поселился у себя дома. По обычаю, молодая должна была оставаться на новосельи безвыходно три дня, а на четвертый день пойти по воду. Въ той деревнѣ, гдѣ была описываемая мною свадьба, было два бассейна, изъ которыхъ жители брали воду. Зная заранѣе, къ какому бассейну молодая явится за водою, его поправили и очистили. Молодая, вечеромъ, съ нѣсколькими своими подругами, вышла по воду, закрывъ лицо и не глядя никуда, кромѣ какъ на свои ноги. У бассейна ее ожида-

---

*) *Куллой* называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія. Молодые люди обыкновенно больше ходятъ туда молиться, чѣмъ въ мечеть; въ особенности молодой каждое утро ходитъ въ куллу купаться. Куллы устраиваются на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ.

**) Пляска въ то время была совсѣмъ не та, что теперь: женщины опускали рубашку и концы своихъ платковъ и, простирая руки горизонтально, точно какъ распятыя, ходили взадъ и впередъ медленными шагами, какъ-бы скользя и при этомъ дѣлая концами рукъ разныя фигуры: то сжимали пальцы въ кулакъ, то открывали ихъ; а мужчины плясали особо, точно такъ какъ и теперь. Въ настоящее время женщины пляшутъ съ мужчинами извѣстную лезгинку, и это позаимствовано отъ жителей плоскости.

ла толпа молодыхъ людей, и какъ только она наполнила свой кувшинъ водою, тотъ-часъ-же задержали кувшинъ и не освободили его, пока женщина, провожавшая ее, не отдала толпѣ хлѣбъ съ халвою; тогда молодую отпустили, а хлѣбъ раздѣлили между собою. Съ этихъ поръ молодая могла свободно ходить по воду, на работы и въ гости ко всякому, кромѣ своихъ родителей: къ нимъ она должна пойти въ первый разъ послѣ замужества только по приглашенію, и въ домѣ родительскомъ по этому случаю бываетъ пиръ и угощеніе. Молодая также обязана сдѣлать подарки ближайшимъ родственникамъ своего мужа, какъ-то: кисеты, носовые платки и т. п. Но прежде родственники эти тоже дѣлаютъ подарки молодой деньгами, а родственницы по большей части мѣдною посудою.

Вотъ и вся свадьба лакская.

VI.

Время наступило лѣтнее, рабочее, а для муталимовъ — голодное. Кадій нашъ началъ рѣдко посѣщать мечеть, и наши уроки совсѣмъ почти прекратились. Сталъ онъ, кромѣ того, брать насъ въ поле на свои работы, что очень не нравилось муталимамъ. По этому мы рѣшили разойтись по домамъ.

Однако природа еще разъ пожалѣла насъ и предоставила намъ случай попраздновать, т. е. вдоволь наѣсться. Въ одинъ вечеръ случилось затмѣніе луны, и этого было достаточно, чтобы муталимамъ не безпокоиться о своихъ желудкахъ на нѣсколько дней. Къ счастію нашему, затмѣніе случилось довольно рано, когда еще не спалъ никто, а потому всякій могъ увидѣть такой явный признакъ гнѣва Божія собственными глазами и могъ склониться

на милосердіе. Какъ только затмилась луна, весь народъ, перепуганный, высыпалъ на дворы и на улицы, а муллы появились на крышахъ мечетей и призывали жителей на молитву. Я тоже вышелъ на крышу и посмотрѣлъ на луну, которая была до половины кроваваго цвѣта. Признаться, мною овладѣлъ страхъ, и мысли мои были заняты все время молитвами. Я чувствовалъ въ себѣ набожное волненіе и взоры мои стремились туда, къ затмившейся лунѣ; я думалъ, что вотъ-вотъ увижу фигуры ангеловъ, которые схватили луну раскаленными желѣзными щипцами. . . Между тѣмъ вокругъ мечети собралась толпа, преимущественно старухъ, и почти каждая изъ нихъ кричала: „Аллахъ! Аллахъ! прости насъ, грѣшныхъ!“ Одни плакали, другія упрекали родъ людской за грѣхи и беззаконія. . . .

— Бѣдная, благословенная луна страдаетъ отъ нашихъ грѣховъ!

— О Боже, прости! Вѣрно, конецъ міра. . .

— Какъ Богу не прогнѣваться, когда люди такъ много грѣшатъ: пьютъ водку, не молятся, не пропускаютъ случая украсть что-либо. . . Вотъ, косишь цѣлый день сѣно и оставишь на мѣстѣ, чтобы просохло, а на другой день его ужъ нѣтъ!

Такъ говорили старухи и при этомъ рыдали, а между тѣмъ вскорѣ чернота начала мало по-малу отходить отъ луны и каждый почувствовалъ у себя легче на душѣ, будто Богъ простилъ кающихся рабовъ своихъ. . . Когда я возвратился въ мечеть, народу тамъ было уже полно: каждый молился, а кадій, сидя на своемъ мѣстѣ предъ михрабомъ, перелистывалъ какую-то книгу. Потомъ онъ внимательно остановился на одномъ мѣстѣ своей книги, нѣсколько минутъ читалъ что-то про себя, какъ-бы стараясь сначала самъ понять, что тамъ написано, и наконецъ началъ: „Вотъ въ книгѣ записано: если затмѣніе луны будетъ въ Роджабъ-мѣсяцѣ, то урожай будетъ хорошій, падежъ скотины въ западныхъ мѣстахъ, холера, смерть одного великаго человѣка на востокѣ“. . .

— Это гдѣ? это гдѣ? не у русскихъ-ли? спрашивали многіе, прерывая кадія. Дай Богъ, чтобы гяуры истребились! дай Богъ, чтобы они исчезли съ виду правовѣрныхъ мусульманъ!

— Не знаю; въ книгѣ сказано: „на востокѣ“. . . Это тамъ, по направленію Дербента, отвѣчалъ кадій, указывая рукою въ сторону. Должно быть у русскихъ или у другихъ тамошнихъ гяуровъ: вѣдь въ той сторонѣ нѣтъ мусульманъ.

— Дай Богъ—дай Богъ! восклицали другіе.

— Въ этомъ году будетъ дешевизна, и торговцы понесутъ убытки.

— Такъ нашимъ торговцамъ поскорѣе-бы сбыть съ рукъ свои товары, говорили нѣкоторые.

Кадій окончилъ свои предсказанія тѣмъ, что зима будетъ холодная и неурожай на фрукты — „Вотъ бѣднымъ Цудахарцамъ съ голоду умереть прійдется,“—замѣтилъ кто-то.

Потомъ началъ кадій читать: „Пророкъ Божій Магомедъ (да благословитъ его Аллахъ) говорилъ, что когда послѣдователи мои не будутъ исполнять въ точности повелѣній Божіихъ и погрязнутъ во грѣхахъ—будутъ воровать, убивать своихъ единовѣрцевъ безъ причины, клеветать другъ на друга, ненавидѣть своего брата по вѣрѣ, когда дѣти не будутъ слушать и уважать родителей, молодые будутъ противорѣчить старшимъ, муллы и кадіи будутъ брать взятки за рѣшеніе дѣлъ, будутъ вести дружбу съ гяурами, будутъ наклонны къ ложному свидѣтельству, лжи и проч.,— тогда Богъ, желая доказать грѣшнымъ рабамъ свое могущество и отвратить ихъ отъ грѣховъ, покажетъ имъ знакъ своего гнѣва (Боже упаси! Боже упаси!), какъ-то: затмѣніемъ луны, солнца, землетрясеніемъ и проч.“

При этомъ кадій закрылъ книгу и началъ говорить рѣчь отъ себя, принявъ самый печальный видъ:

— Вотъ теперь, братья мои, видите сами: предсказанія несомнѣннаго пророка оправдываются; мы, начиная съ меня самого, забываемъ Бога, грѣшимъ на каждомъ шагу; каждый изъ насъ старается ѣсть чужую собственность, вы не приходите молиться въ мечеть, развѣ когда здѣсь раздается чашка толокна, вы закята не отдаете вѣрно, бѣднымъ не помогаете. . . вотъ потому-то Божій гнѣвъ и падаетъ на насъ всѣхъ на семъ свѣтѣ, а на

томъ свѣтѣ насъ ожидаетъ страшный адъ. Въ пятницу я дамъ еще наставленіе, а завтра-же нужно, чтобы каждый изъ насъ сдѣлалъ *садака* чѣмъ можетъ...

— Нужно, нужно сдѣлать садака, нужно раздать милостыню бѣднымъ, подтвердили другіе.

Одинъ изъ самыхъ набожныхъ подошелъ къ муталимамъ и секретно сказалъ: „Приходите ко мнѣ завтра, я вамъ дамъ полбарана сушенаго".

— Ахъ, какой хорошій человѣкъ, говорили мы о немъ послѣ ухода всѣхъ: хотя-бы нѣсколько такихъ!

Мы легли спать съ сильнымъ желаніемъ, чтобы поскорѣе разсвѣло. Нѣкоторые изъ насъ тутъ-же порѣшили отложить свой отъѣздъ, говоря: — „Можно еще съ недѣлю пожить-попировать и здѣсь!"

На другой день рано утромъ мы получили обѣщаннаго полбарана и отъ всѣхъ старухъ начали къ намъ приносить разныя подаянія: кто принесъ на подносѣ толокно съ сыромъ, кто тонкій хлѣбъ *), намазанный масломъ, кто кувшинъ молока и т. п. У насъ былъ великій праздникъ. „Хоть-бы каждый мѣсяцъ затмѣвалась луна: тогда-бы можно было не только жить, но даже пожирнѣть", говорили мы. На улицахъ вездѣ стояли женщины съ чѣмъ-нибудь съѣдомымъ и раздавали по кусочку каждому прохожему, въ особенности муталиму, если только онъ проходилъ мимо. Раздаваемое по большей части было: толокно съ насыпаннымъ въ него коровьимъ сыромъ и тонкій хлѣбъ, разрѣзанный на 4 части.

Черезъ два дня, въ пятницу, въ мечети людей было вдвое больше обыкновеннаго, и кадій приводилъ имъ слова пророка, которыя заключали въ себѣ повелѣніе строго поддерживать вѣру, быть хорошими мусульманами. „Видите-ли, братья, — говорилъ ка-

*) Этотъ родъ хлѣба, въ родѣ персидскаго лаваша, но круглой формы, пекутъ на сковородѣ или каменной доскѣ, для раздачи бѣднымъ и даже всякому прохожему; каждый четвергъ вечеромъ почти въ каждомъ домѣ пекутъ его, посылаютъ сосѣди другъ другу, сами ѣдятъ и бѣднымъ раздаютъ. Онъ называется на тувемномъ языкѣ *кулл-чама*, что значитъ по-русски—тонкій хлѣбъ, лепешка.

дій: не достаточно того, чтобы называться мусульманиномъ,—нужно быть мусульманиномъ на дѣлѣ: за одного грѣшнаго раба подвергаются гнѣву Божію всѣ остальные, и безгрѣшные. Пророкъ сказалъ: Иманъ (вѣра въ Бога) имѣетъ 77 вѣтвей. Главная изъ нихъ та, чтобы сказать чистосердечно: „Нѣтъ Бога, кромѣ единаго, и Магомедъ его пророкъ," а самая низшая вѣтвь есть: „сдвинуть съ дороги камень, чтобы было удобно для проходящаго". Мы же съ вами каждый стараемся положить камень каждому мусульманину, чтобы тотъ разбилъ себѣ ногу. Исламъ быстро исчезаетъ; каждый изъ насъ стремится къ суетамъ сего міра; при удобномъ случаѣ готовъ каждый отнять отъ другаго его собственность; молитвъ не исполняютъ; ведутъ дружбу съ гяурами и божьими врагами, которыхъ Богъ послалъ къ намъ въ наказаніе за наши грѣхи; соблазняются ихъ серебромъ. . . Пророкъ сказалъ: Богъ даетъ богатство гяурамъ на семъ свѣтѣ, а на томъ они будутъ вмѣстѣ съ дьяволомъ въ 7-мъ отдѣленіи ада; правовѣрнымъ же Богъ посылаетъ бѣдствія и невзгоды въ сей жизни, а на томъ свѣтѣ будутъ они въ раю окружены гуріями и молодыми слугами. Постарайтесь-же сохранить должную вражду къ гяурамъ: они намъ не друзья, а враги Богу и намъ. Часто стали являться знаки гнѣва Божія: недавно было землетрясеніе, а третьяго дня затмѣніе луны. . . Не замѣчаете-ли, какъ земля наша стала плохо родить? Нѣтъ того благословенія Божія, которое было на нашихъ предкахъ. Да и какіе-же они были добрые люди! Удѣляли свое толокно бѣднымъ, не отказывали другъ другу въ помощи при работахъ; давали другъ другу ословъ, быковъ и посылали своихъ женъ на работу безъ всякаго возмездія; а теперь попросишь отъ роднаго брата осла доставить вьюкъ навоза на пашню, непремѣнно попроситъ за это *шауръ* (5 копѣекъ)!..."

Народъ слушалъ молча и съ серьезными выраженіями лицъ, а нѣкоторые старики старались даже заплакать, или же показывали видъ, что плачутъ, особенно когда кадій началъ описывать страшныя мученія ада и разсказывалъ о тамошнихъ змѣяхъ, величиною съ большую гору, и о скорпіонахъ, которые будутъ жалить

грѣшныхъ. Окончивъ свою длинную и внушительную проповѣдь, кадій совершилъ молитву—и народъ разошелся.

Черезъ недѣли полторы послѣ этого происшествія, муталимы разошлись по домамъ. Я тоже хотѣлъ уѣхать въ отпускъ, но кунакъ мой упросилъ меня остаться, пока жена его не разрѣшится отъ бремени, чего ожидалъ онъ на дняхъ.

Надѣюсь, что читатель не сочтетъ лишнимъ, если я здѣсь помѣщу нѣсколько словъ объ обрядахъ, совершаемыхъ у горцевъ при родахъ.

Куначка моя была добрая женщина и обходилась со мной очень ласково; потому, во-первыхъ, что она, какъ набожная, любила вообще муталимовъ; во-вторыхъ-же, она была коротко знакома съ моей матерью и принимала отъ нея благословеніе, просила постоянно, чтобы мать молилась за нее, и была убѣждена въ томъ, что молитва матери моей спасетъ ея душу отъ адскихъ мученій.

Уже наступилъ девятый мѣсяцъ, какъ она забеременѣла, но до этихъ поръ она не оставляла своихъ работъ; ходила по воду, стряпала, пряла нитки изъ шерсти для тканья сукна; только въ послѣднее время перестала носить на себѣ вьюки, изъ опасенія повредить будущему младенцу.

Мужъ ея тоже былъ добрый, простой, зажиточный человѣкъ, проведшій болѣе 15-ти лѣтъ съ своею вѣрною супругою въ согласіи, былъ расположенъ къ ней хорошо, и даже иногда позволялъ себѣ выражать ей свое довольство ею, вопреки общаго характера горцевъ. Онъ говаривалъ: „Не будь у меня Хануиъ (такъ называлась моя куначка), домъ мой разрушился-бы“. Онъ доставлялъ ей, чего-бы она ни захотѣла въ это время,—фруктовъ-ли какихъ, масла-ли свѣжаго, и позволялъ ей готовить себѣ дома, что ей захочется. Запрещалъ ей смотрѣть на какого-либо звѣря, чтобы малютка не сдѣлался похожъ на этого звѣря, и разсказывалъ, что у него былъ братъ, который родился съ разрѣзанною губою, потому что мать увидѣла зайца, когда была беременна. Она-же разсказывала, что у нея была племянница, у которой на щекѣ было пятно красное, потому что ея матери, во время беременности-же, очень хотѣлось, но ей какъ не удалось съѣсть бараньей печенки.

По этимъ-то причинамъ супруги избѣгали всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя могли-бы изуродовать будущаго малютку.

Однажды кунакъ пришелъ въ мечеть и сказалъ мнѣ, что его Ханумъ заболѣла, а я пожелалъ ему, чтобы родился сынъ. Она страдала сильно, даже опасались за ея жизнь. Для облегченія больной, кадій написалъ талисманъ на бумагѣ и отдалъ, чтобы бумажку смыли водою и дали выпить больной женщинѣ; но это мало помогло и страданія моей куначки продолжались. Ночью прибѣжали въ мечеть и просили покачать деревянную будку, на которой кадій читаетъ молитвы. Потомъ просили изъ мечети соломы, чтобы подкуривать ею больную..... но ничто не помогало. На другой день просили одного человѣка, который когда-то убилъ другаго, чтобы онъ стрѣлялъ изъ ружья около дома больной. Но и это средство оказалось недѣйствительнымъ. Наконецъ прибѣжала въ мечеть старуха и сказала кунаку, что Ханумъ родила благополучно сына. Кунакъ возрадовался и подарилъ ей за вѣсть теленка; я то-же поспѣшилъ поздравить кунака своего обычною фразою: „Да будетъ младенецъ благочестивымъ“.

Вечеромъ я былъ приглашенъ кунакомъ покушать у него „курчъ.“ Это кушанье готовятъ обыкновенно для родильницъ и оно называется женскимъ блюдомъ. Курчъ приготовляется такимъ образомъ: всыпаютъ муку въ кипящую въ котлѣ воду, пока образуется густое тѣсто; потомъ снимаютъ съ очага котелъ и дѣлаютъ по срединѣ тѣста углубленіе ложкою, куда наливаютъ топленаго масла съ медомъ; за тѣмъ ѣдятъ кушанье ложками. Послѣ ужина хозяинъ просилъ меня достать коранъ изъ мечети, чтобы положить около больной жены для отогнанія отъ нея нечистаго духа, что я и исполнилъ.

Я ходилъ часто къ кунаку и всегда находилъ тамъ какую нибудь родственницу, пришедшую съ курчемъ или съ топленымъ масломъ и медомъ. Почти цѣлую недѣлю больную кормили этимъ кушаньемъ. Родильница поправлялась быстро. Не смотря на претерпѣнныя ею страданья, она встала съ постели на 8-й день послѣ родовъ. Ребенокъ былъ здоровъ и спокоенъ; но иногда, когда

онъ по ночамъ плакалъ много, сей-часъ-же прибѣгали въ мечеть за кадіемъ или за мною съ просьбою, чтобы написать молитву усыпляющую. Я писалъ часто и другимъ подобныя-же молитвы, потому что у меня была такая книга, изъ которой я выписывалъ всякаго рода талисманы.

За талисманами очень часто обращаются къ муллямъ или муталлимамъ молодые люди обоего пола, и многіе муллы принимаютъ на себя сдѣлать такъ, чтобы кто-нибудь, напр., полюбилъ или же разлюбилъ. Это, разумѣется, дѣлается секретно, и муллы берутъ плату отъ просителя.

Я помню хорошо, какъ одна дѣвушка обратилась ко мнѣ съ жалобою, что у нея волосы на головѣ сильно рѣдѣютъ, увѣряя меня, что это произошло отъ дурнаго глаза, потому что не знаетъ никакой другой причины, чему-бы могла приписать такое несчастіе; она просила меня, чтобы я написалъ ей молитву для отвращенія такого дѣйствія дурнаго глаза, и я написалъ. Но главнымъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ обращаются къ муллямъ. Напр., если у кого-нибудь вечеромъ пропадетъ оселъ или другая скотина, то къ муллѣ прибѣгаютъ съ просьбою „связать пасть волка“ (какъ выражаются на туземномъ языкѣ), т. е. прочитать молитву, чтобы волкъ не могъ повредить животному, хотя-бы онъ и встрѣтился съ нимъ. Муллы это дѣлаютъ всегда съ полною увѣренностію, что ихъ молитва подѣйствуетъ, а хозяинъ пропавшей скотины спитъ совершенно спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что звѣрь лишенъ возможности повредить его скотинѣ. Въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ такъ: мулла обнажаетъ свой кинжалъ и потомъ, тихо читая молитву или одну маленькую главу изъ корана, медленно вкладываетъ обнаженный кинжалъ въ ножны, или-же при чтеніи молитвы беретъ шерстяную нитку и связываетъ на ней узлы. На другой день, когда отыщется пропавшая скотина, мулла развязываетъ свои узлы или обнажаетъ заколдованный кинжалъ и освобождаетъ звѣря отъ невозможности раздвинуть пасть, чтобы не принять на себя грѣха, если звѣрь издохнетъ отъ голода.

Итакъ, родители собирали предохранительныя молитвы для ребенка. Между тѣмъ черезъ недѣлю кунакъ мой собирался устро-

ить миръ: купилъ барана, сдѣлалъ цѣлую кадушку бузы, приготовилъ напечь пшеничныхъ хлѣбовъ и проч. Все это готовилось къ тому дню, въ который нужно было дать младенцу имя. О послѣднемъ, однако, шелъ споръ между родителями: отецъ хотѣлъ дать имя въ честь своего отца, для сохраненія имени своего рода, такъ какъ и прадѣдъ его также назывался этимъ именемъ; а мать хотѣла дать младенцу имя убитаго своего брата, потому что вдова брата просила ее объ этомъ настоятельно *). Но такъ какъ ребенокъ былъ мужескаго пола, то предпочли дать ему имя дѣда **). Вечеромъ собрались къ кунаку многіе родственники обоихъ супруговъ; само собой, былъ, какъ необходимое лицо, приглашенъ кадій, а также и я, какъ хорошій знакомый.

Послѣ веселаго ужина, кадій велѣлъ принести младенца, котораго сейчасъ-же и принесла женщина, укутавши его въ кусокъ матеріи. Кадій взялъ младенца на руки и произнесъ: „во имя Бога“ и началъ читать молитву въ правое ухо дитяти. Молитва была короткая, и прочитавъ ее скоро въ каждое ухо по три раза, кадій воскликнулъ: „да будетъ онъ Ахмедъ“! Тогда присутствовавшіе воскликнули почти сразу: „Ахмедъ, Ахмедъ! да благословитъ его Аллахъ“! Въ этомъ состояла вся церемонія нареченія имени младенцу. А когда гости прощались съ хозяиномъ, каждый отдѣльно пожелалъ младенцу добраго здоровья и долгой жизни.

---

*) У горцевъ, обыкновенно, стараются сохранить имя любимаго умершаго человѣка, если не въ прямомъ потомствѣ, то въ ближайшей боковой линіи; младенецъ, названный именемъ въ честь кого-либо умершаго, получаетъ отъ семейства умершаго въ праздничные дни какіе-нибудь подарки, напр. шелковую рубашку, архалукъ и пр.

**) При нареченіи имени младенцу мужескаго пола первенствуютъ желанія отца, и наоборотъ, при нареченіи имени дѣвочкѣ первенствуютъ желанія матери.

VII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ празднества съ семьѣ моего кунака, я окончилъ свою книгу, называемую Анамузаджъ.

Это была третья книга изъ грамматики, довольно пространная. Благодаря особой заботливости обо мнѣ кадія, я могъ тогда разбирать кое-какія письма, тѣмъ болѣе, что письма, по общей формѣ, принятой у горцевъ, пишутся весьма коротко: кромѣ нѣсколькихъ словъ о данномъ дѣлѣ, остальныя фразы заключаютъ въ себѣ одни только поклоны и привѣтствія, которыя выражаются всегда однѣми и тѣми-же фразами. Муталимы собираютъ такія письма и заучиваютъ ихъ для ознакомленія съ методою писанія писемъ.

Затѣмъ я отправился въ отпускъ домой. Идучи дорогой, я думалъ, какъ радостно встрѣтятъ меня родители, потому что я уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ отлучкѣ, и къ тому-же оказалъ хорошіе успѣхи въ ученіи и заслужилъ похвалу кадія, которую выразилъ онъ въ своемъ письмѣ къ отцу. Мнѣ казалось неловкимъ войти въ родной аулъ днемъ, потому что всѣ жители будутъ смотрѣть на меня, чего мнѣ было какъ-то стыдно. Поэтому я дожидался сумерекъ и вошелъ въ аулъ тайкомъ. Мать моя, дѣйствительно, встрѣтила меня радостно, но отецъ не совсѣмъ. Сначала я и не зналъ, какъ объяснить себѣ это; но потомъ я услышалъ отцовскій разговоръ съ матерью.

— Не надо ласкать его слишкомъ и показывать ему зубы (т. е. смѣхъ), а то онъ будетъ лѣниться въ ученіи и не захочетъ оставаться въ чужомъ аулѣ муталимомъ, говорилъ отецъ.

— Нельзя-же выгнать изъ дома *дитя живота* *)! Онъ одичаетъ и послѣ не будетъ почитать насъ, возражала мать.

— Если онъ испортится и не будетъ хорошо учиться, ты будешь виновата. Онъ долженъ отвыкнуть отъ дома и находить

*) Туземное выраженіе,—значитъ: родное дитя.

удовольствіе въ странствованіи и ученіи, долженъ терпѣть голодъ, холодъ и жизненныя невзгоды, для того чтобъ, когда подростетъ, съумѣлъ оцѣнить хорошее. Въ сытное время голова бываетъ пуста *).

— Ты хочешь, чтобы онъ въ такія лѣта зналъ и понималъ все, что ты знаешь и понимаешь.

— Ты молчи; у женщины умъ находится на краю платья; когда она встаетъ съ мѣста, умъ падаетъ на-земь. Пророкъ сказалъ: „Посовѣтуйтесь о дѣлахъ съ вашими женами и дѣлайте все наперекоръ ихъ совѣту“.

— Ну, дѣлай въ такомъ случаѣ, какъ пророкъ сказалъ: не люби дитя, за то что я его люблю, говорила мать.

Хотя отчасти я и находилъ, что отецъ говорилъ не въ мою обиду, тѣмъ не менѣе убѣдился, что мать любила меня больше, чѣмъ отецъ.

Не смотря на неоднократное замѣчаніе отца о томъ, что я остаюсь довольно долго дома, и что хорошій муталимъ долженъ имѣть ревность къ ученію и стараться въ немъ опередить товарищей, я все-таки пробылъ дома около мѣсяца и затѣмъ отправился опять въ сел. *Кунди*, съ приличными пирогами и халвою, для кадія особо и для товарищей особо. Тамъ засталъ я двухъ новыхъ учениковъ. Одинъ изъ нихъ былъ довольно наказанъ судьбою: онъ обжегся порохомъ на кумухскомъ базарѣ, когда тамъ загорѣлся порохъ, продаваемый жителями, и вылечился только въ русскомъ госпиталѣ. Отъ этого несчастія онъ хромалъ сильно на обѣ ноги, а на обѣихъ рукахъ его дѣйствовали только три пальца; лицо его, которое и прежде пострадало отъ оспы, совсѣмъ обезобразилось.

Не находя въ такомъ положеніи для себя никакихъ средствъ къ существованію, онъ предался ученію и выдавалъ себя за самаго набожнаго человѣка.

Когда я пришелъ въ Кунди, онъ уже пріобрѣлъ себѣ до-

*) Туземная пословица; соотвѣтствуетъ русской: «сытое брюхо къ ученію глухо».

вольно хорошую репутацію въ народѣ. Его почитали за святаго, приглашали въ дома, и онъ вездѣ занималъ первое мѣсто; между тѣмъ онъ учился плохо, а изъ грамматики почти ничего не зналъ.

По окончаніи намазовъ обыкновенно въ мечетяхъ читаютъ на распѣвъ: „*Ляиляха-Иллаллахъ*“ (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога), повторяя эту фразу нѣсколько десятковъ разъ: это называется *зикра*. Нашъ обезображенный муталимъ дѣлалъ въ это время разные фокусы и показывалъ видъ, что онъ впадаетъ въ *джазмъ* *). Вотъ что онъ дѣлалъ: сначала повторялъ означенную фразу тихо, вмѣстѣ съ прочими, качая головою направо и налѣво; потомъ постепенно повышалъ голосъ больше и больше и приходилъ въ такое изступленіе, что едва слышалась только послѣдняя половина фразы, т. е. „*Иллаллахъ*“; повторяя ее съ отчаяннымъ крикомъ, онъ съ бѣшенствомъ начиналъ подпрыгивать на колѣняхъ, совершенно на подобіе курицы, у которой сейчасъ оторвали голову, испускалъ при этомъ какіе-то отчаянные крики и стоналъ: Аллахъ, Аллахъ! наконецъ падалъ неподвижно, какъ мертвый. Народъ смотрѣлъ на него съ жалостію и завидовалъ его набожности. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстнымъ по цѣлому аулу.

Намъ было досадно, что всѣ жители начали преимущественно обращаться къ нему съ просьбами написать какую-нибудь молитву или читать коранъ за упокой души кого-нибудь умершаго, а насъ, остальныхъ муталимовъ, почти забыли. Къ тому-же мы очень сомнѣвались въ дѣйствительности его джазма; онъ подавалъ намъ поводъ подозрѣвать его въ фальши: такъ напр, бы-

*) Такъ называется у тарикатскихъ мюридовъ степень совершенства въ чистотѣ душевной и въ обращеніи всѣхъ чувствъ къ единому Богу, на которой, при воспоминаніи о Богѣ, человѣкъ забываетъ все мірское, и мысли его, сосредоточиваясь на Богѣ, погружаются въ такое наслажденіе, что человѣкъ падаетъ безъ чувства. При *зикрѣ* учитель или наставникъ тарината дуетъ на мюридовъ, которые при этомъ начинаютъ прыгать и падать на землю, какъ-бы по силѣ волшебной палочки. Многіе, выдавая себя за чистѣйшихъ рабовъ Божіихъ, умышленно дѣлаютъ эти прыжки, для того только, чтобы пріобрѣсть себѣ уваженіе въ народѣ. Молодые люди подсмѣиваются надъ такими вдохновенными людьми и потому эти послѣдніе показываютъ свои фокусы старикамъ или женщинамъ.

вало, при насъ, когда никого посторонняго нѣтъ, онъ пилъ бузу; а народу проповѣдывалъ, чтобы не употребляли этого напитка, и разсказывалъ, какъ грѣшно и противно Богу пить бузу или водку и курить табакъ. Онъ даже избѣгалъ при людяхъ ѣсть хлѣбъ, испеченный на дрожжахъ, потому что дрожжи дѣлаются изъ бузы.

Однажды мы сговорились испытать нашего святаго во время божественнаго его вдохновенія.

По книгѣ мы знали, что кто въ дѣйствительности впадаетъ въ джазиъ, тотъ лишается всякихъ чувствъ. Однажды, мы командировали двухъ муталимовъ, чтобы они стали рядомъ съ нашимъ святымъ во время намаза и, когда онъ впадетъ въ джазиъ, чтобы они вонзили ему въ ногу тайкомъ шило. Какъ только святой, по своему обыкновенію, впалъ въ обморокъ послѣ сильныхъ и частыхъ прыжковъ своихъ, муталимы потихоньку вонзили ему въ ногу шило. Святой сначала ограничился маленькимъ движеніемъ, не желая дать знать, что онъ чувствуетъ, а когда муталимы не переставали повторять свой опытъ, онъ вскочилъ вдругъ и вскричалъ: „Ай, ай, что вы дѣлаете“! и тутъ-же замолчалъ, опустивши голову на грудь; мы разбѣжались, смѣясь, а нѣкоторые старики перетолковали этотъ случай совсѣмъ въ пользу нашего святаго: „Ахъ, бѣдный“! говорили они: „вѣрно къ нему пришли ангелы“; другіе-же говорили, что должно быть нечистый духъ преслѣдуетъ его и, вѣроятно, это на него онъ кричалъ.

Послѣ этого онъ избѣгалъ сосѣдства муталимовъ при молитвѣ, а если случалось таковое, то ни за-что не впадалъ въ джазиъ.

Пробывъ въ сел. Кунди еще нѣсколько мѣсяцевъ, я отправился однажды въ сел. *Харши* просить у тамошняго кадія напаку. Кадій этотъ былъ не изъ числа ученыхъ, и я вовсе не расчитывалъ учиться именно у него; но въ сел. Харши былъ другой ученый, человѣкъ добрый, у котораго я хотѣлъ брать частные уроки. Въ этомъ селеніи не было ни одного муталима, потому во-первыхъ, что кадій почти ничего самъ не зналъ, а во-вторыхъ, время было рабочее и муталимовъ вездѣ осталось очень мало. Харашинскій кадій охотно согласился принять меня къ себѣ,

а добрякъ-ученый тоже заявилъ свое согласіе учить меня частнымъ образомъ, такъ что я совсѣмъ перебрался изъ Кунди въ Харами.

Тутъ я поселился въ мечети одинъ, готовилъ самъ себѣ кушанья; но по большей части ѣлъ одно толокно съ водою, а горячаго приходилось развѣ въ недѣлю разъ поѣсть. Кромѣ того, здѣсь нашлись и другія неудобства къ жизни и ученію: кадій приказывалъ мнѣ ходить къ нему на полевыя работы и тѣмъ отрывалъ меня отъ ученія; напака (продовольствіе) состояла изъ однихъ бобовъ, которые мнѣ въ то время до того опротивѣли, что я ихъ не могъ совсѣмъ ѣсть; написать-же домой обо всѣхъ этихъ неудобствахъ мнѣ не хотѣлось, изъ опасенія, чтобы отецъ не подумалъ, что я лѣнюсь и потому говорю неправду.

Такой жизни вытерпѣлъ я полтора мѣсяца, въ продолженіи которыхъ обратился чуть не въ сухую палку, пока сами обстоятельства не вывели меня изъ этого бѣдственнаго положенія.

Однажды отецъ написалъ ко мнѣ, что односелецъ нашъ, извѣстный ученый человѣкъ, ѣдетъ въ сел. Боркиханъ учителемъ къ тамошнему беку и беретъ съ собою нѣсколько учениковъ, а потому спрашивалъ: не желаю-ли и я поѣхать въ Боркиханъ? Я, разумѣется, былъ очень радъ такому случаю и немедленно отправился домой. Здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, все было изготовлено къ отправленію, и я, въ сообществѣ 8-ми муталимовъ изъ разныхъ деревень казикумухскаго ханства, поѣхалъ въ сел. Боркиханъ. На третій-же день вечеромъ мы пріѣхали въ эту деревню. Никто изъ насъ не зналъ порядковъ содержанія муталимовъ у боркиханцевъ; только по наслышкѣ каждый разсказывалъ о своеобычныхъ нравахъ ихъ *).

Какъ только мы пріѣхали въ аулъ, чауши встрѣтили насъ и повели каждаго къ особому кунаку. Я попалъ къ доброму человѣку, по имени Гусейну. Я думалъ, что насъ пріютили по кунакамъ только на первую ночь, потомъ-же соберемся въ мечеть и будемъ довольствоваться напакою, а также подумывалъ, какая-то должность выпадетъ на мою долю въ цигорствѣ, и такъ какъ я замѣтилъ, что въ этой деревнѣ чрезвычайно много было собакъ,

*) Жители Боркихана—*аварцы*.

то боялся, чтобы мнѣ не пришлось сдѣлаться деревенскимъ цигономъ. Каково-же было мое удивленіе, когда мнѣ сказали на другой день, что мы должны оставаться все время у этихъ самыхъ кунаковъ, и они будутъ насъ содержать, сколько-бы времени мы ни оставались въ Боркиханѣ! У этихъ добрыхъ людей существуетъ обычай: когда муталимъ приходитъ къ нимъ въ деревню учиться, тотъ-часъ-же его передаютъ на попеченіе какому-нибудь богатому человѣку, и этотъ долженъ его содержать на свой счетъ даромъ.

Ночью, когда меня привели къ назначенному мнѣ кунаку, Гусейну, онъ встрѣтилъ меня по видимому радостно, но пригласилъ въ кунацкую комнату безъ всякихъ привѣтствій. Съ меня сняли сапоги, бинжалъ и черкеску; потомъ мнѣ дали овчинный тулупъ и посадили около горѣвшаго камина,—и только всядъ за этимъ хозяинъ, взявъ меня за руку, поздоровался со мною; за Гусейномъ подошли два его брата и тоже поздоровались; до тѣхъ-же поръ, пока меня не успокоили, никто не здоровался, что меня нѣсколько смущало: не смотря на всѣ ласки Гусейна, я все-таки думалъ, что онъ недоволенъ моимъ пріѣздомъ. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ хлѣба странной формы, такъ какъ я въ первый разъ еще видѣлъ такой хлѣбъ (онъ былъ въ родѣ маленькаго чурека, величиной съ обыкновенную тарелку и дырявый, какъ рѣшето, съ разными узорами); къ хлѣбу подали масло, медъ и мясо. На другой день Гусейнъ представилъ меня своему семейству: двумъ женамъ, дочерямъ и женамъ своихъ братьевъ, которые жили съ нимъ вмѣстѣ, нераздѣльно. Самъ Гусейнъ былъ извѣстный по своему искуеству врачъ, младшій братъ его былъ пастухъ, а средній—занимался торговлею.

Около полудня мы всѣ, муталимы, собрались въ огромную старую мечеть, надъ которою возвышался высокій и стремившійся къ разрушенію отъ ветхости минаретъ, на который только одинъ будунъ смѣло лазилъ кричать намазъ. Сошедшись вмѣстѣ, мы разсказывали другъ другу о своихъ кунакахъ и каждый изъ товарищей выразилъ тѣ-же самыя недоразумѣнія, которыя и я имѣлъ относительно своего пріема. Тогда мы убѣдились въ томъ, что таковъ

здѣсь общій обычай. Въ Боркиханѣ мы пробыли цѣлую зиму и жили совсѣмъ не по-муталимски. Я сдѣлался членомъ семейства Гусейна, который смотрѣлъ на меня какъ на своего сына; всегда бывалъ сытъ и ни о чемъ не заботился. Обыкновенными кушаньями нашими были: хлѣбъ вышеозначенной формы, изъ ржаной муки *), хинкалъ съ мясомъ или съ масломъ, толокно изъ ячменя съ бузою и сыромъ; часто готовили также пилавъ. Кромѣ того другіе боркиханскіе жители нерѣдко приглашали насъ на обѣдъ или ужинъ. На званый обѣдъ каждый гость долженъ былъ нести съ собою ложку. По окончаніи обѣда, хозяинъ заставлялъ гостей еще скушать по ложкѣ за упокой душъ всѣхъ умершихъ своихъ предковъ, называя при этомъ ихъ имена, потомъ по ложкѣ за какихъ-нибудь святыхъ; отказываться отъ этого значилобы сильно обидѣть хозяина.

Укажу здѣсь на нѣкоторыя отличія въ исполненіи обрядовъ, замѣченныя мною въ Боркиханѣ и не существующія въ другихъ селеніяхъ Казикумухскаго округа. Такъ напр., новобрачная, когда ѣдетъ къ мужу, должна всю дорогу рыдать во всеуслышаніе и не переставать плакать, пока не войдетъ въ домъ молодаго. Невѣста должна связать чулки, какъ для самого жениха, такъ и для всего семейства его, начиная отъ грудного ребенка до стариковъ, и эти чулки несутъ въ корзинкѣ при поѣздѣ невѣсты къ жениху. Невѣсту провожаютъ обыкновенно верхомъ, съ джигитовкою. Въ день свадьбы, собравшись у жениха, мужчины стрѣляютъ въ яблоко, положенное на высокій шестъ, и кто попадетъ, тотъ получаетъ награду отъ жениха. На второй день свадьбы женихъ садится, обыкновенно, на коврѣ и каждый другъ и родственникъ подходитъ и бросаетъ на платокъ, положенный передъ нимъ, деньги, сколько кто можетъ. Есть еще одинъ обычай, который существуетъ и въ Казикумухѣ, но въ Боркиханѣ придерживаются его строже: когда кто-нибудь

*) Пшеница въ Боркиханѣ мало родится и потому здѣсь всѣ сѣютъ рожь; пшеницу-же достаютъ изъ Кюринскаго округа и употребляютъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Боркиханцы даже увѣряютъ, что если на ихъ землѣ посѣять пшеницу, то чрезъ годъ она превращается въ рожь. Въ муку мѣшаютъ древесную золу, отчего цвѣтъ хлѣба бываетъ сѣроватый.

шьетъ себѣ новую шубу на зиму, то близкіе родственники и друзья приносятъ къ нему кашу, приготовленную изъ муки, съ масломъ и съ медомъ. Наконецъ разскажу еще про одинъ странный обычай, который существуетъ въ этомъ магалѣ: когда бываетъ засуха лѣтомъ, то народъ выходитъ въ поле просить у Бога дождя и собирается на одну изъ горъ Агульскаго ущелья, гдѣ, послѣ совершенія нѣкоторыхъ обыкновенныхъ у мусульманъ обрядовъ, мужчины и женщины отправляются на покатость горы, потомъ женщины садятся на колѣни къ мужчинамъ и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ ползутъ по землѣ въ сидячемъ положеніи до самой подошвы этой горы. Одинъ ученый въ этомъ магалѣ, по имени Али, убѣждалъ народъ въ послѣднее время — оставить этотъ обычай, какъ богопротивный, но молодые люди стоятъ за него... Впрочемъ, засухи не было здѣсь ужъ нѣсколько лѣтъ сряду.

Не смотря на необыкновенное радушіе боркиханскихъ жителей, мы все-таки у нихъ соскучились, и ходя на рѣчку для омовенія, разбивали тамъ льдъ, призывая скорѣе весну, потому что учитель нашъ уже сказалъ намъ, что мы вернемся домой непремѣнно весною. Такъ и случилось. Когда я пріѣхалъ домой, весна уже наступила: трава начала зеленѣть и нѣкоторые цвѣты уже показывались изъ подъ снѣга. Скоро снѣгъ остался только въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникали лучи солнца.

Въ деревнѣ ходилъ говоръ о предстоящемъ праздникѣ—вывозѣ плуга въ поле. Матери приготовляли для дѣтей *барту* *), закупали орѣхи и яйца. Приготовляли лошадей на предстоявшую скачку; скороходы также упражнялись въ бѣганьи на гору, пробуя, кто кого перегонитъ. Кромѣ того, въ аулѣ было общее весеннее движеніе народа: одни поправляли старыя корзинки для отвоза въ поле навоза, другіе починяли кирки, лопатки, плуги и другія хозяйственныя орудія. Въ день праздника старшій куна-

*) Каждый мальчикъ или дѣвочка получаетъ отъ родителей въ этотъ день хлѣбъ, испеченный съ разными украшеніями и разной формы; онъ бываетъ или кольцеобразный, или-же, по большей части, крестообразный и называется *бартою*. Обыкновенно украшаютъ его яйцами и орѣхами, которые вставляются въ лицевую сторону хлѣба.

чу *) долженъ былъ сдѣлать угощеніе обществу и объ этомъ тоже говорили въ народѣ. Также толковали о томъ, кого именно выбрать изъ жителей нахаренъ, чтобы онъ вывезъ въ первый разъ плугъ въ поле. Нужно было выбрать честнаго и добраго человѣка, чтобы хлѣбъ уродился получше. Многіе выбранные отказывались въ виду того, что, въ случаѣ неурожая, жители будутъ роптать на нихъ. Наконецъ насталъ назначенный день для вывоза плуга. Утромъ, на площади, около печети собралась многочисленная толпа; по данному старшимъ картомъ знаку, вынесли изъ его дома нѣсколько хлѣбовъ, два кувшина бузы и мясо. Все это раздѣлили между всѣми присутствовавшими, а потомъ отправились за деревню, гдѣ стояли лошади, приготовленныя для скачки. Отъ того-же куначу принесли и барту, большую, украшенную яйцами и орѣхами, и дали ее одному старику держать на рукахъ.

Скачка совершалась при многочисленной толпѣ обоего пола, и первымъ прискакалъ одинъ молодой человѣкъ, который и заслужилъ барту, поднесенную ему означеннымъ старикомъ съ поздравленіемъ. Въ это самое время родственники и близкіе друзья получившаго призъ бросились къ нему—и лошадь его обвѣсили кинжалами, а женщины повязали шею ея платками, такъ что лошадь едва могла идти шагомъ отъ тяжести навѣшенныхъ на нее кинжаловъ и платковъ. Каждый, навѣсившій свой кинжалъ, долженъ былъ идти въ домъ хозяина лошади за полученіемъ своего оружія обратно, но не иначе, какъ съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ: одни понесли копченую баранину, другіе бузу, третьи хлѣбъ и т. д., такъ что въ короткое время домъ хозяина лошади наполнился провизіею.

---

*) *Куначу* значитъ картъ, старикъ; во множественномъ числѣ—*куниса*, т. е. карты. Въ аулѣ нашемъ было семь фамилій и изъ каждой фамиліи были наслѣдственные карты, которые назначались по старшинству. Независимо отъ нихъ былъ одинъ старшій картъ (куначу), общій для всѣхъ фамилій, тоже назначаемый по праву наслѣдства. При разборѣ какого-нибудь адатскаго дѣла или при обсужденіи общественнаго интереса, всѣ эти карты (куниса) собираются вмѣстѣ на извѣстномъ мѣстѣ, разсуждаютъ и рѣшаютъ дѣла подъ предсѣдательствомъ старшаго карта, который обязанъ каждый годъ дѣлать угощеніе жителямъ при вывозѣ плуга въ поле.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была конная скачка, стояла еще нерасходившаяся толпа. Нѣсколько молодыхъ людей, полураздѣтыхъ, съ засученными рукавами и шальварами, приготовлялись бѣжать и принимали совѣты отъ старшихъ, которые предлагали имъ держать во рту пулю или камешекъ, чтобы не утомиться. Принесли другую барту, поменьше прежней, тоже отъ старшаго карта, и тотъ-же старикъ держалъ ее на рукахъ. Молодые люди отправились съ однимъ постороннимъ человѣкомъ, который долженъ былъ распорядиться соблюденіемъ порядка во время бѣга, бывающаго на протяженіи версты. По произнесеніи постороннимъ: разъ, два, три! всѣ сразу бросились бѣжать и одинъ, прибѣжавшій первымъ, схватилъ барту и упалъ. Сейчасъ-же подняли молодаго человѣка и повели его подъ руки. По дорогѣ его также обвѣшивали кинжалами и платками, какъ прежде обвѣшивали лошадь, и со всѣхъ сторонъ привѣтствовали поздравленіями.

По окончаніи скачекъ послали за пахаремъ, который и явился со всѣми орудіями пахаря и съ быками *), и вмѣстѣ съ нимъ толпа направилась къ ближайшему пахатному полю. Множество мальчиковъ провожало пахаря, бросая въ него комками снѣга, грязью и камешками и не переставая бросать до тѣхъ поръ, пока онъ не обошелъ съ плугомъ вокругъ пашни три раза. При этомъ кадій читалъ молитву, поднявъ руки къ небу, прося у Бога хорошаго урожая въ этомъ году, а остальные говорили „аминь“. По окончаніи всего этого обряда, народъ вернулся домой, и цѣлые два дня былъ затѣмъ кутежъ въ двухъ домахъ: у хозяина пескавшей лошади и у побѣдившаго скорохода.

Съ этого дня начались полевыя работы: кто унаваживалъ пашню, кто пахалъ **), кто искалъ себѣ компаніона для пахоты ***).

---

*) Въ этомъ случаѣ пахарь бываетъ одѣтъ въ овчинный полушубокъ, который надѣваетъ на выворотъ.

**) Съ ранней весны горцы пашутъ землю и оставляютъ нину незасѣянною; потомъ, перепахавши ее во второй равъ, сѣютъ зерно. Горцы пашутъ всегда одною парою быковъ.

***) Изъ горцевъ рѣдкій хозяинъ имѣетъ больше одного быка. Во время работы каждый находитъ себѣ компаніона, имѣющаго тоже одного бы-

Я пробылъ дома еще нѣсколько дней, а потомъ отправился муталимомъ въ Кумухъ.

Давно мнѣ хотѣлось поѣхать въ это селеніе, потому что слышалъ много о роскошной жизни тамошнихъ муталимовъ. Въ Кумухѣ восемь магаловъ (кварталовъ), и въ каждомъ магалѣ своя мечеть; при нихъ находятся будуны, нанимаемые жителями. Кромѣ этихъ восьми мечетей есть еще общая, главная мечеть, которая отпирается только по пятницамъ и въ торжественные праздничные дни для совершенія намаза. Муталимы живутъ въ одной изъ восьми мечетей, называемой на туземномъ языкѣ „Катниль мезитъ“ *). Кумухскій кадій наслѣдственный; онъ можетъ быть и неграмотный, и въ такомъ случаѣ нанимаетъ ученаго мударриса, который служитъ при Катниль-мезитѣ. Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Кумухъ муталимомъ, при кумухскомъ кадіѣ мударисомъ былъ почетный и умный человѣкъ, по имени Гази; у него я засталъ шесть муталимовъ. Всѣ они жили при мечети—маленькой, но содержавшейся въ примѣрной чистотѣ. Эта чистота зависѣла между прочимъ отъ того, что въ Катскую мечеть не приходилъ ночевать никто изъ жителей селенія или изъ пріѣзжихъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ деревняхъ. Въ поясненіе этого обстоятельства замѣчу, что у горцевъ весьма немного водится постельныхъ принадлежностей, а потому мужчины рѣдко спятъ дома: молодые люди отправляются обыкновенно на ночлегъ на улицу или на площадь, а кто постарше—въ мечеть. Спящіе на улицѣ и на площади лежатъ на камняхъ, положенныхъ тамъ какъ для этой цѣли, такъ и для сидѣнья днемъ, а укрываются овчинными шубами. Кромѣ старшихъ, въ мечети спятъ еще пріѣзжіе. Горцы вообще гостепріимны, и потому всякій пріѣзжій, не имѣющій въ аулѣ кунака (знакомаго), приходитъ на площадь, передъ

ми и по очереди пашутъ; напр., сегодня оба быка работаютъ у одного хозяина, а завтра у другаго: это называется на туземномъ языкѣ *«удружить быка»*.

*) Сел. Кумухъ раздѣляется на восемь кварталовъ и въ каждомъ кварталѣ есть особая маленькая мечеть. Кварталъ, называемый *Катъ*, есть самый центральный и потому въ немъ живутъ муталимы. *Катниль-мезитъ* значитъ—Катская мечеть.

мечетью, гдѣ всегда найдетъ праздныхъ людей; какъ скоро онъ объявитъ, что у него нѣтъ кунака, чаушъ препровождаетъ его къ тому изъ жителей, на комъ лежитъ очередь гостепріимства, и послѣдній обязанъ накормить гостя какъ можно лучше, дать ему шубу и проводить на ночлегъ въ мечеть. Впрочемъ, съ недавняго времени обычай этотъ сталъ ослабѣвать, такъ какъ рѣдкій изъ домохозяевъ не старается улучшить свою домашнюю обстановку, а вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлать лишней постели и для гостя.

Кумухскій мударисъ принялъ меня къ себѣ весьма охотно, и такъ какъ у него не было никакой работы, которая-бы отвлекала его отъ занятій съ муталлимами, то уроки наши шли успѣшно. Съ этого времени начинаетъ совершаться переворотъ въ моей муталлимской жизни,—и я нахожу, что приключенія, постигшія меня въ Кумухѣ, должны составить особый эпизодъ изъ моихъ муталлимскихъ воспоминаній.

1868 года.
Тифлисъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи

(съ картою).

Для читателей настоящаго „Сборника“ было-бы весьма важно имѣть точныя статистическія свѣдѣнія о кавказскомъ горскомъ населеніи. Къ сожалѣнію, нора строгихъ статистическихъ изслѣдованій еще не наступила въ приложеніи къ этому населенію. Администрація горскихъ округовъ такъ еще недавно сѣла на настоящія свои мѣста, что не могла достаточно окрѣпнуть и вызвать со стороны горскаго населенія то полное къ себѣ довѣріе, при которомъ возможно вести *статистическія дознанія*, въ обширномъ значеніи этихъ словъ; она принимаетъ только подготовительныя мѣры къ такимъ дознаніямъ. Дѣйствительно, въ массѣ невѣжественнаго горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи, существуютъ и, вѣроятно, значительный періодъ времени будутъ еще существовать разные предразсудки, которые затрудняютъ статистическія дознанія и противъ которыхъ нельзя еще принять рѣшительныхъ мѣръ. Такъ, напр., у горцевъ-мусульманъ не ведется ничего подобнаго нашимъ метрическимъ книгамъ, и всякія справки о числѣ родившихся, о численномъ составѣ семьи, принимаются ими за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашнихъ тайнъ; недружелюбно также смотрятъ горцы не только на поголовное, но и на подымное счисленіе народонаселенія, подозрѣвая въ этомъ намѣренія нашего правительства увеличить съ нихъ подати.... Понятно, что администрація должна осторожно касаться такого щекотливаго настроенія горцевъ и выжидать, пока недовѣріе ихъ къ новому для нихъ управленію само собою не минуетъ.

Тѣмъ не менѣе однако, если сравнить статистическія свѣдѣнія, имѣющіяся въ настоящее время о горцахъ, съ тѣми отрывочными и

скудными извѣстіями, которыя имѣлись о нихъ назадъ-тому лѣтъ пять-шесть, то нельзя не сознаться, что на пути статистическихъ дознаній въ приложеніи къ горскому населенію и быту сдѣлано весьма много. Земли горскихъ округовъ приводятся въ извѣстность и на сѣверномъ Кавказѣ большею частію размежеваны; права и обязанности зависимыхъ сословій приведены въ положительную извѣстность и, на основаніи добытыхъ данныхъ, регулированы въ духѣ реформъ, ознаменовавшихъ настоящее царствованіе; тамъ-же, гдѣ обстоятельства препятствовали быстрому разрѣшенію сословнаго и поземельнаго вопросовъ, работаютъ теперь особыя коммиссіи, подвигая дѣло къ неизбѣжному разрѣшенію его въ духѣ тѣхъ-же реформъ. Обложеніе горцевъ податьми есть уже совершившійся фактъ, а съ нимъ вмѣстѣ добыты уже болѣе прежнихъ достовѣрныя свѣдѣнія если не о количествѣ душъ, то по крайней мѣрѣ о количествѣ дымовъ или дворовъ, платящихъ подати.

Вмѣстѣ съ дѣйствіями горской администраціи, не парализуемыми больше военными тревогами и направленными исключительно на уясненіе и благоустройство горскаго быта, двинулись впередъ и наши научныя знанія о горцахъ. Изученіе горскихъ языковъ, сколько съ цѣлями чисто-научными, столько-же и съ цѣлію практической—распространенія между горцами грамотности на языкахъ туземныхъ и на русскомъ, заявило себя такими капитальными пріобрѣтеніями науки, какъ лингвистическіе труды П. К. Услара. При свѣтѣ научныхъ знаній, добытыхъ по горскому языковѣдѣнію этимъ почтеннымъ ученымъ, возможны стали статистическіе труды, приводящіе въ извѣстность племенной составъ горскаго населенія. Въ этомъ отношеніи больше всего сдѣлано по Дагестану *), невѣроятная пестрота населенія котораго требуетъ къ себѣ и наибольше вниманія.

«Сборникъ» имѣетъ въ виду обнародованіе всѣхъ новыхъ данныхъ, касающихся горскаго населенія Кавказа, и потому, такъ сказать, обязанъ представить на страницахъ своихъ главнѣйшія изъ статистическихъ дознаній, касающихся *численнаго*, *племеннаго* и *общественнаго* состава этого населенія. Съ этою цѣлію прежде всего помѣщаются здѣсь свѣдѣнія о численномъ составѣ горскаго населенія,

---

*) Мы разумѣемъ здѣсь еще необнародованный, но уже извѣстный по заявленіямъ отъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества трудъ А. В. Комарова: «Народонаселеніе Дагестанской области».

добытыя камеральными описаніями послѣднихъ годовъ, съ показаніями административнаго дѣленія горскихъ земель, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи. За тѣмъ, задачею слѣдующихъ выпусковъ «Сборника» будетъ между прочимъ служить—обнародованіе свѣдѣній по племенному и общественному составу горскаго населенія, съ показаніемъ всѣхъ вновь добытыхъ данныхъ и по его численности.

Горское населеніе Кавказскаго края, состоящее въ военно-народномъ управленіи, занимаетъ 1) нѣкоторыя части Кубанской области, 2) большую часть Терской области, 3) почти всю Дагестанскую область, 4) Закатальскій округъ и 5) Сухумскій отдѣлъ.

Помѣщаемыя ниже таблицы, вмѣстѣ съ картою горскихъ земель, даютъ возможность наглядно ознакомиться съ численностію горскаго населенія, съ его распредѣленіемъ по округамъ, участкамъ и наибствамъ и съ географическимъ положеніемъ занимаемыхъ имъ территорій.

1. Горскіе округа Кубанской области.

Названіе округовъ.	Станъ окружныхъ управленій.	Число дворовъ.	Число душъ.	
			Муж. пола.	Жен. пола.
Псекупскій	Въ г. Екатеринодарѣ	2425	8115	8040
Лабинскій	— ст. Лабинской.	4161	10326	9762
Урупскій	— сел. Армавирѣ.	1945	6325	5714
Зеленчукскій	— станѣ на рѣкѣ Маломъ-Зеленчукѣ.	2438	8087	7274
Эльборусскій	На посту Верхне-Николаевскомъ.	2445	8162	7654
Итого	.....	13414	41015	38444

2. Горскіе округа Терской области.

Названіе округовъ, участковъ или наибствъ.	Станъ окружныхъ, участковыхъ или наибскихъ управленій.	Число дымовъ.	Число душъ.	
			муж. пола.	жен. пола.
Кабардинскій округъ.	Укр. Нальчикъ.			
Участки:				
Баксанскій	На посту Баксанскомъ	3282	11261	10444
Малокабардинскій	Временно, въ аулѣ Бековича	1659	5269	5066
Черекскій	На посту Черекскомъ	2140	6391	5638
Горскій	Временно—въ Нальчикѣ, до устройства помѣщенія въ Хуламѣ.	—	5315	4840
Итого въ Кабардинскомъ округѣ	—	7081	28236	25988
Осетинскій округъ.	г. Владикавказъ.			
Участки:				
Тагауро-Куртатинскій	Тамъ-же	2752	12475	10981
Аллагиро-Наро-Мамисонскій	Въ ст. Аллагирской.	2031	7152	5955
Дигорскій	— — Ардонской	1247	5427	4812
Итого въ Осетинскомъ округѣ	—	6030	25054	21748
Ингушевскій округъ.	Укр. Назрань.			
Участки:				
Назрановскій	Тамъ-же	3326	8780	8559
Горскій	Въ г. Владикавказѣ.	907	2915	2848

Пседахинский	Въ аулѣ Пседахъ	1297	3539	3273
Итого въ Ингушевскомъ округѣ	—	5530	15234	14680
Чеченскій округъ.	Кр. Грозная.			
Наибства:				
Ачхоевское	Въ аулѣ Ачхой	845	2114	1956
Урусъ-Мартановское	— — Урусъ-Мартанъ	3207	8351	8132
Автуринское	Въ аулѣ Цацинъ-Юртъ	1915	4348	4273
Качкалыковское	Въ аулѣ Ойсунгуръ	2480	5976	5788
Надтеречное	— — Старый-Юртъ	2687	6681	6150
Аргунское	Въ аулѣ Герменчукъ	3116	7156	6615
Итого въ Чеченскомъ округѣ	—	14250	34626	32914
Ичкеринскій округъ.	Укр. Ведено.			
Наибства:				
Веденское	Тамъ-же	1234	2616	2489
Даргинское	Въ аулѣ Гордали	1534	3423	3371
Итого въ Ичкеринскомъ округѣ	—	2768	6039	5860
Аргунскій округъ.	Укр. Шатой.			
Наибства:				
Чантинское	Въ аулѣ Итумъ-кале	1782	4879	4915
Шатоевское	— укр. Шатоѣ	1113	2512	2417
Чеберлоевское	— аулѣ Чеберлоѣ	917	2330	2347
Шароевское	— — Шароѣ	486	1343	1353
Итого въ Аргунскомъ округѣ	—	4300	12064	11032

Кумыкскій округъ.	Укр. Хасавъ-Юртъ.			
Участки:				
Аксаевскій.....	Въ аулѣ Ташъ-Кичу.	2074	5716	5132
Андреевскій.....	Въ дер. Андреевой.	3239	7463	8512
Ногайскій.....	— аулѣ Тота-Юртъ.	1751	4398	4013
Итого въ Кумыкскомъ округѣ.....	—	7064	17577	17657
Нагорный округъ.	Укр. Кишень-Аухъ.			
Наибства:				
Ауховское.....	Въ аулѣ Яракъ-Су-Аухъ.....	1259	2904	2689
Зандакское.....	Въ аулѣ Нижой-Юртъ	1321	3965	2785
Салатовское.....	— укр. Буртунаѣ..	1254	2811	2706
Итого въ Нагорномъ округѣ.....	—	3834	9680	8180
А всего въ Терской области.....	—	50857	147510	138059

3. Закатальскій округъ.

Наибства:				
Белоканское.	Сел. Белоканы. .	1628	4270	3684
Джарское	г. Закаталы . .	1936	5029	4244
Мухахское.	Сел. Мухахъ. . .	2579	4168	3861
Аліабатское	— Аліабатъ . .	2137	6697	5870
Елисуйское	— Кахъ. . . .	1618	5168	4337
Карасуйское.	— Алмало . . .	727	2575	2110
Итого. . .	—	10699	28009	24206

4. Горскіе округа Дагестанской области.

Названіе округовъ и наибствъ.	Станъ окружныхъ и наибскихъ управленій.	Число дымовъ.	Число жителей.	
			Муж. пола.	Жен. пола.
Сѣверный Дагестанъ.				
Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ.	Темиръ-Ханъ-Шура.			
Наибства:				
Темиръ-Ханъ-Шуринское	Тамъ-же	3010	6693	6172
Таркинское	Селен. Тарки	2177	5220	4859
Чиръ-Юртовское	Укр. Чиръ-Юртъ	1191	2622	2467
Карабудахкентское	Сел. Карабудахкентъ	2701	6503	5895
Дженгутаевское	— Дженгутай	3775	8608	7979
Оглинское	— Оглы	1091	2374	2330
Итого въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ	—	13945	32020	29702
Даргинскій округъ.	Селен. Кутиши.			
Наибства:				
Кутишинское	Тамъ-же	1403	3081	2874
Цудахарское	Селен. Цудахаръ	2374	5362	5010
Акушинское	— Акуша	4165	9658	9131
Урахинское	— Урахи	2674	5687	5631
Микагинское	— Микаги	2060	4509	4330

Сюргинское	Сел. Урари	1916	4321	4057
Итого въ Даргинскомъ округѣ	—	14592	32918	31033
А всего въ Сѣверномъ Дагестанѣ	—	28537	64938	60735
Южный Дагестанъ.				
Кайтаго - Табасаранскій округъ.	Сел. Маджалисъ.			
Наибства:				
Уркарахское...	Сел. Уркарахъ	2750	6160	6214
Кара-Кайтагское.....	— Джибагни	1193	2663	2682
Нижне-Кайтагское....:	— Башлы	3287	7410	7445
Сѣверно-Табасаранское.	— Ерси	2138	4757	4759
Итого въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ...	—	9368	20990	21090
Кюринскій округъ.	Сел. Касумъ-Кентъ.			
Наибства:				
Гюнейское	Сел. Янанъ-Кала...	3433	9198	9354
Котуръ-Кюринское	— Кабиръ.....	3331	8517	7862
Курахское.....	— Курахъ.....	2149	5964	5531
Южно-Табасаранское ...	— Кандыкъ.....	2074	6608	5924
Итого въ Кюринскомъ округѣ	—	10987	30287	28671
Самурскій округъ.	Селен. Ахты.			
Наибства:				
Ахтынаринское.....	Тамъ-же	2907	9148	8031
Докузпаринское	Сел. Мискинджа....	3037	10626	9548

Рутульское.....	Сел. Рутулъ	1325	3788	3379
Ихрекское.....	— Ихрекъ.....	1165	3511	3147
Итого въ Самурскомъ округѣ	—	8434	27073	24105
А всего въ Южномъ Дагестанѣ	—	28789	78350	73866
Средній Дагестанъ.				
Гунибскій округъ.	Укр. Гунибъ.			
Наибства:				
Андалальское.....	Сел. Чохъ.....	2519	4887	5057
Куядинское	— Корода.....	2545	3967	4442
Тилитлинское	— Тилитль.....	1753	2994	3209
Гидатлинское.....	— Орода.....	2365	4169	4471
Тлейсерухское	— Ирибъ	1010	2036	1822
Бохнадальское	— Тлората.....	1025	2048	2152
Анцухо-Капучинское	— Чодоколо.....	1331	2560	2764
Итого въ Гунибскомъ округѣ	—	12548	22661	23917
Казикумухскій округъ.	Селен. Кумухъ.			
Наибства:				
Вицхинское.....	Тамъ-же	3779	8763	9872
Антикункинское	Сел. Кая	1817	4331	4769
Мугархское.....	— Мугархъ.....	841	1986	2303
Дусраратское	— Дусраратъ	548	1242	1398
Итого въ Казикумухскомъ округѣ.....	—	6985	16322	18342
А всего въ Среднемъ Дагестанѣ.....	—	19533	38983	42259

Западный Дагестанъ.				
Андійскій округъ.	Селен. Ботлихъ.			
Наибства:				
Андійское	Сел. Анди	1171	2203	2393
Технупальское	— Ботлихъ	1421	2503	2494
Гунбетовское	— Мехельта	2227	3537	3904
Каратинское	— Карата	1731	3193	3690
Ункратлинское	— Гаквари	1409	2675	2557
Тиндальское	— Тинды	961	1723	1744
Дидойское	— Кидеро	1025	1697	1468
Итого въ Андійскомъ округѣ	—	9945	17531	18250
Аварскій округъ.	Селен. Хунзахъ.			
Наибства:				
Хунзахское	Тамъ-же	3179	5416	6302
Цатанихское	Сел. Харахи	1532	2552	3447
Койсубулинское	— Унцукуль	2429	4039	5452
Батлухское	— Андыхъ	852	1420	1917
Итого въ Аварскомъ округѣ	—	7992	13427	17118
Итого въ Западномъ Дагестанѣ	—	17937	30958	35368
А всего въ Дагестанской области	—	94796	213229	212228

5. Сухумскій отдѣлъ.

До переселенія, послѣ абхазскихъ событій 1866 года, значи-

тельной части населенія Сухумскаго отдѣла въ Турцію, число жителей въ отдѣлѣ простиралось до 79,195 д. об. п. Но въ концѣ 1867 года населеніе отдѣла представляло слѣдующія данныя:

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Число семействъ.	Число душъ.	
		Муж. п.	Жен. п.
Пицундскій	5898	14183	11300
Драндскій.	3278	8824	7681
Окумскій	3493	11795	10063
Цебельдинскій.	27	46	41
Итого. . .	12696	34848	30085

Всего 64,933 д. об. п. Поэтому, вслѣдствіе совершившагося переселенія почти всѣхъ жителей Цебельдинскаго округа, а также части населенія Пицундскаго и Драндскаго округовъ въ Турцію, прежнее административное раздѣленіе Сухумскаго отдѣла (см. приказъ по Кавказскому военному округу, отъ 11 января 1868 года, № 4) измѣнено, а именно:

1) Сухумскій отдѣлъ, за исключеніемъ территоріи Цебельдинскаго округа, раздѣленъ на два округа: *Пицундскій* и *Очемчирскій*. Въ составъ Пицундскаго округа, раздѣленнаго на два участка—*Гумистинскій* и *Гудаутскій*,—включено все пространство отдѣла между р. Кодоромъ и Гагринскимъ хребтомъ. Очемчирскій округъ, раздѣленный также на два участка—*Кодорскій* и *Самурзаканскій*,—образованъ изъ остальной части отдѣла, заключающейся между рр. Кодоромъ и Ингуромъ.

2) Территорія бывшаго Цебельдинскаго округа, не включая оную въ составъ означенныхъ вновь образованныхъ округовъ, поручена

завѣдыванію особаго лица, подъ названіемъ *Попечителя поселеній въ Цебельдѣ*,—на правахъ окружнаго начальника.

Сводя вмѣстѣ всѣ вышеприведенныя данныя о горскомъ населеніи Кавказскаго края, которое состоитъ въ военно-народномъ управленіи, получимъ:

1. Въ округахъ Кубанской области.	79,459	д. об. п.
2. — — Терской	285,569	— —
3. — — Дагестанской	425,457	— —
4. — Закатальскомъ округѣ	52,215	— —
5. — Сухумскомъ отдѣлѣ.	64,933	— —
Всего. . .	907,633	д. об. п.

Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе.

Послѣ умиротворенія горцевъ, давши имъ время матеріально оправиться и подготовиться къ воспріятію первыхъ началъ цивилизаціи, правительство приступило наконецъ къ кореннымъ преобразованіямъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно уничтоженію крѣпостнаго права—этого камня претковенія, о который могли разбиваться безслѣдно, не принося никакой пользы, всѣ благія мѣропріятія. Возможно-ли расчитывать на благоустройство тамъ, гдѣ половина людей—какъ было въ Кабардѣ—рабы?

Но прежде чѣмъ приступить къ повсемѣстному освобожденію крѣпостныхъ въ средѣ горцевъ, администрація начала это дѣло съ кабардинцевъ, какъ потому, что народъ этотъ, ранѣе другихъ покорившійся русскимъ, долженъ былъ по всѣмъ расчетамъ оказать болѣе сочувствія этому великому дѣлу, такъ и потому еще, что, по степени образованія своего пользовавшійся вліяніемъ на остальныя горскія племена, онъ могъ и въ этомъ случаѣ послужить для нихъ примѣромъ.

Начало крѣпостнаго права въ Кабардѣ относятъ къ временамъ отдаленнымъ. Довольно сказать, что кабардинцы, пришедши на настоящее мѣсто своего жительства, привели съ собою и рабовъ, число которыхъ увеличилось потомъ новыми рабами — плѣнниками. Въ прежнее время кабардинцы вели безпрестанныя войны съ калмыками, крымскими татарами, аварцами и даже русскими (по преданіямъ, они разорили Тмутараканское княжество). Всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ этихъ войнахъ, уводимыхъ часто тысячами, они, возвращаясь домой, дѣлили и обращали въ рабство. Въ болѣе же близкое къ намъ время, они, уже покорившись русскому правительству, при своей любви къ набѣгамъ, считавшимся всегда особеннымъ подвигомъ удальства, часто нападали на своихъ сосѣдей, немирныхъ горцевъ,

при чемъ конечно не упускали случая поживиться плѣнниками, которыхъ также обращали въ рабовъ.

Бывали въ старину и такіе случаи, довольно частые, что нѣсколько братьевъ-князей, управлявшихъ каждый доставшимся ему участкомъ, ссорились между собою, вели войну, нападали другъ на друга, разоряли страну,—и съ богатою добычей изъ скота и людей возвращались домой: этихъ плѣнныхъ, между которыми, безъ сомнѣнія, попадались и дворяне, они обращали въ рабовъ, раздавая ихъ своимъ приверженцамъ. Такой примѣръ представляетъ князь Шолохъ Таусултановъ, жившій въ XIII-мъ вѣкѣ, переселившійся изъ Большой Кабарды въ Малую. Онъ, до переселенія своего, перессорился съ своими двоюродными братьями за отказъ ихъ принять предложенныя имъ условія раздѣла Кабарды, долгое время скитался у разныхъ племенъ, на которыя раздѣлялся адыхейскій народъ, собиралъ шайки и нападалъ на своихъ соотечественниковъ, разорялъ ихъ, уводилъ въ плѣнъ людей и раздавалъ ихъ участвовавшимъ въ его предпріятіяхъ уоркамъ (узденямъ), которые потомъ и переселились съ нимъ за Терекъ. А иногда, также въ старину, случалось и такъ, что какой-нибудь владѣлецъ хорошей фамиліи выбиралъ свободную землю, селился на ней, собиралъ около себя охотниковъ изъ отпущенниковъ и бѣдныхъ узденей, обѣщая имъ свою защиту и покровительство и взамѣнъ этого требуя отъ нихъ нѣкоторыхъ повинностей, заключавшихся въ доставкѣ разныхъ предметовъ продовольствія. Поколѣнія слѣдовали за поколѣніями; поселенцы привыкали къ своему новому мѣсту, устраивались, какъ то позволяли средства, отбывали повинности, которыя, при жадности владѣльцевъ, съ каждымъ годомъ дѣлались все сложнѣе и сложнѣе, и постепенно забывая свою прежнюю вольность, въ концѣ концовъ видѣли себя вполнѣ крѣпостными. Но ужъ бросить свое мѣсто имъ было жаль, да они и не могли на это рѣшиться, будучи не въ состояніи бороться съ владѣльцемъ, который всегда могъ найти поддержку въ средѣ другихъ владѣльцевъ, составлявшихъ большинство[1]). Да и какъ доказать свое вольное происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ до закрѣпощенія, когда не велось никакихъ документовъ, указывавшихъ на это? Такимъ образомъ эти люди мирились наконецъ съ своимъ положеніемъ и сами считали себя крѣпостными. Уже во время

[1]) Предписаніе генерала Ермолова кабардинскому временному суду, отъ 31-го августа 1824 года, № 49.

русскаго управленія сила лицъ высшаго сословія была обаятельна до такой еще степени, что, не смотря на нѣсколько разъ повторяемыя начальствомъ приказанія народу преслѣдовать князей и владѣльцевъ, бѣжавшихъ къ закубанскимъ горцамъ, при чемъ обѣщалось полное освобожденіе отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ нимъ, послѣднимъ часто удавалось отклонять отъ этого простой народъ, тѣмъ только, что они — князья, особа которыхъ должна быть священна. Если бы даже князь и выстрѣлилъ въ кого-нибудь, то простолюдинъ не могъ этого же сдѣлать съ княземъ *). Такимъ образомъ росло и росло въ Кабардѣ рабство, приспособленное кабардинцами какъ нельзя лучше къ своему исключительному быту. При свойственной всѣмъ восточнымъ жителямъ лѣни и привычкѣ къ роскоши, они только въ рабствѣ могли найти источникъ удовлетворенія своихъ праздныхъ прихотей; одно только оно, при нежеланіи другихъ, болѣе разумныхъ и требующихъ болѣе умственной работы средствъ, могло удовлетворять ихъ потребностямъ и давать возможность безбѣднаго существованія. Такимъ образомъ, у кабардинцевъ выработалось нѣками понятіе, что можно жить только при существованіи рабовъ, и понятіе это, при первомъ взглядѣ на бытъ кабардинцевъ, какъ нельзя болѣе подтверждается на дѣлѣ. Кабардинецъ съ утра до вечера ничѣмъ рѣшительно не занятъ; конь и оружіе—вотъ все, на чемъ сосредоточено его вниманіе. Собираться въ кружокъ, толковать, передавать другъ другу новости, ѣздить по гостямъ, часто въ отдаленные аулы, — вотъ въ чемъ проходитъ жизнь кабардинца. Ему нѣтъ нужды до хозяйства; онъ знаетъ, что рабы сдѣлаютъ все, что нужно. И если бы между кабардинскими владѣльцами нашелся такой смѣльчакъ, что весьма трудно предположить, который бы рѣшился приняться за какой-нибудь трудъ, унижающій, благодаря тому же обычаю, его достоинство, то не отвернулись-ли бы отъ него всѣ, какъ отъ сумасшедшаго, нарушающаго ни съ того ни съ сего вѣковой обычай, завѣщанный предками? О женщинѣ-кабардинкѣ и говорить нечего: она—продуктъ того-же восточнаго предрасположенія къ лѣни—сидитъ постоянно въ своей саклѣ съ утра до вечера, ѣстъ, спитъ и больше ничего не дѣлаетъ,—и потому все домашнее хозяйство ея лежитъ на рукахъ крѣпостной (унзутки). Кабардинка рѣдко выходитъ за-мужъ, если женихъ ея,

*) Прокламація генерала Ермолова къ кабардинскимъ владѣльцамъ, уздеиимъ и народу, отъ 1-го августа 1822 года.

по бѣдности своей, не приготовилъ ей унаутки; поэтому каждый мужъ всѣми силами старается купить для своей жены служанку.

Праздность породила въ кабардинцахъ страсть къ роскоши, для удовлетворенія которой у нихъ было одно, доступное имъ, средство— освобожденіе крѣпостныхъ на волю посредствомъ выкупа. Деньги, пріобрѣтаемыя этимъ легкимъ способомъ, по пословицѣ, какъ приходили, такъ и уходили, безъ всякой рѣшительно пользы для хозяйства, на одни прихоти,—и рабовладѣлецъ, освобождая такимъ образомъ крѣпостнаго за крѣпостнымъ, приходилъ къ печальному концу, т. е. не видѣлъ около себя крѣпостныхъ, безъ которыхъ, не имѣя возможности праздничать, впадалъ въ крайнюю бѣдность. Освобожденные-же имъ крѣпостные, уже знакомые съ нищетою и привыкшіе къ труду, цѣнили деньги и пріобрѣтали себѣ за какія-нибудь заслуги званіе узденей и вліяніе въ обществѣ. Такимъ образомъ случилось, что съ теченіемъ времени многія изъ знатныхъ когда-то, богатыхъ и вліятельныхъ въ Кабардѣ фамилій пали, а вмѣсто нихъ появились выскочки изъ освобожденныхъ рабовъ. То-же, выработанное вѣками, понятіе о безбѣдномъ существованіи только при крѣпостныхъ было причиною, что и крѣпостной долгимъ, усиленнымъ трудомъ и всякими правдами и неправдами сколачивалъ копѣйку и пріобрѣталъ себѣ также крѣпостныхъ. Вслѣдствіе этого произошла въ Кабардѣ такая несоразмѣрность въ числахъ владѣльцевъ и крѣпостныхъ.

При огромномъ числѣ владѣльцевъ, при отсутствіи положительнаго закона, кромѣ обычая, который нерѣдко былъ на сторонѣ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, положеніе крѣпостныхъ было весьма тяжкое. Такъ, въ былое время, впрочемъ еще недавнее, и жизнь ихъ была въ рукахъ владѣльца, что было отмѣнено только въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія [*]). Крѣпостной не имѣлъ права на землю, которая въ Кабардѣ составляла только собственность людей свободныхъ; обработывая же изъ половины или изъ другой, установленной обычаемъ, части земли своего господина и отбывая ему другія повинности, онъ не имѣлъ права на свое же собственное имущество, пріобрѣтенное трудомъ; оно было его собственностію до тѣхъ только поръ, пока онъ оставался у своего господина; при освобожденіи же или выкупѣ на волю, оно поступало къ владѣльцу. Да и находясь у

[*]) Прокламація генерала Ермолова владѣльцамъ и узденямъ—кабардинцамъ, выселившимся изъ горъ, 26 іюня 1822 года.

господина, онъ не могъ произвольно распоряжаться имъ: продавалъ-ли онъ что-нибудь съ согласія своего господина, убивалъ-ли для себя скотину,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ былъ отдать часть, конечно лучшую, владѣльцу. Даже отпущенные или выкупившіеся на волю кабардинскіе крѣпостные не могли считать себя вполнѣ свободными. Хотя они, какъ люди свободные, и не отбывали никакихъ повинностей своимъ бывшимъ владѣльцамъ, но ужъ довольно одного того, что они, по обычаю, безъ разрѣшенія своего прежняго господина не могли переселиться въ другой аулъ, не смотря на всѣ неудобства, испытываемыя ими на настоящемъ мѣстѣ жительства, какъ равно и того, что, не смотря на всю свою привязанность къ мѣсту жительства, не смотря на нежеланіе и неудобства переселенія, они не могли отказаться отъ этого, если бы бывшій владѣлецъ ихъ вздумалъ перемѣнить мѣсто своего жительства,—словомъ, они всюду должны были слѣдовать за нимъ. Дѣвушка, отпущенная на свободу, при выходѣ замужъ должна была дать своему бывшему владѣльцу одну лошадь.

Если и отпущенные на волю состояли все таки въ зависимости отъ своего бывшаго господина и не могли сказать о себѣ, что они вполнѣ свободны, то что же было съ настоящими крѣпостными, оставшимися у своихъ господъ?—Но для болѣе близкаго знакомства съ крѣпостнымъ правомъ въ Кабардѣ, разсмотримъ подробно всѣ виды кабардинскихъ крѣпостныхъ и отношенія послѣднихъ къ своимъ владѣльцамъ.

Число всѣхъ крѣпостныхъ въ Кабардѣ, за исключеніемъ *каракишей* (въ горскихъ обществахъ), доходило предъ освобожденіемъ ихъ до двадцати одной тысячи.—Всѣ они подраздѣлялись на слѣдующіе виды: *Оги*, *Логанапуты*, *Унаутыя* (въ Большой и Малой Кабардѣ), *Каракиши*, *Ясакчи*, *Чагары*, *Казахи* и *Караваши* (въ горскихъ обществахъ—въ Хуламѣ, Безенги, Чегемѣ, Балкаріи и Урусби). Денежныхъ повинностей ни однимъ изъ этихъ видовъ не зналъ; всѣ они отбывали однѣ натуральныя повинности, заключавшіяся въ извѣстнаго рода услугахъ и работахъ, установленныхъ обычаемъ для каждаго вида особо.

Оги [*]). Повинности ихъ заключались въ слѣдующемъ. На время

---

[*]) Они существовали только въ Большой Кабардѣ и во время освобожденія численность ихъ состояла всего изъ 15-ти семействъ.

покоса каждый членъ семейства (съ 16-лѣтняго возраста) обязанъ былъ три дня въ продолженіи всего покоса косить для своего господина, а два дня убирать и доставлять сѣно въ аулъ; отъ работы этой освобождались только пастухъ и пчеловодъ, присматривавшіе за баранами и пчелами оговъ, но послѣдній все таки ежегодно долженъ былъ доставить своему господину три сапетки (корзины) меду; на покосѣ оги получали продовольствіе отъ господина. За пахоту же земли для себя, семейство ога платило господину съ каждаго плуга по 60 мѣръ проса и кромѣ этого ежегодно обязано было доставить, смотря по состоянію, отъ двухъ до четырехъ аробъ проса, считая въ каждой арбѣ по 30 мѣръ, и отъ семи до десяти возовъ дровъ; ежегодно-же оги поправляли крышу господской сакли, которую они должны были и построить, вывезши предварительно необходимый для постройки ея лѣсъ. При женитьбѣ владѣльца или его сына, огъ долженъ былъ дать помѣщеніе въ своей саклѣ новобрачной, кормить и одѣвать ее въ продолженіи одного года, а при выдачѣ своей дочери замужъ—дать владѣльцу изъ полученнаго имъ калыма двухъ быковъ и двухъ коровъ. При раздѣлѣ имущества между членами какого нибудь семейства, господинъ бралъ съ него сто рублей, или сто барановъ, или же раба (мальчика или дѣвочку 5—6 лѣтъ). Пріѣзжающихъ къ господину гостей огъ долженъ былъ помѣщать въ своей саклѣ, кормить какъ ихъ, такъ и лошадей. Во время юста (рамазана) всѣ оги по очереди дѣлали своему господину ужинъ, а въ случаѣ смерти господина или кого нибудь изъ членовъ его семьи—обѣдъ, такъ-же по очереди. Больше никакихъ повинностей оги не отбывали, жили совершенно отдѣльнымъ хозяйствомъ отъ господина и ничѣмъ отъ него не пользовались.

Логанапуты жили всегда вблизи своего владѣльца. Мужчины должны были исполнять, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, всѣ полевыя и домашнія работы, рубить и возить владѣльцу дрова для топлива и лѣсъ для постройки саклей и дворовыхъ службъ, сѣно и хлѣбъ съ поля, присматривать за пчелами, скотомъ, лошадьми и баранами; во время полевыхъ работъ всѣ безъ исключенія (отъ 12 до 50-лѣтняго возраста) выходить на пашню, а потомъ на покосъ (съ 16-лѣтняго возраста) и вообще исполнять всѣ требованія своего господина по хозяйству. Жены же ихъ по очереди должны были носить воду, приготовлять пасту [*]), выдѣлывать сукна, доить коровъ, засѣвать ого-

[*]) Пшенная густая каша, замѣняющая хлѣбъ.

роды и присматривать за ними; два раза въ годъ передъ праздниками, байрамомъ и послѣ рамазана, мыть бѣлье на семейство господина, мазать саклю; ежегодно, вмѣстѣ съ унаутками, приготовить старшему чеву въ семействѣ господина бурку и полость для потниковъ и рукейныхъ чехловъ, а во время родовъ или болѣзни госпожи находиться при ней, по очереди, въ качествѣ сидѣлокъ. За всѣ эти повинности владѣлецъ долженъ былъ кормить и одѣвать логанапутовъ, распредѣляя для этого весь запасъ собраннаго имъ хлѣба слѣдующимъ образомъ: одну часть—для будущаго посѣва, другую—для продовольствія рабочихъ, третью — для гостей, а остальное за тѣмъ количество раздѣлялось на равныя части по числу членовъ въ семействахъ его самого, логанапутовъ и унаутовъ. Кромѣ того логанапуты получали при каждой рѣзкѣ господиномъ крупнаго скота всѣ внутренности, шею, голову и ноги, а отъ барановъ—однѣ внутренности; наравнѣ съ унаутами и унаутками они, чрезъ каждые три года, получали по семи овчинъ на шубу и (мужчины) безсрочно подбрюшную часть зарѣзанной скотины на чевяки и кусокъ буйволиной или бычачьей кожи для ременной веревки. При стрижкѣ овецъ, бѣлое и самое лучшее черное руно господинъ бралъ себѣ, а остальное дѣлилъ на равныя части, по числу членовъ (въ томъ числѣ и дѣтей) въ семействахъ своемъ, логанапутовъ и унаутовъ; если же онъ имѣлъ болѣе тысячи барановъ, то каждому логанапуту и унауту выдавалъ отъ 25 до 30 рунъ. Для пріобрѣтенія же бумажной и холщевой матеріи на одежду и другіе предметы, необходимые въ хозяйствѣ, онъ разрѣшалъ каждому логанапуту два раза въ годъ вывезть на продажу какой-нибудь лѣсъ и деньги обратить въ свою пользу. Владѣлецъ же съ ограниченнымъ состояніемъ, имѣвшій не болѣе двухъ или трехъ логанапутовъ, у котораго при этомъ было небольшое хозяйство, а стало быть немного и работы,—вырученные за лѣсъ деньги дѣлилъ по поламъ съ логанапутомъ или отпускалъ его на заработки и половину заработанной имъ платы бралъ себѣ. Во время полевыхъ работъ все съѣстное шло логанапутамъ отъ господина. Каждому логанапуту, не имѣющему никакого состоянія, господинъ долженъ былъ датѣ, по крайней мѣрѣ, пару рабочихъ быковъ, а холостому—при женитьбѣ его—прибавить къ этому корову и котелъ. По достиженіи логанапутомъ совершеннолѣтія (18—20 лѣтъ), господинъ долженъ былъ купить ему ту именно дѣвушку, которую тотъ выбралъ себѣ въ другомъ логанапутскомъ же семействѣ, если она на то согласна, и уплатить за нее владѣльцу

ея 200 руб., изъ которыхъ 10 руб. употреблялись на ея одежду; при выдачѣ же логанапутомъ дочери замужъ, владѣлецъ послѣдняго бралъ отъ владѣльца жениха 200 руб., изъ которыхъ 10 руб. также отдавалъ невѣстѣ на одежду. Точно также, если логанапутка выбирала себѣ мужа изъ чужаго логанапутскаго семейства, владѣлецъ не имѣлъ права отказать и покупалъ ей мужа.

Огъ и логанапутъ, пожелавшіе выкупиться на волю съ согласія владѣльца, платили ему по обоюдному съ нимъ условію обыкновенно отъ 150 до 500 руб. за годнаго къ работѣ и здороваго мужчину, немного менѣе за женщину и еще менѣе за несовершеннолѣтняго; но впрочемъ выкупная плата всегда зависѣла отъ желанія свободы въ крѣпостномъ и отъ степени нужды или жадности владѣльца. Случалось, что владѣлецъ бралъ себѣ въ выкупъ все имущество крѣпостнаго, если тотъ былъ человѣкъ зажиточный, т. е. имѣлъ много скота, денегъ и домашней рухляди, и назначалъ еще особый выкупъ. Словомъ, чѣмъ богаче былъ крѣпостной, тѣмъ онъ больше платилъ,—и какъ бѣдный, такъ и богатый были сравнены въ выкупѣ: оба, по выходѣ на свободу, оставались почти нищими, потому что имущество богатаго не входило въ счетъ выкупной платы: владѣлецъ по обычаю имѣлъ полное на него право, за исключеніемъ небольшой части, какъ увидимъ ниже. Иногда логанапутъ выкупался прежде самъ съ женою, а потомъ, пріобрѣтя работой или другими средствами извѣстную сумму, выкупалъ уже дѣтей. При раздѣлѣ имущества между членами господской семьи, семейства оговъ и логанапутовъ не разрознялись, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ, когда, наприм., у нѣсколькихъ наслѣдниковъ было одно крѣпостное семейство и когда семейство это не могло найти себѣ покупщика или выкупиться на волю. Кромѣ того, огъ и логанапутъ не могли быть проданы внѣ предѣловъ Кабарды.

При продажѣ и покупкѣ логанапутовъ обыкновенно существовали слѣдующія цѣны: за мальчика до 12 лѣтъ и дѣвушку до 10 лѣтъ—по 10 руб. за каждый годъ; за мужчину съ 12 и за женщину съ 10-ти до 45 лѣтъ—за перваго 200 руб., а за послѣднюю 180 руб.; съ 45 лѣтъ и болѣе—по оцѣнкѣ судей. Цѣны эти были неизмѣнны. Если-же случалось, что продавецъ бралъ больше этой цѣны, то логанапутъ, узнавши объ этомъ, могъ жаловаться въ судѣ и требовать возврата покупщику всей излишней суммы. Правило это существовало для устраненія того, что нерѣдко логанапутъ, при частой перепро-

лажѣ изъ рукъ въ руки, возвышался въ цѣнѣ и обращался въ унаута, цѣна котораго, какъ будетъ сказано ниже, далеко превышала цѣну логанапута. Какъ огъ, такъ и логанапутъ могли имѣть и своихъ крѣпостныхъ, которые, въ случаѣ выкупа ихъ хозяина на волю или освобожденія, поступали къ владѣльцу.

Имущество ога или логанапута называлось: 1) *начегъ*—вѣнчальный подарокъ, который дѣлалъ господинъ новобрачной, при женитьбѣ своего крѣпостнаго, состоявшій изъ 3—5 руб., или изъ телушки, по стоимости равной означенной суммѣ, и 2) *десерыгъ*—приданое логанапутки, вышедшей замужъ, заключавшееся въ одной коровѣ. Весь приплодъ отъ этихъ двухъ родовъ скота принадлежалъ исключительно женѣ ога или логанапута, которымъ она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію, и по смерти ея переходилъ къ мужу или къ дѣтямъ ея, и только за неимѣніемъ наслѣдниковъ—къ владѣльцу. Наконецъ 3) *дидовосъ-белымъ* — скотъ, пріобрѣтенный трудами крѣпостнаго. Этого имущества, безъ согласія господина, онъ не имѣлъ уже права ни мѣнять, ни продавать, и вообще распоряжаться имъ по своей волѣ. Зарѣзавъ изъ скота, составляющаго *дидовосъ-белымъ*, быка или барана, онъ половину мяса и кожи долженъ былъ отдать господину. Весь скотъ, составляющій всѣ эти виды собственности, огъ долженъ былъ кормить на свой счетъ, а логанапутъ на счетъ господина. Владѣлецъ имѣлъ право раздѣлить или продать *дидовосъ-белымъ*, и тогда двѣ части бралъ себѣ, а крѣпостному давалъ одну, которая уже дѣлалась неотъемлемою собственностію послѣдняго, его *десерыгомъ*. При продажѣ крѣпостнаго господинъ или оставлялъ весь *дидовосъ-белымъ* у себя, и тотъ, по стоимости послѣдняго, получалъ все отъ новаго своего владѣльца, или-же продавалъ крѣпостнаго со всѣмъ его *дидовосъ-белымомъ;* при освобожденіи-же или при выкупѣ, онъ непремѣнно бралъ его себѣ весь.

Унауты, не имѣвшіе никакихъ правъ, всегда незаконнорожденные, безотлучно жили при домѣ владѣльца и исполняли въ дворѣ и комнатахъ всѣ работы, по приказанію своихъ господъ. При той спячкѣ, въ которую погружена въ продолженіи всей своей жизни кабардинка, не имѣющая никакого понятія о хозяйствѣ и считающая признакомъ хорошаго тона одно постоянное ничего-недѣланіе,—унаутка была для нея необходима, какъ воздухъ для дыханія, и потому все домашнее хозяйство, какъ-то: дворовыя службы, птица, кухня и др., находилось на рукахъ унаутокъ. Унаутки, по обычаю, не имѣли права

вступать въ бракъ, но имъ дозволялось, съ согласія владѣльца, имѣть временнаго мужа изъ унаутовъ, логанапутовъ и даже людей свободнаго состоянія, при чемъ всѣ дѣти, рожденныя отъ такой связи, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, дѣлались унаутами. Нерѣдко господинъ и самъ дѣлалъ честь своей унауткѣ и приживалъ съ нею дѣтей, которыя также поступали въ унауты, при чемъ она не имѣла права отказаться отъ этой чести,—и насиліе, въ случаѣ отказа, не осуждалось обычаемъ. Мужчина-же унаутъ, по достиженіи совершеннолѣтія, могъ требовать отъ владѣльца жену изъ логанапутокъ, и тотъ долженъ былъ ее купить, послѣ чего какъ мужъ, такъ и дѣти его, получали права логанапутовъ. Какъ мужчины, такъ и женщины не имѣли никакой собственности, и все продовольствіе, т. е. пищу и одежду, получали отъ господъ, продавались вмѣстѣ и порознь и куда угодно, по желанію господина. Цѣна ихъ не была утверждена обычаемъ и зависѣла всегда отъ взаимнаго согласія покупщика и продавца; средняя-же цѣна ихъ была отъ 300 до 400 руб. Особенно дорого цѣнились женщины; цѣна ихъ обусловливалась степенью тѣлосложенія, способности къ работѣ, молодости и красоты и доходила до 500 руб. Унаутки—всегда безсемейныя; каждую рабу, уличенную въ развратѣ или другихъ порокахъ, владѣлецъ имѣлъ право обратить въ унаутку, и родные ея не смѣли этому противиться.

Каракиши. Это сословіе, какъ кажется, составилось изъ тѣхъ людей, предки которыхъ были приглашены поселиться на своихъ теперешнихъ мѣстахъ и обложены были за это разными повинностями. Каракиши пользовались землею, на которой были водворены и которую обработывали, на правахъ собственниковъ; но продавать ее они все таки, безъ разрѣшенія господина, не имѣли права. При переселеніи въ другое общество, они продавали ее своимъ родственникамъ, если тѣ соглашались отбывать лежавшія на нихъ повинности; тѣ же, у которыхъ не было родственниковъ, передавали ее господину. Вотъ повинности каракишей: во время покоса, уборки сѣна, перевозки его, для распашки господской земли, для жатвы хлѣба, для перевозки его на гумно, для удобренія навозомъ полей,—каракиши обязаны были съ каждаго двора выслать для каждой работы по одному человѣку на одинъ день. Работники въ эти дни продовольствіе получали отъ своего господина,—кромѣ сѣнокоса, во время котораго для продовольствія косцовъ каракиши, имѣющіе не менѣе 60 барановъ, должны были дать одного барана. Разъ въ годъ, для доставки какой либо тя-

жести съ плоскости, сосновыхъ лучинъ на освѣщеніе, для перевозки заготовленнаго лѣса—они должны дать подводу; зимою, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, каждый дворъ долженъ былъ кормить по одной господской скотинѣ, при чемъ за павшую отъ дурнаго присмотра каракиши обязанъ былъ уплатить; бѣдному господину, не имѣющему служанки и желающему пріобрѣсть ее, дать съ каждаго двора по одной скотинѣ; при раздѣлѣ имущества дать господину отъ 10 до 100 руб. или землю въ 300 руб., смотря по состоянію; изъ полученныхъ за кровь денегъ дать ему 250 р. или стоющаго этой суммы холопа, или землю; при этомъ и господинъ, получившій за кровь, долженъ былъ дать своимъ каракишанъ такую-же сумму; въ случаѣ убійства кого-либо господиномъ, они обязаны были дать ему отъ 10 до 250 руб. для уплаты за кровь, смотря по состоянію, при чемъ и господинъ обязанъ былъ помочь имъ тою-же суммою въ подобномъ случаѣ. При выдачѣ дочери замужъ (нѣкоторые только) должны были дать двѣ скотины господину, который за это обязанъ былъ сдѣлать подарокъ невѣстѣ. Въ случаѣ смерти каракиши, если послѣ него не было наслѣдниковъ, имѣніе его поступало къ господину. Каракиши, какъ лично свободные люди, не могли быть продаваемы; но повинность, отбываемую ими, господинъ имѣлъ право продать другому; равнымъ образомъ и самъ каракиши могъ внести выкупъ за свое освобожденіе отъ повинностей; въ томъ и другомъ случаѣ цѣна повинности не превышала 60 руб. въ годъ.

Ясакчи (податные), за обработываемую ими землю подъ посѣвъ разнаго рода хлѣба, платили въ годъ, смотря по количеству земли, отъ 10 до 40 мѣръ различнаго хлѣба, а за покосную и пастьбищную—ежегодно, смотря по количеству скота, въ продолженіе четырехъ лѣтъ отъ 1 до 3-хъ барановъ, а на пятый полную подать, отъ 15 до 100 барановъ, смотря по состоянію; бѣдные-же не платили ничего. Кромѣ того они обязаны были, отъ весны до зимы, ежегодно давать владѣльцу своему корову для доенія, или вмѣсто ея двухъ барановъ, или 4 р.; въ случаѣ смерти господина давали семейству его съ каждаго двора по одному мѣшку солода для варенія пива; неимѣющему казаха или караваши, на покупку того или другой давали съ каждаго двора по 10 руб. При раздѣлѣ имущества, каждый изъ отдѣлившихся выполнялъ тѣ-же повинности, какія означены выше, за исключеніемъ платы, вносимой черезъ 4 года за пользованіе покос-

ной и пастьбищной землей (отъ 15 до 100 барановъ); плата эта тогда распредѣлялась по числу скота каждаго отдѣлившагося ясакчи.

Чагары исполняли во всякое время всѣ работы, какихъ-бы ни требовалъ отъ нихъ господинъ; въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ логанапутами Большой и Малой Кабарды. Разница, впрочемъ, въ томъ, что чагары содержали себя своими средствами, а не на счетъ господина, и кромѣ того они отбывали нѣкоторыя исключительныя повинности, какъ наприм., каждый чагаръ ежегодно обязанъ былъ доставить своему господину двухъ барановъ, если имѣлъ ихъ; при выдачѣ дочери замужъ калымъ онъ бралъ уже себѣ и господину давалъ только быка и корову; при недостаткѣ денегъ, собранныхъ съ каракишей и ясакчей, на покупку господину казаха или каравани, чагары должны были пополнить недостающую сумму, а до тѣхъ поръ, пока тотъ не пріобрѣлъ себѣ того или другой, они должны были по очереди исполнять въ домѣ его обязанности ихъ. При раздѣлѣ имущества между членами семейства чагаръ, оно платило господину землею, скотомъ или деньгами до 300 руб; при желаніи выкупиться на волю, выкупная плата ясакчи и чагаръ назначалась самимъ господиномъ; средняя плата была слѣдующая: отъ 1 до 15-лѣтняго возраста мальчикъ и дѣвочка цѣнились отъ 10 до 150 руб. (по 10 руб. на каждый годъ), съ 15-лѣтняго возраста они цѣнились смотря по тѣлосложенію и способности къ работѣ, но не дороже 200 руб.

Ясакчи и чагары большею частію очень зажиточны, а потому, при выкупѣ ихъ на свободу, господинъ довольствовался однимъ имуществомъ и освобождалъ ихъ, оставляя имъ иногда небольшую часть изъ взятаго; но это впрочемъ совершенно зависѣло отъ его великодушія; бѣдные же, не имѣвшіе достаточнаго имущества, отдавали его господину съ обязательствомъ уплатить недостающую по условію сумму въ назначенный господиномъ срокъ. Какъ ясакчи, такъ и чагары всегда продавались цѣлымъ семействомъ, и, подобно огамъ и логанапутамъ, имѣли собственность: *начегъ*, *десеръ* и одну треть *дидовосъ-белыма*; могли также имѣть своихъ собственныхъ рабовъ, которые, при выкупѣ хозяина, поступали со всѣмъ ихъ имуществомъ къ владѣльцу.

Казахи (мужчины) и *каравани* (женщины)—тѣже унауты и унаутки Большой и Малой Кабарды, съ которыми они сходны вполнѣ и относительно своихъ правъ и обязанностей.

Вотъ повинности, которыя обычай обязывалъ крѣпостныхъ въ Кабардѣ отбывать своимъ господамъ. Крѣпостные несли наложенное

за нихъ вѣками бремя, не заявляя ничѣмъ протеста противъ своего тяжкаго положенія. Да и не могли они протестовать, когда ни за ними, ни передъ ними, т. е. ни въ прошломъ ихъ, ни въ будущемъ не было и тѣни надежды на выходъ изъ рабства. Прошлое ихъ не давало имъ ни одного примѣра, чтобы протестъ на вопіющую несправедливость ихъ безвыходнаго положенія встрѣтилъ въ комъ-нибудь сочувствіе и нашелъ опору; напротивъ, они постоянно видѣли, что большинство, состоящее изъ владѣльцевъ, всегда осудитъ ихъ, а обычай, этотъ непреложный законъ, созданный тѣмъ же большинствомъ, можетъ измѣниться только по желанію господъ и еще болѣе увеличить тяжесть ихъ положенія. Духовенство, въ которомъ простой классъ другихъ націй всегда находилъ сочувствіе, утѣшеніе,—въ Кабардѣ держалось совсѣмъ другаго направленія. Оно, по происхожденію своему будучи близко къ простому народу, всегда однако находилось на сторонѣ благодѣтельствовавшихъ ему владѣльцевъ и дѣйствовало своимъ вліяніемъ на простой народъ не иначе, какъ въ интересахъ тѣхъ же владѣльцевъ, неправильно истолковывая ему всѣ распоряженія начальства, такъ что всякая реформа, благодѣтельная для простаго народа, встрѣчала оппозицію, во главѣ которой стояли непремѣнно муллы. Будущее кабардинскихъ крѣпостныхъ не могло также дать имъ никакой надежды. Да они, надо сказать, и не думали о немъ, благодаря обычаю, сковавшему ихъ умы такъ, что они никогда и не задумывались надъ своимъ положеніемъ и жили, не задавая себѣ никакой цѣли въ жизни и чуть-ли сами не считая себя почти не людьми. Этотъ тяжелый гнетъ, висѣвшій въ продолженіи вѣковъ надъ крѣпостными, создалъ изъ нихъ особенный типъ, совершенно противоположный всѣмъ горскимъ типамъ. Всѣ почти горцы, по преимуществу, горды, самолюбивы; крѣпостной же горецъ—существо загнанное, каждаго встрѣчнаго боящееся, никому недовѣряющее, привыкшее весь свой трудъ, весь заработокъ и самую жизнь отдавать владѣльцу; онъ въ каждомъ видитъ своего врага, готоваго отнять у него все; онъ готовъ отказаться отъ ума, если онъ у него есть, готовъ сдѣлаться мошенникомъ, негодяемъ, словомъ—унизить себя, сравняться съ землею, лишь бы угодить тому, кто стоитъ выше его. При встрѣчѣ съ такимъ высшимъ себя, онъ сей-часъ же начинаетъ льстить, услуживать, заискивать всѣми доступными ему средствами. И такое положеніе крѣпостнаго, вызванное вѣковымъ обычаемъ, какъ нельзя болѣе нравилось владѣльцамъ, поддерживавшимъ его, на сколько это было возможно.

Но насталъ 1866 годъ, когда наконецъ послѣдовали одни за другими различныя мѣропріятія, нанесшія первые удары крѣпостному праву въ Кабардѣ, какъ-то: воспрещеніе продажи и всякаго рода отчужденія и перехода крѣпостныхъ не только изъ предѣловъ области или округа, но и изъ одного общества въ другое; безплатное освобожденіе крѣпостныхъ у туземцевъ, состоящихъ въ казачьемъ сословіи, и проч. Обстоятельства эти заставили и рабовладѣльцевъ и крѣпостныхъ въ Кабардѣ встрепенуться и обратиться къ своему положенію. Когда-же въ маѣ 1866 г. имъ было объявлено мѣстнымъ начальствомъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ, по волѣ Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, особаго комитета по освобожденію зависимыхъ сословій между горскими племенами Кавказа и когда затѣмъ начался сборъ различныхъ свѣдѣній о числѣ рабовъ, ихъ имуществѣ, о повинностяхъ, отбываемыхъ ими своимъ владѣльцамъ, —тогда послѣдніе, окончательно убѣдившись въ неизбѣжности реформы и чувствуя себя не въ силахъ противустать этому быстро нахлынувшему на ихъ вѣковой бытъ потоку, рѣшили придумать сами какой-нибудь способъ освобожденія, при которомъ они могли-бы остаться къ своимъ крѣпостнымъ если не въ хорошихъ, то по крайней мѣрѣ въ не непріязненныхъ отношеніяхъ, и просить начальство объ утвержденіи этого способа.

Собравшись въ іюлѣ въ укрѣпленіе Нальчикъ, съ разрѣшенія начальства, всѣ рабовладѣльцы единогласно постановили отправить къ начальнику области депутацію, которая въ августѣ, представившись генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, подала просьбу отъ всего сословія рабовладѣльцевъ. Въ просьбѣ этой, объясняя, что какъ ни труденъ долженъ быть переворотъ, вводимый освобожденіемъ крѣпостныхъ въ ихъ бытъ, они все-таки готовы и въ этомъ случаѣ доказать свою покорность правительству, просили только одного — ходатайства предъ Его Императорскимъ Высочествомъ о разрѣшеніи имъ совершить освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній, согласно обычаю, за выкупъ, такъ какъ только это средство освобожденія было принято у нихъ всегда, исключая немногихъ, весьма рѣдкихъ случаевъ освобожденія, по религіозному убѣжденію, даромъ „для спасенія души“. Всякое же другое средство, противное обычаю, какъ напр. при содѣйствіи начальства, можетъ очень легко поставить освобожденныхъ въ непріязненныя къ нимъ отношенія и повлечь за собою различныя столкновенія, которыя могутъ вызвать со стороны

правительства строгія мѣры наказанія и навсегда разъединить оба сословія, поселивъ между ними постоянную ненависть другъ къ другу. Назначая срокомъ окончательнаго освобожденія для крѣпостныхъ — правныхъ (оговъ, логанапутовъ, чагаръ) отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ и для безправныхъ (унаутовъ, казаковъ и каравашей) отъ 6-ти до 8 лѣтъ, они просили оставить послѣднихъ въ обязательной работѣ на означенный срокъ, съ правомъ выбрать себѣ господина, по желанію, и выкупиться во всякое время, съ зачетомъ времени, проведеннаго въ обязательной работѣ. Просьба эта была основана какъ на исключительномъ положеніи кабардинской женщины, которая, по непривычкѣ и неумѣнію, не въ состояніи будетъ сейчасъ-же приняться за трудъ, такъ и на томъ, что, при унизительномъ положеніи унаутки или вообще безправнаго раба, ни одинъ свободный человѣкъ не возьметъ на себя обязанности ихъ, считающейся въ Кабардѣ постыдною. Представляя эти доводы, владѣльцы обязывались сдѣлать значительныя уступки крѣпостнымъ въ выкупной платѣ противъ установленной обычаемъ и обѣщали составить для этого примѣненныя къ обычаю особыя правила, на случай, еслибъ освобожденіе не состоялось по добровольнымъ соглашеніямъ.

Начальникъ области, находя съ своей стороны просьбу кабардинскихъ рабовладѣльцевъ вполнѣ согласной съ видами правительства, представилъ ее съ своимъ мнѣніемъ Главнокомандующему Арміею, и Его Императорское Высочество, соглашаясь съ изложенными въ просьбѣ доводами и съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, изволилъ, по Высочайше предоставленной ему власти, разрѣшить кабардинцамъ освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній.

Еще до полученія и объявленія этого распоряженія, кабардинскіе рабовладѣльцы, вмѣстѣ съ выборными отъ крѣпостныхъ, согласно высказаннаго первыми въ просьбѣ обѣщанія, составили въ октябрѣ правила, которыхъ они должны были держаться при освобожденіи, если не состоятся добровольныя соглашенія ихъ съ крѣпостными. При составленіи этихъ правилъ ближайшему мѣстному начальству удалось довести рабовладѣльцевъ до весьма значительныхъ уступокъ въ пользу крѣпостныхъ, особенно въ отношеніи имущественнаго раздѣла, противъ существовавшаго въ Кабардѣ обычая; далѣе этихъ уступокъ рабовладѣльцы, не смотря на невозможность дать дѣлу другой исходъ и на всевозможныя убѣжденія, не могли уже идти. Такъ, напримѣръ, по правиламъ этимъ: 1) за здороваго и совершеннолѣтняго

(отъ 15 до 45 лѣтъ) работника или работницу назначалась выкупная плата 200 руб., а далѣе этого возраста, за слабыхъ, больныхъ и калѣкъ, по опредѣленію посреднического суда; 2) за несовершеннолѣтняго работника или работницу и вообще за дѣтей обоего пола до 15 лѣтъ—по 10 руб. на каждый годъ, т. е. до 150 руб.; 3) начегъ, десерыгъ и дидовосъ-белымъ должны быть раздѣляемы по поламъ; для бѣдныхъ же крѣпостныхъ, имѣющихъ самое ограниченное состояніе, постановлялось, чтобы у нихъ оставалось не менѣе пары воловъ и двухъ коровъ, сакля и вся домашняя хозяйственная принадлежность. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что, по обычаю, освобождаемый крѣпостной прежде платилъ выкупъ, смотря по состоянію, отъ 150 до 500 руб.; теперь же, по правиламъ этимъ, назначалась цѣна въ 200 р., существовавшая прежде только при продажѣ. Но такъ какъ, при невозможности существованія безъ крѣпостныхъ, продажа ихъ вызывалась крайнею нуждою владѣльца и, слѣдовательно, какъ бываетъ и во всемъ, онъ спускалъ цѣну съ продаваемаго продукта до тѣхъ поръ, пока не находился покупщикъ; то цѣна эта служила выраженіемъ необходимости—сбыть товаръ съ рукъ и достать денегъ. А теперь эта цѣна принята за высшую: уступка, дѣйствительно, огромная! 4) По внесеніи выкупной суммы или по заключеніи съ господиномъ письменнаго обязательства о внесеніи ея по частямъ въ извѣстные сроки, крѣпостной немедленно получаетъ полную свободу. 5) Въ случаѣ смерти крѣпостнаго, родные его освобождаются отъ уплаты оставшагося за нимъ по выкупу долга, равнымъ образомъ отцы и братья не вносятъ выкупной платы за дочерей и сестеръ, которыя должны сами уплатить ее по выходѣ замужъ изъ калыма. 6) Крѣпостной имѣетъ право перейти къ другому господину въ качествѣ работника, если тотъ внесетъ за него прежнему владѣльцу выкупную плату, или разомъ, или по частямъ, въ условленные съ послѣднимъ сроки. 7) Остающіеся во временно-обязательной работѣ крѣпостные должны исполнять всѣ хозяйственныя работы, по нуждамъ и потребностямъ господина, который въ свою очередь долженъ поставлять имъ пищу и одежду, сообразно съ народнымъ обычаемъ; 8) работнику предоставляется право во всякое время, когда пожелаетъ, внести за себя выкупную плату и оставить владѣльца, при чемъ все время, проведенное имъ въ работѣ, поступаетъ въ счетъ выкупа (цѣна годовой платы за трудъ совершеннолѣтняго, здороваго работника назначается отъ 35 до 85 руб., но не болѣе, а работницы отъ 25 до 40 руб.), и 9) безправнымъ (уна-

утамъ, казахамъ и каравашамъ) предоставляется право во всякое время, когда пожелаютъ, внести за себя выкупную плату, опредѣленную посредническимъ судомъ, — въ противномъ же случаѣ, они должны оставаться въ обязательной работѣ въ продолженіи шести лѣтъ.

Правила эти были опять особою депутаціею представлены начальнику области и потомъ, за отсутствіемъ Его Императорскаго Высочества, Помощнику Главнокомандующаго Арміею, генералъ-адъютанту Карцову. Вслѣдствіе этого представленія послѣдовало предписаніе Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, которымъ между прочимъ предлагалось: 1) на совершеніе добровольныхъ сдѣлокъ и окончательное заключеніе условій дать владѣльцамъ полтора года, со дня объявленія разрѣшенія, предупредивъ ихъ, что если въ теченіи полугода правительство увидитъ, что оно не можетъ расчитывать на успѣшное рѣшеніе дѣла, то возьметъ на себя право тогда-же приступить къ опредѣленію по своему усмотрѣнію обязательныхъ условій прекращенія личной зависимости въ Кабардѣ; 2) при освобожденіи безправныхъ рабовъ принять просимый рабовладѣльцами порядокъ, т. е. оставить ихъ въ обязательной работѣ на срокъ не болѣе шести лѣтъ, и наконецъ 3) объявить благодарность Его Высочества кабардинцамъ за то, что они и въ настоящемъ случаѣ показали себя опять достойными считаться первымъ народомъ между горскими племенами Кавказа, поняви, что не въ безсильномъ и легкомысленномъ сопротивленіи правительственнымъ видамъ, а въ сочувствіи и содѣйствіи имъ лежитъ залогъ ихъ общественнаго развитія и благосостоянія.

Въ ноябрѣ начальникъ области прибылъ въ укр. Нальчикъ и объявилъ собраннымъ тамъ представителямъ отъ рабовладѣльческаго и крѣпостнаго сословій содержаніе предписанія Его Императорскаго Высочества, выразивъ при этомъ еще и то, что правительство, разрѣшая имъ освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній, не можетъ сдѣлать для нихъ исключенія — назначеніемъ за освобожденіе какого-либо вознагражденія, и что оно сдѣлаетъ это только развѣ за безправныхъ (унаутъ, казаховъ и каравашей). Объявленіе этой воли правительства принято было съ особенной благодарностью, и на обѣдѣ, данномъ въ этотъ день, по случаю такого важнаго, неслыханнаго въ Кабардѣ событія, представители кабардинскаго народа, съ разрѣшенія начальника области, отправили слѣдующую депешу на имя Главнокомандующаго, пребывавшаго тогда въ Петербургѣ: „По-

„велѣніе Вашего Императорскаго Высочества объ освобожденіи рабовъ „объявлено намъ сегодня начальникомъ области. Приносимъ чувство „глубочайшей признательности за то, что, указавъ путь къ выпол- „ненію священной для насъ воли Государя Императора, Вы предоста- „вили намъ возможность стать въ ряду людей, сочувствующихъ все- „му благому. Сегодня же приступаемъ къ освобожденію. Не терпѣ- „ливо ожидаемъ возвращенія Вашего въ край, чтобы успѣшнымъ хо- „домъ дѣла освобожденія оправдать лестный для кабардинскаго на- „рода отзывъ Вашего Высочества.“

Послѣ этого немедленно было приступлено къ освобожденію крѣ- постныхъ, на основаніи составленныхъ кабардинцами правилъ, а 26 ноября генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ предписалъ начальнику округа, полковнику Нуриду, вмѣнить въ обязанность мировымъ по- средникамъ [7]) не допускать ни въ какомъ случаѣ увеличенія цифры выкупной платы противъ означенной въ правилахъ и даже стараться склонять рабовладѣльцевъ къ возможно-большимъ уступкамъ въ поль- зу крѣпостныхъ. Чрезъ 10 дней по приступленіи къ освобожденію, т.. е. 28 ноября, кабардинскіе депутаты удостоились получить слѣ- дующую телеграмму отъ Его Императорскаго Высочества: „Искренно „благодарю всѣхъ депутатовъ за радостную депешу. Государь Импе- „раторъ поручилъ мнѣ передать свое удовольствіе кабардинскому на- „роду за готовность, которую онъ выказалъ для содѣйствія благимъ „намѣреніямъ Императорскаго Правительства. Его Величество надѣет- „ся, что начатыя преобразованія пойдутъ успѣшно для упроченія „благосостоянія вѣрныхъ кабардинцевъ.“ Обрадованные этою теле- граммою, кабардинскіе рабовладѣльцы еще дружнѣе и энергичнѣе при- нялись за освобожденіе своихъ крѣпостныхъ, такъ что мировымъ по- средникамъ удавалось очень часто, и даже въ большинствѣ случаевъ, вызывать рабовладѣльцевъ на значительныя уступки крѣпостнымъ противъ правилъ, а не рѣдко, благодаря знанію быта и характера кабардинцевъ, умѣнію задѣвать въ нихъ слабую струну и пользовать-

---

[7]) Для успѣшнаго хода освобожденія были учреждены особые, такъ на- званные, мировые посредническіе суды—по одному въ каждомъ участкѣ, а всѣхъ въ округѣ четыре, состоявшіе изъ двухъ депутатовъ отъ владѣльцевъ, двухъ отъ крѣпостныхъ, по выбору своихъ сословій, и одного отъ народнаго су- да; обязанности же посредниковъ были возложены на участковыхъ началь- никовъ, какъ на лицъ, уже вполнѣ знакомыхъ съ нравами, обычаями и по- требностями кабардинцевъ.

ся во-время настроеніемъ ихъ, склонять къ освобожденію крѣпостныхъ даромъ, безъ всякаго выкупа, изъ одного убѣжденія «для спасенія души».

Такъ началось дѣло освобожденія крѣпостныхъ въ Кабардѣ—и, казалось, все идетъ какъ нельзя лучше: владѣльцы наперерывъ одинъ предъ другимъ спѣшили заключать съ своими крѣпостными добровольныя сдѣлки, освобождая ихъ или за выкупъ, или съ оставленіемъ въ обязательной работѣ на извѣстные сроки. Не смотря однакожъ на такой успѣшный ходъ дѣла и на тотъ замѣчательный тактъ, съ которымъ оно ведено было мѣстною властью, все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Большинство лицъ кабардинскихъ рабовладѣльцевъ, дѣйствительно, выказало полную готовность содѣйствовать намѣреніямъ правительства; но тѣмъ не менѣе однако, нашлись между ними и такіе, которые, подъ наружностью полной покорности и самаго искренняго сочувствія къ настоящей реформѣ, заявленнаго нѣсколько разъ представителями народа, ждали только удобнаго случая и придумывали средства какъ-бы то ни было отклонить эту реформу.

Надо сказать, что послѣ переселенія въ Турцію части кавказскихъ горцевъ въ 1864 г., оставшіеся ужъ не разъ осаждали начальство просьбами, и по одиночкѣ, и цѣлыми массами, о разрѣшеніи имъ подобнаго же переселенія. Не смотря на постоянный отказъ имъ въ этихъ просьбахъ, они заявлялись неоднократно какъ мѣстному начальству, такъ и Его Императорскому Высочеству, Главнокомандующему Арміею. Никто не скажетъ, конечно, чтобъ горцы, а въ особенности кабардинцы, пользующіеся такимъ благосостояніемъ, не знали всѣхъ невыгодъ переселенія, которымъ подверглись въ Турціи ихъ соплеменники; они знали это какъ изъ писемъ послѣднихъ, сообщающихъ то и дѣло вѣсти о печальномъ ихъ положеніи въ Турціи, такъ и изъ разсказовъ тѣхъ же переселенцевъ, выбѣгавшихъ оттуда обратно, часто безъ семействъ. Знали они также и то, что Порта сама не желаетъ болѣе принимать переселенцевъ съ Кавказа, что и было уже объявлено начальствомъ, не вѣрить которому они не имѣли никакого основанія. Да, они знали и знаютъ это все очень хорошо; но нѣкоторые безпокойные и недовольные изъ нихъ, не надѣясь на свои силы въ открытомъ сопротивленіи правительству, избираютъ мысль о переселеніе какъ средство къ агитаціи, и при каждой реформѣ, вводимой у нихъ и почему-нибудь не нравящейся, пускаютъ ее въ ходъ, въ на-

дождѣ настойчивостію въ ней остановить реформу. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Не смотря на положительный отказъ начальника области въ просьбѣ о переселеніи, нѣкоторые изъ кабардинцевъ (рабовладѣльцевъ), одни изъ фанатизма, другіе изъ желанія остановить освобожденіе рабовъ, рѣшились все-таки просить объ этомъ Главнокомандующаго, и во время проѣзда Его Императорскаго Высочества въ декабрѣ чрезъ Георгіевскъ, подѣли отъ имени всего народа просьбу, а другая часть сторонниковъ переселенія принесла такъ же отъ имени народа словесную просьбу о томъ же въ ст. Александровской. Въ обѣихъ просьбахъ, объясняя, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ жизнь рабовладѣльцевъ невозможна, они просили или оставить у нихъ по прежнему крѣпостныхъ, или разрѣшить переселиться въ Турцію. Его Императорское Высочество тутъ же изволилъ лично отказать въ этой просьбѣ какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Когда же разслѣдованіе, послѣдовавшее по поводу этихъ просьбъ, обнаружило, что составители прошенія подложно воспользовались подписями и печатями, взятыми отдѣльнымъ листомъ изъ совершенно другаго прошенія, которое кабардинцы предполагали подать начальнику области еще лѣтомъ того-же года, то виновные въ этомъ подлогѣ, предвидя неизбѣжность строгой за это отвѣтственности, собрали около себя до 200 человѣкъ легкомысленныхъ и фанатическихъ приверженцевъ идеи переселенія и расположились на берегу рѣчки Шелушки, въ 6 верстахъ отъ Нальчика, рѣшившись во что-бы ни стало добиться или разрѣшенія переселиться въ Турцію, или—что и было главною цѣлью—оставленія по прежнему у нихъ крѣпостныхъ, при чемъ дали клятву другъ другу подъ присягою не выдавать зачинщиковъ безпорядковъ, требуемыхъ начальствомъ. Узнавши объ этомъ сборѣ, начальникъ округа, полковникъ Нуридъ, послалъ двухъ офицеровъ, кабардинцевъ, передать толпѣ его приказаніе—разойтись по домамъ, а зачинщикамъ прибыть въ Нальчикъ. Но толпа положительно отвѣчала, что она не позволитъ никому идти въ Нальчикъ, а пойдетъ вся. Получивши на это позволеніе, она направилась къ Нальчику и, придя къ дому, занимаемому начальникомъ округа, подала ему просьбу, въ которой, объясняя, что прошеніе Главнокомандующему Арміею подано съ согласія всего народа, просила, до полученія отвѣта отъ Его Императорскаго Высочества, пріостановить освобожденіе крѣпостныхъ и не подвергать изысканію людей, подавшихъ это прошеніе.

Полковникъ Нуридъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ, что она

не составляетъ народа, что въ средѣ ея онъ не видитъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ какъ онъ, такъ и все начальство, привыкли видѣть представителей кабардинцевъ, всегда отстаивавшихъ интересы народные. Послѣ этихъ словъ, вызвавши впередъ нѣсколько человѣкъ, болѣе виновныхъ въ безпорядкахъ, онъ повторилъ имъ свое приказаніе—остаться въ Нальчикѣ, а толпѣ разойтись по домамъ. Въ отвѣтъ на это приказаніе вся толпа подняла неистовый крикъ, повторяя безпрестанно, что она не позволитъ никому остаться въ Нальчикѣ, при чемъ нѣкоторые высказали тутъ же громко угрозу—убить какъ тѣхъ, которые захотятъ арестовать зачинщиковъ, такъ и тѣхъ изъ своихъ, которые осмѣлятся исполнить приказаніе и остаться въ Нальчикѣ. Полковникъ Нуридъ на всѣ дерзкія заявленія и угрозы отвѣчалъ одной рѣшительной фразой: «исполните мое требо«ваніе, или я потребую войска для усмиренія непослушныхъ». Но толпа, не обращая вниманія и на этотъ послѣдній доводъ, отправилась опять съ тѣми-же зачинщиками во главѣ обратно на прежнее мѣсто, на рѣчку Шелушку, а потомъ чрезъ нѣсколько дней разбрелась по домамъ, условившись послѣ поста снова собраться на томъ-же мѣстѣ и рѣшительно настаивать на своей просьбѣ. Тогда начальникъ округа, не желая прибѣгать къ строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, назначилъ по минованіи поста сборъ въ укр. Нальчикѣ, на 28 января, всѣмъ владѣльцамъ ауловъ, старшинамъ и другимъ почетнымъ людямъ Кабарды и подробно донесъ о случившемся начальнику области, который сдѣлалъ въ тоже время распоряженіе о сосредоточеніи на границѣ округа, по станицамъ, войскъ, готовыхъ по первому требованію двинуться, куда имъ укажутъ.

Сборъ почетныхъ людей Кабарды состоялся; но вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонники безпорядковъ также собрались близъ самаго Нальчика, уже въ числѣ болѣе 400 человѣкъ, и продолжали стоять на своемъ. Почетные люди попробовали-было убѣждать непослушныхъ выдать начальству зачинщиковъ мятежа и, послѣ рѣшительнаго отказа имъ въ этой просьбѣ толпы, рѣшились испытать послѣднее средство къ убѣжденію ея—это предоставить рѣшенію шаріата вопросъ: слѣдуетъ ли повиноваться начальству; но толпа уклонилась и отъ этого послѣдняго средства окончить дѣло миролюбиво. Когда такимъ образомъ были употреблены всѣ средства къ мирному окончанію дѣла и толпа не переставала упорствовать, начальникъ области, получивъ объ этомъ донесеніе полковника Нурида, прибылъ самъ въ укр. Нальчикъ, что-

бы лично на мѣстѣ убѣдить непослушныхъ и потомъ, въ случаѣ неуспѣха, тотъ-часъ же подавить мятежъ въ самомъ началѣ, для чего войска въ тотъ-же день вступили въ округъ. Какъ только появились войска, прибытія которыхъ мятежники не ожидали, увѣренные нѣкоторыми лицами изъ своей среды, служившими въ Россіи, что двинуть войска безъ Высочайшаго повелѣнія нельзя,—вся толпа тотъ-часъ же разбѣжалась по домамъ и вскорѣ, по требованію тѣхъ-же почетныхъ лицъ, зачинщики мятежа явились въ Нальчикъ съ повинною. Начальникъ области объявилъ всѣмъ находившимся въ это время въ Нальчикѣ представителямъ кабардинскимъ неудовольствіе Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, за произведенный въ округѣ безпорядокъ, подтвердивъ имъ еще разъ, что о переселеніи въ Турцію они должны забыть, что это невозможно, что освобожденіе крѣпостныхъ должно состояться, и правительство, уже начавши это дѣло, не остановитъ его и, наконецъ, что всякая просьба, нарушающая общественное спокойствіе и установленный порядокъ, подвергнетъ наказанію подавшаго ее.

Послѣ этого послѣдняго убѣдительнаго приказанія, порядокъ, ненадолго нарушенный въ Кабардѣ, водворился снова, и дѣло освобожденія крѣпостныхъ окончилось весьма успѣшно. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1867 года болѣе двадцати тысячъ рабовъ получили свободу, въ первый разъ вздохнувъ легко, полной грудью, послѣ тяготѣвшаго на нихъ вѣковаго ярма.

1868 года.
Укр. Нальчикъ.

Е. С.....въ.

Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.

Освобожденіе крѣпостныхъ въ Кабардѣ повело за собою освобожденіе зависимыхъ сословій и въ прочихъ частяхъ Терской области. Впрочемъ, число зависимыхъ во всѣхъ округахъ этой области, сравнительно съ числомъ зависимыхъ въ Кабардѣ, было весьма незначительно, и если гдѣ обращало на себя серьезное вниманіе, то развѣ въ округахъ Кумыкскомъ и Осетинскомъ. Населеніе-же другихъ округовъ—Аргунскаго, Ичкеринскаго, Нагорнаго, Чеченскаго и Ингушевскаго — вовсе не выработало у себя понятія о сословномъ дѣленіи вообще и крѣпостныхъ отношеніяхъ въ особенности, и потому здѣсь не было зависимыхъ сословій какъ установленія народной жизни; только въ двухъ послѣднихъ округахъ, Чеченскомъ и Ингушевскомъ, находилось небольшое число рабовъ (всего до 300 д. об. п.), купленныхъ въ недавнее уже время и жившихъ у своихъ владѣльцевъ по обычаямъ тѣхъ именно странъ, гдѣ они куплены. Вообще-же численность зависимыхъ въ Кабардинскомъ округѣ, сравнительно съ численностію ихъ во всѣхъ остальныхъ округахъ Терской области, представляла отношеніе, какъ 3,,: 1. Естественно, что въ силу такого отношенія, и самый процессъ освобожденія зависимыхъ въ этихъ округахъ совершился еще быстрѣе и плавнѣе, чѣмъ въ Кабардѣ.

Но прежде чѣмъ изложить основанія и ходъ освобожденія зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области, будетъ нелишнимъ представить здѣсь сводъ всѣхъ свѣдѣній, добытыхъ горскою администраціею объ этихъ сословіяхъ во время ихъ освобожденія.

Всѣ виды зависимыхъ сословій Терской области могутъ быть подведены подъ слѣдующія три главныя категоріи:

Къ первой категоріи принадлежатъ лица, извѣстныя на оффиціальномъ языкѣ подъ именемъ холоповъ *безобрядныхъ*, *безадатныхъ*, т. е. такихъ, для которыхъ адатъ (обычай) не установилъ никакихъ опредѣленныхъ, ограждающихъ личность ихъ отношеній, а предоставилъ ихъ полной власти владѣльцевъ. За этими *безобрядными* не признавалось никакихъ семейныхъ и общественныхъ правъ: они были рабы, въ полномъ смыслѣ этого слова. Признаваясь кореннымъ обычаемъ за имущество своего господина, они жили въ его домѣ, и ихъ трудами владѣлецъ распоряжался неограниченно; за нанесеніе обидъ и за убійство этихъ лицъ онъ получалъ вознагражденіе какъ за вредъ, нанесенный его имуществу. Они не могли вступать въ бракъ, пока находились въ числѣ безобрядныхъ; но половыя сношенія ихъ были совершенно свободны, такъ что рожденіе дѣвушкою дѣтей не ставилось ей въ порокъ; напротивъ того, оно такъ сказать поощрялось владѣльцемъ, въ видахъ его собственнаго матеріальнаго интереса. Обычай давалъ владѣльцу безотчетное и неограниченное право продавать, дарить и всякимъ инымъ порядкомъ отчуждать отъ себя лицъ этого класса, а въ прежнее время давалъ даже право на жизнь и смерть ихъ. Цѣна, за которую продавались такіе безправные рабы, зависѣла отъ возраста, красоты, физической способности къ труду и знанія какого-либо ремесла продаваемыми, и сообразно этому отъ 100 р. за душу доходила до 500 р. и выше. Въ Кабардѣ лица этого сословія назывались *унаутами*, въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа—*казахами* (мужчины) и *каравашами* (женщины), въ Кумыкскомъ округѣ—*кулами* (мужчины) и *каравашами* (женщины), въ Осетинскомъ—*кусаками*.

Число всѣхъ этихъ безобрядныхъ холоповъ въ Терской области, во время ихъ освобожденія, доходило до 4339 д. об. п.

Ко второй категоріи принадлежали сословія, извѣстныя въ оффиціальной перепискѣ подъ именемъ *обрядныхъ холоповъ*, или холоповъ съ правами; члены этихъ сословій, оставаясь въ личной зависимости отъ владѣльцевъ, несли имъ службу въ извѣстныхъ, обычаемъ установленныхъ размѣрахъ, и за лицами этихъ сословій въ нѣкоторой степени уже признавались права какъ личныя, такъ равно семейныя и имущественныя. Къ этой категоріи зависимыхъ въ Терской области принадлежали *логанапуты* (у кабардинцевъ) и *чагары* (въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа); число тѣхъ и другихъ про-

стиралось до 10,990 д. об. п. *). Въ прочихъ-же округахъ Терской области такихъ обрядныхъ холоповъ не существовало.

Наконецъ къ третьей категоріи принадлежали сословія, члены которыхъ, при личной зависимости, значительно слабѣйшей, чѣмъ зависимость сословій 2-й категоріи, несли повинности, размѣръ которыхъ не зависѣлъ отъ произвола владѣльцевъ, а по обычаю ограниченъ былъ положительно или числомъ дней работы, или мѣрою отдаваемыхъ владѣльцу сельскихъ произведеній. Эти сословія образовались большею частію чрезъ освобожденіе лицъ, принадлежавшихъ къ сословіямъ большихъ степеней зависимости, отъ нѣкоторыхъ повинностей за заслуги, оказанныя ими своимъ владѣльцамъ. Продавать ихъ могли владѣльцы только за какіе-либо проступки, и, по зажиточности лицъ этихъ сословій и сравнительно меньшей цѣнѣ выкупа (отъ 100 до 200 руб. за душу), они легко откупались и переходили въ число свободныхъ людей. Въ Терской области такого вида сословія назывались *огами* (исключительно въ Большой Кабардѣ) и *чагарами* (въ Кумыкскомъ округѣ); но числительность ихъ вообще незначительна: чагаръ насчитывалось 1056 д. об. п., а оговъ всего 15 дворовъ, или, полагая по 5 душъ на дворъ, всего 75 д. об. п.

Рядомъ съ этими зависимыми 3-хъ означенныхъ категорій, въ горскихъ племенахъ существовали еще сословія, члены которыхъ, будучи лично свободными, находятся въ зависимомъ положеніи отъ лицъ высшихъ сословій по пользованію землею, принадлежащею послѣднимъ.

Зависимыя по землѣ несутъ землевладѣльцамъ извѣстныя повинности, освященныя временемъ и обычаемъ, и находятся какъ-бы въ договорныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ земель. Повинность ихъ заключается въ платѣ владѣльцамъ сельскими произведеніями, домашними животными и извѣстнымъ числомъ дней работы. Въ такой поземельной зависимости находятся: въ Кумыкскомъ округѣ *тережемецы* (числомъ 1257 д. об. п.) и въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа *каракиши* и *ясакчи* (первыхъ 4722 и вторыхъ 3166 д. об. п.) *).

Слѣдующая таблица даетъ возможность наглядно ознакомиться съ численностью и распредѣленіемъ всѣхъ видовъ зависимыхъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ племенахъ Терской области.

---

*) Права и обязанности *лошапутовъ* и *чагаръ* подробно исчислены въ предъидущей статьѣ, стр. 20 и 26.

*) О каракишахъ и ясакчи смотр. предъидущую статью, стр. 24—25.

ВИДЫ ЗАВИСИМЫХЪ СОСЛОВІЙ.	Число душъ обоего пола зависимыхъ сословій.				
	Въ Кабардинскомъ округѣ.	Въ Кумыкскомъ округѣ.	Въ Осетинскомъ округѣ.	Въ Чеченскомъ и Ингушевск. округахъ.	Итого.
а) Унауты, казахи, кулы и караваши. . . .	2395	944	706	294	4339
б) Логанапуты. .	10,990	»	»	»	10,990
в) Оги и чагары.	75	1056	»	»	1131
г) Каракиши, ясакчи и терекеменцы	7888	1257	»	»	9145
Всего. . . .	21,348	3257	706	294	25,605

Весьма успѣшный ходъ освобожденія зависимыхъ сословій въ Кабардѣ, основаніемъ котораго послужило допущеніе добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и освобождаемыми, при содѣйствіи особо учрежденныхъ съ этою цѣлію посредническихъ судовъ, далъ возможность приложить эту практическую мѣру къ освобожденію зависимыхъ въ прочихъ частяхъ Терской области. Съ начала 1867 года, какъ сами зависимые, такъ и ихъ владѣльцы, проникнутые сознаніемъ необходимости и неизбѣжности упраздненія существовавшихъ между ними отношеній, охотно пошли на добровольныя между собою соглашенія, такъ что очень успѣшно выработались между ними опредѣленныя условія освобожденія, которыя оставалось установить какъ окончательныя правила, съ цѣлію преподать ихъ за норму для всѣхъ дальнѣйшихъ этого рода сдѣлокъ. Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Размѣръ выкупной платы для каждаго освобождаемаго отъ 15 до 45 лѣтъ не долженъ превышать 200 рублей.

2) Малолѣтніе мужескаго пола до 15-лѣтняго возраста и взрослые обоего пола свыше 45 лѣтъ освобождаются безплатно.

3) Уплата выкупной суммы дѣлается по соглашенію, или единовременно, или съ разсрочкою (не болѣе 6-ти лѣтъ), или-же отбываніемъ обязательныхъ работъ въ теченіи того-же срока, съ назначеніемъ за каждый годъ рабочей платы въ количествѣ отъ 25 до 70 р., которая и поступаетъ въ счетъ выкупа.

4) Малолѣтнія дѣвушки (до 15-ти лѣтъ), коимъ опредѣленъ выкупъ по 10-ти руб. за каждый годъ возраста, освобождаются немедленно и уплачиваютъ причитающуюся съ нихъ сумму при выходѣ въ замужество, изъ калыма.

5) Владѣлецъ, во все время нахожденія освобождаемыхъ во временно-обязательныхъ работахъ, сверхъ заработной платы долженъ кормить и одѣвать ихъ и предоставлять имъ одинъ рабочій день въ недѣлю и 15 дней во время покоса.

6) Всѣмъ остающимся во временно-обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ предоставляется во всякое время отойти отъ нихъ со взносомъ недослуженной части выкупа, и

7) Все движимое имущество, находившееся въ пользованіи зависимаго, дѣлится пополамъ между имъ и владѣльцемъ; сакля-же, домашнія и хозяйственныя орудія, утварь и одежда составляютъ неотъемлемую собственность освобождаемаго.

На этихъ началахъ, несравненно легчайшихъ противу первоначальныхъ заявленій и желаній владѣльцевъ, совершилось освобожденіе зависимыхъ сперва въ Кабардѣ *), а потомъ и въ прочихъ округахъ Терской области **). На веденіе этого важнаго дѣла, равно какъ на вспомоществованіе бѣднѣйшимъ владѣльцамъ за малолѣтнихъ, освобожденныхъ по 2 § правилъ безплатно, и на хозяйственное обзаведеніе бѣднѣйшимъ изъ освобождаемыхъ, правительство ассигновало 152 т. р., такъ что освобожденіе каждаго зависимаго обошлось среднимъ числомъ въ 6-ть рублей, при чемъ означенная сумма отнесена на податные сборы съ горскаго-же населенія. Наконецъ, въ видахъ облегченія выполненія освободившимися выкупныхъ сдѣлокъ ихъ съ владѣльцами и въ видахъ доставленія имъ возможности проч-

*) Изъ 21,348 зависимыхъ обоего пола, числившихся въ Кабардѣ, осталось во временно-обязательной работѣ только 2,880 д.; изъ остальныхъ болѣе 900 душъ освобождены безплатно.

**) Освобожденіе послѣдовало къ началу іюня 1867 года, а въ Кабардѣ къ апрѣлю того-же года.

наго на будущее время устройства ихъ хозяйства, всѣмъ освободившимся отъ своихъ владѣльцевъ горцамъ Терской области дарованы льготы отъ государственныхъ податей и повинностей, срокомъ на 8 лѣтъ, считая со дня начала освобожденія, т. е. съ 18-го ноября 1866 года. Такая правительственная мѣра тоже не повлекла за собою никакого уменьшенія въ доходахъ казны, такъ какъ освободившіяся лица не входили и прежде, до ихъ освобожденія, въ податной окладъ.

Безъ сомнѣнія, цифра 26 тыс. зависимыхъ, освобожденныхъ въ горскихъ округахъ Терской области,—ничтожна въ сравненіи съ громадною цифрою всѣхъ зависимыхъ, освобожденныхъ въ Имперіи со времени достопамятнаго манифеста 19 февраля 1861 года. Тѣмъ не менѣе однако, фактъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области имѣетъ свое важное значеніе,—не по цифрѣ освобожденныхъ, а по тому положенію, какое занимали освобожденные въ средѣ исключительнаго, своеобразнаго быта горцевъ. Довольно указать на то обстоятельство, что въ Кабардѣ, напр., матеріальное благосостояніе большинства покоилось на угнетеніи меньшинства, такъ что встрѣчались и такія семейства, въ которыхъ свободныхъ 10—15 душъ обезпечивали свое ничего-недѣланіе трудами двухъ-трехъ холоповъ. Естественно, при такихъ условіяхъ народнаго быта, задача освобожденія зависимыхъ оказывалась нелегкою, такъ такъ наибольшей потерѣ долженъ былъ подвергнуться классъ владѣльцевъ, т. е. большинство. Словомъ, различіе рабовладѣнія и упраздненія послѣдняго съ одной стороны въ Кабардѣ, а съ другой въ Закавказьи и въ Россіи вообще, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что тамъ приносились въ жертву матеріальные интересы немногихъ въ пользу большинства, а здѣсь, въ Кабардѣ, на-оборотъ, должно было потерять большинство.

Фактъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области имѣетъ еще значеніе и по своеобразности своего совершенія. Особенность быта горскаго населенія вызвала и особенности мѣръ, принятыхъ къ осуществленію предпринятой правительствомъ реформы. Допустить освобожденіе зависимыхъ въ Терской области на началахъ, выработанныхъ для остальныхъ частей Имперіи (при полной невозможности исполнить это), значило-бы разстроить владѣльческій классъ; дозволить освобожденіе всецѣло по народному обычаю значило, на-оборотъ, создать изъ зависимыхъ сословій массу нищихъ и бродягъ; наконецъ, принять правительству на себя всю матеріальную тяжесть освобожде-

ия зависимыхъ, заплативъ владѣльцамъ послѣднихъ выкупъ, стоилобы весьма значительной суммы. Въ виду такихъ обстоятельствъ дѣла, оставалось избрать такой путь, на которомъ правительственная власть, призванная населеніемъ къ посредничеству, не указывала-бы опредѣлительныхъ правилъ освобожденія, а дѣйствительно исполнила-бы роль посредника, какъ примирителя интересовъ двухъ противоположныхъ сторонъ. Умѣряя требованія одной стороны, возлагая необходимое на обязанности другой и наконецъ невозможное къ исполненію тою или другою стороною принимая на свою долю, правительственная власть поставила лицемъ къ лицу классъ владѣльческій и классъ зависимый, предоставивъ имъ самимъ условиться о наилучшемъ и безъубыточномъ для обѣихъ сторонъ прекращеніи существовавшихъ между ними сословныхъ отношеній. Добровольныя соглашенія стали быстро обнаруживаться, и правительственной власти оставалось заявить населенію только тѣ главныя основанія, въ предѣлахъ которыхъ всѣ договоры считались-бы законными и обязательными для обѣихъ сторонъ.

Такимъ способомъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области достигнуты результаты, какъ нельзя лучше доказывающіе практичность предпринятыхъ мѣръ. Въ теченіи какихъ-либо 8-ми мѣсяцевъ освобождены въ области всѣ зависимые, одни безплатно, другіе за выкупъ, значительно меньшій, чѣмъ высшая норма выкупа, назначенная правительствомъ; сохранились добрыя отношенія между владѣльцами и ихъ бывшими рабами; хозяйство ни одной изъ заинтересованныхъ въ реформѣ сторонъ не потерпѣло ощутительнаго ущерба: осталась на время и столь важная въ домашнемъ быту владѣльческаго класса горцевъ прислуга, хотя и временно-обязанная, но въ то-же время дающая возможность владѣльцамъ приступить къ устройству на совершенно-новыхъ основахъ своего экономическаго быта; съ другой-же стороны, и зависимые получили всѣ тѣ гражданскія права, которыхъ они не только были лишены, но о которыхъ, можно сказать, и думать не смѣли,—получили права личныя и имущественныя, при чемъ правительство озаботилось о поземельномъ ихъ обезпеченіи *), и на первое время даровало имъ льготы отъ государственныхъ податей и повинностей.

---

*) По особымъ поземельнымъ условіямъ края, освобожденные вступили въ пользованіе землею наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ свободнаго происхожденія, и только незначительная часть безземельныхъ холоповъ въ горскихъ обществахъ Кабарды и Осетіи нуждалась въ надѣлѣ землею.

Примѣчаніе. Между зависимыми сословіями Терской области, освобожденными въ 1867 году, обращаютъ на себя особенное вниманіе еще осетинскіе рабы, извѣстные подъ именемъ *кавдасардовъ*. Сложность и запутанность ихъ правъ, а главное—неестественность ихъ отношеній къ высшимъ сословіямъ (алдарамъ и фарсалакамъ), выводятъ ихъ изъ ряда всѣхъ прочихъ зависимыхъ, существовавшихъ въ средѣ горцевъ Кавказа.

Кавдасардъ, или куміакъ—сынъ владѣльца и женщины свободнаго сословія, отданной въ *номлусъ* (именная жена), за калымъ, нѣсколько высшій противъ существующаго между осетинами. Такого рода браки, совершаемые алдарами и фарсалаками, какъ магометанской, такъ и христіанской религій, допускались, вѣроятно, по дороговизнѣ и рѣдкости въ Осетіи рабовъ. Послѣднее обстоятельство вынуждало болѣе зажиточныхъ людей пріобрѣтать себѣ въ домъ, подобными брачными сдѣлками, рабочія руки для такого рода работъ, которыя казались несвойственными женщинѣ высшаго происхожденія. Такимъ образомъ малолѣтніе кавдасарды росли въ домѣ своего отца, при матери или безъ нея, вмѣстѣ съ дѣтьми старшей жены хозяина дома, и назывались ихъ младшими братьями. Та-же родственная связь проявлялась и въ дальнѣйшей жизни, оставался-ли кавдасардъ въ томъ домѣ, гдѣ былъ рожденъ, или жилъ отдѣльно. Оскорбленіе и убійство старшаго брата—законнаго сына алдара или фарсалака—подвергало виновнаго мщенію кавдасарда, и наоборотъ. За кровь кавдасарда платилось то-же самое, что и за кровь свободнаго человѣка; онъ также могъ жениться на женщинѣ свободнаго сословія, если былъ въ состояніи выплатить сообразный съ ея происхожденіемъ калымъ. Самая большая зависимость кавдасарда по отношенію къ тому лицу, въ домѣ котораго онъ родился и росъ, отнюдь не походила на отношеніе раба къ владѣльцу, а скорѣе приближалась къ положенію бѣднаго человѣка, покровительствуемаго своимъ богатымъ и сильнымъ родственникомъ. Со смертію этого родственника, кавдасардъ могъ или оставлять его домъ, или-же оставаться тамъ, и хотя, по большей части, случалось, что кавдасардъ услуживалъ наслѣдникамъ умершаго владѣльца, однако его услуги были добровольныя, а не обязательныя.

Оставляя домъ умершаго алдара или фарсалака, кавдасардъ получалъ нѣкоторую часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества владѣльца. Размѣръ этой части, весьма, впрочемъ, умѣренной, такъ какъ осетины не имѣли большаго хозяйства, никогда не

былъ съ точностію обозначенъ народнымъ обычаемъ; а бывало такъ, что приглашаемые для этой цѣли медіаторы, принимая въ соображеніе состояніе и численность семейства того лица, изъ дома котораго отходилъ кавдасардъ, опредѣляли часть имущества, подлежащую выдѣлу въ пользу этого послѣдняго. Но, вообще, отдѣленію кавдасарда всѣми мѣрами препятствовали ихъ названные родственники, что весьма понятно: домъ терялъ въ кавдасардѣ рабочія руки. Бывали даже примѣры, весьма, впрочемъ, рѣдкіе, что вліятельные изъ алдяръ и фарсалакъ, по смерти главы семейства, вовсе не выпускали на свободу остававшихся послѣ него кавдасардовъ; но такіе случаи порождались насиліемъ. Основавшись разъ своимъ домомъ, кавдасардъ не платилъ уже никакой поземельной повинности своимъ старшимъ братьямъ—алдарамъ, и вообще пользовался правами свободнаго человѣка, хотя за нимъ и оставалось его родовое названіе.

Таково было положеніе кавдасардовъ въ періодѣ первоначальнаго образованія въ Осетіи этого разряда зависимыхъ. Но съ измѣненіемъ общественнаго строя осетинъ, когда высшія сословія этого племени получили, при нашемъ правительствѣ, несравненно большія гарантіи своихъ правъ и, слѣдовательно, вліянія на сословія низшія—вмѣсто родственныхъ отношеній между алдарами и фарсалаками съ одной стороны и кавдасардами съ другой—явилась полная вражда, нисколько не ослабѣвавшая съ теченіемъ времени. Этотъ сословный антагонизмъ выражался въ постоянномъ спорѣ между кавдасардами и ихъ старшими братьями, при чемъ первые доказывали, что обязательныя ихъ отношенія къ владѣльцу, въ домѣ котораго они родились, прекращаются со смертію этого лица; между тѣмъ какъ послѣдніе присвоивали себѣ право владѣнія кавдасардами по крайней мѣрѣ въ теченіи трехъ поколѣній, считая отъ перваго владѣльца, пріобрѣвшаго кавдасардовъ.

Такимъ образомъ изъ этого краткаго изложенія кавдасардскаго вопроса можно видѣть, что это сословіе, нѣкогда бывшее, по кровной связи своей съ владѣльцами, скорѣе въ нравственной, чѣмъ въ матеріальной отъ нихъ зависимости, съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе переходило въ положеніе, весьма близкое къ рабству. Въ такомъ именно положеніи застала ихъ пора освобожденія.

Всѣхъ кавдасардовъ, куміакъ и номлусъ, во время ихъ освобожденія, числилось 822 души; изъ нихъ 309 муж. п. и 513 ж. п.

Главныя основанія, на которыхъ совершилось освобожденіе этого сословія, заключались въ слѣдующемъ:

1) Всѣ взрослые кавдасарды и куміаки остаются въ прежнихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, и затѣмъ всякая зависимость ихъ въ отношеніи къ послѣднимъ прекращается *). Но если въ теченіи этого трехлѣтняго періода умретъ ихъ первый владѣлецъ, то за кавдасардомъ или куміакомъ остается право, на основаніи существующаго обычая, отойти отъ семьи покойнаго владѣльца ранѣе конца этого срока, безплатно. Тѣ-же кавдасарды, которые по смерти перваго своего владѣльца перешли къ его законнымъ дѣтямъ, остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къ этимъ послѣднимъ только въ продолженіи полуторагодичнаго срока и затѣмъ получаютъ полную свободу.

2) Если куміакъ или кавдасардъ пожелаетъ отдѣлиться отъ своего владѣльца прежде трехъ-годичнаго или полуторагодичнаго обязательнаго срока, посредствомъ выкупа, то обязанъ внести владѣльцу за каждый обязательный годъ своихъ личныхъ услугъ 25 рублей.

3) Все имущество кавдасардовъ, какъ движимое, такъ и недвижимое, благопріобрѣтенное или полученное отъ кого-либо въ даръ, поступаетъ въ неотъемлемую собственность освобождаемыхъ.

4) Всѣ малолѣтніе отъ 1 до 15 лѣтъ и достигшіе 50 лѣтъ мужескаго пола освобождаются безъ всякаго вознагражденія ихъ хозяевамъ; также безплатно освобождаются дѣвочки до 10-лѣтняго возраста включительно, равно куміачки и номлусъ, достигшія 40-лѣтняго возраста. Тѣ-же изъ послѣднихъ, которымъ менѣе 40 лѣтъ, при освобожденіи своемъ возвращаютъ владѣльцу уплаченный за нихъ калымъ, съ такимъ расчетомъ, что за каждый прослуженный куміачкою или номлусъ годъ вычитается изъ этого калыма по 10 руб. За дѣвочку же куміачку или кавдасардку, имѣющую болѣе 10 лѣтъ, владѣлецъ получаетъ половину обычнаго калыма, при выходѣ ея замужъ, а другая половина поступаетъ въ пользу ея родственниковъ.

Наконецъ, всѣмъ освобожденнымъ кавдасардамъ и куміакамъ предоставлены тѣ-же права въ отношеніи поземельнаго пользованія, какія принадлежатъ прочимъ сословіямъ въ Осетіи, дарованы льготы

*) Трехлѣтній срокъ признанъ необходимымъ, какъ для того, чтобы, при новомъ порядкѣ веденія хозяйства, не пострадали интересы владѣльцевъ, такъ и для подготовленія освобождаемыхъ къ новой для нихъ самостоятельной и осѣдлой жизни.

отъ податей и повинностей на 8 лѣтъ и бѣднѣйшимъ оказано денежное пособіе. Что же касается до причины, обусловившей существованіе такого исключительнаго вида зависимыхъ сословій, какъ кавдасарды или куміаки, то она устранена окончательно — воспрещеніемъ жителямъ всѣхъ обществъ Осетіи отдавать дочерей своихъ въ *ломлуси*, или именныя жены.

Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.

1867 годъ ознаменовался въ жизни дагестанскихъ горцевъ совершеніемъ повсемѣстнаго въ Дагестанѣ освобожденія безправныхъ рабовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *кулоvъ* и *каравашей*. Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей объ этомъ событіи.

Въ Дагестанѣ, сравнительно съ другими горскими землями Кавказа, зависимыхъ сословій весьма немного и подчиненность ихъ лицамъ или же цѣлымъ родамъ высшихъ сословій выражается въ трехъ видахъ зависимости: а) административной, б) поземельной и в) личной.

Зависимость административная существуетъ въ Дагестанѣ въ отношеніи извѣстныхъ бекскихъ фамилій, управляющихъ нѣкоторыми деревнями.

Поземельная зависимость проявляется въ трехъ видахъ. Къ первому относятся свободные поселяне (уздени), живущіе на земляхъ, принадлежащихъ бекамъ, съ правомъ наслѣдственнаго пользованія этими землями и обязанностью нести однажды установленныя обычаемъ повинности. Второй видъ составляютъ два селенія, Лудгунъ и Ялагъ (Самурскаго округа), населеніе которыхъ несетъ своимъ бекамъ повинности натуральными произведеніями и издѣльную. Повинности эти отбываются не извѣстному лицу, а цѣлому роду, и первая изъ нихъ составляетъ 75 рубъ пшеницы на населеніе, а вторая 3-хъ дневную работу въ годъ на каждый дымъ, съ опредѣленными ограниченіями характера и

періода работъ. Наконецъ третій видъ представляетъ раятская зависимость въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.—Сословіе *раятовъ* проживаетъ на земляхъ, бекамъ принадлежащихъ, и члены его имѣютъ право на землю, ими обработываемую, ограниченное лишь возможностью продажи ея не иначе, какъ жителямъ своего же селенія; кромѣ того раяты лишены права перехода изъ одного селенія въ другое, безъ согласія бека, и обязаны, при подобномъ переселеніи, оставлять въ пользу послѣдняго все свое недвижимое имущество. Повинности, отбываемыя ими своимъ бекамъ, заключаются: въ Табасарани—въ повинности натуральными произведеніями (по 6 сабъ пшеницы, одной арбѣ сѣна и въ опредѣленномъ размѣрѣ отъ стадъ барановъ, урожая фруктовъ, орѣховъ, марены и проч.), въ повинности издѣльной (до 8 дней въ году полевыхъ работъ), подводной (перевозка хлѣба на мельницу, доставленіе хворосту и проч.) и личной (въ отбываніи конной службы при бекѣ и предоставленіи ему пользоваться услугами сиротъ, до ихъ совершеннолѣтія). Въ Кайтагѣ повинность естественными произведеніями опредѣлена въ 30 сабъ ячменя и пшеницы, съ [illegible] рабочихъ быковъ.

Лично-зависимыя сословія въ Дагестанѣ были: а) *кулы* и *караи* т. е. рабы и рабыни, составлявшіе домашнюю прислугу при дво владѣльцевъ, обязанные исполнять всѣ требованія послѣднихъ безъ каго ограниченія, слѣдовательно, по безправности и полной зависи отъ своихъ господъ, совершенно сходные съ *унаутами* терски кубанскихъ горцевъ, и 2) *чагары*, т. е. крестьяне, лично-зависи но поселенные на земляхъ владѣльцевъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, чемъ однако никакихъ правъ на землю не имѣли и сохраняли за бою, при продажѣ, только имущество, трудомъ своимъ пріобрѣ ное. Образовались чагары изъ рабовъ и рабынь, отпущенныхъ господскаго двора для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ, на подской же (бекской) землѣ, съ обязательствомъ исполнять по ности естественными произведеніями и издѣльныя. Перваго рода винности заключались въ арбѣ дровъ, мѣркѣ пшеницы, а отъ имѣющихъ барановъ и по барану въ годъ; издѣльныя же повинности не были опредѣлены обычаемъ и совершенно зависѣли отъ воли владѣльца.

Какъ рабы (кулы и караваши), такъ и чагары, могли пріобрѣтать свободу только съ согласія владѣльца, посредствомъ освобожденія—даровaго, или же по единовременному выкупу, или же наконецъ съ разсрочкою взноса выкупа на нѣсколько лѣтъ. Цѣны на куловъ

обыкновенно бывали отъ 150—300 р., смотря по тѣлосложенію и лѣтамъ продаваемаго, а за каравашей—отъ 100 до 200 р.; но если дѣвушка-каравашка отличалась красотою, то цѣна на нее возвышалась до 500 и 600 руб. *).

Къ освобожденію зависимыхъ въ Дагестанѣ (а именно—куловъ и каравашей) приступлено было съ ноября мѣсяца 1866 года. Дѣло это началось сборомъ свѣдѣній, необходимыхъ для его рѣшенія, а также распространеніемъ въ народѣ мысли, чрезъ благонамѣренныхъ и преданныхъ правительству людей, о своевременности и необходимости общаго по всему Дагестану освобожденія куловъ и каравашей, съ указаніемъ при этомъ на примѣръ подобнаго освобожденія, совершившагося—по волѣ Царя-Освободителя—для многихъ милліоновъ крѣпостныхъ людей во всей Имперіи. Къ веснѣ 1867 года уже сдѣлалось извѣстнымъ повсюду въ Дагестанѣ, что скоро должно наступить общее и единовременное во всемъ краѣ освобожденіе безправныхъ —, и многіе изъ рабовладѣльцевъ, наиболѣе вліятельныхъ въ на- отнеслись къ этой правительственной мѣрѣ весьма сочувствен- разивъ полную готовность содѣйствовать освобожденію всѣми щими отъ нихъ средствами, а нѣкоторые изъ нихъ дали свободу ь рабамъ даже безвозмездно. Въ то-же время собраны были всѣ я, необходимыя для окончательнаго рѣшенія участи рабовъ. Ока- , что число куловъ и каравашей простиралось всего до 598 об. пола, при чемъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ насчитано ихъ въ Среднемъ—56, въ Южномъ—44 и въ Западномъ—38 **).

---

*) Необходимо замѣтить, что сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія о зависимыхъ віяхъ въ Дагестанѣ (и преимущественно—зависимыхъ по землѣ), хотя ованы на оффиціальныхъ данныхъ, должны, однако, значительно уяснить пополниться трудами комиссій — одной, существующей для опредѣленія ихъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго окру- и другой, проектируемой для опредѣленія сословно-поземельныхъ правъ ленія Южнаго Дагестана. Числительность всѣхъ *раятовъ* составляетъ ... ; дворовъ или же, примѣрно, полагая по 5 душъ на дворъ, 12,130 д. об. п.

**) Въ прежнее время число безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ было гораздо значительнѣе. Такъ, при ханскомъ управленіи въ Аваріи и Казикумухѣ, въ этихъ частяхъ края были цѣлыя деревни, населенныя исключительно пулами, а именно: въ аварскомъ ханствѣ деревня Кахъ и въ Казикумухскомъ ханствѣ деревни Кохрухъ и Четрухъ. Пулы этихъ трехъ деревень имѣли осѣдлую жизнь, обработывали ханскія земли и получаемый съ этихъ земель хлѣбъ отдавали своимъ владѣльцамъ; кромѣ того, ханы имѣли полное

Такъ какъ наибольшее число рабовъ числилось въ раіонѣ Сѣвернаго Дагестана, то, казалось, мѣстной администраціи предстояло здѣсь наиболѣе затрудненій по ихъ освобожденію. Однако, принятыми во-время мѣрами, населеніе этой части края оказалось на столько подготовленнымъ къ предстоявшей реформѣ, что оставалось только офиціально объявить рабовладѣльцамъ о необходимости приступить къ самому освобожденію. Объявленіе это назначено было на 1-е число августа,—день, въ который населенію Сѣвернаго Дагестана предстояло услышать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на сложеніе съ князя Шамсудина шамхала Тарковскаго и съ хана Мехтулинскаго Решидъ-хана, согласно заявленнымъ ими желаніямъ, обязанностей и правъ, предоставленныхъ—первому по управленію владѣніемъ Тарковскимъ, а второму по управленію ханствомъ Мехтулинскимъ, а также предстояло услышать приказъ по Кавказской Арміи о новомъ административномъ раздѣленіи Сѣвернаго Дагестана и объ открытіи управленія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа. Къ этому дню вызваны были въ Темиръ-Ханъ-Шуру беки и представители всего населенія вновь-образованнаго округа. Тогда начальникъ Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ лично объявилъ собравшимся въ значительномъ числѣ представителямъ народа, что, по воспослѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, особыя управленія владѣніемъ Тарковскимъ и ханствомъ Мехтулинскимъ упраздняются и образуется изъ этихъ частей края и Присулакскихъ деревень особый округъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскій, по образцу прочихъ округовъ Дагестанской области, и что съ сего числа управленіе этого новаго округа считается открытымъ; жителямъ-же бывшаго Мехтулинскаго ханства объявилъ, что отнынѣ они освобождаются отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, какіе они несли до того времени хану и джанкамъ, съ обязанностію вносить, съ 1867 года, въ казну денежную подать въ томъ количествѣ, въ какомъ обложены прочія деревни Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, не находящіяся ни въ какихъ обя-

---

право брать къ себѣ въ прислугу изъ этихъ деревень какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Съ покореніемъ восточнаго Кавказа деревни эти несутъ повинность наравнѣ съ прочими жителями этого края, при чемъ Кахъ остался въ составѣ округа Аварскаго, а Кодрухъ и Четрухъ отошли отъ Казикумуха и вошли въ составъ Ихрекскаго магала Самурскаго округа.

Не существовало вовсе куловъ и каравашей въ округѣ Андійскомъ, ни въ верхнемъ Дагестанѣ (прежнемъ Бежитскомъ округѣ).

зательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ *). Жителямъ селеній бывшаго Шамхальства начальникъ области также объявилъ, согласно заявленію флигель-адъютанта, полковника князя Шамсудина Тарковскаго, что и они дѣлаются теперь-же свободными отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые они несли князю Шамсудину Тарковскому, по званію Шамхала и по праву землевладѣльца. Затѣмъ начальникъ области обратился къ рабовладѣльцамъ и сказалъ имъ, что, по примѣру освобожденія куловъ и каравашей нѣкоторыми изъ рабовладѣльцевъ въ Южномъ, Среднемъ и Западномъ Дагестанѣ,—слѣдуетъ приступить къ этому дѣлу и въ Сѣверномъ Дагестанѣ, что окончаніемъ этого дѣла они, подобно другимъ дагестанскимъ владѣльцамъ, уже даровавшимъ свободу своимъ холопамъ, исполнятъ священную волю Государя Императора, что для окончанія этого дѣла, посредствомъ полюбовныхъ соглашеній ихъ съ ихъ кулами и караваши, назначается имъ трехъ-мѣсячный срокъ и что, по истеченіи этого срока, освобожденіе должно состояться на тѣхъ основаніяхъ, какія благоугодно будетъ указать Его Императорскому Высочеству, Главнокомандующему Арміею. При этомъ прочтены были во всеуслышаніе списки тѣмъ владѣльцамъ, которые въ другихъ частяхъ Дагестана даровали своимъ кулам и каравашамъ свободу безъ всякаго возмездія.

На объявленіе это рабовладѣльцы отвѣтили искреннею готовностью содѣйствовать съ своей стороны успѣшному выполненію этой благой правительственной мѣры; а чтобы доказать теперь-же на дѣлѣ, что они готовы на посильныя жертвы, начали подходить къ начальнику области по-очередно и заявлять, въ присутствіи народа, что они нынѣ-же, въ день объявленія человѣколюбиваго желанія Его Императорскаго Величества,—„въ угоду Богу и Великому Государю нашему,“ даруютъ безвозмездно свободу своимъ холопамъ, одни всѣмъ, а другіе части ихъ, — и такимъ образомъ, въ этотъ день 35 владѣльцевъ освободили безвозмездно 104 души холоповъ обоего пола.

Послѣ этого замѣчательнаго въ жизни сѣверно-дагестанцевъ дня, начальникъ области поручилъ управляющему Сѣвернымъ Дагестаномъ немедленно приступить къ повѣркѣ имѣвшихся у него свѣдѣній о числѣ рабовладѣльцевъ и принадлежащихъ имъ куловъ и каравашей, съ обозначеніемъ ихъ пола и возраста, особо — получившихъ сво-

*) Вмѣсто прежнихъ 2 руб., они обложены теперь 3 руб. подати съ дыма.

боду 1-го августа и ранѣе этого, и особо—остающихся въ неволѣ, и заняться составленіемъ соображеній о способахъ освобожденія этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого, управляющій Сѣвернымъ Дагестаномъ, Д. С. С. князь Джорджадзе, къ 8-му числу августа, вызвалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру всѣхъ рабовладѣльцевъ, какъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, такъ и Даргинскаго округовъ, для единовременнаго составленія потребованныхъ отъ него списковъ и провѣрки ихъ. Такъ-какъ при объявленіи 1-го августа присутствовали не всѣ рабовладѣльцы, то князь Джорджадзе объявилъ собравшимся все то, что высказано было начальникомъ области въ день 1-го августа, по дѣлу освобожденія, и прочиталъ списокъ владѣльцамъ, безвозмездно даровавшимъ тогда свободу своимъ холопамъ. Какъ только чтеніе этого списка было окончено, владѣльцы, одинъ за другимъ, начали заявлять кн. Джорджадзе что, движимые тою-же готовностію содѣйствовать дѣлу освобожденія, какая была выражена 1-го августа другими владѣльцами, они даруютъ свободу находящимся у нихъ кулачъ и каравашамъ,—и въ этотъ день 48 рабовладѣльцевъ даровали свободу безвозмездно 96 душамъ куловъ и каравашей и за выкупъ, по соглашенію съ холопами, 34 душамъ. Затѣмъ, по составленіи списковъ, оказалось въ Сѣверномъ Дагестанѣ 186 куловъ и каравашей, оставшихся въ неволѣ.

Сверхъ того, съ отмѣной обязательныхъ отношеній поселянъ къ шамхалу Тарковскому, хану Мехтулинскому и джанкамъ Мехтулинскаго ханскаго дома, получили свободу отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, которые поселяне несли владѣльцамъ, 4302 двора, въ томъ числѣ 46 дворовъ чагаровъ.

Всеобщее и окончательное освобожденіе куловъ и каравашей въ Дагестанѣ состоялось къ началу 1868 года. Такимъ образомъ, оно совершилось на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) безвозмездно, 2) по добровольному соглашенію, за выкупъ, и 3) за выкупъ, съ обязательствомъ прослужить своимъ владѣльцамъ извѣстный срокъ.

Безвозмездно освобождено болѣе половины всего числа безправныхъ рабовъ, а именно—340. Другіе получили свободу за выкупъ, при чемъ норма выкупной платы опредѣлена была большинствомъ самихъ рабовладѣльцевъ довольно умѣренная, такъ что за мужчину назначалось отъ 100 до 180 руб., за женщину 100 руб. и за несовершеннолѣтнихъ обоего пола отъ 50 до 100 руб. За выкупную плату

по этой нормѣ и ниже ея откупилось 150 рабовъ; за выкупъ выше нормы—89, при чемъ наибольшее превышеніе нормы состояло въ 40 руб. и наименьшее въ 5; наконецъ 17-ть рабовъ получили свободу на условіи прослужить своимъ владѣльцамъ въ-продолженіе времени отъ 4 до 6 лѣтъ.

Въ облегченіе бѣднѣйшимъ изъ освобожденныхъ возможности приступить къ выполненію условій ихъ съ владѣльцами и устройству самостоятельнаго хозяйства, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Арміею, разрѣшилъ начальнику Дагестанской области произвести на этотъ предметъ единовременный расходъ, до 2300 руб., съ отнесеніемъ этого расхода на податные сборы съ горскаго-же населенія, и предположилъ даровать освободившимся льготу отъ податей.

Затѣмъ въ Дагестанѣ остается одно лично-зависимое сословіе „чагары,“ въ числѣ всего 180 дворовъ; впрочемъ, зависимость ихъ, происходящая отъ пребыванія ихъ на земляхъ бековъ-землевладѣльцевъ,—болѣе поземельная, чѣмъ личная. Предложивъ начальнику Дагестанской области составить соображенія о точномъ опредѣленіи будущихъ отношеній этого класса къ землевладѣльцамъ, Его Высочество счелъ возможнымъ предоставить чагарамъ теперь-же право свободнаго ухода съ занимаемыхъ ими земель и приписки къ другимъ сельскимъ обществамъ на общихъ основаніяхъ.

Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ о зависимыхъ сословіяхъ у горскихъ племенъ Кубанской области, оказалось, что на 79-ти тысячное общее населеніе пяти горскихъ округовъ этой области приходится зависимыхъ болѣе 17½ тысячъ душъ обоего пола, или-же около 23%. — Уже одна такая относительно-значительная масса зависимыхъ должна была нѣсколько замедлить ходъ ихъ освобожденія; но еще болѣе замедленіе это обусловилось экономическимъ положеніемъ горцевъ Кубанской

области, въ большинствѣ такъ еще недавно поселенныхъ на настоящихъ своихъ мѣстахъ жительства, а потому не успѣвшихъ еще прочно устроиться своимъ хозяйствомъ.

Зависимые у горцевъ Кубанской области всѣ принадлежатъ къ разряду лично-зависимыхъ сословій и подраздѣляются на три вида; а то—1) *унауты*; 2) *пшитли* и 3) *оги*, — въ правахъ и обязанностяхъ своихъ вполнѣ схожіе съ такими-же тремя видами зависимыхъ, существовавшихъ въ Кабардѣ.—Вообще близкое племенное родство и сходство организаціи общественнаго быта черкесскихъ племенъ Кубанской области съ бытомъ кабардинцевъ, вызвало почти тѣ-же условія зависимости крѣпостныхъ сословій здѣсь, какъ и въ Кабардѣ. Низшую степень между этими сословіями занимаютъ унауты (рабы); за ними слѣдуетъ сословіе пшитлей — тоже что кабардинскіе логанапуты, т. е. крестьяне, живущіе при дворахъ владѣльцевъ, но особымъ хозяйствомъ и семьею, и, наконецъ, сословіе оговъ, съ тѣми же правами и обязанностями, какъ и кабардинскіе оги (Горская лѣтопись, стр. 19—24.) Поэтому, не входя въ подробное исчисленіе всѣхъ обязанностей, лежащихъ на этихъ сословіяхъ, а равно и нѣкоторыхъ правъ, установленныхъ обычаемъ по отношенію къ пшитлямъ и огамъ, — ограничимся только приведеніемъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ объ этихъ зависимыхъ.

	ЧИСЛО ДУШЪ ЗАВИСИМЫХЪ.						
	Унаутовъ.		Пшитлей.		Оговъ.		ВСЕГО.
Въ округахъ:	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Псекупскомъ.....	130	308	804	685	—	—	1927
Лабинскомъ.....	319	663	2944	2421	61	48	6456
Урупскомъ.....	143	326	589	524	25	21	1628
Зеленчукскомъ...	172	466	2357	1823	5	3	4826
Эльборусскомъ...	292	353	1134	1014	—	—	2793
Итого..	1056	2116	7828	6467	91	72	17630

Таковы числовыя свѣдѣнія о зависимыхъ сословіяхъ въ горскихъ округахъ Кубанской области, добытыя къ началу 1867 года и представленныя въ Комитетъ по освобожденію зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа, учрежденный съ Высочайшаго разрѣшенія въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Кардова. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ съ уясненіемъ отношеній зависимыхъ къ ихъ владѣльцамъ, показали всю необходимость ограничиться до времени въ этой части края подготовительными работами, могущими облегчить впослѣдствіи безостановочное и спокойное выполненіе освобожденія. Поэтому, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Арміею, предложилъ начальнику Кубанской области созвать въ каждомъ округѣ депутатовъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для предварительнаго обсужденія порядка и условій, при которыхъ—по ихъ мнѣнію—удобнѣе всего можетъ совершиться предпринятая реформа. Къ концу 1867 года, депутаты эти, руководимые мѣстными начальниками, выработали основанія для обязательнаго освобожденія зависимыхъ; но въ то же время начали являться случаи добровольныхъ соглашеній по освобожденію. Вслѣдствіе этого и послѣ подробнаго обсужденія въ названномъ Комитетѣ выработанныхъ депутатами основаній освобожденія, Его Высочество призналъ полезнымъ — рѣзрѣшить въ Кубанской области продолжить срокъ для заключенія добровольныхъ соглашеній между зависимыми и ихъ владѣльцами до 1-го ноября 1868 года.

Такимъ образомъ въ настоящее время въ округахъ Кубанской области продолжается еще періодъ добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и ихъ зависимыми; но съ 1-го ноября текущаго года долженъ наступить уже срокъ обязательнаго освобожденія послѣднихъ. Въ руководство, какъ при заключеніи добровольныхъ сдѣлокъ, такъ и при обязательномъ освобожденіи, Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ Арміею, съ Высочайшаго разрѣшенія, преподаны Начальнику области опредѣленныя нормы и правила, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Всѣ разныхъ наименованій горскія зависимыя сословія въ Кубанской области пріобрѣтаютъ свободу, съ обязательствомъ или отбывать своему владѣльцу, въ теченіи не свыше 5 лѣтъ для пшитлей и 4-хъ лѣтъ для унаутъ, установленныя обычаемъ работы и услуги, или внести за себя выкупъ, смотря по полу и возрасту, отъ

15—150 р. для пашенъ и отъ 20—200 р. для усадъ; дѣти не моложе 7-ми лѣтъ и старики освобождаются безвозмездно.

2) Уплата, взамѣнъ отбыванія работъ, опредѣленной суммы можетъ быть разрочена до 6 лѣтъ со дня освобожденія.

3) Выборъ того или другаго способа удовлетворенія владѣльца предоставляется обоюдному соглашенію освобождающагося съ владѣльцемъ, а при несогласіи ихъ опредѣляется посредникомъ.

5) Для утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ и для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникать между владѣльцами и освождающимися, назначаются особыя лица, въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, дѣйствующіе на основаніи данной имъ инструкціи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ официальнымъ путемъ, добровольныя соглашенія между владѣльцами и освобождаемыми въ горскихъ округахъ Кубанской области идутъ успѣшно, въ особенности-же въ округахъ: Урупскомъ (гдѣ уже къ іюлю мѣсяцу освобождены были почти всѣ зависимые), въ Эльборусскомъ (освобождено къ тому-же времени болѣе 1500 душъ) и въ Зеленчукскомъ (освобождено къ тому-же времени до 900 душъ). Наименьшее число случаевъ добровольнаго соглашенія по освобожденію зависимыхъ произошло къ тому-же времени (къ 1-му іюля) въ округѣ Лабинскомъ (всего 21 случай) и затѣмъ въ Псекупскомъ (до 130).

ИЗЪ ГОРСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

(извлеченіе изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

1. Народная казнь женщины въ Калакахъ *).

2-го Апрѣля 1866 года калакскіе мальчики Махмадъ-Рамазанъ-швили, 8 лѣтъ, и Шейхъ-Ибрагимъ-швили, 5 лѣтъ, играя около боль-шой калакской рѣчки, ниже селенія, увидѣли выплывшее на мель мертвое дитя и вытащили его на берегъ. Въ то время, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нихъ, одинъ изъ жителей сел. Калакъ, по имени Махмудъ-Тукулавъ, совершалъ намазъ и мальчики закри-чали ему, чтобы онъ пришелъ посмотрѣть, что ими найдено. Тукулавъ, подойдя къ мальчикамъ, взялъ мертвое дитя и принесъ его въ селеніе, гдѣ собравшіеся мужчины и женщины осмотрѣли дитя и при-знали его новорожденнымъ.

Такъ какъ калакскаго нусель-бетера (старшины), Сайда-Махма-диль-васа, и многихъ другихъ жителей не было въ селеніи, то по-слали за ними по хуторамъ; когда же собрались всѣ, тогда по об-щему опредѣленію джамаата предложили женщинамъ узнать, кѣмъ изъ нихъ рождено найденное дитя. Женщины, осмотрѣвъ одна другую, объявили, что дитя то рождено калакскою жителькою, вдовою Хади-жамою, дочерью Мухаммада, у которой въ грудяхъ оказалось молоко. Послѣ этого Хаджама была арестована. На допросы, сдѣланные ей нусель-бетеромъ и чохбіями (сельскіе судьи), она отвѣчала, что най-денное въ рѣчкѣ дитя дѣйствительно рождено ею и брошено въ рѣч-ку ею же самою, что прижила она его отъ калакскаго жителя Махму-

*) Калаки—селеніе въ Средвемъ Дагестанѣ, въ обществѣ Капуча; на-зывается еще, на мѣстномъ языкѣ, Тлядалъ; въ немъ считается болѣе 450 душъ населенія.

да-Сутакъ-швили, бывшаго прежде мужемъ ея, и что Махмудъ разъ ночью, пробравшись къ ней потихоньку изъ нижняго этажа сакли въ верхній, чрезъ приподнятую въ полу доску, изнасиловалъ ее; но Махмудъ въ взводимомъ на него преступленіи не сознался и ничѣмъ не уличенъ Хаджжамою, а хозяинъ сакли *) объяснилъ, что въ отверстіе, въ которое, по показанію Хаджжамы, поднялся въ верхній этажъ Махмудъ, никакъ пролѣзть нельзя.

По обнаруженію виновности Хаджжамы, джамаатъ рѣшилъ немедленно казнить ее, но нусель-бетеръ и чохбіи уговорили народъ сначала донести объ этомъ случаѣ анцухо-кацучинскому наибу, который далъ джамаату предписаніе **), понятое джамаатомъ такъ, чтобы, по общему соглашенію калакцевъ, на что будетъ согласенъ и наибъ, поступлено было съ Хаджжамою по адату.

Основываясь на этомъ, джамаатъ рѣшилъ, согласно существовавшему у нихъ адату ***), побить Хаджжаму камнями и казнь эту привести въ исполненіе немедленно, на что согласились и родственники осужденной. Тогда мальчики, по приказанію старѣйшинъ, приготовили камни, и Хаджжама была приведена на назначенное мѣсто, гдѣ ее вновь спросилъ народъ: признаетъ-ли она себя виновною въ прелюбодѣяніи? Хаджжама, повторивъ сказанное ею прежде, сѣла на землю и просила скорѣе окончить казнь надъ нею. Какъ только она произнесла это, со всѣхъ сторонъ полетѣли въ нее камни и вскорѣ она была убита и потомъ похоронена, но не на общемъ кладбищѣ, а отдѣльно.—Нусель-бетеръ же и чохбіи, отойдя въ сторону, не принимали никакого участія въ этихъ дѣйствіяхъ народа.

Наибъ, получивъ отъ калакцевъ донесеніе объ этой казни, пріѣхалъ въ Калаки самъ и, собравъ джамаатъ, объяснялъ ему, что онъ не такъ понялъ его бумагу, и требовалъ ея для разъясненія происшедшаго недоразумѣнія, для чего вызвалъ изъ сосѣдняго селенія, Бежиты, грамотныхъ людей—Султанъ-Дебира и бежитскаго муллу; но калакцы, опа-

---

*) Хаджжама жила въ чужомъ домѣ, у родственниковъ своихъ.

**) По неграмотности калакцевъ, предписаніе читалъ и переводилъ сельскій мулла Хайдалъ-Дебиръ, житель Ухнадальскаго общества.

***) Въ Капучѣ и другихъ мѣстахъ Анцухо-кацучинскаго и Богнадальскаго наибствъ существовалъ слѣдующій адатъ: женщинъ прелюбодѣекъ, замужнихъ или бывшихъ уже замужемъ, но разведшихся съ своими мужьями, побивали камнями, а не бывшихъ замужемъ наказывали розгами. Относительно-же того, чему подвергается женщина за убійство своего дитяти для скрытія прелюбодѣянія, отдѣльнаго адата не существуетъ.

сась, чтобы полученное имъ предписаніе не затерялось, не возвратили его наибу. Тогда наибъ предложилъ джамаату, чтобы онъ далъ ему бумагу, въ которой было-бы сказано, что джамаатъ распорядился убійствомъ женщины самъ отъ себя. Джамаатъ сначала согласился на это требованіе и Султанъ-Дебиръ началъ было писать эту бумагу; но, послѣ совѣщаній, народъ отказался исполнить требованіе наиба...

Уѣзжая изъ сел. Калакъ, наибъ, вслѣдствіе происшедшихъ безпорядковъ, нашелъ нужнымъ удалить отъ должностей нусель-бетера и чохбіевъ и назначилъ на мѣсто ихъ другихъ лицъ.

Все вышесказанное взято со словъ какъ самого наиба, такъ и нѣсти выборныхъ лицъ отъ калакскаго джамаата....

---

2. Убійства и казнь женщины въ сел. Оглы *).

25-го ноября, 1866 года, передъ вечеромъ, около кладбища сел. Оглы, въ небольшомъ оврагѣ, найденъ былъ пастухами обезображенный и обнаженный трупъ семилѣтняго мальчика.

Пастухи дали объ этомъ знать въ селеніе кадію и картамъ, и, по осмотрѣ ими тѣла, оно оказалось съ выдавленными глазами, 14-ю ранами на тѣлѣ, нанесенными, какъ должно полагать, камнемъ; но такъ какъ изъ этихъ ранъ ни одна не была смертельною, то осматривавшіе признали, что мальчикъ кѣмъ-либо удушенъ.

По перенесеніи тѣла этого въ деревню, въ немъ узнали сына оглинскаго жителя Дацій-Дацій-оглы, Османа.

Дацій въ то время находился на кутанѣ **) и, прибывъ по извѣстію о случившемся съ его сыномъ поздно вечеромъ, нашелъ въ домѣ своемъ много родственниковъ и односельцевъ, пришедшихъ съ изъявленіемъ соболѣзнованія.

---

*) Селеніе Оглы находится въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ бывшемъ Мехтулинскомъ ханствѣ, а теперь округѣ Темиръ-ханъ-Шуринскомъ; въ селеніи этомъ числится жителей болѣе 950 д. об. пола.

**) На хуторѣ.

Будучи пораженъ обезображеннымъ трупомъ сына, который, за нѣсколько часовъ, оставленъ былъ имъ совершенно здоровымъ, и недоумѣвая въ томъ, кого и что могло возбудить противу такого ребенка, Дацій тогда-же обратился къ находившимся тутъ людямъ съ просьбою посовѣтовать ему, что онъ долженъ дѣлать въ постигшемъ его несчастіи, и сказать ему откровенно, кому онъ причинилъ такое зло, которое могло бы вызвать подобное мщеніе.

Присутствовавшіе отвѣчали, что и сами недоумѣваютъ, кто и за что могъ бы поступить такъ безбожно съ ребенкомъ; но что они признаютъ совершившаго это дѣло врагомъ не одного Дація, а цѣлаго джамаата; и когда преступникъ будетъ открытъ, то готовы сами предать его смерти и даже истребить его съ жилищемъ, дабы о такомъ человѣкѣ, опозорившемъ ихъ селеніе своимъ злодѣйствомъ, не осталось и помину, и, поэтому, совѣтуютъ ему успокоиться.

На другой день, 26 ноября, въ день джумы, были похороны Османа. Кромѣ оглинцевъ съѣхались многіе изъ ближайшихъ селеній—Кулецмы, Ахкента и Аймаки—частію родственники, частію знакомые Дація.

На похоронахъ оглинцы долго обсуждали совершившееся у нихъ злодѣйство, высказали еще болѣе негодованія и болѣе рѣшимости на жестокую кару преступнику. Кулецминцы, ахкентцы и аймакинцы совершенно согласились съ оглинцами въ необходимости безпощаднаго наказанія преступника, для удержанія злодѣевъ отъ повторенія подобныхъ дѣлъ.

27 и 28 прошли въ напрасныхъ распросахъ, а 29 числа мать Дація узнала, что за два часа предъ отысканіемъ трупа внука ея Османа, его видѣли шедшимъ къ сторонѣ кладбища вмѣстѣ съ одной изъ женъ Дація и что послѣ того мальчикъ не возвращался домой.

Здѣсь нужно объяснить, что семейство Дація-Дацій-оглы, до описываемыхъ событій, состояло изъ двухъ женъ:

одной, по имени Султанумъ, отъ которой Дацій имѣлъ двухъ сыновей: Османа, 7 лѣтъ (удушеннаго 25 ноября), и грудного ребенка Магомы, и

другой—Ашуры, 18 лѣтъ, на которой Дацій женился пять мѣсяцевъ тому назадъ.

Послѣдняя была дочь оглинскаго кадія Иманъ-Али; Дацій и она влюбились другъ въ друга, задолго до брака ихъ, и хотя Дацій сватался ее, но кадій Иманъ-Али отказалъ ему, такъ-какъ Дацій имѣлъ

уже одну жену, отъ которой у него были и дѣти, и засваталъ ее за сына оглинскаго жителя Аджи-Гусейнъ-оглы. Тогда Ашура подговорила Дацію увезти ее. Онъ исполнилъ это и затѣмъ склонилъ отца ея дать согласіе на ихъ бракъ, который и состоялся въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 года.

Мать Дація, о которой упомянуто выше, по имени Узу, не жила въ домѣ сына, а будучи за вторымъ мужемъ, оглинскимъ жителемъ Османомъ-Амзатъ-оглы, жила съ этимъ послѣднимъ.

Когда узнано было, что удушенный мальчикъ, за два часа до отысканія трупа его, замѣченъ былъ шедшимъ къ сторонѣ кладбища вмѣстѣ съ Ашурою, то свекровь и мужъ ея заподозрили ее, что она непремѣнно должна знать, кѣмъ и какъ совершено удушеніе.

Подозрѣніе это усилено было тѣмъ, что Дацій и прежде замѣчалъ въ Ашурѣ признаки затаенной злобы къ его дѣтямъ отъ первой жены, и когда до того еще обращался къ ней съ просьбою, чтобы она приняла участіе въ розыскѣ убійцы сына его, она постоянно отвѣчала, что не въ состояніи ничего узнать и притомъ каждый разъ обнаруживала сильный испугъ.

На основаніи этихъ обстоятельствъ, Дацій сталъ уговаривать Ашуру признаться ему во всемъ и обѣщалъ ей, что она ни въ какомъ случаѣ не будетъ наказана, хотя бы для него пришлось пожертвовать единственнымъ оставшимся у него грудянымъ ребенкомъ.

Ашура долго не признавалась, мужъ пересталъ допрашивать ее и въ ту же ночь, на 30 ноября, перевелъ ее въ домъ вотчима своего, Османа, дабы, послѣ обнаруженныхъ подозрѣній, между ею и другою женою—Султанумъ, матерью удушеннаго, не произошло какой-либо драки; но Султанумъ послѣдовала за нею и въ домъ Османа и вмѣстѣ съ матерью Дація стала настоятельно требовать отъ нея признанія, а въ противномъ случаѣ грозила ей удушеніемъ. Чтобы болѣе напугать ее, обѣ женщины, Узу и Султанумъ, надѣли Ашурѣ петлю на шею.

Этою угрозою вынуждено у Ашуры первое сознаніе. Было уже далеко за полночь, когда она разсказала, что, желая сдѣлаться главною хозяйкою въ домѣ и устроить такъ, чтобы мужъ ея развелся съ первою женою и чтобы все имѣніе его осталось исключительно дѣтямъ ея, которыя будутъ отъ него, она совѣтовалась, по этому дѣлу, съ родственникомъ своимъ Чолапомъ-Казанъ-оглы. Онъ предложилъ ей истребить дѣтей своего мужа отъ первой жены и говорилъ,

что если она этого не сдѣлаетъ, то Дацій легко, быть можетъ, разлюбитъ ее, и, разведясь съ нею, останется при одной первой женѣ. Ашура приняла этотъ совѣтъ и, уговорясь съ Чопаномъ 25 числа ноября, давъ мальчику Осману яблокъ, взяла его на кладбище, гдѣ ожидалъ ее Чопанъ. Придя туда, она передала ему мальчика, и когда Чопанъ зажалъ ему ротъ и сталъ тащить въ сторону, то мальчикъ, желая воспротивиться, хватался за Ашуру и сильно оцарапалъ ей лицо. Затѣмъ она не видала, какимъ образомъ умертвилъ его Чопанъ, потому что отошла въ сторону, для надзора, не идетъ-ли кто-либо; такъ-же, въ другой сторонѣ, стоялъ съ баранами и 15-ти лѣтній сынъ Чопана, Дибиръ-Али; но по приказанію-ли отца или нѣтъ—она не знаетъ.

Сознаніе это сообщено Дацію и повторено Ашурою предъ сельскимъ будуномъ и бекуломъ, которые были тогда же призваны въ домъ Османа.

Удрученный двойнымъ горемъ, что главною виновницею удушенія его сына обнаружилась любимая имъ жена, и опасаясь увлеченія злобою, Дацій тогда-же далъ знать своимъ родственникамъ о сознаніи жены его Ашуры и просилъ ихъ не оставлять его до утра, пока онъ заявитъ завѣдывавшему горными деревнями, милиціи юнкеру Асельдеру-Багатыръ-оглы *), о сдѣланныхъ открытіяхъ.

Завѣдывавшій горными деревнями командированъ былъ въ сел. Оглы помощникомъ мехтулинскаго хана, по первоначальному же извѣстію о найденномъ удушенномъ мальчикѣ. Онъ прибылъ туда 26-го числа и, не могши ничего узнать, поручилъ самому Дацію сдѣлать тщательныя развѣдки и объявить ему, на кого онъ взведетъ подозрѣніе.

Съ разсвѣтомъ 30 числа вотчимъ Дацій, Османъ, въ домѣ котораго находилась Ашура, поспѣшилъ дать знать юнкеру Асельдеру о признаніи ея. Вслѣдъ за Османомъ пришелъ къ Асельдеру оглинскій бекулъ, по имени Дибиръ, съ тѣмъ-же объявленіемъ, и Асельдеръ тотчасъ-же послалъ бекула и служителя своего, оглинскаго жителя

*) Шесть деревень бывшаго мехтулинскаго ханства, а именно: Оглы, Кулецма, Ахиентъ, Аймаки, Верхніе Чоглы и Апши, расположенныя въ болѣе гористой мѣстности, именуются горными деревнями. Онѣ съ давняго времени завѣдывались особымъ лицомъ, избираемымъ и назначаемымъ мехтулинскимъ ханомъ или правителями ханства, въ качествѣ сверхштатнаго наиба. Юнкеръ Асельдеръ завѣдывалъ этими деревнями съ 1862 года.

Ашу, съ тѣмъ чтобы они немедленно привели Чопана, дабы расспросить его и затѣмъ скрыть у себя отъ всякаго столкновенія съ Даціемъ и его родственниками, пока онъ отправленъ будетъ къ начальству.

Но, по несчастію Чопана и самого Дація, въ то время, когда первый пошелъ къ дому, въ которомъ былъ напбъ, —и Даціи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и свой матери Ашу вышелъ на улицу, съ намѣреніемъ идти къ завѣдывавшему горными деревнями викеру Асельдеру, для объявленія ему о признаніи Ашуры. Неожиданно завидя недалеко отъ себя Чопана, Даціи и бывшіе съ нимъ родственники вспыхнули тою неудержимою злобою, какая обыкновенно вспыхиваетъ у горцевъ при видѣ кровнаго врага и стремительно бросились за нимъ; Чопанъ забѣжалъ въ дворъ дома, въ которомъ жилъ Асельдеръ *), но пока успѣлъ взойти въ комнату его во второмъ этажѣ, Даціи сдѣлалъ по немъ два выстрѣла изъ обонхъ бывшихъ съ нимъ пистолетовъ и ранилъ его два раза пулями. Затѣмъ Чопанъ, вошедши въ комнату Асельдера, не могъ уже держаться на ногахъ и упалъ у самыхъ дверей.

Асельдеръ застигнутъ былъ этою суматохою врасплохъ. При немъ не случилось ни одного человѣка *). Выстрѣлы на его дворѣ услышалъ онъ во время совершенія имъ утренней молитвы и пока успѣлъ накинуть на себя платье и взять оружіе, Чопанъ лежалъ уже предъ нимъ окровавленный, а въ дворѣ раздавались крики преслѣдовавшихъ его. Асельдеръ тотчасъ бросился къ дверямъ и, заперевъ ихъ, пытался было удержать отъ напора преслѣдовавшихъ Чопана, но не могъ выдержать этого напора. Даціи съ обнаженнымъ кинжаломъ, мать его и нѣсколько родственниковъ вломились въ комнату. Растерявшись отъ внезапности и свирѣпости нападенія, Асельдеръ не съумѣлъ предпринять ничего и оставался безмолвнымъ, пока Чопанъ, добитый кинжалами, не былъ оставленъ врагами его.

Самъ Даціи говорилъ, что въ комнатѣ Асельдера онъ нанесъ Чопану еще нѣсколько тяжелыхъ кинжальныхъ ранъ, а мать его по-

---

*) Домъ этотъ двухъ-этажный; внизу помѣщается скотъ, а на верху жилыя комнаты. Онъ принадлежитъ вдовѣ Патимать и въ немъ обыкновенно останавливаются почти всѣ проѣзжіе.

*) Шедшіе съ Чопаномъ оглинскій бекулъ и слуга Асельдера, опереженные Даціемъ и его родственниками, остались на улицѣ и не рѣшились остановить нападающихъ.

казала, что накинулась на умиравшаго и, схвативъ его за горло, кричала ему, чтобы онъ указалъ, гдѣ рубаха и папаха задушеннаго имъ внука ея. Чопанъ нѣсколько разъ произнесъ: спросите Ашуру—и у него началось предсмертное хрипѣніе. Тутъ мать Дація нанесла умиравшему еще нѣсколько ранъ кинжаломъ задушеннаго своего внука и поспѣшила къ себѣ въ домъ для новаго допроса Ашуры.

За нею вышли Дацій и родственники его и направились къ дому перваго. Въ собравшейся по выстрѣламъ толпѣ Дацій замѣтилъ Дибиръ-Алія, сына убитаго имъ Чопана. Будучи еще внѣ себя отъ злобы и полагая, по словамъ жены своей, что онъ также былъ соучастникъ въ удушеніи сына его, Дацій замахнулся на него кинжаломъ и нанесъ ему рану, которая оказалась смертельною. Дибиръ-Али умеръ отъ нея 4-го декабря.

Между тѣмъ въ Оглахъ мгновенно распространилась молва о случившемся въ то утро, вслѣдствіе ночнаго сознанія Ашуры, и собравшаяся по выстрѣламъ толпа стала увеличиваться; къ ней прибывали многіе изъ окрестныхъ деревень и началось обсужденіе убійства Чопана и пораненія его сына. Всѣ находили это дѣло справедливымъ возмездіемъ за совершенное Чопаномъ злодѣяніе и признавали необходимымъ немедленно предать смерти и главную виновницу злодѣянія—Ашуру. Множество людей кричало, что она должна быть убита публично, такъ какъ преступленіе ея, еще небывалое въ ихъ деревнѣ, позоритъ всѣхъ безъ исключенія.

Въ это самое время происходилъ второй допросъ Ашуры и тѣмъ-же способомъ, какой былъ употребленъ предъ первымъ ея сознаніемъ.

Мать Дація, Узу, и первая жена его, Султанумъ, послѣ тщетныхъ допросовъ, снова натянули ей на шею петлю и требовали указанія, гдѣ рубаха и папаха удушеннаго внука первой и сына второй, Османа.

Ашура сдѣлала второе сознаніе. Она объяснила, что, удушивъ мальчика, Чопанъ снялъ съ него рубаху и папаху и говорилъ, что тѣло удушеннаго мальчика, брошенное имъ въ оврагъ, едва-ли будетъ отыскано скоро; что до того времени онъ или сама Ашура могутъ подбросить эти вещи къ такому лицу, къ которому они питаютъ ненависть и тѣмъ навести на него подозрѣніе Дація и общества въ убійствѣ пропавшаго мальчика; что, послушавъ Чопана, она взяла не-

реданныя ей вещи и запрятала ихъ въ свою подушку, впредь до удобнаго времени подбросить ихъ кому-либо.

Узнавши это, обѣ женщины, Узу и Султанумъ, побѣжали въ домъ Дація и, распоровъ подушку, дѣйствительно нашли въ ней окровавленныя рубаху и папаху. При видѣ этихъ вещей онѣ подняли громкіе вопли и оглашали воздухъ такими проклятіями на Ашуру, что многіе изъ жителей прибѣжали узнать, что случилось новаго. Имъ разсказали о второмъ признаніи Ашуры и оно сдѣлалось извѣстнымъ всему сельскому сборищу. Негодованіе толпы перешло въ ярость, и та часть ея, которая состояла изъ родственниковъ матери задушеннаго мальчика, кричала, что сама закидаетъ виновницу каменьями, если отецъ или мужъ будутъ медлить казнью ея.

Это рѣшеніе было уже произнесено, когда прибылъ къ толпѣ завѣдывавшій горными деревнями Асельдеръ, который, по уходѣ Дація съ родственниками изъ его дома, написалъ о случившемся въ его квартирѣ помощнику мехтулинскаго хана, бывшему въ сел. Аймаки, и просилъ спѣшить въ сел. Оглы, дабы въ немъ не произошло какого-либо новаго безпорядка.

Еще прежде прихода Асельдера, вотчимъ Дація, Османъ-Амзатъ-оглы, въ домѣ котораго находилась Ашура, умолялъ толпу не принимать на себя рѣшенія казни этой женщины, не нарушать адата, по которому она, будучи взята имъ подъ свое покровительство, не можетъ быть выведена силою изъ его дома, безъ нанесенія ему кровной обиды, а предоставить рѣшеніе ея участи усмотрѣнію начальства; но ему отвѣчали, что защитникъ такой женщины будетъ признанъ врагомъ всего селенія, и потому совѣтовали ему отказаться отъ нея.

За Османомъ пришелъ къ толпѣ, какъ выше сказано, Асельдеръ и упрашивалъ ее образумиться, не дѣлать расправы надъ Ашурою, такъ какъ судъ надъ нею принадлежитъ начальству, и не подвергать себя отвѣтственности за самоуправство. Толпа отвѣчала, что за наказаніе такой злодѣйки джамаатъ не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности, что, во всякомъ случаѣ, они не могутъ оставить ее безъ немедленной казни и никто не остановитъ ихъ въ исполненіи этого рѣшенія.

Увѣщанія Асельдера поддерживали еще двое оглинцевъ и два посторонніе жителя; но напрасно.

Подавленный яростнымъ состояніемъ толпы и безсиліемъ своимъ сдѣлать что-либо для удержанія ея отъ своевольства, Асельдеръ уда-

лился на свою квартиру. Толпа-же въ нетерпѣніи—увидѣть поскорѣе казнь Ашуры, послала къ отцу ея, Имамъ-Али кадію *), требовать отъ него убійства дочери, а когда онъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она выдана замужъ, онъ не имѣетъ надъ нею никакой власти, толпа отправила людей къ мужу Ашуры, Дацію, чтобы онъ немедленно убилъ ее. Дацій отвѣчалъ, что не желаетъ убивать жены своей и никому нѣтъ до этого дѣла. Ему прислали снова сказать, что преступленіе ея касается всего селенія и онъ не вправѣ прощать ее, а если онъ и за симъ откажется, то народъ самъ умертвитъ Ашуру. Не дождавшись отвѣта на второе посольство, толпа отправила людей, чтобы взять ее изъ дому вотчима Дація, Османа, и вести къ мужу на безотлагательную казнь.

Посланные вытащили ее изъ дому Османа и повели къ дому Дація. Толпа хлынула за нею. Мужчины, женщины, дѣти обоихъ половъ—все соединилось въ одномъ общемъ требованіи смерти Ашуры и готово было закидать ее каменьями, если бы Дацій сталъ медлить.

Вынужденный неотразимою настойчивостію толпы, Дацій вышелъ къ ней, просилъ ее оставить жену его и предоставить ему самому казнить ее, если это необходимо. Затѣмъ онъ вынулъ пистолетъ и, отвернувшись въ сторону, выстрѣлилъ въ свою жену почти въ упоръ **). Ашура упала за-мертво. Толпа отошла отъ дому Дація и продолжала толковать о событіяхъ дня.

Въ этихъ толкахъ прошло еще около часу, когда въ Оглы пріѣхалъ помощникъ хана. Узнавши, что Ашура уже убита, онъ потребовалъ къ себѣ сборище оглинцевъ, высказалъ имъ безразсудное ихъ озлобленіе и своевольство, ими сдѣланное, и сказалъ имъ, что онъ будетъ просить высшее начальство о строгомъ наказаніи ихъ за самоуправство.

Оглинцы отвѣчали, что злодѣяніе, совершенное Чопаномъ и Ашурою, было такъ возмутительно, что сельское общество напередъ

*) По раздавшимся выстрѣламъ кадій выскочилъ было изъ дому и пошелъ къ квартирѣ завѣдывающаго горными деревнями, но, узнавъ на дорогѣ, вслѣдствіе какого признанія его дочери Дацій напалъ на Чопана, онъ почелъ за лучшее удалиться въ домъ свой, дабы Дацій или народъ не причинили и ему какой-либо обиды за злодѣяніе дочери. Затѣмъ онъ уже не показывался до пріѣзда помощника хана.

**) Прежде чѣмъ Дацій рѣшился на это, онъ послалъ спросить отца Ашуры, Имамъ-али кадія, какъ поступить ему съ настоятельнымъ требованіемъ общества казнить ее. Кадій отвѣчалъ: „Я не судья въ этомъ дѣлѣ: поступи какъ знаешь“.

присудило виновныхъ къ смерти и послѣ не хотѣло отступиться отъ этого рѣшенія, полагая, что немедленное наказаніе подобныхъ злодѣевъ не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго волѣ начальства; но, теперь, сознавая вполнѣ, что они сдѣлали большое своевольство, предаютъ себя милостивому воззрѣнію начальства. Въ этомъ-же смыслѣ оглинцы подали ему прошеніе.

Затѣмъ, помощникъ хана, арестовавъ Дація-Дацій-оглы, мать его Узу и двоюродныхъ братьевъ Дація: юнкера милиціи Дади-Узуоглы изъ селенія Кулицма и Магому-Али-оглы оглинца, какъ главныхъ виновниковъ въ убійствѣ Чопана, донесъ о случившемся.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Дѣло введенія письменности и распространенія грамотности на туземныхъ горскихъ языкахъ, начатое по иниціативѣ генералъ-лейтенанта Бартоломея и генералъ-маіора Услара, нашло поддержку, почти одновременно, со стороны Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и со стороны военнаго вѣдомства. Поводомъ къ такой поддержкѣ послужили, между прочимъ, общія какъ для Общества, такъ и для администраціи края цѣли: легчайшее и скорѣйшее распространеніе въ массѣ горскаго населенія полезныхъ свѣдѣній и согласныхъ съ видами правительства понятій, съ уменьшеніемъ въ тоже время вреднаго въ политическомъ смыслѣ вліянія на горцевъ арабской учености. Составленіе генералъ-маіоромъ Усларомъ общаго для всѣхъ кавказскихъ языковъ алфавита; глубокія грамматическія и филологическія изслѣдованія его надъ болѣе распространенными горскими языками, именно: абхазскимъ, кабардинскимъ, чеченскимъ, аварскимъ, казикумухскимъ и даргинскимъ; составленіе имъ самимъ или подъ непосредственнымъ его руководствомъ букварей и книгъ на этихъ языкахъ; труды генералъ-лейтенанта Бартоломея по изученію языковъ сванетскаго, абхазскаго и чеченскаго и составленіе имъ букварей и

книгъ на этихъ языкахъ; изданія Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ разныхъ, преимущественно духовнаго содержанія, книгъ на осетинскомъ языкѣ,—все это подвинуло дѣло введенія письменности и распространенія грамотности на горскихъ языкахъ на столько, что, ежели поддержка этого дѣла со стороны общества и администраціи будетъ продолжаться и впредь, даже хотя только въ такомъ размѣрѣ, какъ это было съ 1861 года до настоящаго времени, то можно отъ этого ожидать самыхъ благотворныхъ результатовъ.

Считаемъ нелишнимъ представить здѣсь перечень тѣхъ изданій на горскихъ языкахъ, которыя напечатаны были въ типографіи Окружнаго Штаба на средства военнаго вѣдомства, и тѣхъ распоряженій этого вѣдомства, которыя клонились къ распространенію грамотности въ средѣ горскаго населенія, на его-же родныхъ языкахъ.

1. *По кабардинскому языку.* На этомъ языкѣ напечатаны слѣдующія книги и брошюры:

а) *Правила мусульманской вѣры*, переведенныя съ арабскаго на кабардинскій языкъ поручикомъ Магометомъ Шардановымъ. Печатано въ 1864 году.

б) *Два отрывка изъ народной поэмы Сосруко; Хосна* (переводъ изъ сочиненія „La Perse“ Loui de Dubeuf) и *Ашикъ-Карибъ* (переводъ сказки Лермонтова). Брошюра, составленная на кабардинскомъ языкѣ прапорщикомъ Кази Атажукинымъ, напечатана въ 1864 году.

в) *Нѣсколько разсказовъ изъ Гюлистана*, соч. Саади, переведенные на кабардинскій языкъ прапорщикомъ Кази Атажукинымъ; напечатаны въ 1864 году.

г) *Букварь кабардинскаго языка*, составленный (по методѣ Золотова) прапорщикомъ Кази Атажукинымъ, напечатанъ въ 1865 году.

д) *О водѣ, воздухѣ и ихъ видоизмѣненіяхъ*; переводъ съ русскаго (изъ „Дѣтскаго міра“ Ушинскаго) на кабардинскій языкъ Кази Атажукина, напечатанъ въ 1867 году.

Всѣ эти брошюры распространены въ Кабардѣ.

Съ цѣлью распространенія грамотности на кабардинскомъ языкѣ, въ 1866 году, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею и на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была въ Нальчикѣ школа для приготов-

ленія сельскихъ учителей кабардинскаго языка. Въ школѣ этой предположено было обучать чтенію и письму на кабардинскомъ языкѣ, а также счисленію и первымъ 4-мъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ на томъ-же языкѣ. Число учениковъ въ ней опредѣлено на первый разъ отъ 10 — 20-ти. Курсъ ученія каждой партіи учениковъ долженъ былъ продолжаться отъ 3 — 6-ти мѣсяцевъ. Въ школѣ этой съ начала открытія ея по настоящее время обучено, болѣе или менѣе удовлетворительно, чтенію и письму на кабардинскомъ языкѣ болѣе 20 человѣкъ. Хотя, по первоначальному предположенію, ученики эти должны были быть назначены сельскими учителями, но предположеніе это не приведено временно въ исполненіе, по нѣкоторымъ неблагопріятствовавшимъ этому дѣлу мѣстнымъ обстоятельствамъ.

2. *По чеченскому языку. Букварь чеченскаго языка*, составленный генералъ-маіоромъ Усларомъ, награвированъ былъ въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ бывшаго Главнаго Штаба Кавказской Арміи, въ началѣ 1863 года. По букварю этому обучаетъ чеченской грамотѣ учениковъ Грозненской горской школы учитель этой школы, мулла *Янгулбай Хасановъ*.

По выходѣ въ свѣтъ букваря и ариѳметики на чеченскомъ языкѣ, составленныхъ въ послѣднее время подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Бартоломея *), распространеніе грамотности на этомъ языкѣ будетъ, безъ сомнѣнія, облегчено. До сего-же времени препятствіемъ этому служило неимѣніе въ печати соотвѣтственныхъ руководствъ.

3. *По аварскому языку*. На этомъ языкѣ напечатаны:

а) *Аварская азбука*, составленная генералъ-маіоромъ Усларомъ. Напечатана въ типографіи бывшаго Главнаго Штаба Кавказской Арміи, въ 1865 году.

б) *Аварскія сказки*. Часть I: аа) *Морской конь*, бб) *Медвѣжье ухо*, вв) *Картъ и Чилбикъ* и гг) *Пѣсня*. Собраны Айдемиромъ Чиркеевскимъ и напечатаны въ типографіи Штаба войскъ Дагестанской области въ 1867 году, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генералъ-маіора Услара.

Къ печатанію второй части аварскихъ сказокъ въ той-же типографіи уже приступлено.

---

*) Букварь этотъ уже отпечатанъ.

Бывшимъ учителемъ аварскаго языка въ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи, *Мухаммедъ-Дебиръ-Хандіевымъ* составлены: а) *грамматика аварскихъ нарѣчій*, б) *христоматія на аварскомъ языкѣ, со словаремъ*, и в) *разговоры на аварскомъ языкѣ*. Сочиненія эти еще не напечатаны.

Генералъ-маіоръ Усларъ свои глубокія грамматическія и филологическія наслѣдованія надъ аварскимъ языкомъ изложилъ въ обширной запискѣ, впослѣдствіи отлитографированной, но мало распространенной, подъ названіемъ: „*Этнографія Кавказа. Маарульскій языкъ*.“

Для распространенія между обществами аварскаго племени грамотности на родномъ ихъ языкѣ, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею и на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была въ августѣ мѣсяцѣ 1866 г., первоначально въ Хунзахѣ, а вслѣдъ затѣмъ перенесена была въ Темиръ-Ханъ-Шуру, школа для обученія молодыхъ аварцевъ чтенію и письму, по азбукѣ, составленной генералъ-маіоромъ Усларомъ. Учителемъ въ эту школу назначенъ былъ хорошо знакомый съ аварскою грамотностью, природный аварецъ, Айдемиръ Чиркеевскій. По первоначальному предположенію, въ школу эту должно было быть собрано за одинъ разъ около 15-ти молодыхъ людей, преимущественно изъ тѣхъ обществъ, которыя говорятъ чистымъ аварскимъ языкомъ, — въ тѣхъ видахъ, чтобы они, по окончаніи курса ученія, могли распространять грамотность въ своихъ обществахъ. Впослѣдствіи, въ виду того, что первымъ практическимъ результатомъ распространенія аварской грамотности должно быть веденіе офиціальной переписки на аварскомъ языкѣ, вмѣсто арабскаго, — вызываемы были въ эту школу, по очереди, письмоводители наибовъ и окружныхъ судовъ изъ тѣхъ управленій, въ вѣдомствѣ коихъ населеніе говоритъ на аварскомъ языкѣ. Послѣдствіемъ этой мѣры оказалось то, что, съ конца 1866 года, во многихъ наибскихъ управленіяхъ Дагестана переписка съ окружными управленіями, производившаяся до того времени на арабскомъ языкѣ, замѣнена была перепискою на аварскомъ языкѣ, и что съ тѣхъ поръ число грамотныхъ туземцевъ постоянно увеличивается. Въ настоящее время такихъ можно насчитать болѣе 100, въ томъ числѣ есть чины конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка и Дагестанской постоянной милиціи, есть люди не занимающіе никакихъ служебныхъ постовъ, есть и муллы пожилыхъ лѣтъ, есть мо-

лодые люди и несовершеннолѣтніе. Такой благопріятный результатъ слѣдуетъ приписать, между прочимъ, врожденной наклонности аварцевъ къ ученію и замѣчательнымъ способностямъ этого племени.

4) *По казикумухскому языку.* На этомъ языкѣ напечатаны:

а) *Казикумухская азбука*, составленная генералъ-маіоромъ Усларомъ. Напечатана въ 1865 году.

б) *Вода, воздухъ и ихъ видоизмѣненія* (изъ „Дѣтскаго Міра" Ушинскаго), переведено на казикумухскій языкъ Абдуллою-Омаръ-оглы. Напечатано въ 1866 году.

6. *Ариѳметика на казикумухскомъ языкѣ*, составленная Абдуллою-Омаръ-оглы, напечатана въ 1867 году.

Для распространенія грамотности на этомъ языкѣ и съ цѣлью приготовленія сельскихъ учителей для обученія этой грамотѣ, въ 1866 году, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею, на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была школа въ Кумухѣ. Учителемъ этой школы былъ природный казикумухецъ Абдулла-Омаръ-оглы, основательно ознакомившійся съ письменностью на родномъ языкѣ. Подъ его руководствомъ обучено, болѣе или менѣе удовлетворительно, грамотѣ на казикумухскомъ языкѣ болѣе 30-ти человѣкъ. Въ числѣ учениковъ была одна женщина. Школа эта существовала только нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ закрытія ея, обученіемъ казикумухской грамотѣ нѣсколькихъ туземцевъ занимался письмоводитель казикумухскаго окружнаго суда.

Генералъ-маіоръ Усларъ свои обширныя грамматическія и филологическія изслѣдованія надъ языкомъ казикумухскимъ изложилъ въ пространной запискѣ, впослѣдствіи литографированной, но мало распространенной, подъ названіемъ: „*Этнографія Кавказа: языкъ Лакскій.*"

Вышеупомянутыя школы для обученія кабардинскому, аварскому и казикумухскому языкамъ существовали только временно, съ цѣлью приготовить нѣсколько десятковъ такихъ учителей, которые затѣмъ въ свою очередь могли-бы въ мѣстахъ своего постояннаго жительства обучать грамотѣ своихъ односельцевъ. Для поощренія ихъ къ обученію другихъ, Его Императорскимъ Высочествомъ назначено было каждому учителю, занимающемуся обученіемъ другихъ грамотѣ, денежное вознагражденіе, именно по 5-ти рублей за каждаго обученнаго мальчика или взрослаго. Послѣдствіемъ такого поощренія было то, что

нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ кальчинской, шуринской и кумухской школъ, по окончаніи курса ученія, занялись обученіемъ другихъ.

Въ прошломъ году генералъ-маіоръ Усларъ окончилъ свои грамматическія и филологическія изслѣдованія надъ языкомъ Даргинскимъ и приступилъ къ таковымъ-же изслѣдованіямъ надъ языкомъ Кюринскимъ (Лезгинскимъ). По окончаніи этого послѣдняго труда, всѣ главные горскіе языки будутъ разработаны и представится возможность на всѣхъ этихъ языкахъ издавать букварн и книги для чтенія, съ цѣлью распространенія между горцами полезныхъ для нихъ свѣдѣній.

Примѣчанія и поправки.

1. *Къ статьѣ: „Адаты и судопроизводство по нимъ:“*

а) Переводъ „Постановленій Кайтахскаго Уцмія Рустемъ-Хана“ сдѣланъ не съ арабскаго (стр. 80), а съ кайтахскаго языка, и все, что говорится въ этихъ „постановленіяхъ“ о правахъ *бека*, должно относиться къ *уцмію*.

б) Въ „сравнительной вѣдомости о числѣ убійствъ и пораненій (стр. 41), выставленные въ выноскахъ годы означаютъ время учрежденія окружныхъ управленій. Въ ту же вѣдомость, въ 1-ой вертикальной графѣ, вкралась опечатка: вмѣсто *число жителей* напечатано *число убійствъ*.

в) Вѣдомость о числѣ убійствъ и пораненій *за 1867 годъ* (стр. 72) составлена тогда, когда статья поступила уже въ печать, и цифры, въ ней заключающіяся, не были приняты во вниманіе при составленіи выводовъ, вошедшихъ въ статью.

г) Авторъ статьи, А. В. Комаровъ, держится въ нижеслѣдующихъ словахъ отличающагося отъ принятаго въ офиціальной перепискѣ правописанія: *Тленсерухъ* (Тлейсерухъ), *калынъ* (калымъ), *Сиргинское* (Сюргинское) общество, *Кайтахъ* (Кайтагъ) и пр.

д) Въ статьѣ замѣчены слѣдующія опечатки:

Страницы:	*строки:*	*напечатано:*	*должно быть:*
2	9	1868 года.	1867 года.
6	19	*и* возможность.	*а* возможность.
15	5	Дагестанскомъ.	Даргинскомъ.
19	25	Сура-Ката.	Сураката.
30	21	Кулла.	Кула.
33	32	Гимры.	Гимры.
54	2	игрушкахъ.	подушкахъ.
73	10	сопры.	сопри.

2. *Къ статьѣ: „Этнографическіе очерки Аргунскаго округа.“*

Стр. 21, вмѣсто джинымъ слѣдуетъ читать джинышъ.

Приложенный къ статьѣ рисунокъ древняго кубка полученъ въ редакціи по отпечатаніи статьи: слѣдуетъ замѣтить, что кубокъ этотъ найденъ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ отысканы изображенные на другомъ рисункѣ идолы и, вмѣстѣ съ ними, долженъ—по мнѣнію автора статьи—относиться къ одной и той-же эпохѣ.

3. *Горская лѣтопись.*

Стр. 8, 12-ая строка, напечатано: Салатовское, вм. Салатавское.

Стр. 48, 2-ая строка сверху, напечатано: въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, вм. въ Кайтагѣ и Табасаранахъ.

Стр. 69, 29-ая строка, напеч. сказик, вм. сказки.

Стр. 72, 1-ая строка, напеч. Нальчинской, вм. Нальчикской.

Одна изъ статей, напечатанныхъ для этой книги „Сборника“, отложена, вслѣдствіе чего въ пагинаціи оказался пропускъ 12 страницъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ,“ назначается гонорарій, по уговору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника,“ равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе.

Цѣна перваго выпуска „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

съ картою	2 руб. 50 коп.	безъ пересылки.
безъ карты.	2 — —	
Цѣна одной карты.	— 50 коп.	